

Э. СЕТОН-ТОМПСОН

Моя жизнь
Маленькие дикари

Маленькие дикари

Моя жизнь

Э. СЕТОН-ТОМПСОН

МОЯ ЖИЗНЬ
Маленькие дикари

Э. СЕТОН-

Моя
ЖИЗНЬ

Маленькие
дикари

Рассказы
животных

ТОМПСОН

МОЯ ЖИЗНЬ

МАЛЕНЬКИЕ ДИКАРИ

МОСКВА
ИЗДАТЕЛЬСТВО
ПОЛИТИЧЕСКОЙ ЛИТЕРАТУРЫ
1991

Текст печатается по изданиям:

Э. Сетон-Томпсон. *Моя жизнь*. М.; Л.: Детгиз, 1946.

Э. Сетон-Томпсон. *Рассказы о животных*. М.: Детгиз, 1955.

Э. Сетон-Томпсон. *Маленькие дикари*. М.: Детская литература, 1988.

Рисунки
Э. Сетон-Томпсон

Э. Сетон-Томпсон, знаменитый канадский писатель-натуралист, пожалуй, один из самых читаемых и почитаемых у нас литераторов. Тем не менее мы издаем новый сборник его произведений.

Не только потому, что наш современник все чаще стал вспоминать: помимо различных вожделенных "дефицитов", существуют такие ценности земного бытия, как вольный ветер, зеленая трава, чистая вода, полет птицы...

Не только в этом дело. Наш Пришвин написал в "Глазах земли": "Природа любит пахаря, певца и охотника". Эрнест Сетон-Томпсон, как и сам Пришвин, из редкой породы людей, единых в трех этих ипостасях: его детские увлечения охотой и орнитологией переросли в профессиональную научно-практическую деятельность, помноженную на литературное дарование.

В наш сборник включены широко известные произведения: литературная автобиография "Моя жизнь", яркая приключенческая повесть об "индейской жизни" мальчишек — "Маленькие дикари", заключают книгу шесть рассказов из числа ставших уже классикой новелл о животных. Однако в таком сочетании все это собрано впервые; надеемся, это неслучайное сочетание, помимо чисто литературных и познавательных достоинств, позволит более точно и полно выразить образ самого писателя, дух его времени, несколько искаженный экранизациями прошлых лет.

Этому будет, безусловно, способствовать оригинальное оформление, основанное на рисунках автора.

С $\frac{4703000000-226}{079(02)-91} 224-92$

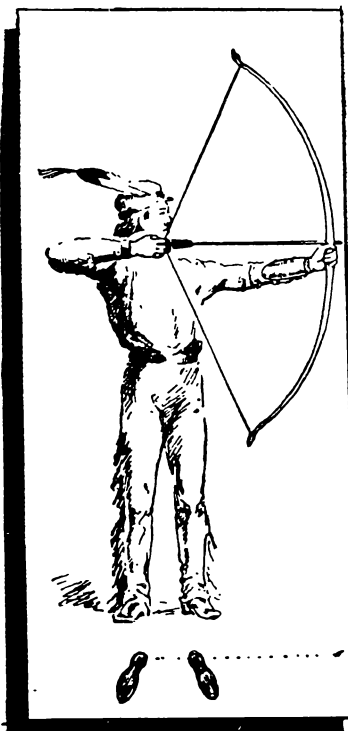
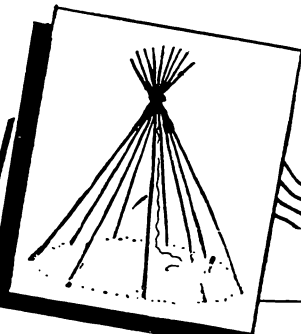
ББК 84.7Кан.

- © Перевод с англ.:
А. Макарова, 1991
Н. Темчина, 1991
Н. Чуковский, 1991
© Политиздат, 1991
(составл., худ. оформл.)

ISBN 5—250—01642—1

МОЯ ЖИЗНЬ

Из Англии в Канаду

Я родился на севере Англии, в приморском городке Саус-Шильдс, где издавна жили предки отца, выходцы из Шотландии. Мой отец владел несколькими судами, которые перевозили товары за океан. Дед и все его родственники были также судовладельцами. Однако отец пошел этой дорогой не по своему желанию — он подчинился воле деда. Ему хотелось стать инженером и заняться строительством железных дорог, но дед сказал ему:

— Все это глупости. Железные дороги — это лишь пустая болтовня, пошумят о них немного, и на этом дело и кончится. Пройдет года три, все о них забудут, и мы снова вернемся к лошадям и каретам.

Это было в 1837 году.

Дела моего отца шли довольно успешно, и когда в 1840 году он женился на моей матери, у него уже было достаточно средств, чтобы обеспечить семью. Прошло еще немного времени, и он выстроил себе каменный дом, где и появились на свет десять его сыновей, в том числе и я.

Я родился 14 августа 1860 года. Из окон нашего дома открывался очень красивый вид на поля и долины. Мы любовались стадами коз и овец, которые там паслись, и заслушивались песнями жаворонков. А в туманные вечера, когда кругом была мгла, к нам доносился с берега моря заунывный вой сирены и навевал тоску. В такие вечера я любил прислушиваться к тихому голосу матери, когда она рассказывала про старину.

В нашей семье жила память об одном замечательном предке, его называли Непобедимый Джорди. Он прославился своими замечательными подвигами в битвах за Шотландию.

Сколько раз в жизненных битвах, когда, казалось, все мои карты были биты и угасала последняя искра

надежды, я вспоминал рассказы матери об отважном предке и говорил себе:

”Он никогда не сдавался, никогда не терпел поражения, и я должен выйти победителем”.

И всегда эта мысль подымала мои силы и вселяла уверенность в мое сердце, а потом приносила победу в жизни.

Мне еще не исполнилось шести лет, когда дела моего отца пошатнулись, и мы уехали из Англии.

Как сейчас помню летний день 1866 года. Отец, мать, мы, десять сыновей, и кузина Мери Берфильд, приемная дочь моих родителей, — все в сборе перед отъездом. Перед моими глазами кучи ящиков, перевязанных крепкими просмоленными веревками. Потом дешевая гостиница в Глазго с неприятным запахом кошек — там мы прожили сутки, ожидая посадки на пароход ”Святой Патрик”, который должен был доставить нас в Квебек.

Помню, что на пароходе мы ехали три недели и что там было ужасно много крыс, и особенно их было много в зале по вечерам, где, мне казалось, они собирались, чтобы повеселиться.

От Квебека остались в памяти большая скала, заслонявшая окна гостиницы, в которой нас кормили кислым хлебом. Там я слышал, как рассказывали, что где-то недалеко у кузнеца жил ручной медведь. Но мне не пришлось его увидеть, о чем я очень жалел.

От Квебека до Линдсея (штат Онтарио) — конечной цели нашего путешествия — мы долго ехали поездом через болотистые места, поросшие лиственницами и соснами.

Особенно запомнился мне один вечер. Мы уже собирались ложиться спать, когда отец, выглянув в окно, позвал нас к себе. Я так и замер от изумления. Всюду в лесу сияли, мерцали, вертелись какие-то летающие огоньки, похожие на падающие звезды. Казалось, мы попали в сказочную страну.

Когда поезд промчался дальше и чудесное зрелище исчезло, отец объяснил нам, что это были не падающие звезды, а светлячки.

Июль и август 1866 года мы провели в городе Линдсее. Я очень хорошо помню его деревянные тротуары, огромные пни сосен, торчащие среди улиц, босоногих девочек и мальчиков, передразнивающих нас, потому что мы говорили не по-канадски, неугомонное стрекотание кузнечиков среди густых зарослей сорных трав и яблони, увешанные яблоками.

На ферме

Отец теперь решил заняться фермерским хозяйством и купил участок земли, расположенный среди леса, в трех-четыре мили от города. На усадьбе стояли небольшой бревенчатый дом и несколько сараев и навесов.

Осенью, вскоре после того как мы переехали на ферму, произошло одно событие, взволновавшее нас.

К нам прибежал сосед и закричал:

— Доставайте ружья — олень в нашем лесу!

Отец и старшие братья выбежали, захватив с собой охотничьи ружья.

Братья Вилли и Джо пошли с топорами.

Они срубили небольшое деревце.

Вдруг Вилли сказал:

— Посмотри, вон там олень.

И в самом деле, совсем недалеко стоял олень, насторожив уши, он сосредоточенно смотрел на братьев.

Джо сказал:

— Я сбегаяю за ружьем.

— Да ведь оленя не будет здесь через минуту! — прошептал Вилли.

— Я все-таки побегу, — настаивал Джо, — а ты последи за ним.

Когда Джо вернулся с ружьем, олень все еще стоял на месте и пристально смотрел на братьев.

Джо выстрелил и уложил зверя на месте — пуля попала в сердце.

Не прошло и получаса, как сбежались со всех концов люди и поздравляли брата с удачной охотой. Но потом вдруг в толпе пронесся шепот смущения — оказалось, что это был не олень, а беременная лань.

Я подошел к ней близко и обнял ее пушистую шею. До сих пор помню, какая она была нежная и мягкая. Глаза все еще казались осмысленными и живыми, хотя лань была уже неподвижна, как камень.

* * *

Бревенчатое здание школы находилось на расстоянии мили от нашего дома. Несмотря на то что мне было всего лишь шесть лет, меня посылали в школу каждое утро вместе с восьмилетним братом. Там я проводил шесть часов.

В этой маленькой школе была только одна печка, и сами ученики рубили дрова для нее и поддерживали огонь.

Как-то раз учительница сказала мне:

— Эрнест, положи вон тот сучок в печку.

Это было целое событие в моей жизни.

Я гордо прошел через весь класс, открыл дверцу печки и сунул сучок.

— Нет, — сказала учительница, — ты неправильно сделал. Джонни Блекуэл, покажи, как надо подкладывать дрова.

С надменностью, которая объяснялась превосходством лет и опыта — Джонни было уже шесть с половиной лет, — мальчик вынул мой сучок из печки, выдвинул кочергой горячие угли на решетку и осторожно сунул сучок. Потом он закрыл дверцы, открыл поддувало и, окинув меня презрительным взглядом, отправился на свое место. Этой обиды я долго не мог забыть.

В хорошую погоду мне было нетрудно дойти до школы, а потом пройти обратный путь домой. Но вот наступили холода, вода в канавах подернулась льдом, и скоро пошел снег. Сначала нам было очень весело бродить по свежему снегу. Потом погода становилась все холоднее и холоднее. Однажды в конце ноября по дороге домой я так озяб, что был не в силах двигаться дальше. Я лег на снег.

У меня осталось об этом смутное воспоминание. Помню только, что сначала мне было очень холодно, а потом очень захотелось спать. Брат Артур понял, что жизнь моя в опасности. Он стал кричать на меня, грозил мне, всеми силами стараясь заставить меня дойти до дома.

В эту зиму меня больше не посылали в школу.

Мать привыкла, что дом у нее — полная чаша, и обычно держала нескольких опытных помощниц. Теперь же все хозяйство она вела вдвоем с нашей кузиной Мери и даже сама доила коров.

Все наше многочисленное семейство ютилось в одной большой комнате бревенчатой хижины. За перегородкой в одном конце помещались мать с отцом, в другом — двоюродная сестра. Мы же, мальчики, размещались в гамаках или же уходили спать на чердак, где ветер гулял, как в поле, и снег засыпал наши постели.

В конце концов на остатки своего капитала отец стал строить большой дом. "Он должен быть просторным —

ведь здесь мы проживем всю нашу жизнь”, — все время повторял он.

В январе 1867 года дом был закончен, и мы переселились туда.

Я помню каждый его кирпич, каждую планку и до сих пор слышу запах извести и свежего дерева в сырых, холодных комнатах.

Пришла зима с сильными морозами, снег с каждым днем становился все глубже. Отец со старшими братьями отправлялся каждый день в лес рубить дрова. Мы же, младшие ребята, вчетвером оставались дома и играли в мастерской. Это была большая комната в северо-восточной части дома; она была предназначена главным образом для столярных работ, но здесь же мы научились, как обращаться с кожей, стеклом и металлом. Это была наша школа ручного труда. Мы всегда сами мастерили все, что нам было нужно для наших игр и занятий.

И как бы я хотел сейчас иметь некоторые из этих вещей, сделанных детскими руками, и особенно мою резьбу по дереву с изображением птиц и зверей!

* * *

В первое же лето на ферме я научился читать. Хорошо помню, с каким восторгом я прочел первую строчку в газете и с какой гордостью сказал своему сопернику Джо Блекуэлу, что я часто читаю газету. Но Джонни совсем не удивился, а только с пренебрежением сказал:

— Ну тебя, это неправда!

После мы с ним так сильно подрались, что нас пришлось разнимать.

Ученье давалось мне очень легко, и все учителя хвалили меня и говорили моим родителям, что я самый способный мальчик в школе.

В школу мы отправлялись ежедневно в восемь часов. Нам давали с собой завтрак, и почему-то он всегда был одним и тем же — сэндвич с мясом, сэндвич с джемом и крутое яйцо. В конце концов я возненавидел все это на всю жизнь.

Наши путешествия в школу не обходились без приключений. Нам обычно попадались навстречу стада коров и овец, в которых всегда были быки и бараны. Мы особенно боялись баранов, потому что они часто нападали на нас, и как только, бывало, увидим стадо, — отбегали на самый край дороги, чтобы дать ему пройти, или же прятались за изгородь.

Если вы думаете, что коровы — это просто коровы, вы ошибаетесь: коровы на нашей ферме были совершенно особенные. Я был в восторге, когда в первый раз встретил Дженни, нашу буренку со сломанным рогом, — я сразу увидел в ней героиню моих будущих рассказов, ту самую, которая забордала собаку.

Потом у нас была еще Черри, большая красно-бурая корова. Она давала очень много молока, и у нее была телочка Салли. Была корова Звездочка — мы называли ее так из-за белого пятнышка на лбу.

За свою жизнь я видел много коров, были у меня и свои, которых я сам доил, но ни одна из них не запечатлелась в моей памяти так живо и так ярко, как те, за которыми я ухаживал в детстве.

У каждого из нас, малышей, была корова, о которой он должен был заботиться. Наши обязанности состояли в следующем. Утром в восемь часов мы должны были отвязать свою корову и выпустить ее на скотный двор. И если, как это обычно бывало, она шла к колонке, мы должны были накачать достаточно воды, чтобы хорошо напоить ее. Зимой это было трудным делом — вода часто замерзала в колонке, и нам приходилось долго трудиться и отбивать лед, прежде чем напоишь свою питомицу.

После того как мы выгоняли своих коров, надо было почистить стойло и ясли. Отходы соломы из яслей шли на подстилку, а в ясли клали свежую солому. Вечером мы загоняли коров на ночь.

Все это как будто нетрудно сделать, но зима была суровая, а мы были плохо обуты и одеты, и не проходило дня, чтобы я не страдал от мучительной боли в окоченевших пальцах и не отмораживал себе нос и уши.

* * *

Долго-долго тянулась эта зима. В марте наконец пришел настоящий весенний день — сияло солнце, всюду таял снег, и небо было ярко-ярко-синее.

Маленькая птичка прилетела на тополь около нашего дома и тихо запела. Кто-то из старших мальчиков сказал, что это синяя птица. Мне показалось, что я видел ее синюю спинку. Снова и снова пела она свою нежную песенку.

Не знаю почему, но я вдруг разрыдался. Я был взволнован этой песней до глубины души. С тех пор каждый год я ждал свою синюю птичку и с ней весну.

Скоро весна завладела землей. В небесах и в лесу распевали и перекликались птицы, на пригорках шумели бурные ручейки.

В лесу появились какие-то маленькие цветочки. Мы их назвали "крапинками".

Я очень хорошо помню, как в один из этих весенних дней я нашел птенчика маленькой коричневой птички — ее гнездо было свито на самой земле, у ручья. Много лет спустя я узнал, что это был певчий воробей.

Мы пробовали сами устраивать гнезда на земле, подражая птичьим, и ждали маленьких гостей. Но, увы, напрасны были наши ожидания: все эти маленькие гнездышки на земле оставались пустыми.

Проще было дело с курами. Нам, детям, было поручено собирать куриные яйца. Чтобы легче найти, где несутся наши куры, мы устраивали им гнезда где-нибудь в укромном уголке и там обычно находили яйца.

Наш сарай был сложен из бревен и покрыт огромной соломенной крышей; эта крыша была излюбленным местом несушек, а значит — чудесным местом для нашей охоты за яйцами.

А кроме того, здесь можно было уединиться от всего мира и мечтать в одиночестве.

Как-то раз я лежал, вытянувшись, на спине и смотрел вверх. Огромные облака, словно высеченные из белого камня, плавно передвигались надо мной, порой заслоня лазурь неба. Порой они сталкивались бесшумно, потом расходились в стороны, и тогда открывалась бездонная синева.

И вдруг на этом великолепном фоне я увидел очертания двух чудесных птиц, и ко мне донеслись издали трубные звуки их голосов. Это были белые журавли — самые изящные создания из всего пернатого царства.

Торжественные, волнующие звуки их трубных голосов до сих пор отдаются эхом в моем сердце. Чего бы я не отдал, чтобы услышать их сейчас так, как я слышал тогда, и увидеть их теми же юными глазами!

Но, увы, я теперь стар, и волшебная птица исчезла, исчезла навсегда.

* * *

С весной наступала новая пора в нашей жизни, и, хотя мы все помогали в хозяйстве, это не мешало нашим детским похождениям.

Конечно, мы находили много птичьих гнезд и радовались каждой новой находке, особенно я — для меня это были сокровища. Вспоминая теперь свои детские переживания, я должен сказать, что гнезда с яйцами доставляли нам больше радости, чем гнезда с птенцами.

Только немногих птиц мы знали по именам: красногрудого дрозда, ворону, ястреба, сову, дятла, куропатку, голубую горихвостку, колибри. А как мне хотелось знать больше! Всем своим существом я жаждал этих знаний. Но у нас не было книг, и мы не знали никого, кто бы мог помочь нам в этом отношении.

Интересно, мучаются ли так и другие мальчики, как мучился я, когда становился в тупик перед неразгаданной загадкой. Когда я видел новую птицу, у меня захватывало дыхание и, казалось, волосы шевелились на голове, а когда птица улетала, оставив меня снова в неведении, я горевал, словно потерял близкого друга.

Наконец я узнал, что у некоего Чарли Фолея, хозяина скобяной лавки, есть птичьи чучела. Долго мне пришлось уговаривать родных, прежде чем я попал в город и встретился с этим замечательным человеком. Взволнованный, я прошел молча в его комнату через скобяную лавку, а там по стенам на деревянных полочках я увидел сорок или пятьдесят птичьих чучел.

Чарли Фолей мало говорил со мной, потому что с ним был его товарищ, охотник, и они беседовали о собаках. Но он мне назвал кардинала, лесную утку, голубого журавля, чайку, черную ласточку.

В комнате Чарли Фолея мне удалось разгадать одну загадку. Однажды в лесу мой брат выстрелил в сову. Птица упала с подбитым крылом, и мы ее принесли домой. Я хорошо запомнил ее желтые глаза и пушистые перья, помнил, как она шипела и щелкала клювом, когда я смотрел на нее издалека. Нам сказали, что это очень опасная птица. Я узнал ее среди чучел Чарли Фолея. Это была ястребиная сова — одно из самых безобидных созданий, которое обитает в темных лесах.

Названия птиц и их внешний облик глубоко запечатлелись в моей памяти. Как бы я хотел знать, жив ли еще Чарли Фолей и знает ли он, сколько радости доставил мне в тот день!

К нам часто заходил старый охотник Чарльз Пиль. Он мог часами сидеть у огня и говорить о старине.

Как я любил слушать его рассказы! Сколько медведей и оленей убил он! Что за ужасные чудовища были медведи в то время! И какой храбрый охотник был Пиль! Каждое его слово было откровением для меня, и я ужасно огорчился, когда на самой середине героического рассказа отец напоминал мне, что пора ложиться спать. Я уходил медленно-медленно, боясь рассердить отца, и ловил каждое слово этих чудесных рассказов. Я не сомневался, что медведей в те времена здесь были целые миллионы, а волков еще больше.

Однажды вечером, когда я ложился спать весь под впечатлением этих волнующих рассказов, я вдруг увидел при свете догорающей печки совсем близко около моей кровати голову волка. Я весь похолодел от страха. Волк в моей комнате! Я чувствовал, как волосы стали дыбом на моей голове. Но потом, немного придя в себя, я стал качать головой из стороны в сторону и обнаружил, что голова волка была всего лишь тенью на стене от моей головы и складок ватного одеяла, которое я надвинул себе на лицо. О своих страхах я никому не рассказывал до сегодняшнего дня.

Я никогда не терял случая побывать у Пилия. У него была очень большая семья — семнадцать детей. Мне было хорошо у них.

Там всегда было много интересного: шкурка енота, прибитая на стене сарая, пара оленьих рогов на гребне крыши. Я с волнением выслушивал рассказы о набегах рыси на курятник, где среди кур гордо расхаживал красавец павлин.

Однажды весной у охотника Пилия вороны высидели птенцов в ящике, прибитом на черном ходу. Я очень любил кормить этих воронят. Они никогда не отказывались от еды и готовы были проглотить мой палец вместе с лакомым кусочком.

Как-то раз одна из девочек сказала:

— Возьми к себе домой одного малыша.

Я с восторгом принял этот подарок. Всю дорогу домой я гладил и ласкал вороненка. Дома я посадил его в просторную клетку и кормил каждые полчаса.

На следующее утро я встал очень рано, чтобы досыта накормить своего крикливого питомца перед уходом в школу.

Весь день мои мысли летели к нему. Без минуты опоздания, ровно в четыре часа, я был дома. Я подбежал к клетке — на дне ее лежал мертвый вороненок. Слезы хлынули из моих глаз, и я не мог их остановить.

Вороненок умер от голода — его нужно было кормить каждый час, потому что в этом возрасте он очень быстро растет и требует много пищи.

Я рыдал и долго не мог успокоиться. Кузина Мери утешала меня и приговаривала:

— Почему же, почему ты мне ничего не сказал? Я бы накормила его.

Никогда не забуду одного дня моего раннего детства. Мы гнали коров с пастбища со старшим братом Джорджем и соседом Джимом Паркером. Пара ворон пролетала над нами. И вдруг с небольшого деревца сорвалась маленькая птичка, оглашая воздух пронзительным воинственным криком. Она кинулась сначала на одну, потом на другую ворону. Те бросились стремительно в сторону и улетели в лес.

— Кто это? — спросил я.

— Это королевская птица, — ответил брат. — Она заключает любую птицу.

— Королевская птица! — прошептал я в волнении.

Она жила до сих пор только в моих мечтах. Я думал, что это очень редкая птица дальних стран. Теперь я увидел ее собственными глазами у нас — она стала для меня реальностью. Она жила и сражалась с нашими воронами. Это было потрясающее, необычайное открытие.

С этого дня маленькая героическая птичка завладела моими мыслями. Я всегда преклонялся перед героями и включил ее в мой список "знатных". С каждым годом я узнавал все больше и больше о ней, и когда мне было шестнадцать лет, я написал героическую поэму "Королевская птица". Она была напечатана в 1879 году. Это было началом моей писательской деятельности.

* * *

Четыре года мы прожили на ферме среди лесов. На восток лес тянулся непрерывным массивом, и я не видел там ни просек, ни полян — только один дремучий лес. Мне казалось, что этот лес тянется до конца света.

Потом наступила большая перемена в нашей жизни. Отец не справился с фермерским хозяйством, и старшие братья один за другим занялись другой работой.

А однажды мать сказала, что мы скоро переедем жить в город Торонто. Я отыскал этот город на карте в школе и сказал своим товарищам, что мы теперь будем жить в городе "Оронто".

12 апреля 1870 года мы распрощались с нашей фермой и сели в поезд на вокзале в городе Линдсее. Мы ехали в Торонто.

Глава III

Природа в городе

Когда мы покинули нашу ферму и переехали жить в город Торонто, мне казалось, что я навсегда оторвался от природы. Но мечты с неудержимой силой снова и снова уносили меня в любимый мир. В памяти оживали дремучие леса, поля, населенные птицами, и маленькая комнатка Чарли Фолея с белыми стенами, на которых висело шесть полочек с чучелами птиц. Я мечтал, что когда-нибудь и у меня будет такая же комната с такими же полочками и на каждой из них будет стоять по чучелу.

Но чучела не сделаешь, не поймав птицы. Я стал расставлять сети, западни и пускать свои стрелы из лука.

Досадно бывало, когда поймаешь или увидишь незнакомую птичку и не знаешь и не можешь догадаться, как она называется, и ни от кого не узнаешь ее имени. Зато облик каждой птицы, которую я видел вблизи, долго жил в моей памяти.

На одной из улиц города мне посчастливилось найти мастерскую чучел, и я часами простаивал перед ее окном, прижавшись носом к стеклу, и любовался птицами.

Вскоре на этой же улице открылась еще одна мастерская чучел. На ее витрине было выставлено много птиц, и, к радости моей, под некоторыми из птичьих чучел были прибиты дощечки с названиями.

У брата моего товарища в застекленном ящике стояло чучело золотокрылого дятла — трофей его охоты. Юноша иногда пускал меня к себе в комнату и подробно рассказывал, как он подстрелил дятла. Я молча любовался красивым чучелом и жадно слушал его рассказы.

Один раз я заметил на пустыре птицу величиной с дрозда. Оперение ее было пепельно-серого цвета, с бронзово-желтым отливом на спине и голове.

Что это была за птица? Я так и не узнал тогда, несмотря на все старания. Но она была так хороша и так отчетливо запечатлелась в памяти, что десять лет спустя я узнал ее на иллюстрации одной орнитологической книги. Это был красный щур в своем первом оперении. Но в то время у меня не было ни одной книги об американских птицах, и я не знал даже, что такие книги существуют. Вся литература, которая мне попадалась в руки или о которой я слышал, была посвящена птицам Великобритании, и я блуждал, как в потемках, пробуя изучать птиц, которых видел вокруг себя.

В библиотеке моего отца было два толстых тома под названием "Иллюстрированный музей живой природы". Две страницы пояснительного текста следовали за каждым двумя страницами иллюстраций. Я снова и снова рассматривал, читал и перечитывал эти книги и все-таки всегда закрывал их с чувством разочарования — все эти красивые звери и птицы были не наши и жили где-то далеко за морем.

Моим любимым занятием было устройство птичьих домиков. Я мастерил ящики размером 6x8x10 дюймов и прибывал их к шесту, а потом прикреплял на крыше дома или сарая. И ко мне прилетали белогрудые ласточки, голубые горихвостки, домашние крапивники, черные ласточки и вили свои гнезда в моих домиках.

За нашим домом в Торонто был длинный ряд деревянных навесов, сараев, куч хвороста и тянулся фруктовый сад. Сюда прилетало много птиц из лесу. За ними охотились кошки — домашние, полудикие и совсем дикие.

Кошки ютились в стогах сена, под полом сараев и конюшен. Мы с братьями часто наблюдали издалека, как целые выводки котят грелись на солнце. Но стоило нам подойти поближе, как котята в испуге бросались в свое логовище, и мы легко узнавали, где они живут.

Как-то раз мне захотелось половить диких котят, и я устроил незатейливую ловушку из веревки, завязанной петлей и туго натянутой поперек входа в их жилище. Целое утро прослонялись мы с братьями в ожидании. Вот наконец котята вышли, чтобы погреться на солнышке. Мы бросились на них, а они, конечно, помчались домой. Один из котят, тигровой масти, попал в нашу ловушку. Веревка крепко прищемила его за задние лапки. Мы очень обрадовались нашей удачной охоте и думали, что добыча теперь достанется нам без труда. Но мы

ошиблись. Котенок визжал и рвался изо всех сил. Вдруг он прыгнул на старшего брата и одним ударом маленькой лапки оставил четыре глубоких раны на его руке. Потом он набросился на другого брата. Что нам было делать? Мы перерезали веревку и пустили котенка на все четыре стороны.

Прошло немного времени, и я задумал дать представление под названием "Дикий Запад". Для этого представления мне необходим был зверинец.

Наш кот Рыжий Билли — большой, оранжевого цвета, с коричневыми, точно у леопарда, пятнами на спине, — мне казалось, очень подходил для моего зверинца. Его нам подарил наш сосед шесть месяцев тому назад еще совсем маленьким котенком. Билли рос быстро, с каждым днем становился все сильнее. За последнее время он редко сидел дома по ночам, а все больше бродил с дикими кошками.

Я решил поймать Билли, разукрасить ему черными, как у тигра, полосами морду, уши и хвост, а также обвести черной краской пятна на спине. Тогда я мог бы его назвать Буола-Буола — дикая кошка.

Но сначала нужно было смастерить клетку. Я взял ящик, вырезал отверстие и подвесил дверцы с задней стороны, а с передней устроил решетку из толстой проволоки. "Из такой клетки ему не уйти", — с гордостью подумал я.

Билли не дичился меня, приходил на мой зов и охотно ел мясо из моих рук. Во время одной из кормежек я обхватил его руками под живот и за шею и потащил в клетку. Если бы вы знали, как он разжирел! Он втрое увеличился в весе за последних два месяца. Билли сильно упирался. Я старался уговорить его, гладил толстую морду и все приговаривал: "Мой славный котик, мой славный котик!"

Вот наконец и клетка. Я втолкнул Билли через открытую дверцу и плотно ее захлопнул.

Билли сейчас же почувствовал мое предательство. Рыча, он кинулся на решетку. Мне казалось, что она удержит любого зверя, но разъяренный Билли нажал на нее с такой силой, что решетка не выдержала — тонкая проволока соскользнула, образовалось большое отверстие, и мой Билли выскочил, как угорелый. Он никогда больше не приходил к нам в дом и совсем перестал доверять человеку. Время от времени нам случалось видеть его, но только издали — Рыжий Билли, красавец кот, теперь все время бродил со стаей диких кошек.

У нас развелось много крыс, несмотря на то, что при доме всегда было несколько кошек. Хорошо помню, как крысы убегали от нас целыми стайками, когда вечером с фонарем в руках мы подходили к сараю. Мы часто вспоминали маленького терьера, Снапа, нашего верного защитника от крыс, когда мы жили на ферме. Каждую ночь он выходил на охоту и каждое утро победоносно являлся с огромной бурой крысой в зубах.

”Как бы это поймать одну крысу?” — задумался я.

На рынке можно было достать крысоловки двух или трех видов. Но для этого прежде всего нужны были деньги, да и, кроме того, все они убивали, а мне нужна была ловушка, которая оставляла бы крысу невредимой. В конце концов я сам стал мастерить крысоловку. В дне бочонка из-под гвоздей я вырезал продолговатое отверстие размером 2х8 дюймов и заградил его решеткой из толстой проволоки. В противоположном конце бочонка должна была быть сооружена главная часть ловушки. Задача была нелегкой. От толстой дюймовой доски я отрезал кусок величиной в 20 x 14 дюймов, и посередине на расстоянии четырех дюймов от продольного конца я вырезал круглую трехдюймовую дыру. Внутри по ее окружности я насадил дюжину толстых проволок в полдюйма друг от друга. Каждая из этих проволок была длиной в десять дюймов и заострена на конце. Своими острыми концами проволоки были обращены внутрь бочонка. Таким образом, получился тоннель, который постепенно суживался. Доска прикрывала бочонок, как крышка, чтобы легко было открывать ловушку. Для приманки я припас несколько кусочков мяса, и моя ловушка была целиком оборудована. Я поставил ее под навес, где каждую ночь собиралась масса крыс.

На следующее утро, когда мы садились за стол к завтраку, отец спросил меня довольно многозначительно:

— Что это за животное у тебя в том бочонке, сынок?

Меня сразу бросило в жар. Я побежал к навесу. Там, неистово грызя железную решетку, сидела огромная бурая крыса. Моя ловушка удалась на славу! И пока я, не отрывая глаз, рассматривал своего разъяренного пленника, у меня вдруг возник вопрос: ”Что же нам делать с крысой?” Конечно, ничего не стоило убить ее в бочонке, но этого мне не хотелось.

— Ты бы отнес свою крысу к доктору Уильяму Броди, — посоветовал мне товарищ, — он все время просит,

чтобы ему приносили живой корм для гремучих змей — они у него в яме живут.

— Чудесно! Я так и сделаю, это будет интересно — как на арене боя в Риме во времена Нерона.

Итак, я покатил свой бочонок с крысой к дому, где жил доктор Броди.

Броди был зубным врачом. Свое дело он не любил, и немудрено, что оно у него не ладилось. Естествознание же увлекало его. Птицы, звери, пресмыкающиеся, цветы и всякие растения — все, что летало, ползало, росло среди дикой природы, поглощало его внимание. В городе он слыл за чудака, и злые языки говорили, что Броди любит своих гремучих змей больше всего на свете.

Когда доктор увидел мою крысу, у него глаза заблестели от радости. Он хотел уже было пустить ее в террариум к змеям, но потом вдруг остановился — слишком беспокойно вела себя крыса и все грызла, грызла и грызла железную решетку ловушки.

— Почем знать, кто из них возьмет верх? Легко может случиться, что гремучие змеи, вместо того чтобы полакомиться крысой, станут ее жертвой.

И старик пустил крысу в ящик, где валялся старый сапог.

Крыса покружилась немного по ящику, потом заметила сапог и шмыгнула в него. Из дырки показался хвост.

— Она может обидеть моих милочек, — сказал чудака старик, схватив крысу за хвост. — Этого я не допущу.

Броди взял старые щипцы из своего зубоврачебного кабинета и выдернул у крысы четыре резца — ее главное орудие борьбы. После этого он пустил крысу в большую четырехугольную яму, где жили гремучие змеи.

Мы подошли к самому краю ямы и следили с напряжением, не отрывая глаз.

Крыса забилась в самый темный угол ямы и глядела то в одну, то в другую сторону, видимо, стараясь оценить своих врагов.

Гремучие змеи свернулись в клубок, как только услышали топот лап и воинственное урчание крысы. Но крыса — это корм, а змеи были голодны.

И вот четыре великана высоко подняли головы, высунули языки и поползли вперед плавными медлительными движениями. Они наступали полукругом, медленно, но упорно, все ближе и ближе продвигаясь к добыче.

Тихое урчание было единственным ответом забившейся в угол крысы. Из беззубого рта сочилась кровь, но глаза горели воинственным блеском.

Играя в воздухе тонкими языками, змеи ползли и ползли. Вся насторожившись, крыса следила за ними, поворачивая голову то в одну, то в другую сторону. Она не тронулась с места, пока змеи не подошли так близко, что могли схватить ее.

Тогда крыса прыгнула. И четыре змеи отпрянули, как одна. Высокими прыжками крыса перебралась в другой угол ямы.

Снова змеи выстроились полукругом и поползли к своей добыче, подняв головы и размахивая высунутыми языками.

Снова тихое грудное урчание было боевым ответом крысы.

И на этот раз она не далась врагу — снова прыгнула и опять забила в темный угол ямы.

Борьба длилась долго.

Но один раз, во время прыжка над самой головой змеи, крыса на мгновение подставила свою грудь. И роковая минута пришла. Свернутая в спираль шея змеи мгновенно выпрямилась вверх, смертоносные зубы впились в тело.

Со смертельным ядом в крови отважная крыса бросилась на ближайшую змею, схватила своими беззубыми челюстями покрытую чешуей шею и крутила, крутила ее изо всех сил, пока не затрещали кости. В предсмертных судорогах змея забила хвостом и припала к земле. Крыса бросилась душить другую змею. И что из того, что та укусила ее, — все равно смерть близка, но живой она не сдастся врагу.

Теперь на очереди третья гремучая змея. Крыса не могла больше прыгать. Ее задние ноги были парализованы, но отвага оставалась несломленной. Больные челюсти не потеряли способности душить. Крыса порвала брюхо у извивающегося врага и перекусила ему спину уцелевшими зубами.

И теперь, волоча свои задние ноги, крыса добралась до четвертой змеи. И эта змея также укусила крысу. Минуты жизни крысы были сочтены, но отчаянная храбрость все еще звала ее к борьбе. И крыса, схватив змею за шею, кусала и душила ее, пока та не растянулась на земле.

Гремучие кольца на хвосте звучали все слабее и слабее. Это была предсмертная тихая песнь последней из четырех великанов-змей. И, вытянувшись, рядом лежала крыса — тихо, совсем тихо, сраженная смертью на поле битвы.

Мы стояли, оцепеневшие от страшного зрелища. Я весь дрожал, а Броди ломал свои костлявые руки и шептал, сам не понимая того, что он при этом чувствовал:

— О боже мой, боже мой, что за храбрость! Какая отчаянная отвага! Как я восхищен ею! Как я ненавижу ее! Она отняла у меня моих гремучих, и я так зол на нее... нет, я преклоняюсь перед ней!

* * *

Как-то раз один из моих товарищей по школе сказал мне:

— Почему бы тебе не отправиться в субботу в долину Дона? В этот день там собираются охотники и устраивают состязания в стрельбе. Для этой забавы туда привозят много живых птиц.

В чем заключалась забава охотников и как происходило состязание в стрельбе, я так и не понял. Но возможность увидеть много птиц была для меня очень заманчивой.

В ближайшую субботу сейчас же после завтрака я отправился в указанное место. Я нашел там небольшую кучку людей, вооруженных двуствольными ружьями. Телега, запряженная одной лошадью, стояла в стороне. На ней было множество клеток с птицами.

Небольшая площадка, огороженная веревкой, была отведена для стрельбы. Там я заметил две западни.

Я подошел к телеге. Билль Лон, охотник и птицелов города Торонто, снимал клетки, наполненные маленькими птичками. Птицы рвались на свободу, просовывали головы и лапки сквозь узкие отверстия решетки. Какой-то мальчуган стал тыкать в них палкой, стараясь загнать обратно.

— А ну-ка брось это дело! — прикрикнул на него Билль.

Я не отрывал глаз от клетки: там были снежные подорожники, чечетки и береговые жаворонки. Билль охотно рассказывал про птиц, и от него я узнал много интересного, нового.

Скоро началась стрельба.

— Подайся назад! — скомандовал Билль.

Помощник Билля посадил в западни, которые стояли на площадке, по птице. И как только охотник с ружьем наготове кричал: "Тяни!", дверца западни открывалась, и птица стремительно вылетала на волю.

Пиф-паф! — на снег падало искалеченное, окровавленное маленькое тельце.

Пиф-паф! — и около другой западни происходила та же трагедия.

Много птиц погибло в этот день на моих глазах. Их безжизненные тельца подбирал какой-то человек и складывал в корзинку.

— Для чего вы это делаете? — спросил я.

— Для чего, ты спрашиваешь? Мы их на кухню в больницу доставляем, а там из них варят супы для больных и готовят разные вкусные блюда. Иначе бы закон давно запретил эту игру.

На сердце у меня было тяжело, словно камень лежал, — я никак не мог понять этих людей.

Перед тем как идти домой, я спросил Билля, сколько ему платят за каждую пойманную птицу.

— Один доллар за дюжину снежных подорожников и по шестьдесят центов за двенадцать жаворонков или чечеток.

Я попросил продать мне трех птиц.

— Охотно, — ответил Билль. — Бери, какие тебе приглянутся.

Я выбрал жаворонка и двух чечеток. Мы посадили их в плетенку из-под клубники, и я побежал домой.

Еще когда мы жили на ферме, я заметил, что птица, посаженная в металлическую клетку, очень сильно бьется о ее проволочные стенки, вероятно, потому, что тонкая проволока решетки кажется ей ничтожным препятствием и она рвется на волю. Это всегда кончается смертью маленькой пленницы. Если же птицу посадить в клетку с решеткой из деревянных прутьев, она, конечно, тоже будет стремиться на свободу, но о стенки биться не станет, и это сохраняет ей жизнь.

Вернувшись домой, я тотчас же начал мастерить деревянную клетку. Сделал сначала основу клетки площадью 3х2 фута и 1 фут высотой. Из дранки я настрогал прутьев для решетки. Работая над клеткой, я придумал увеличить ее высоту посередине на один фут, чтобы дать возможность летать чечеткам. Таким образом, у жаворонка была достаточно большая площадь, чтобы бегать, а у чечеток — дополнительно к этому еще надстройка (1 футх1 фут), в которой я устроил жердочки.

Жаворонок все бегал взад и вперед по клетке, а чечетки летали, когда им хотелось. Мне доставляло большую радость кормить моих питомцев и угадывать, что они

больше всего любят. Их любимым лакомством была так называемая соловьиная смесь. Я готовил ее из гороховой муки, оливкового масла и желтка круто сваренного яйца. Все это я протирал сквозь дуршлаг, и в результате получалась червеобразная масса, которую мои птицы клевали с жадностью. Очень любили они также и канаречное семя.

Чечетки быстро стали брать корм из моих рук, и когда им попадались особенно лакомые кусочки, они сначала пробовали, а потом передавали друг другу.

Жаворонок же все дичился.

"Надо больше проводить с ним времени, — подумал я про себя, — тогда дело быстрее пойдет на лад".

С этой мыслью я перенес клетку в комнату, где спал и готовил уроки.

Чечетки меня очень радовали. С каждым днем они становились все доверчивее и начали садиться ко мне на руку. Тогда я выпустил их из клетки. В радостном возбуждении они летали по комнате, а потом одна из них опустилась мне на плечо. Я сидел на месте затаив дыхание. Вот прилетела и вторая. Так повторилось два раза. После этого я уже мог кормить их, когда они сидели у меня на плече.

Скоро чечетки стали откликаться на мой зов. Я очень привязался к этим милым доверчивым птичкам.

Совсем другим был жаворонок. Он продолжал дичиться и все бегал взад и вперед по своей клетке, издавая протяжный жалобный крик.

Приближалась весна. Малиновые шапочки чечеток становились все ярче и ярче. Жаворонок продолжал по-прежнему бегать взад и вперед по клетке, издавая свое жалобное "чип-чип".

Теряясь в догадках, как приручить своего жаворонка, я решил выпустить его из клетки и предоставить ему ту свободу, которую дал чечеткам. Я открыл дверцу и отошел в сторону. Жаворонок выскользнул осторожно, боязливо. Потом бросился вперед и с громким "чип-чип-а-тураль-чип" взвился вверх, как, бывало, подымался в небеса. И снова все с большей и большей силой, дико, слепо он поднимался вверх, пока не ударился о потолок и не упал замертво к моим ногам.

Я сидел, держа трупик жаворонка в руках, и плакал. Я не думал, что так получится. Мне так хотелось, чтобы он жил у меня! И пока я горевал, чечетки прилетели, вдвоем сели ко мне на плечо и щебетали какие-то нежные слова, которых я не мог понять.

Я открыл окно и осторожно спугнул их. Тихо напевая, они полетели в голубую даль — на север, к себе на родину, оставив меня в опустевшей комнате с мертвым жаворонком в руках.

Это был урок, которого я до сих пор не забыл.

Глава IV

Болото и остров близ Торонто

Только через год по приезде в Торонто мы с братьями узнали, что от пристани, которая находилась на улице Юнг-стрит, к острову курсирует маленький пароход "Бу-кет". Изредка, когда нам удавалось скопить десять центов на билет, мы, не помня себя от радости, садились на этот пароход и пускались в путешествие.

Самым большим удовольствием для моих братьев было купаться и ловить рыбу. Но меня влекли к себе птицы.

В камышах звенел голос болотного крапивника, краснокрылой американской иволги, и в песни их то и дело врывались громкие, раскатистые призывные крики какой-то птицы, которую я долго не мог определить¹.

Над пристанью и над хижинами у берега кружилось множество красногрудых дроздов-робин, мухоловок, белогрудых ласточек, а на отлогом песчаном берегу западного конца острова гнездились целыми тысячами береговые ласточки. Позже я узнал, что на самом острове в зарослях осоки обитали также прославленные певчие воробьи и береговые жаворонки. Весной и осенью появлялись мириады диких уток, гусей, куликов.

В Торонто было три известных охотника, которые существовали исключительно на доходы со своей охоты на птиц, — они поставляли дичь в рестораны и отели. Это были Билль Лон, Сэм Гамфрейс и Билль Ланг.

Я очень привязался к Биллю Лону. Это был замечательный спортсмен, очень талантливый и добрый человек, хороший товарищ и один из лучших естествоиспытателей Канады, хотя он никогда не вел никаких записей.

Зимой, когда озеро и болото были скованы льдом, Билль расставался со своим ружьем и ловил птиц сетями. У него была длинная сеть 10 на 30 футов, которую он сам

¹ Много времени спустя я узнал, что это была чомга.

сплел из тонких суровых ниток. Билль расставлял свою сеть на острове на открытом ровном месте. Для приманки он посыпал землю семенами и ставил около сетей в стороне клетку с заводной — приманочной — птицей. И всегда, когда прилетала стайка птиц, из клетки раздавалась призывная песнь.

Однажды он заметил, как сосновый сорокопут пробовал схватить приманочную птицу через решетку клетки. Билль передвинул клетку ближе к берегу, так, чтобы ее можно было накрыть сетями. Сорокопут снова набросился на пленную птицу. Билль дернул веревку, и сорокопут попался в сети.

— Я пробовал освободить его из сетей, — рассказывал Билль, — но сорокопут клевал меня так больно своим острым клювом, что изранил все руки, и мне так и не удалось достать его живым.

В начале зимы прилетали большие стаи подорожников. Билль говорил мне, что он всегда знал, когда они прилетят, потому что накануне появлялось очень много сорокопутов.

Подорожники были главной добычей Билля. Однажды он накрыл сетью четыреста семьдесят штук и за один день поймал их целую тысячу. В другой раз в его сети попались триста шестьдесят пять краснокрылых черных дроздов. Попадались также жаворонки и чечетки, но только в меньшем количестве.

В те дни в окрестностях Торонто летало довольно много орлов. Мы часто видели зимой, как они хватили мертвую рыбу в огромном озере Онтарио, которое редко покрывалось льдом.

У Билля было много интересных наблюдений над орлами. В лощине недалеко от берега озера стояла одинокая сосна. Она была излюбленным местом отдыха могучих птиц. Под этой сосной Билль построил себе низенькую лачужку и прикрыл ее ветками и травой. В течение месяца он отсутствовал. Но как-то на рассвете, когда Билль зашел туда, чтобы укрыться от града, он услышал, как орел опустился на сосну. Билль просунул ружье в щель стены и одним выстрелом сбил орла. Потом один за другим прилетело еще несколько орлов, и Билль убил их тем же способом.

Он рассказал мне также об одном трагическом происшествии с юношей, который охотился в этих местах. Юноша заметил орла на ветке дерева. Он выстрелил и ранил пернатого великана в крыло. Орел упал на

землю, потом он поднялся на ноги и бросился бежать вдоль берега. Охотник стал преследовать его и, забыв об опасности, подошел слишком близко. Своими могучими лапами орел схватил юношу и изо всей силы впился когтями в его тело.

На следующее утро друзья нашли юношу мертвым. Орел все еще продолжал держать его в своих когтях. По кровавым следам на земле можно было догадаться о страшной предсмертной борьбе, которая здесь произошла...

Заболоченные берега Дона в окрестностях города Торонто, оживленные множеством птиц, были излюбленным местом моих прогулок на протяжении восьми лет. Вернувшись из Лондона домой в 1881 году, я стал с особым рвением изучать птиц, которых было так много в этих местах.

После того как я прожил четыре года на северо-западе, я снова посетил любимое болото. Со мной был мой старый друг доктор Уильям Броди. Нас теперь особенно интересовала флоридская болотная курочка.

30 июня 1885 года я сделал следующую запись в дневнике:

"Солнце только что поднялось над горизонтом, когда мы пришли на болото, а птицы уже давно проснулись и отыскивали себе корм. Мы пробирались осторожно по болотным зарослям, выслеживая пернатых пловцов на открытой воде. Птиц здесь было очень много. Прерывистое криканье раздавалось с разных сторон, а время от времени среди хора птичьих голосов к нам доносились звуки какого-то протяжного, словно насмешливого, крика.

Несколько раз сквозь просветы в тростниках мы видели водяных курочек с выводками в пять-шесть птенцов. Когда мы приближались к ним, они переставали ловить ряску на открытой воде и прятались все дальше и дальше в тростники. Обычно, когда мы были невдалеке, курочка-мать что-то громко кричала, как будто желая нас предупредить, что хотя она и спряталась, но находится близко и следит за нами. Возможно, этим криком она также давала знать своим цыплятам об опасности и придерживала их около себя.

После ряда неудачных попыток нам наконец удалось подойти к стайке водяных курочек на расстояние сорока ярдов и подстрелить самочку. Несколько времени спустя мы добавили в наш ягдташ двух самцов. Самцы усердно

отыскивали себе корм у самого края тростниковых зарослей и были гораздо менее осторожны, чем их подружки. В ответ на каждый выстрел ружья раздавались громкие, раскатистые выкрики самцов, как будто они не в силах были сдержать свой смех, услышав этот слабый гром, которым кто-то пытался их испугать.

В течение этого утра мы застрелили на болоте пять флоридских курочек, а видели в пять раз больше. Непонятно, почему их считают редкими в этих краях.

Молодые были разных возрастов. У младших был более развит характерный для этого вида коготь на пальце крыла. Доктор Броди высказал предположение, что этот коготь помогает молодым курочкам пробираться среди зарослей травы.

Когда мы рассказали о своих новых наблюдениях профессору Торонтского университета Рамзею Райту, он сначала не поверил нам, но когда мы показали ему крыло курочки, он сказал, что это "открытие для науки".

Глава V

Счастливые дни

Однажды я прочел объявление, что вышла в свет книга доктора А. М. Росса "Птицы Канады" и что она находится в продаже в книжном магазине Пиддингтона.

На следующий же день, весь дрожа от волнения, я отправился туда. Да, она действительно была там. На ней была написана цена — один доллар. Чего бы я только не отдал за то, чтоб у меня был доллар! Если бы это была книга по искусству, я мог бы рассчитывать на помощь отца. Но отец был против моих занятий естественным, и я боялся обращаться к нему с этой просьбой. Я знал, что мне не на кого рассчитывать, кроме как на себя самого.

Никогда еще деньги не были для меня такой драгоценностью, как теперь. Я был готов заработать эти сто центов любым честным путем. Прежде всего я стал всем предлагать и наконец продал своих кроликов, чудесную пару, за пятьдесят центов. Половина необходимой мне суммы была выручена. Неделю спустя я предложил одной женщине свои услуги — перенести дрова с улицы во двор. Она заплатила мне десять центов. Теперь у меня было уже шестьдесят центов. Потом я продал все свои

камешки и получил еще двенадцать центов. Я искал работу. Я предлагал свои вещи барышникам. Наконец я стал собирать насекомых для одной англичанки. Прошло несколько недель, и я накопил девяносто центов. Но потом счастье изменило мне, и я никак не мог набрать остальных денег. Никому не нужен был мой труд, никто не хотел покупать мои ценности. Между тем не было дня, чтобы я не ходил к витрине книжной лавки Пиддингтона и не смотрел жадными глазами на чудесную книгу, которая должна была открыть мне все тайны природы.

Прошло целых два месяца, прежде чем мне удалось получить недостающие десять центов. Вот как это было. Мой брат Вальтер и я должны были ежедневно рубить определенное количество дров для кухни. Я аккуратно выполнял свою норму, Вальтер редко. Брат очень любил хорошо одеваться, я же обращал мало внимания на свою одежду. Чтобы заставить Вальтера хорошо работать, наш старший брат Джо однажды сказал, что он подарит новый красивый галстук тому из нас, кто ежедневно в течение месяца будет аккуратно выполнять свою долю работы. Вальтер принял этот вызов с восторгом — он мечтал о новом галстуке. Меня же эта награда мало привлекала.

Первые дни Вальтер горячо взялся за дело, но под конец месяца у него не хватило выдержки, и он отстал. Премия выпала на мою долю. Джо дал мне двадцать пять центов на руки, чтобы я сам выбрал себе галстук по вкусу.

Когда я шел в магазин, я думал про себя:

”Ни один человек в здравом рассудке не стал бы тратить 25 центов на галстук. Какой в нем толк?”

”Но, — заговорила моя совесть, — ведь эти деньги даны тебе на галстук”.

Немного погодя я стал опять колебаться:

”Пятнадцать центов — это прекрасная цена для галстука, и тогда у меня останутся на руках долгожданные десять центов”.

Я поддался соблазну. За пятнадцать центов я выбрал себе великолепный галстук — по белому полю маленькие розочки. Десять центов остались у меня.

Итак, у меня в кармане был доллар.

Звеня серебряными монетами, я смело вошел в книжную лавку, но должен признаться, что сердце билось у меня очень сильно.

— Пожалуйста, — сказал я продавцу, — дайте мне книгу Росса "Птицы Канады".

Он отвернулся с равнодушным видом. Как я боялся, что он скажет: "Ты опоздал: уже все распродано". Или же: "Цена поднялась до ста долларов".

Но он сказал холодным, безжизненным тоном:

— В зеленом или коричневом переплете?

Я с трудом прошептал:

— В зеленом.

Продавец взял одну книжку с полки, открыл ее, посмотрел что-то на обороте переплета и сказал своим монотонным голосом:

— Один доллар, десять центов долой за наличный расчет, итого девяносто центов. Будьте любезны.

Я выложил деньги, как будто в полусне, и чуть было не забыл взять свои десять центов. Схватив драгоценную книгу прежде, чем продавец успел завернуть ее, я убежал, боясь, что он вдруг заставит меня вернуться.

Как мне было досадно, что я раньше не знал о скидке при наличном расчете! Я ведь так страдал эти два месяца, тщетно пытаюсь достать десять центов. Счастливая минута могла наступить значительно раньше. Из-за этих никому не нужных десяти центов мне пришлось даже пойти на сделку со своей совестью. Но теперь книга моя. Я не сомневался, что владею ключом ко всем тайнам природы, что чудесный любимый мир не будет больше загадкой для меня.

Всю дорогу домой я шел медленно, уткнувшись носом в книгу.

Должен признаться, что я ждал от нее большего.

"Но это, наверное, не книга виновата, — утешал я себя, — должно быть, я просто не знаю, как с ней обращаться".

Я был на седьмом небе от счастья, хотя и немного разочарован.

По мере того как я все больше и больше обнаруживал слабые места книги, у меня росло желание внести в нее поправки. Эта книга — тот самый экземпляр — лежит до сих пор на моем письменном столе, и почти на каждой странице ее поправки и дополнительные заметки, вписанные пером. На иллюстрации положены краски. На белом листке в самом конце книги и на внутренней стороне переплета — мое добавление, озаглавленное: "Ястребы и совы (определитель птиц)". Эти страницы положили начало моей книге "Определитель птиц Канады".

В те дни Уильтон-авеню была фактически северной границей города. За ней уже были поля, потом кладбище, дальше лощины и темные леса, которые подступали к низменности Дона. Найдя эти чудесные дикие места, мне кажется, я пережил такую же большую, возвышенную и чистую радость, какую испытал Бальбоа, открыв Тихий океан, или же Лассаль, найдя Миссисипи. Они были мои, эти таинственные леса и лощины, мне принадлежала честь этого открытия!

Я приходил сюда каждую субботу, захватив с собой легкий завтрак и пращу. В одну из этих прогулок, огибая высокий холм, я попал в лощину и там увидел чудесную полянку, покрытую густыми зарослями леса. Я долго пробирался сквозь ее густую, свежую зелень, и, казалось, не было ей конца. Ручеек спускался небольшими каскадами, вода его была прозрачная, кристально чистая. И сердце наполнялось радостью от каждой песенки птицы, от цоканья белок.

Здесь не было видно следов человека — я не сомневался, что я первый посетил эти места. Этот райский уголок был мой!

Я никому не рассказал о своем открытии и всегда тайком уходил сюда. Здесь я решил выстроить себе хижину. На берегу ручейка, защищенном стеной зелени, мне казалось, будет хорошее место для моей хижинки: я хотел, чтобы хижина уходила до половины в землю, а для этого нужно было вырыть яму. А земля на этом берегу была особенная, там была голубая глина, и рыть ее оказалось трудным делом, особенно потому, что моя самодельная лопата работала плохо, а другой у меня не было. Я утешал себя мыслью, что индейцы всегда обходились самыми примитивными орудиями. Кроме лопаты у меня были еще молоток, ручная пила и дюймовое долото. Все это мне посчастливилось найти среди груды пепла на месте пожарища одной столярной мастерской. Рукоятки к этим инструментам я сделал сам.

Две субботы ушло на то, чтобы вырыть яму, которая должна была служить основанием моей хижины. Яма была десять футов в длину, шесть футов в ширину и три фута в глубину, конечно, только с задней стороны — с фасада хижина должна была стоять на уровне земли.

Теперь передо мной была новая задача — нужно было найти строительный материал. Камней здесь совсем не было. Деревьев в моем лесу росло много, но у меня не

было топора. Что же оставалось делать? Я стал подыскивать себе готовый материал.

В долине Дона, на расстоянии полумили от моего участка, была еловая роща, и там, скрытые в высокой траве, лежали кедровые сваи. Все они были восьми футов длиной, шести дюймов в диаметре. Это было как раз то, что мне требовалось, и, поскольку они лежали на моем участке, они принадлежали мне.

Я принялся перетаскивать кедровые сваи одну за другой на место постройки хижины. Наверное, каждая из них весила фунтов двадцать пять — так мне казалось в начале пути, но когда я подходил к голубому берегу, то эти сваи наверняка весили не менее пятидесяти фунтов — ведь мне было всего лишь четырнадцать лет и я был очень худеньким, хотя и выносливым мальчиком. По моим расчетам, мне нужно было двадцать свай. Я перетаскал их все двадцать за две субботы и совершенно выбился из сил. Теперь только я вспомнил, что мне еще нужен материал для крыши. Я начал поиски и нашел в лощине штук шесть сваленных бурей деревьев.

С этим материалом я принялся за постройку хижины. Работы я не боялся, мне уже приходилось плотничать, но как мне не хватало инструментов и как мне нужен был сильный товарищ!

Я начал выкладывать фундамент, подвел его вплотную к отвесной стороне берега. Потом я сложил боковые стены из восьмифутовых свай. В передней стене я оставил место для дверей шириной в два фута. Хижина получилась в длину десять с половиной футов. Для задней стены у меня не было подходящего материала — нужны были бревна в десять с половиной футов. Я снова отправился в лес на поиски и нашел пять бревен нужной длины. На углу хижины бревна легко укладывались крест-накрест, и тут я не встретил затруднений. Самое мучительное для меня было скрепить концы бревен на месте, где должны были быть подвешены двери. С большим трудом я наконец скрепил их клиньями, которые потом нужно было прибить гвоздями к притолоке дверей.

Гвозди! Как мучительно было прибегать к их помощи! Ведь индейцы совсем не знали гвоздей. Но что поделаешь, когда нет орудия, чтобы заточить деревянные шипы! Скрепя сердце я стал собирать старые гвозди и продолжал строить свою хижину.

Дверь мне удалось сделать следующим образом. На берегу реки я нашел доску шириной в двенадцать

дюймов. С грехом пополам я распилил ее на две части своей ножовкой и сбил вместе при помощи поперечных брусьев. На одной половинке двери я оставил два выступающих конца. У порога я продолбил дыру долотом и другую — вверх по прямой — на притолоке двери. Длинным шестом я приподнял перекладину и навесил дверь.

Сооружая крышу, я сначала положил поперек четыре длинных шеста, а сверху навалил много ивовых веток и травы, которую я нарвал в ближней долине.

После этого оставалось только заштукатурить хижину. Это была нетрудная работа сама по себе, но на нее у меня ушло много времени. Я тщательно законопатил мхом все щели, а потом замазал стены толстым слоем глины.

И вот моя хижина была готова!

Она стала настоящим жилым помещением, когда я поставил себе койку и сделал вертушку на двери, чтобы можно было запереть хижину.

Если бы вы только знали, как я был счастлив!

Я собирал ракушки, перья и всякие диковинки леса и раскладывал их по полочкам. Я воображал себя Робинзоном Крузо. Я играл в индейцев — бегал нагишом, с перьями в волосах и все точил свой старый нож, чтобы он стал настоящим охотничьим ножом и чтобы им можно было снимать скальпы.

Я научился шить мокасины из овечьей шкуры. Правда, они выдерживали не более двух-трех дней, но зато это были волшебные мокасины.

Я мечтал, что когда-нибудь мне удастся восстановить первобытную жизнь индейцев.

Однажды, после того как меня высек отец, я побежал из дому со всех ног. Мне хотелось навсегда покинуть родной кров. Было только одно место, где я мог найти себе приют, — это была моя хижина. Здесь я мог спокойно обдумать все, здесь можно было пожить некоторое время и подготовить побег.

Когда я стал приближаться к своему любимому уголку, боль в моей спине начала утихать и сердце наполнялось радостью. Пробираясь по лощине, я заметил большие следы человека, и мне стало как-то не по себе. Скоро следы пропали. А когда я подходил к зарослям, заслонявшим хижину, мне послышались чьи-то голоса. Я продолжал свой путь... И вдруг мое сердце замерло — я увидел, что в моей милой хижине трое бродяг играют в карты и пьянствуют.

Сейчас же я повернул обратно. Все мои мечты рухнули. Снова болело тело от ударов отца и тоской щемило сердце. Я отошел в сторону и в слезах упал на землю.

Прошло несколько недель, прежде чем я решился снова посетить свою хижину. Хижина была пуста, но в ней было грязно и неудобно.

Глава VI

Снова на ферме

В июле 1875 года после напряженных школьных занятий мое здоровье сильно пошатнулось. Врачи настоятельно советовали моим родным отправить меня куда-нибудь за город. Взволнованная состоянием моего здоровья, мать написала семье Блекуэл, новым владельцам нашей фермы, и просила оказать мне гостеприимство в их доме.

В ответ мы скоро получили сердечное письмо от мистрис Блекуэл, и через неделю я уже был на ферме.

Я приехал вечером, перед закатом солнца. Мне было грустно и как-то не по себе. За ужином я почти ничего не ел и мало разговаривал.

Мистрис Блекуэл поняла мое состояние.

— Он тоскует по дому, — шепнула она мужу.

Она позвала меня, провела в комнату, где я должен был спать, и поцеловала на прощание в мокрую от слез щеку.

Я не знаю, как это случилось, но на следующее утро грусть рассеялась, и жизнь опять улыбнулась мне.

Я проводил целые дни на свежем воздухе, помогая в фермерской работе семье Блекуэл, получал здоровую деревенскую пищу. У меня были новые товарищи — три мальчика и три девочки Блекуэл.

О своей жизни на ферме, о том, как мы играли и чем занимались, я подробно рассказал в книге "Маленькие дикари".

Я очень привязался к этой семье, и, когда наступило время возвращаться домой, в Торонто, мне стало грустно. Мне жаль было расставаться с привольной деревенской жизнью среди лесов и полей и не хотелось возвращаться в город, не хотелось подчиняться суровой воле отца.

Но потом я вспомнил свою мать — ее нежные заботы всегда так скрашивали мою жизнь, — вспомнил свои любимые книги, которые ждали меня дома, и грусть рассеялась.

С тех пор каждое лето я проводил в семье Блекуэл. Там я отдыхал на свежем воздухе и пользовался всеми благами деревенской жизни. Там я имел постоянную возможность наблюдать дикую природу, и мечты натуралиста все больше и больше овладевали мною.

* * *

С осенью 1875 года у меня связаны мрачные воспоминания. Моя хижина была разорена, в своей семье я чувствовал себя одиноким. Мне почему-то казалось тогда, что я не родной сын своих родителей, а подкидыш, которого они где-то нашли, и что я им в тягость.

Единственным утешением были для меня школьные занятия. Я уходил из дому рано утром и возвращался домой как только мог поздно. Уроки я готовил в своей комнате и работал очень усердно, особенно над математикой, которая всегда была моим слабым местом.

Спортивные игры совсем больше не привлекали меня. Школьные учителя не раз говорили мне, что я все худею и бледнею. По субботам я уже не уходил больше в дальние прогулки за город, у меня не хватало для этого времени. Все свое время я отдавал ученью. Я надеялся получить стипендию в университете и на эти средства самостоятельно жить. Всю свою энергию, все свои силы я отдавал этой цели.

На зимних экзаменах я получил похвальный отзыв, летние должны были решить мою судьбу.

Время экзаменов наступило. Я очень волновался и ни на минуту не отрывался от книг — все повторял, просматривал, учил.

Первые три дня прошли благополучно. На четвертый я заболел от переутомления. Предстоял трудный для меня экзамен, и, вместо того чтобы готовиться к нему, я сидел и бессмысленно смотрел на стену, а перед глазами то все кружилось, то было черно. И я бормотал про себя: "Я не могу заниматься, я не могу заниматься". Потом, словно в полусне, я слышал, как наша работница сказала: "Парнишка, видно, сильно захворал".

Сейчас же пришла моя мать, пощупала мой пульс, приложила руку ко лбу и сказала:

— У него высокая температура.

Послали за доктором.

— У него не только сильный жар, — сказал доктор, — у мальчика неблагоприятно с левым легким.

Меня тотчас же положили в постель. Оборвались мои экзамены и занятия в колледже.

— Его нужно отвезти куда-нибудь, ему необходима перемена обстановки, — советовал врач.

Куда? Этот вопрос решил я. Меня тянуло на ферму, в радушную семью Блекуэл, у них мне было хорошо.

На следующее утро, как только начало светать, мать пошла со мной на станцию. Брат Артур нес небольшую сумку с моими вещами. Она весила не больше десяти фунтов, но я был слишком слаб, чтобы нести ее.

Целый день меня трясла лихорадка в поезде, и никого из близких не было со мной. Я ехал один.

Поздно вечером случайный попутчик, один из наших бывших соседей, подвез меня к воротам усадьбы Блекуэл.

Я с трудом поднялся вверх по тропинке и постучал в дверь.

Радостные приветствия сейчас же сменились тревожными вопросами.

— Что с тобой, Эрнест? Ты заболел?

Я опустился на стул и сказал, что моя сумка внизу, у калитки, что у меня нет сил донести ее.

Неделю спустя мистрис Блекуэл писала моей матери: "Приезжайте скорее, он не жилец на этом свете".

Мать приехала с первым же поездом. Взволнованная, она подошла к моей постели и опустилась на колени. Она молилась так горячо, как я никогда не слышал, чтобы кто-нибудь молился. Она просила прощения за то, что плохо заботилась обо мне, просила вернуть мне силы и здоровье. Она молилась долго и усердно, и слезы струились по ее щекам.

Когда мать кончила молиться, она сказала мне:

— Завтра мы поедem домой. Бог услышит мою молитву.

На следующий день мы отправились в трудный путь — в Торонто. От станции до нашего дома — в первый раз в жизни — я ехал в экипаже.

Дома меня окружили лаской и заботой, прислушивались к малейшему моему желанию, считались с каждым капризом в еде. На время все домашнее хозяйство было перестроено, чтобы обслуживать меня и угождать мне.

Старик доктор сказал:

— Кормите его как можно лучше. Давайте все, что только ему захочется. Если паренек прибавит в весе, он будет жить, если нет — он умрет.

Помню, как я встал на весы в бакалейной лавке. Мне тогда было уже пятнадцать с половиной лет, а весил я только девяносто девять фунтов. И это во всей одежде. Через неделю я снова взвесился — весы показали сто два фунта.

Старый доктор сказал лаконически:

— Он выздоровеет, если только не будет рецидива.

Та зима была чудесным временем. За мной ухаживали, меня хорошо кормили, и я начал поправляться. Каждый день мать приготавливала для меня ванну и массировала мои худые руки и ноги. Каждый вечер она сидела у моей постели и подходила ко мне ночью, чтобы прислушаться к моему дыханию. И всегда она опускалась на колени у моего изголовья и тихо шептала молитву, боясь разбудить меня.

Когда я не спал, она молилась вслух.

* * *

Уже давно у меня была заветная мечта — иметь ружье. У всех моих товарищей были ружья, и каждую субботу они отправлялись за город на болото и там охотились. Но отец и слушать не хотел об этом, он всегда препятствовал всему, что способствовало моему увлечению естествознанием: он хотел, чтобы я был художником.

Теперь у меня появилась надежда уговорить отца. Я просил его разрешить мне охотиться с ружьем, после того как я выздоровею. Отец хотя и неохотно, но все-таки дал свое согласие, уступая главным образом просьбам матери, которая, как всегда, поддерживала меня.

Итак, разрешение на ружье было дано, правда, при условии, что я приобрету его на собственные средства.

Весной и осенью в наши края залетало огромное количество странствующих голубей. Охота на голубей была любимым занятием моих сверстников. Но я был лишен возможности заниматься этим спортом — у меня не было ружья.

Теперь, когда запрет был снят, я стал следить за дикими голубями с каким-то особенным интересом.

Я никогда не забуду перелета странствующих голубей 20 апреля 1876 года. Огромная стая голубей держала свой путь на север. Они летели, вытянувшись через все небо с востока на запад, покуда только глаз хватало, исчезая

дымкой у самого горизонта. В стае было сотни тысяч голубей. И вслед за ней через каждые полчаса появлялась еще и еще новая, столь же бесчисленная стая. И так на протяжении всего дня. Должен с сожалением сказать, что это был последний массовый перелет голубей, проследовавших над Торонто.

Глава VII

В лесной глуши

Солнечная, сияющая весна вступила в свои права, и мои силы стали быстро восстанавливаться. Я был уже на пороге юношества.

В июне пришло письмо от моей второй матери, мистрис Блекуэл: она приглашала меня приехать погостить к ним недели на две. Там в моем распоряжении было ружье мистера Блекуэла, и я мог охотиться сколько хотел.

Как раз в это время в тех краях появился Ларри Уитти, бывший работник моего отца. Теперь благодаря своему старшему сыну Тому он сам стал владельцем фермы, расположенной в глуши лесов, недалеко от водопада Фенелон-Фольс.

Ларри настойчиво звал меня к себе. Он рассказывал, что в их краях бродит много оленей, медведей и других диких зверей, что там много куропаток, диких голубей.

Я был покорен этими рассказами и в конце июня сел на пароход "Вандербильд", который отправлялся с пристани Линдсей. Через несколько часов мы причалили к берегам реки Гуль-Ривер, у Фенелон-Фольса. На пристани меня никто не встретил.

В кузнице мне сказали, что ферма Ларри Уитти находится в нескольких милях и что дорога идет лесом. Итак, с ружьем за плечами и со свертком в руках я двинулся в путь. Через несколько часов я остановился около деревянного домика — цели своего путешествия.

Я очень быстро подружился с Томом. Это был юноша с прекрасным сердцем и очень привлекательной наружностью. Он стал одним из моих героев. До сих пор стоит у меня перед глазами его красивое лицо, его мужественная манера держать себя.

Сенокос был в разгаре. Мы усердно работали вчетвером — Том, его две сестры и я, — пока не убрали все сено.

В конце июня, после уборки ячменя, Том заболел. Его то знобило, то он горел, как в огне. С каждым днем он чувствовал себя все хуже и хуже.

Неделю спустя Том сказал, что ему надо скорее ехать к матери в старую усадьбу, пока силы не оставили его совсем, а там мать выходит его. Мы все поддержали его решение.

Том уехал на следующее же утро, оставив нас троих с небольшим запасом провизии.

Не прошло и недели, как нас всех тоже стала трясти лихорадка. У Тома приступы были через день, а у нас ежедневно. Каждый день около двух часов начинался сильный озноб, и мы не могли согреться ни около огня, ни под одеялом. Нас знобило до семи часов вечера. После этого начинался сильный жар. Нас мучила жажда, и мы все пили воду и никак не могли утолить жажду. Около двух часов ночи температура спадала, и мы лежали обессиленные, в полудремотном состоянии до восхода солнца. Утром мне бывало немного легче, я собирался с силами, вставал и приготавливал для всех завтрак. Сестры Тома болели сильнее меня и совсем не вставали с постели.

У нас не было дома никакого лекарства, а в город мы поехать не могли, так как Том уехал на лошадях.

Как-то утром я добрал до дома моего товарища Билли Эллиса. Он жил со своей матерью на расстоянии полумили от нас. Когда я постучал в дверь их хижины, раздался слабый голос:

— Войдите.

Я застал Билли в кровати, он и его мать болели так же серьезно, как и мы.

У них тоже почти не осталось продуктов. Я не мог помочь им, они не могли помочь нам.

Когда остатки нашей провизии подходили уже совсем к концу, я отправился в лес в надежде подстрелить дикого голубя. Вот голубь опустился на верхушку дерева. Я тихонько подкрался и выстрелил. Одновременно раздался и другой выстрел, и молодой человек, с которым я как-то встречался, появился с противоположной стороны и подобрал убитую птицу.

— Стой! — крикнул я. — Это мой голубь.

— Почему он твой? — возразил юноша. — Ведь я подстрелил его.

После дружественных объяснений мы решили, что оба выстрелили одновременно.

— Но, — сказал он, — я подбежал к нему первый, да и, кроме того, он мне нужен больше, чем тебе.

— Как это так?

— Очень просто, — ответил он, — всю нашу семью трясет лихорадка, все расхворались, а дома никакой еды, хоть шаром покати.

— А как насчет лекарства?

— Ничего, кроме пипсисева... Правда, это хуже, чем хина, но все-таки оно помогает лучше всех других средств.

Билли собрал для меня это растение в лесу и сказал, чтобы я изготовил крепкую настойку и пил ежедневно.

— Пейте каждый день и каждый час. Это средство я узнал от индейцев.

Итак, я отправился домой с пучком дикой травы, из которой я приготовил целебный напиток.

Через неделю у нас кончилась вся мука. Свиная грудинка тоже подходила к концу. Остались только картофель, чай да несколько яблок.

Так мы прожили еще одну неделю. А силы с каждым днем убывали.

Однажды утром, в часы, когда мне было лучше, я потихоньку побрел к озеру, чтобы подышать чистым воздухом. Добравшись до берега, я сел на бревно.

Вдруг я услышал какой-то странный шум и через минуту увидел огромную черную змею, извивающуюся среди валунов и бревен.

Вот она заметила меня и высоко подняла свою страшную голову.

Я вижу ее открытую пасть, передо мной мелькает ее тонкий язык, я слышу, как она бьет своим длинным-предлинным хвостом, словно гремучая змея.

Змея учуяла меня: голова поднялась выше, язык завертелся быстрее, потом она медленно опустилась вниз и уползла прочь, извиваясь среди камней, словно свинцовый поток.

Потом она еще раз подняла голову высоко над кустом и вертела, дразнила длинным языком. Потом снова опустилась вниз и заползла в дупло. Голова вперед, тонкое тело свертывается кольцом, все туже и туже забиваясь в дупло.

Только хвост извивается на песке.

И вдруг меня толкнуло какой-то неудержимой силой. Я схватил по камню в одну и другую руку и прыгнул обеими ногами змее на хвост. Я топтал, топтал его, пока

не раздавил совсем. Потом я придавил змею камнем, чтобы она никуда больше не уползла.

Целый день мне чудилась страшная змея. Всю ночь, забывшись в тяжелом сне, я боролся с ней.

* * *

Медленно тянулись дни, а ночи еще медленней. Сил с каждым днем становилось все меньше. Я теперь почти не вставал с постели. Единственная моя надежда была на то, что скоро вернется Том.

В тот день, когда мы съели последний кусочек сала, я взял ружье — никогда еще оно не казалось мне таким тяжелым — и с трудом добрался до амбара, где бродило около десятка наших кур. Не знаю, как мне удалось подстрелить одну курицу, — у меня все кружилось и ходило перед глазами.

За обедом мы ели вкусный куриный суп с картофелем, и каждый получил по кусочку курицы. Остатки курицы я положил на блюдо и поставил на стол в своей комнате. По горькому опыту я знал, что около двух часов у меня начнется приступ лихорадки, и я готовился к этому. Изо дня в день я выносил свои одеяла, чтобы проветрить на солнце. То же сделал я и теперь.

Потом я принес ведро с водой и поставил его на стул около кровати, вечером у меня поднималась температура и мучила жажда. Сестрам Тома тоже приготовил воду.

И в этот день все было, как обычно. Сначала я дрожал от озноба, так что зуб на зуб не попадал и подо мной тряслась кровать. Я начал глотать настойку из пипсисева, но не верил, что от нее будет польза.

Озноб кончился около семи часов вечера, а затем, как всегда, сильно подскочила температура и началась страшная жажда. Я все время пил воду и метался в жару.

Около полуночи температура упала, и я в изнеможении заснул.

Уже перед рассветом, когда я проснулся, мне показалось, что кто-то возится и что-то грызет. Я повернулся в ту сторону, откуда доносился звук.

К ужасу, я увидел какого-то большого зверя, похожего на кошку. Он сидел на столе и доедал половину курицы, которую мы оставили для себя на следующий день.

Я приподнялся с постели и закричал. Зверь глухо зарычал, потом спрыгнул на пол и проскользнул в отверстие между бревнами.

Я покрылся холодным потом.

Рысь!

Мы не спали до утра. Когда рассвело, можно было подумать, что мне приснился страшный сон, если бы не пустое блюдо, которое убедительно доказывало, что рысь была наяву.

На следующий день я опять подстрелил курицу, набрал кое-каких щепок, чтобы затопить печь (колоть дрова у меня уже не хватало сил), и сварил обед. Отверстие между бревнами, в которое проскользнула рысь, я тщательно заткнул. А курицу я на этот раз спрятал в шкаф под замок. Как будто я был готов ко всему. Только как быть с оружием?

Мне не хотелось стрелять с доме из ружья, да и патронов оставалось немного, а они мне были нужны, чтобы подстреливать кур.

В одном из углов хижины стояла старая острога, словно копьё с тремя остриями. Ее обычно доставали весной, когда отправлялись на рыбную ловлю.

Я взял острогу, наточил напильником острия и поставил у изголовья своей кровати.

День и ночь прошли как обычно. Озноб сменился приступом лихорадки. В часы облегчения я забывался в тревожном сне, просыпаясь от каждого шороха все с той же мыслью: "Не рысь ли это?"

Но рысь не появлялась.

Так прошли три мучительных дня и три мучительные ночи.

На четвертый день, когда я задремал после обычного приступа лихорадки, мне послышалось, что кто-то лакает воду.

Я открыл глаза и повернул голову.

И что же?

Я очутился лицом к лицу с рысью.

Она взобралась всеми четырьмя лапами на стул около моей кровати и лакала воду из ведра. Ее глаза горели хищным огоньком совсем близко от меня.

Я вскрикнул. Рысь спрыгнула на пол и глухо зарычала.

— Джен! Кэт! — закричал я сестрам Тома. — Рысь опять здесь, в моей комнате!

— Да поможет тебе бог, мы бессильны что-нибудь сделать.

И я услышал, как захлопнулась дверь и щелкнул замок. Дрожа от страха и слабости, я встал и взял свое

копье. Потом зажег свечу. Передо мной была полосатая, как у тигра, голова рыси, ее уши были загнуты назад, так что кисточек не было видно.

Держа свечу в одной руке, с острой в другой, я устремился на врага. Рысь прыгнула, минуя меня, на кровать, потом на стол. До меня донеслось ее глухое грудное рычание, я видел, как она воинственно машет хвостом.

Я уже готов был кинуться в атаку, но рысь проскользнула мимо меня и скрылась под кроватью, откуда слышалось ее глухое рычание.

Я поставил свечу на стол. Огонь заблестел в глазах хищницы. Рысь продолжала рычать. В соседней комнате, рыдая, молились сестры Тома.

Собрав все свои силы, я метнул свое оружие в темноту, чуть пониже горящих глаз.

Удар попал в цель.

Раздался дьявольский вой. Отбиваясь всеми силами, хищница протянула лапу, стараясь дотянуться до меня. Я налег всей тяжестью на острогу, чтобы удержать страшную кошку. А она рычала, рычала и все порывалась вцепиться в меня. Я слышал, как острые зубы грызли древко остроги, и видел, как цепкая лапа все тянулась и тянулась ко мне. Рысь извивалась, вертелась то в одну, то в другую сторону, стараясь сбросить копье.

И вдруг раздался треск. Сломалась острога, как раз в том месте, где острие насажено на древко.

Рысь вырвалась на свободу.

Она помчалась со всех ног, быстро-быстро, проскользнула в новую лазейку между бревнами избы и исчезла.

Больше мы ее никогда не видели.

Я упал на кровать, почти не сознавая, что творится вокруг меня.

* * *

Весь август продолжались наши мучения. С каждым днем нам становилось все хуже. Никто не навещал нас. А мы почти не вставали с кровати. Около амбара все еще бегали куры, но мне нечем было зарядить ружье.

В отчаянии мы ждали своей гибели.

Но как-то в вечерние сумерки послышался грохот колес на дороге и топот лошадиных копыт. Потом раздался веселый голос у наших дверей.

— Алло! Где же вы? Можно подумать, что здесь в живых никого не осталось.

На пороге появился Том.

— Да, Том, ты почти угадал.

— Боже мой, боже мой! — с волнением повторял Том, подходя то к одной, то к другой кровати. — Почему же вы не дали нам знать?

— Как мы могли сделать это? Ведь ты сам знаешь, что не было возможности: лошадей дома нет, и мы отрезаны от всего мира.

Том вышел с фонарем. Скоро он вернулся с охалкой дров в руках и растопил печку. Пламя весело загудело. Потом Том снова вышел, принес двух кур и достал провизию из тарантаса. Прошло немного времени, и он угостил нас ужином, который показался нам просто роскошным.

В десять часов вечера, к нашему большому удивлению, Том сказал:

— Теперь, друзья, я еду обратно. Не горюйте, я дам знать матери, она вас быстро выходит. Она будет здесь завтра около полудня.

Том вскочил в тарантас и поехал в старую усадьбу — ему предстоял длинный путь.

Когда на рассвете он постучал в двери, выбежала его мать. Она сразу поняла, что не все благополучно.

— О боже мой! Ты привез дурные вести? Наверное, кто-нибудь умирает? Что случилось, Том?

Том постарался успокоить мать. Она быстро оделась и стала собирать лекарства и разные вещи, необходимые для ухода за больными. Через час она уже сидела в тарантасе и погоняла усталых лошадей. В полдень следующего дня она появилась в нашем забытом уголке, словно добрая волшебница, и окружила нас материнской заботой.

Теперь мы были сыты, регулярно получали лекарства, жизнь наша наладилась.

Обеспокоенная моим состоянием, добрая женщина написала моей матери:

”Ваш сын заболел злокачественной лихорадкой. Ему необходим очень внимательный уход. Мой совет — взять его домой”.

Итак, моя мать снова поспешила ко мне на помощь.

Я никогда не забуду этой поездки домой. Мы ехали на пароходе от Фенелон-Фольс до Кобоконка. Кругом стоял лес, чаруя осенними красками.

В Кобоконке мы пересели на поезд и вечером уже были в Торонто.

Первые шаги по тропе художника

В сентябре 1876 года я нашел мертвого ястреба недалеко от того места, где раньше была моя хижина. По-видимому, охотник подстрелил хищника, но не смог найти свою добычу. Для меня это была драгоценная находка.

Я понес ястреба домой, любуясь его красотой. Мне захотелось нарисовать его на полотне масляными красками — наша соседка, художница мистрис Макгорн, дала мне несколько уроков по живописи, так что я немало владел этим искусством.

Я сделал чучело и смастерил себе раму с зажимами, которая держала птицу как бы в полете.

Две недели с увлечением писал я портрет ястреба. Выводил каждое пятнышко, каждую полоску, и тот, кто видел натуру, сразу узнал бы ее на полотне.

Эта картина и сейчас передо мной. В свете моих теперешних знаний и художественного опыта я сказал бы, что слишком много уделял тогда внимания деталям, в ущерб характерным линиям и форме. И все же я должен сказать, что это была добросовестно написанная картина, и она дорога мне тем, что была *первой* на пути моих новых исканий в юношеские годы.

Да, мои домашние были неизменно против моих занятий натуралиста, но любовь к естествознанию разгоралась во мне все с большей и большей силой.

Я полюбил дикую природу с детства, когда мы жили еще в лесной глуши. И теперь, в Торонто, эта любовь не погасла, несмотря на скудную природу окрестностей города и препятствия, которые я все больше и больше встречал со стороны отца.

Мне не раз приходилось слышать и читать о юношах, которые мечтали стать художниками, но им приходилось выдерживать упорную борьбу с семьей, особенно с отцом. И только однажды мне пришлось столкнуться с исключением из этого правила — сын не хотел быть художником, но отец заставил его остановить свой выбор на этой профессии.

С детства я мечтал стать естествоиспытателем, но отец заявил мне:

— Это профессия без будущего, без перспектив. У тебя есть дарование художника, и ты станешь художником.

Никто в нашей семье не решился бы возражать отцу, а тем более перечить его воле. Профессия натуралиста стояла у меня на первом месте, профессия художника — на втором. Но мне не пришлось выбирать, отец решил за меня, и я должен был стать художником.

Не могу сказать, чтобы этот выбор был в тягость мне — у меня было художественное дарование, и в школе мои рисунки всегда выделялись среди других.

Осенью 1876 года, когда мне исполнилось шестнадцать лет (ростом я был почти шести футов, но худ, как тростинка), я стал серьезно подыскивать себе работу.

Я делал зарисовки зданий, разных предприятий и магазинов. Один или два из этих рисунков у меня приняли для рекламы. Я раскрашивал фотографии, но в этом деле не преуспел.

Я рисовал с натуры зверей и птиц. Рисунки получались довольно интересные, но и только — ничего замечательного в них не было.

В нашем городе было несколько художников-портретистов, хорошо известных местным жителям. Я показывал им свои наброски, они хвалили меня, но никаких предложений мне не делали.

Про одного из этих художников в городе ходила интересная молва. Его отец был инженером-строителем, в семье было заранее решено, что сын пойдет по дороге отца и будет его помощником. Так сначала и было. Но когда юноше исполнилось двадцать лет, он решил попробовать свои силы как художник. Он купил себе ящик с красками. Отец стал позировать для него. Через несколько недель портрет был готов. Сходство получилось безукоризненное. Портрет был великолепен в каждой детали и прекрасен по колориту. Неудивительно, что он вызвал общее восхищение.

Ободренный успехом, юноша решил ехать за границу, чтобы там усовершенствовать свое мастерство. Через год он вернулся в Торонто и открыл студию художника-портретиста. У него была лучшая клиентура города, и ему платили самые высокие цены за картины.

Но как ни странно, он не нарисовал больше ни одного портрета, который мог бы сравниться с портретом его отца. Он работал много и усидчиво, но редко писал портреты с натуры — почти все его портреты были срисованы с фотографий. Все на одном и том же фоне, в одном и том же освещении, с одной и той же схемой

раскраски лица. Главное, к чему он стремился, — это заработать побольше денег.

Этот молодой художник был на вершине своей славы, когда я пришел к нему со своими набросками животных и птиц. Он был очень любезен и внимателен ко мне, сказал, что анималистическая тематика очень хорошо удается мне, и предложил поступить к нему в студию в качестве ученика, без заработной платы, сроком на два года. Моя помощь в делах мастерской должна была засчитываться как плата за обучение.

Так начался новый период моей жизни. Не прошло и трех месяцев, как я постиг все, чему можно было научиться в этой портретной мастерской.

Здесь все делалось по шаблону. Вот, например, человек хочет заказать свой портрет. "Хорошо, — говорят ему, — только пришлите вашу самую лучшую фотографию, на которой вы улыбаетесь, обязательно en face. Вместе с фотографией пришлите точное расстояние от уголка вашего глаза до уголка вашего рта".

За два года, которые я провел в этой студии, я не слышал ни одного слова, которое имело бы отношение к настоящему искусству. Мой учитель не был художником в истинном значении этого слова.

Мне пришлось познакомиться с одной очень своеобразной отраслью "искусства".

В верхнем этаже здания, в котором находилась наша мастерская, помещалась знаменитая академия бокса Джека Скиллинга. Многие из друзей моего хозяина часто заходили туда либо за советом, либо просто ради развлечения. Однажды один из завсегдатаев академии пришел к нам с подбитым глазом.

— Зайдите-ка в студию, — пригласил его мой хозяин, — мы тебе это дело устроим.

Хозяин подробно проинструктировал меня, как загриривать ушиб.

И вот я попросил пострадавшего лечь на спину и закрыть больной глаз. Потом я достал телесного цвета краску и наложил ее слоем на почерневшее, позеленевшее веко. Затем хорошенько припудрил сверху, чтобы придать гриму матовый оттенок, как у кожи. И все оказалось в порядке. Молодой человек, веселый и довольный, распрощался с нами.

— Слушай, — сказал мне хозяин, — я не против того, чтобы ты зарабатывал немного этим способом. Запомни только: если придет богатый человек, бери с него два

доллара. С бедного, но уважаемого клиента можно брать от пятидесяти центов до доллара. Если же явится какой-нибудь забулдыга, скажи ему: "Мы такими вещами не занимаемся. Обратись-ка, любезный, вон в ту мастерскую, за углом. Может быть, они тебе помогут".

Так я начал зарабатывать деньги. Правда, этот доход был невелик, но он был единственным, и я прилагал все старания, чтобы лучше заgrimировать ушибы своих клиентов.

После двух лет бесплодных ожиданий чего-то лучшего в моей жизни и ученье я наконец стал посещать вечерние классы художественной школы Онтарио. Здесь преподавали лучшие художники города. Эта школа мне очень понравилась. Я с увлечением работал и быстро совершенствовался в живописи и рисунке.

В 1878/79 учебном году мне дали золотую медаль за выдающиеся успехи. Я очень гордился этой наградой, гордился ею и мой отец.

Воспользовавшись благоприятным моментом, я сказал отцу:

— Я занял первое место в лучшей художественной школе Канады. Теперь, чтобы действительно стать художником, я должен сделать следующий шаг — ехать в Лондон и там совершенствовать свое мастерство.

Отец ответил:

— Я согласен отпустить тебя в Лондон, на год во всяком случае. Мы тебе будем посылать деньги — сколько именно, сейчас не скажу, мне надо будет посоветоваться с твоей матерью и братьями. Во всяком случае, это будет небольшая сумма, и должен тебя также предупредить, что ты получишь ее взаимобразно.

На какую именно сумму я мог рассчитывать, отец так и не сказал. Но мать заметила мое недоумение и шепнула:

— Мы постараемся высылать пять фунтов стерлингов, если только нам удастся их сэкономить.

12 июня 1879 года я, долговязый, нескладный юноша, стоял на палубе парохода "Алжир", который должен был доставить меня к берегам Англии. Мои родители и братья пришли на пристань. Когда пароход снялся с якоря, я почувствовал, как что-то словно сжало мне горло и глаза стали влажны.

Я помахал рукой на прощанье и не сводил глаз с берега, пока белый платочек матери не затерялся в толпе.

Жизнь в Лондоне

Впервые я почувствовал себя вполне самостоятельным человеком в Лондоне. Один, без семьи, я сам теперь отвечал за каждый свой шаг.

Я снял небольшую комнату и сейчас же занялся устройством своих дел.

Прежде всего нужно было выбрать художественную школу — ведь я приехал сюда учиться. Школа в Саус-Кенсингтоне мне понравилась, но плата за ученье была слишком высока. Королевская академия была лучшей художественной школой, и там обучали бесплатно. Но поступить туда было очень трудно — выбирали лучших из лучших. Нужно было сдать экзамен по очень строгому конкурсу и представить большой, хорошо выполненный рисунок с какой-нибудь античной скульптуры. Меня всегда увлекала большая игра, и я поставил себе целью поступить в академию.

В Британском музее можно было встретить сорок или пятьдесят студентов, воодушевленных теми же надеждами. И вот я занял место среди них в конце галереи и стал рисовать статую Гермеса.

Принялся я за работу горячо и просиживал там ежедневно с девяти до четырех часов. Меня немного смущало то, что большинство студентов были лучше подготовлены к конкурсу, чем я. По моим расчетам, в разных школах Англии готовилось по меньшей мере двести студентов, а вакантных мест было всего лишь шесть или семь. Надо было работать, не теряя ни одного дня.

За мольбертом рядом со мной сидела красивая девушка моих лет, уроженка Лондона. Она часто подбадривала меня ласковым словом, видя мое смущение в обществе нарядных и выхоленных жителей столицы.

Первый рисунок Гермеса был представлен мною в академию в декабре. Но он не прошел по конкурсу. Через год я послал вторую работу — рисунок скульптуры "Сатир" Микеланджело. В декабре 1880 года из ста студентов, подавших заявление, я попал в число шести удостоенных стипендии в Школе живописи и скульптуры при Королевской академии. Я получил студенческий билет, выгравированный на слоновой кости. Этот билет давал мне целый ряд привилегий. Теперь я получил право посе-

щать бесплатно зоологический сад, где в то время была лучшая в мире коллекция диких животных. Много счастливых часов провел я там, рисуя зверей.

Но материальное положение было очень тяжелым. Деньги из дому приходили нерегулярно; мне удавалось немного подрабатывать иллюстрациями к книгам, но этого было мало. Приходилось экономить во всем. Мясо было слишком дорого, и я от него отказался. Обычно на завтрак у меня были каша с молоком, чашка кофе и кусочек хлеба с маслом. Кофе я сам для себя заготавливал из отрубей, патоки и толченых бобов, все это я перемешивал, месил, а потом запекал в твердую массу, предварительно разделив тесто на кусочки величиной с орех, рассчитанные на чашку кипятку. Такой напиток по виду и вкусу напоминал настоящий кофе.

В перерыве во время работы в музее я съедал обычно полфунта белой фасоли, а иногда заменял этот завтрак горсточкой изюма или фиников.

Вернувшись домой, я ел свой незатейливый обед — похлебку из хлеба с молоком. Изредка я позволял себе добавить кусочек хлеба с маслом.

Мои расходы на питание не превышали двух долларов в неделю. За комнату с услугами я платил полтора доллара.

Завтракал я в семь часов утра. После этого гулял в парке до начала занятий в музее, который открывался только в девять часов. Домой обычно возвращался в пять часов и после обеда снова принимался за рисование — зарисовывал с природы окружающие предметы или же писал свой портрет, глядя в зеркало.

Я привез с собой несколько рекомендательных писем, но все не решался передать их тем, кому они были адресованы: я стеснялся своего внешнего вида, так как был очень плохо и бедно одет.

Скоро в моей жизни произошло радостное событие. С детства я мечтал о книгах по естествознанию, мне их очень недоставало. И вот однажды я узнал от товарищей, что под одной крышей с музеем, где я ежедневно работал, находится самая богатая в мире коллекция естественноисторических книг. Их было там около двух миллионов. Это была знаменитая библиотека Британского музея, где было собрано все ценное, что когда-либо выходило в свет.

Вход в библиотеку был бесплатный. И вот я пробрался туда тихонько с группой туристов, чтобы взглянуть украдкой на это прославленное чудо света.

Я был ошеломлен. Все мечты, которые волновали меня с детства, всколыхнулись, ожили во мне.

Тотчас я отправился к дежурному, который сидел за столиком у входа, и попросил его дать мне читательский билет. К своему большому огорчению, я узнал, что лица моложе двадцати одного года не допускаются в эту библиотеку. Мне же недавно минуло девятнадцать лет. Так неужели я должен ждать два года, чтобы получить право войти в этот рай, на который я только украдкой взглянул и из которого меня гонят?

Но я не привык сдаваться.

Я пошел к старшему администратору и от него услышал тот же ответ:

— Жалею, что должен отказать, но лицам моложе двадцати одного года мы не выдаем читательского билета в нашу библиотеку.

— Где кабинет вашего директора?

— В конце коридора, в западном крыле здания.

Тотчас же отправился я туда. Вдоль по коридору стояли часовые с золотыми галунами на мундирах и жезлом в руке. Они окинули меня надменным взглядом, но дали пройти.

В конце коридора была дверь с надписью: "Директор библиотеки".

Я постучался, и меня впустил очень важный человек в блестящей ливрее.

За столом сидел сэр Эдуард Бонд, сам директор. Вид у него был совсем не надменным. Он очень внимательно выслушал меня, а потом сказал:

— Мне очень, очень жаль, что я должен огорчить вас, но у нас железный закон: не давать читательского билета подросткам. Должен вам сказать, что было время, когда мы пускали школьников в нашу библиотеку, но заметили, что мальчики приходили сюда главным образом для того, чтобы учить свои уроки, а девочки — почитать новинки приключенческой литературы. Это не соответствует задачам нашей научной библиотеки. В связи с этим было принято решение допускать в наш читательский зал только взрослых читателей. Жалею, что это постановление затрагивает ваши интересы.

— И это ваше последнее, решающее слово, сэр? — спросил я. — Или, быть может, есть еще более высокая инстанция, куда бы я мог обратиться?

Директор библиотеки улыбнулся и сказал:

— Я главное административное лицо. Но, конечно, я подчиняюсь распоряжениям, которые мне дает правление музея.

— Кто является членами вашего правления?

— Принц Уэльский, архиепископ Кентерберийский, лорд Биконсфильд и еще несколько человек.

— Я буду ходатайствовать перед ними.

Директор улыбнулся, и мы распрощались.

В тот же вечер я написал длинное письмо каждому из этих великих людей. Я рассказал им подробно все, о чем я мечтал и на что надеялся, и о том, как важно для меня не терять этот год — я должен получить это право сейчас или же похоронить свои мечты навсегда.

В полночь я вышел из дому, чтобы опустить в почтовый ящик письма.

По правде сказать, я не ждал ответа. Со своей стороны я сделал все, что мог, — выдержал борьбу до конца.

Через три дня я получил очень вежливое извещение от каждого из этих высокопоставленных людей о том, что они получили мои письма и обсудят мое заявление.

Две недели спустя пришло письмо от сэра Эдуарда Бонда, директора библиотеки музея. Он вызывал меня к себе. Я отправился к нему тотчас же и получил из его рук не простой читательской билет, а пожизненный членский билет с сопроводительной запиской от членов правления музея. В записке говорилось, что, принимая во внимание исключительные условия и находясь под сильным впечатлением писем, правление вынесло постановление сделать исключение и вручить мне это билет.

Теперь моя жизнь расцвела. Помощник библиотекаря взял меня под свое покровительство и повел в книгохранилище, где стояли бесконечные ряды полок с сокровищами литературы. С этого дня я проводил вечера в библиотеке. Она была открыта в то время ежедневно до десяти часов вечера.

Свой день я отдавал рисованию. Вечерами я наслаждался чтением любимых книг.

В стенах этой грандиозной библиотеки у меня родилась смелая мысль написать "Историю канадских птиц". На двух последних страницах книги Росса "Канадские птицы", которую я купил еще мальчиком и привез с собой в Англию, были мои рукописные заметки под названием "Определитель хищных птиц" (1874 г.). В музее я познакомился с книгой Куэса "Определитель

американских птиц". Изучая ее, я пришел к заключению, что мой определитель был лучше, более логично составлен. Я обращал внимание на характерные черты, Куэс — на второстепенные признаки. Я классифицировал птиц по близкому родству.

Через несколько недель я разработал определитель "Семейства птиц нашей родины". Птицы определялись по четкому рисунку характерных признаков. В дополнение я давал коротенький описательный текст.

Эта рукопись до сих пор хранится в моей библиотеке. Впоследствии она вышла в свет как часть книги доктора Франка Чапмана "Орнитологический справочник".

Косоглазие — бич моего детства — прошло с приближением юношеских лет. Но скоро другое физическое страдание стало отравлять мою жизнь. Когда мне было шестнадцать лет, я страстно мечтал, как и каждый юноша, быть сильным. Чтобы добиться этого, я стал систематически заниматься гимнастикой и каждый вечер ходил на спортивную площадку. Там не было инструктора, и каждый упражнялся, как умел. Один из моих товарищей подбил меня подняться по отвесному шесту высотой в тридцать футов под самый потолок. Я стал быстро подыматься, но шест был скользкий, а потолок высокий. Поднявшись до половины шеста, я устал до изнеможения. Но мне не хотелось сдаваться, я напряг последние силы и поднялся еще на восемь футов. Тут я почувствовал жгучую боль внизу живота и спустился вниз.

На следующий день я пошел к врачу. Осмотрев меня, врач сказал, что у меня грыжа и что мне необходимо носить бандаж. О, этот ненавистный бандаж! Он, как змея, обвился вокруг моего тела и впился в больное место. Казалось, это было небольшое увечье, но оно мучило меня все больше и больше. Я таил свои страдания, надеясь, что придет день, когда я снова буду здоров.

Моя болезнь не мешала мне ходить и бегать, но она лишила меня гибкости движений.

Я всегда ходил по Лондону пешком, отчасти потому, что не хотел тратить деньги на переезды, отчасти же потому, что я очень любил ходить. Благодаря этому мускулатура моих ног очень сильно развилась, и я хорошо натренировался в быстрой ходьбе.

Я любил проводить свои праздники у двоюродного брата, который жил в юго-восточной части Лондона, на расстоянии десяти миль от меня. На дорогу

уходило два часа. Эти большие прогулки, быстрая ходьба очень хорошо действовали на меня. Мысль начинала работать лучше, быстрее.

Как-то раз по дороге к двоюродному брату меня осенила мысль, что при современном развитии медицины от грыжи можно избавиться хирургическим путем. У двоюродного брата в гостях я застал молодого врача и обратился к нему за советом.

Он осмотрел меня и сказал:

— Да, такие операции мы теперь делаем, и довольно часто. Грыжу было бы нетрудно оперировать, если бы общее состояние вашего здоровья было лучше. Но оно у вас сильно подорвано. Мой совет — не торопиться. Надо подождать момента, когда ваши силы восстановятся, тогда можете смело рассчитывать на избавление от вашего недуга.

Эти слова были огромной моральной поддержкой. Теперь я верил, что для меня еще наступят радостные, светлые дни. Но только когда? Как долго придется терпеть?

Глава X

Возвращение на родину

Я прожил в Лондоне два с половиной года и думал остаться здесь навсегда, но сердце рвалось домой, к родным просторам.

Совершенно неожиданно мне пришлось скоро вернуться на родину. Кто-то из моих друзей написал матери: "Если вы хотите видеть вашего сына в живых, верните его домой как можно скорее".

В ответ пришло письмо матери на мое имя. Она настаивала, чтобы я оставил свое ученье и все свои дела в Лондоне и выехал немедленно домой, не теряя ни одного дня.

26 октября 1881 года, бледный, слабый и больной, я сел на пароход "Эрль-Кинг", который отправлялся в Монреаль.

Это было длинное и очень тяжелое путешествие. Одна буря сменялась другой, и мы пробыли в пути шестнадцать дней вместо восьми.

Дома меня встретила мать. Она с трудом дождалась меня. Как радостно было услышать снова ее ласковый

голос! Родной дом! Как прекрасны эти слова и как бесконечно хорошо быть под твоим кровом!

Я вернулся домой с подорванными силами, без славы, без богатства и чувствовал себя полным неудачником в жизни, пока не увиделся с матерью. Любовью и лаской, умением понять и поддержать она заставила меня почувствовать себя героем, который вернулся с победой.

В Лондоне я дрожал от холода и голода. Мрачный и неуютный, вставал он в моей памяти. Там мне не доставало всего, что я любил, за исключением книг.

Но вот я снова в солнечной стране. Дома тепло, я сыт, и мне не надо думать о том, как расплатиться с хозяйкой за комнату.

Ко мне вернулась жизнерадостность. Я тянулся к простору полей и лесов, радовался возможности снова слышать пение птиц и следить за их полетом. Опять стал я бродить с ружьем за плечами, продолжая исследования местной природы. Меня интересовали все животные, которых я встречал на своем пути.

Но птицы! Им я отдал свою первую любовь! Изучая их, я забывал обо всем на свете.

Отец был сдержан, мать ласкова, как всегда, хотя она и не видела смысла в моих занятиях. Но я был слаб и болен, и надо было поощрять все, что заставляло меня быть на свежем воздухе.

Как-то я подстрелил ястреба-голубятника. Это было огромное событие в моей жизни. Я изучал его, зарисовал, снял шкурку, написал большой рассказ о том, как все это произошло.

Неизменно в ясные дни я отправлялся в далекие прогулки за город. И всегда мне навстречу попадалось много разных пернатых друзей — подорожники, сорокопуты, чечетки, синички и другие птицы, и меня радовало, что я знал их по именам. Только теперь я начал как следует изучать птиц.

После двух недель пребывания дома я стал неузнаваем. Силы вернулись ко мне, и жизнь казалась прекрасной, полной радужных надежд.

Как-то раз отец позвал меня в свой кабинет. Он открыл большую приходо-расходную книгу и сказал мне:

— Тебе, мой сын, уже исполнился двадцать один год. Ты достиг совершеннолетия. Отныне все обязанности по обеспечению твоего существования, которые лежали до сих пор на мне, ты должен взять на себя. Я оберегал тебя всеми своими силами, и вряд ли нужно напоминать тебе,

что всем, что есть хорошего в тебе, ты обязан мне, твоему отцу. Этот долг неоплатим. Но есть другая сторона дела.

Он стал перелистывать толстый том приходо-расходной книги, указывая на расходы, которые он записывал на мой счет начиная со дня моего рождения. Вся сумма исчислялась в размере 537 долларов 50 центов.

— До сих пор, — сказал отец приподнятым тоном, взволнованный своей добродетелью, — я не насчитывал процентов. Но с сегодняшнего дня я буду причислять шесть процентов в год. Это я считаю необходимым не только для того, чтобы соблюдать свои интересы, но также для того, чтобы ты стал понимать свои обязанности как взрослый человек.

Я был потрясен до глубины души и сидел, окаменев, не в силах вымолвить слово и только думал про себя:

”О, тяжкая минута жизни! Двадцать один год, а в жизни еще ничего не достигнуто! Ни гроша денег в кармане. Никаких перспектив. Ничего, кроме огромного долга”.

Чтобы хорошенько обдумать свое положение и решить, что делать, я отправился в далекую прогулку. Прошел несколько миль, и угнетенное состояние исчезло.

”Конечно, отец прав. Я обязан ему платить долг и должен сам бороться за свое существование”.

С этими мыслями я отправился в город, чтобы найти себе работу. В художественной мастерской Рольф Смит и К^о мне предложили нарисовать двенадцать поздравительных карточек к рождественским праздникам и обещали уплатить по пяти долларов за штуку. Для меня это была баснословно высокая цена.

В течение недели заказ был выполнен, карточки доставлены, и я тут же получил все свои шестьдесят долларов.

Никогда еще я не держал столько денег в руках. Признаться, мне было немного совестно взять такую дорогую плату за двенадцать ничтожных набросков.

Я поспешил уйти из мастерской, опасаясь, чтобы директор не передумал и не отобрал у меня половину денег.

Птицы окрестностей Торонто были темой всех моих открыток. Это была первая любимая работа, которая принесла мне доход.

Мой первый порыв был — отдать отцу всю сумму целиком. Немного погодя я решил уплатить ему 37 долларов 50 центов. Потом — всего лишь 50 центов. Окончательное решение было — не платить ему ничего.

Он достаточно ясно дал мне понять, что мне надо уходить из родительского дома, а поскольку я теперь предоставлен самому себе, мне нужны деньги.

У моего брата Артура была ферма в Манитобе. Я решил поехать к нему. Это обещало мне жизнь среди приволья природы, здоровье, возможность наблюдать и изучать птиц — все, к чему я так стремился.

По моим расчетам, шестидесяти долларов было достаточно, чтобы уплатить за проезд и прожить первое время, пока я найду работу.

Брат писал, что всякого рода скот покупается нарасхват в Манитобе, и советовал вложить деньги в это дело.

О покупке скота мне нечего было и мечтать, но приобрести некоторое количество кур и других птиц было в пределах моих возможностей. Итак, я истратил тридцать долларов на покупку домашней птицы и двадцать пять долларов на билет. Мне удалось заработать еще пятнадцать долларов — я нарисовал льва для торговой марки одной фирмы.

Таким образом, на руках у меня осталось двадцать долларов. С ними я и отправился в дальний путь.

Прощай, родной дом!

Глава XI

На Запад в прерию

Итак, я покинул Торонто и поехал на Запад — чудесный, манящий Запад. Со мной был товарищ, Вильям Броди, мой сверстник. Мы сели на фермерский поезд, в единственный плохонький пассажирский вагон; остальные одиннадцать вагонов были предназначены для перевозки скота. Я договорился с проводником относительно моих кур. Согласно расчету с кубического фута, мне надо было уплатить ему десять долларов, но он поставил мне в счет и место, оставленное для прохода; таким образом, перевозка домашней птицы в Манитобу мне обошлась в пятнадцать долларов.

До Виннипега поезд обычно шел три дня, и мы были немало озадачены, когда кондуктор объявил, что в лучшем случае мы прибудем туда через пять дней.

Все мое богатство состояло в моей молодости, в моих курах, индюках и гусях, в запасе провизии на пять дней и двадцати долларах денег, из которых пятнадцать я до-

лжен был отдать проводнику. Но я был полон энергии, надежд, жажды жизни — жизни во всей ее полноте.

Через два дня мы прибыли в Чикаго. Мне почти не пришлось побывать в этом большом городе, так как поезд стоял на запасном пути, а из-за птиц я не мог надолго отлучиться.

Когда мы остановились в Сент-Пауле, на третий день нашего путешествия, яркие весенние дни вдруг сменились холодом и метелью.

Два дня мы простояли в Сент-Пауле. Местные газеты были переполнены сообщениями об ужасных снежных буранах, бушевавших над равнинами Дакоты.

С нашими билетами мы могли бы пересестъ на любой поезд, но я, как и большинство пассажиров, фермеров, не мог этого сделать, так как все мы были связаны заботой о скоте и птице, которых везли с собой.

Товарищу я сказал:

— Поезжай с ближайшим экспрессом, а я останусь здесь со своими птицами.

Забрав свою долю продуктов, он покинул меня. Вместе с ним пересели на другой поезд и все женщины.

Между тем взволнованные фермеры то и дело устраивали собрания, совещались, не зная, как быть. Скот голодал и погибал в тяжелых условиях пути.

Негодование росло, и начальник станции наконец заявил:

— Я сделаю все, что могу, чтобы помочь вам. Но все пути занесены сугробами. У меня нет мощного паровоза.

Он выбрал лучший из того, что у него было. Это была старая, изношенная машина, отжившая свой век. Она медленно отволокла наш поезд на десять миль от Сент-Пауля и потом стала.

А снег все падал, падал и падал.

На наше счастье, мы стояли на главной магистрали, по которой ходил экспресс. Это обстоятельство немного успокаивало: так или иначе, но нас должны будут сдвинуть с пути.

Через три часа томительного ожидания к нам пришел железнодорожный агент и предложил взять лопаты, чтобы очистить путь.

Это был тяжелый и неблагодарный труд. Едва успевали мы отбросить снег, как снова вырастал сугроб. Но мы упорно продолжали работать, пока наконец аварийный паровоз не подошел к нам с севера и не взял на буксир.

Промерзшие до костей, усталые до изнеможения, мы вернулись в вагон. Там было жарко от докрасна раскаленной железной печи. Мы заняли свои места и сидя заснули, так как прилечь было негде. А за стеной вагона снежный буран ревел и свирепствовал по-прежнему.

В полночь я проснулся. Поезд шел со скоростью двадцать миль в час. В вагоне было угарно и душно. Мне было как-то не по себе, и я направился в конец вагона, чтобы выйти на площадку и подышать свежим воздухом.

Когда я открыл дверь, меня обдало резким холодом и ослепило снегом. Ощупью я стал пробираться дальше в надежде, что площадка соседнего вагона лучше защищена от снега и ветра.

Но — увы! — соседнего вагона не оказалось.

Я полетел вниз... уцепился за буфер. Ноги мои волочились по снегу...

Поверьте, что после этого мне уже не хотелось спать.

Собравшись с силами, я поднялся на заднюю площадку и вернулся в душный вагон.

Скоро поезд добрался до станции Фергус-Фольс. Паровоз отвез нас на запасный путь.

Буран не утихал, а разыгрывался еще больше. Казалось, что все небо, весь мир был наполнен обледеневшими, колючими, вертящимися снежинками.

Мы простояли там четыре дня.

Раз двадцать нас волновали ложные слухи, что нам на выручку выслан паровоз со снегоочистителем.

Наконец нас вызвал начальник станции и авторитетно заявил, что он действительно ожидает прибытия мощного паровоза и что мы будем на станции Виннипег не позже завтрашнего дня. К восьми часам утра все должны быть на своих местах, ожидая отправления.

На следующее утро все мы были в сборе. Но почти весь день прошел в ожидании. Наконец мы почувствовали привычные толчки — паровоз зацепил наш вагон и, пыхтя, отправился в путь.

По равнине в окрестностях Фергус-Фольса, защищенной от ветров древесной растительностью, мы продвигались хорошо. Однако час спустя на равнине Дакоты снова попали в полосу сильного бурана.

Кругом, насколько только хватало глаз, волновалось снежное море, вдоль и поперек изрезанное сугробами, словно пенящимися волнами. Сугробы были неподвиж-

ны. Но по гребням их в диком порыве мчались снежные кони с развевающимися белыми гривами, целыми табунами мчались они, заметая путь.

И вдруг наш большой черный тяжелый паровоз врезался в сугроб. словно по велению хрупких летящих снежинок, он остановился как вкопанный.

Стоило ему остановиться, как сугроб начал быстро расти. Мы дружно взялись за лопаты и через час двинулись в путь.

— Долго ли мы простоим здесь? — спросил я кондуктора, когда поезд снова врезался в сугроб.

— Какого дьявола вы меня спрашиваете! Откуда я могу знать? — загремел он в ответ.

— Я не знаю, успею ли добежать до ближней усадьбы, чтобы раздобыть там что-нибудь поесть.

— Ну что же, бегите и узнаете.

Усадьба, которую мне удалось разглядеть среди снежных сугробов, казалось, была единственным обитаемым местом на протяжении, по крайней мере, двух миль.

Мне нужно было добраться до нее во что бы то ни стало — мои запасы уже давно иссякли и достать было не у кого, так как все наши спутники сами сидели на голодном пайке.

Если бы поезд ушел без меня, я оказался бы не в худшем положении, чем сейчас, да и, кроме того, я не сомневался, что догнал бы его на остановке у следующего сугроба.

Соскочив с поезда, я стал переправляться через снежную равнину: метели уже не было, и я хорошо видел цель своего путешествия. Зато снег был глубокий и предательский. Местами тонкий наст выдерживал меня, но чаще я проваливался и брел по колено или по пояс в снегу.

Был уже полдень, когда я подошел к длинному ряду усадебных построек.

Из кухни донесся приятный запах жареной свинины.

Я постучался и вошел.

Краснощекая полная женщина переворачивала на сковородке позеленевшую отвратительную свиную требуху. Но я был голоден, и запах даже такого жаркого казался мне чудесным.

— Сколько за все это? — спросил я, указывая на сковороду.

— Тридцать пять центов.

Я протянул деньги.

— А куда же вам выложить? Есть ли у вас что-нибудь с собой?

У меня ничего не было.

— Это сойдет, — заявила женщина и тут же протянула мне старую газету и опрокинула на нее сковороду.

Горячий жир стал течь и просачиваться со всех сторон. Я поспешил выйти. На морозе все превратилось в твердую массу.

Через час я снова сидел в нашем душном вагоне: поезд все еще продолжал стоять на месте.

Я расположился было пообедать и только стал развертывать просаленный кулек, как почувствовал себя хорошо и прилег на скамью.

Напротив меня сидел здоровый деревенский парень и с жадностью смотрел на мой незавидный обед.

— Хотите? — через силу спросил я.

— Еще бы! — радостно ответил парень.

Скоро от свиной требухи не осталось и помину... Я, признаться, нисколько не жалел об этом.

Меня все еще мутило, и я продолжал лежать, когда вдруг до моего слуха донеслось громкое кудахтанье. Собравшись с силами, я поднялся и пошел посмотреть, в чем дело.

И что бы вы думали? Одна из моих кур снесла яйцо!

Я достал это яйцо, разбил скорлупу и выпил его сырым, еще совсем теплым. Это была первая закуска за весь день.

После этого я каждый день ждал, не получу ли снова яйцо, чтобы подкрепить свои силы. В своих расчетах я не ошибся. Ежедневно мне удавалось подстеречь момент, когда одна из кур громким кудахтаньем давала знать, что она снесла яйцо.

И несмотря на то что изголодавшиеся подружки несущки ждали этой минуты с неменьшим нетерпением, чем я, и также бросались к гнезду, мне все же удавалось получить одно-два яйца к обеду. На этой пище я просуществовал шесть последних дней путешествия.

В Виннипег мы прибыли ровно через две недели после того, как выехали из Торонто.

Невдалеке от Виннипега мне пришлось быть очевидцем замечательной схватки.

По мере нашего приближения к Пембинна тополиные леса становились все гуще. Они раскинулись на протяжении нескольких миль и только кое-где прерывались полянами.

Когда мы подъезжали к Сент-Бонифэсу, восточному пригороду Виннипега, наш поезд пересек небольшую поляну. Посредине этой поляны я заметил группу, которая приковала к себе мое внимание. Собаки — черные, белые, рыжие, большие и маленькие — собрались огромной стаей в круг. А в самом центре стоял огромный серый волк. Он был похож на льва. Волк стоял под защитой небольшого куста, один, как перст, величавый, спокойный, и только озирался по сторонам. Его шерсть ошетилилась, напряженные ноги пружинили, он готов был в любую минуту принять бой. Его слегка оскаленная пасть, казалось, выражала презрение.

Вдруг собаки ринулись в атаку, наверное, не первую.

Серый волк подпрыгивал на месте, поворачивался то в одну, то в другую сторону.

”Щелк, щелк, щелк!” — стучал он зубами.

Из стаи его врагов доносились предсмертные стоны, суживалось окружавшее его кольцо. Собаки снова наступали. А серый волк продолжал стоять на своем месте, невредимый и непобедимый.

Мне так хотелось, чтобы наш поезд застрял в сугробе и можно было бы еще полюбоваться этим огромным серым волком! Но снежная поляна промелькнула, стволы тополей заслонили картину боя, и мы продолжали свой путь.

Только первого апреля мы добрались до Виннипега.

Теперь меня отделяло всего лишь сто миль от станции Де-Винтон, вблизи которой находилась ферма брата. Но все пути были занесены снегом, и никто не знал, когда пойдет следующий поезд. Только через два дня я узнал, что вечером отправляется первый пассажирский поезд на Запад.

Наконец мы прибыли на станцию Де-Винтон. По-прежнему завывала метель, и кругом была тьма.

Маленькая станционная постройка одиноко стояла среди прерии. В окне был свет. Когда я вошел туда, дежурный по станции, мирно дремавший на стуле, на минуту очнулся. Я спросил его, не знает ли он, где живет мой брат Артур Сетон-Томпсон. Из невнятного ответа дежурного было ясно, что он не знает адреса и знать не желает и просит его больше не беспокоить.

У меня было смутное представление, что ферму брата надо искать в северном направлении, на расстоянии примерно мили от станции.

К утру ветер затих, метель не заметала больше следов. Я стал искать тропу. Скоро я нашел глубокие и широкие следы человека.

”Должно быть, это следы моего коренастого брата”, — решил я и, не имея лучшего путеводителя, пошел по ним.

Скоро я увидел изгородь и покрытый снегом бугор, из которого торчала труба.

Тропинка круто спускалась вниз, и я очутился перед дверью хижины, на которой было написано имя моего брата.

Я постучал и вошел. В глубине большой и единственной комнаты хижины сидели трое с обветренными медно-красными лицами, ни дать ни взять индейцы.

И вдруг раздалось дружное:

— Алло! Эрнест!

Это были мои братья Артур и Карл и товарищ Вилли Броди.

Еще в Торонто, перед моим отъездом на Запад, Вильям Броди, известный естествоиспытатель, которому я многим обязан, сказал мне:

— Когда приедешь на Запад, обязательно веди дневник твоих наблюдений. С каждым годом эти записи будут приобретать для тебя все большую ценность.

Я последовал его совету тотчас же. Моя первая запись в дневнике была:

”Торонто, Онтарио.

Видел трех красногрудых дроздов”.

Я не могу передать, сколько радости доставила мне эта коротенькая запись из четырех слов. Вряд ли она могла иметь какое-нибудь значение для других. Но я инстинктивно чувствовал, что это было начало того, о чем я так много мечтал. Это был первый шаг в чудесный мир.

И я неизменно вел свои записи и продолжаю вести их до сегодняшнего дня.

Дневник моих путешествий и наблюдений лежит передо мной на столе — это пятьдесят толстых томов в кожаных переплетах.

Наскоро набросанные то карандашом, то чернилами, то акварелью — чем-нибудь, что было под рукой, — измазанные кровью животных, принесенных в жертву на алтарь науки, прожженные искрами костров, запачканные торопливыми, невымытыми руками, скверно написан-

ные, наспех иллюстрированные — книгопродавец не дал бы за них ломаного гроша, а я не расстался бы с ними ни за какие миллионы. В них шестьдесят лет моей жизни, моих исканий.

Глава XII

Весна в прерии

К югу от фермы брата, на расстоянии около четырех миль, начинались песчаные холмы, а за ними черной полосой тянулся хвойный лес. Меня очень тянуло в эти незнакомые, таинственные места.

Однажды в весенний день, когда мы ехали с братом по направлению к холмам, стайка птиц низко летела над прерией.

— Это степные тетерева, — сказал брат, — дикие куры прерий. Они зимуют в лесу и возвращаются сюда, как только стает снег.

Немного позже брат указал пальцем в сторону невысокого холма и проговорил:

— Здесь они танцуют.

— Кто? — спросил я.

— Тетерева.

Я не знал, как понять его ответ, но брат был в дурном настроении в тот день, неразговорчив и не дал мне дальнейших объяснений.

Один из наших соседей фермеров сделал как-то такое же замечание относительно холма. В ответ на мой недоумевающий вопрос он сказал:

— Разве вы не знаете, что степные тетерева, токуя весной, по-настоящему танцуют? А это излюбленное место их тока.

Стоило взглянуть на холм, чтобы поверить этим словам: его оголенная макушка на протяжении, по крайней мере, пятидесяти футов была вся усеяна перьями и испещрена птичьим пометом, трава, по-видимому, была вся вытоптана.

Через несколько дней мне посчастливилось самому увидеть, как по гребню холма носилось несколько тетеревов, издавая какие-то гогочущие, каркающие звуки.

Я наблюдал их издали, а когда подошел ближе, тетерева разлетелись. После этого я уже больше не сомневался, что тетерева действительно танцуют. Мне

очень хотелось проследить за их током на более близком расстоянии. И вот как удалось это сделать.

Не очень далеко от нашей хижины я нашел холм, который по всем признакам был местом тока степных тетеревов. Захватив с собой лопату и небольшой топор, я отправился туда днем, выбрал поблизости наблюдательный пункт и замаскировал его, чтобы иметь возможность спрятаться.

На следующий день я захватил с собой одеяло и расположился на ночлег.

Лишь только занялась заря, я услышал шорох крыльев. Это тетерев плавным полетом опускался вниз и сел на холме. За ним прилетели и другие.

Когда рассвело, я увидел целую стайку тетеревов, спокойно разгуливающих или неподвижно притихших на месте.

Вот один вдруг опустил голову, расправил крылья, поднял хвост и, засеменя лапками, бегом пустился по земле. Он притопывал быстро и шумно, бил крыльями, вертел хвостом и при этом издавал какой-то резкий гогочущий крик. За ним пустились в пляску и другие. Они все усердно топали лапками, вертели хвостами и громко кричали.

Все громче и громче становились шум и крик, быстрее и быстрее вертелись тетерева в своей пляске, теснились, сбивались в кучу, перепрыгивали друг через друга.

Потом наступил перерыв. Усталые, одни присели, другие спокойно стояли или медленно расхаживали.

Отдых длился недолго. Скоро другой крылатый плясун увлек своих товарищей в новый танец.

Я лежал и наблюдал за ними до восхода солнца. За это время они по крайней мере раз двадцать пускались в пляс. А когда я вышел из засады, тетерева разбежались и улетели в разные стороны.

Весь май и июнь токовали степные тетерева. Позже я узнал, что они токуют не только весной, но и осенью, в период обильных кормов. Не раз приходилось мне видеть, как в ясные осенние дни они слетались на холм, чтобы повеселиться в танце.

Но самое интересное ждало меня впереди.

Летом 1883 года в Кербери, на ферме брата, у меня было около пятнадцати маленьких тетеревят — птенцов, высиженных курицей.

Им было всего лишь две недели, когда над Кербери пронесся ураган с холодным ветром и градом. Опасаясь,

что птенцы погибли от резкого похолодания, я принес весь выводок домой, на кухню, и выпустил их под чугунную плиту на железный лист, которым был обит пол. Клетку с курицей я поставил на небольшом расстоянии, в сторонке.

Через полчаса малыши согрелись, распушили перья, почистили свои крылышки и приняли совсем задорный вид.

К этому времени ветер уже разогнал тучи, в первый раз за весь день весело засияло солнце. Яркие его лучи упали на плиту, проскользнули и под плиту, где собрались в кучку птенцы. Казалось, что солнечный свет и тепло вызвали в них какое-то новое ощущение радости.

Один из малышей, не больше воробья, опустил свою голову почти до самого пола, поднял задорно шишечку, где со временем должен был вырасти хвост, растопырил крылья и стал так сильно топтать розовыми ножками, что чудился звон маленьких литавров.

И что же?

Все, как один, тетеревята встрепенулись и начали громко отбивать маленькими лапками, прыгать, скакать, притопывать, в точности как взрослые тетерева на току весной, в пору любви.

Это продолжалось с минуту. Потом птенцы устали и присели для отдыха. Через полчаса снова началась пляска. Еще и еще раз возвращались тетеревята к своему танцу, особенно когда солнце выглядывало и они были сыты.

Скоро я обнаружил, что могу сам заставить птенцов токовать. Стоило мне забарабанить пальцами по железному листу, как они начинали свой танец.

Это повторялось в течение трех дней, пока я держал птенцов дома. Я показывал их искусство соседям. Несколько моих друзей, которые жили в отдаленных усадьбах, приехали ко мне на лошадях, чтобы посмотреть, как маленькие тетеревята отплясывают свой танец.

Удивительно, что птенцы токовали совершенно так же, как и их родители, хотя ни разу не видели взрослых степных тетеревов. Мне кажется, что это было естественным выражением радости жизни, переполнявшей их маленькие тельца, — ритмичным, бурным. Какое-то чисто инстинктивное чувство подсказывало птенцам движения танца.

В те дни мы усердно принялись за обычную фермерскую весеннюю работу: пахали, боронили, сеяли, обносили участки изгородью, строили стойла и сараи, ремонтировали дороги.

Одной из моих обязанностей было поддерживать ходули сохи — немудреное дело, потому что участок был низменный, сырой, не загроможденный камнями, свободный от корней.

Поддерживая обеими руками соху с упряжкой, соединяющей цугом лошадей, я передвигался без усталости с одного конца поля на другой. И всегда сбоку или чаще всего позади нас было от пяти до двадцати черных иволг. Все время раздавалось их "крэк, крэк". А другие кружили над нами или же прыгали на расстоянии десяти шагов от меня — нетерпеливые, голодные, готовые обследовать каждый ком перевернутой земли в поисках личинок, семян или другого корма.

А вдали, словно дым на горизонте, виднелась летящая стая их собратьев, и гомон птичьих голосов напоминал мне шум волн на далеком морском берегу.

Каждый из нас трудился в поле с рассвета до сумерек, а после этого мы еще были заняты и другими работами по хозяйству.

Ежедневно утром и вечером я доил трех коров. Это кажется легко, когда наблюдаешь, как доит десятилетняя девочка. Но как я страдал в первый месяц!

Мои руки болели целыми днями, а на заре, когда я просыпался от мычания коров, руки сводило судорогой, и мне приходилось растирать их несколько минут, прежде чем я мог разогнуть пальцы.

И все-таки это были дни какой-то непрерывной радости.

Глава XIII

Полевые заметки

В мае 1882 года в Кербери съехалось много родных, и мы, три брата, решили отправиться на поиски земли, чтобы получить дополнительный участок для посева пшеницы, овса и посадки картофеля.

Мы выехали на волах, потому что волы более выносливы, чем лошади, и могут хорошо просуществовать на подножном корму. Таким образом, нам не надо было брать с собой овес. Это значительно облегчало наш груз.

Месячный запас продуктов и лагерное оборудование — вот все, что нам было нужно. Артур, как всегда, — за кучера и проводника, брат Вальтер — его помощник, а я — натуралист, совмещающий свою работу с обязанностями повара.

Направлялись мы к верховьям реки Ассинибуон. Лиса приветствовала нас лаем с ближнего холма. Кругом хлопотали птицы около своих гнезд. Маленький скунс забился в колею дороги, и мне пришлось помочь ему выбраться оттуда.

По пути нам встречались желтые суслики Ричардсона, живущие колониями, подобно луговым собачкам, и серые суслики Франклина, замечательные своим протяжным, очень музыкальным призывным криком.

В конце июня, в бурю и ливень, мы прибыли в Рапид-Сити.

Повсюду в окрестности виднелись стоячие пруды — одни не больше полуакра, другие простирались на сотню акров. Их берега, заросшие осокой, были приютом для тысяч птиц, среди которых особенно заметны были утки, чомги, выпи, болотные курочки и крачки.

1 июля 1882 года. Приехали в Берتل и сразу же зашли в земельную контору. Нам дали большой список ферм на выбор.

2 июля. Прибыли в форт Эллис.

Когда мы ехали, погоня наших волов, перед нами появился кулик-зук; он тревожно кричал, порывался наброситься на нас. Скоро я понял причину его тревоги — в глубокой колее дороги бегал его птенчик и никак не мог выбраться оттуда. Когда я его заметил, он был уже почти под ногами наших волов. Быстро соскочив с телеги, я побежал вперед и руками поймал птенца. Это был маленький пушистый шарик с коричневыми блестящими глазками. Он доверчиво смотрел на меня, в то время как родители его продолжали сердито кричать.

Никогда еще я не видел такого нежного, прелестного создания — он почему-то напомнил мне лань в миниатюре. Я посадил птенчика в безопасное место. Через минуту около него уже были его встревоженные родители.

5 июля. Вблизи Сильвер-Крик мы вдруг заметили на дороге — вдали от воды — самочку чирка с десятью крошечными пушистыми птенчиками. Растерявшаяся мать захлопала крыльями, отбежала в сторону от выводка, прикинулась хромой и всячески старалась обмануть нас, чтобы спасти птенцов.

Как бы там ни было, мы поймали шесть пушистых малышей и отнесли на ближайший пруд. Там мы видели, как все семейство радостно соединилось.

Я не сомневался, что чирки вынуждены были покинуть свой родной пруд потому, что он высох.

11 июля. Поймал тетеревенка двухнедельного возраста, но уже хорошо летающего. Позже я узнал, что птенцы тетерева начинают летать с недельного возраста. Очень любопытно наблюдать, как вылетает тетерка с выводком: кажется, что она летит со стаей воробьев. По отношению к телу крылья у птенцов гораздо больше, чем у взрослых.

27 июля. Комары — это бич великолепного Севера. Они поднимаются целыми тучами с болот и прудов и жалят, сосут кровь, мучают. Они за работой весь день, а когда садится солнце, их появляется вдвое больше, и они становятся еще злее.

Люди могут спрятаться от этих мучителей в домах, затянув окна марлей или тонкой металлической сеткой. Но чтобы спасти от них скот, нужно разжигать дымящие костры. Это делается следующим образом. На пастбище роют яму в один фут глубиной, в три фута длиной и три фута шириной и в ней разжигают костер из сухих сучьев. Когда костер разгорится большим пламенем, его прикрывают сырой соломой и сверху слоем земли. Таким образом получается удушливый черный дым, который просачивается часами. В тихие вечера дымный воздух не поднимается вверх, но расстилается от костра треугольником. Этот дым — ненавистный враг комаров. Каждый вечер на протяжении всего лета мы разжигали дымящие костры, и как только, бывало, измученные животные заметят серый дымок, они мчатся к нам галопом и останавливаются около костра, наслаждаясь его благотворным действием.

Бык, самый сильный из стада, занимал лучшее место — там, где дым самый тяжелый и едкий. За ним в расплывающемся облаке дыма обычно виднелись две коровы, позади еще три и так далее. И если ветер изменял направление, стадо тоже поворачивалось, чтобы остаться под защитой спасительного дыма.

Я не раз слышал, что животные, обезумев от преследования комаров, ложились прямо на дымящий костер и потом гибли от тяжелых ожогов.

29 августа. Мой брат принес из леса искалеченную красноглазую птичку вирео. Она отбивалась отчаянно, кусала нас за пальцы и щелкала клювом. Когда я посадил ее в клетку, она опрокинулась на спину и нападала, как ястреб. Потом она ухватилась когтями за мои пальцы и держалась за них, когда я приподнял ее.

30 августа. Вирео может уничтожить любое количество стрекоз. Когда она расправляется с ними, она кладет свою жертву на жердочку и придерживает лапкой. Вирео проглотила в несколько минут шесть маленьких стрекоз целиком. Но одна очень крупная стрекоза причинила ей много беспокойства. Стрекоза отбивалась, и у них была довольно серьезная схватка на полу.

31 августа. Вирео ест мясо. Ее пища сегодня состояла из 12 мух, 12 оводов, кусочка сырого мяса (величиной с небольшой орех), пары больших кузнечиков, пары сверчков и больше половины воробья.

3 сентября. Вирео умерла. Длина ее тела равнялась $5\frac{7}{8}$ дюйма, а в размахе крыльев она была $9\frac{1}{2}$ дюйма. Эта птица в точности отвечает описаниям Куэса. Несмотря на огромное количество пищи, поглощаемой ежедневно, вирео умерла от истощения. Ее желудок был пуст, сама она была очень худа — одни кости и кожа. Вилли Броди сказал мне, что и у него была та же история, когда он пробовал держать в клетке насекомоядную птицу.

Мне пришлось неоднократно наблюдать вирео на свободе и слушать, как она поет. Очень трудно передать ее песни, но тот, кто слышал ее хоть раз, не забудет никогда, потому что ни одна птица не распевает так усердно и так настойчиво длинные серенады. Когда вирео поет, она сидит неподвижно среди зеленых листьев на дереве, быть может, всего лишь на 2—3 фута выше вашей головы. Сколько я ни пытался разыскать глазами пернатую певунью, мне ни разу не удалось ее найти. Тогда мне стало понятно, как возникла легенда о поющих листьях.

18 сентября. Сентябрь быстро проходит. Небо по утрам иссиня-стального цвета, с тяжелыми белыми облаками, которые угрожают снегом. Собираются осенние странники. Черные иволги¹ встречаются огромными ста-

¹ Американские иволги не имеют ничего общего с нашей золотисто-желтой лесной иволгой. Эти черные птицы напоминают скворцов.

ями, стаи эти гораздо больше, в десять раз больше, чем весной. Когда иволги спускаются тучей на сжатые поля, они застилают землю на акр, на два блестящим черным покровом. А когда они поднимаются ввысь, словно по приказу вожака, шорох их крыльев напоминает раскатистый шум морских волн, набегающих на берег.

Шрэй-рэй-рэй-рэй! — слышится ритмичное чередование нарастающих и падающих звуков. Крэк-крэк-крэк! — тоже сливаются в могучий напев, только совсем иной, чем шелест крыльев.

9 октября. Листья быстро осыпаются. На земле осенний ковер золотистых и коричневых тонов. Каждое утро заморозки, и мелкие пруды уже окаймлены льдом. Перелетные стайки устремились на юг.

Сегодня утром я видел и зарисовал огромную стаю гусей. Они летели вереницей, вытянувшись, по крайней мере, на целую милю, и гоготали так громко, что, казалось, лает бесчисленная свора собак.

Небо синее, но разорванные и белые как снег облака кажутся предательскими и враждебными.

19 октября. Сегодня утром я нашел гнездо балтиморской иволги на верхушке высокого дерева. Оно имело форму сумочки в 6 дюймов глубиной, 4 дюйма шириной и было подвешено верхним краем к пяти горизонтальным веткам. Это гнездо было соткано из волокон древесной коры и казалось очень прочным. Я решил проверить его прочность и стал накладывать в гнездо металлической стружки. После этого я перебрал веревку через гнездо и, подвесив на нее ведро, стал добавлять груз. Маленькое птичье гнездышко выдержало тяжесть в 15 фунтов. Я добавил еще 2 фунта, но сделал это так неосторожно, что веревка соскользнула, и вся тяжесть переместилась на самую тонкую из пяти веток. Она не выдержала семнадцати фунтов и подломилась. Это было старое, обветренное гнездо. Если бы оно было новым, я не сомневаюсь, что выдержало бы груз в 25 фунтов.

21 октября. Сегодня раскопал и нанес на карту норки, бугорки, гнезда и подземные ходы шести мешетчатых крыс-гофферов. Поселенцы говорят, что они собирают вдвое и втрое больше урожая в тех местах, где гофферы разрыхлили землю. Нет сомнения, что гофферы в Америке играют ту же роль, что дождевые черви в Европе, согласно описаниям Дарвина.

30 октября. Внимательно пересчитал перышки на черной иволге:

Голова 2226

Задняя поверхность шеи 285

Передняя поверхность шеи 300

Грудь и вся нижняя сторона 1000

Спинка 300

Каждая нога по 100—200

Каждое крыло по 280—560

Маховые перья 44

4915”.

Глава XIV

Любимый край

Брат Артур строил дом из шести комнат. Сюда он собирался переехать из рубленой избушки — первого пристанища на месте нового поселения.

Он и брат Чарли были целыми днями заняты строительными работами. Вилли Броди был у нас за повара. На мою долю выпадали всякие случайные работы, в число которых входило сооружение курятника для привезенных мною кур.

Однако мы все собирались попытаться счастья еще дальше на Западе и закрепить там за собой по половине надела земли.

Мы отправились на разведку, взяв с собой на фермерской телеге десять мешков овса для лошадей, мешок с сухими продуктами (картошку, копченую свиную грудинку, чай и сахар), палатку, одеяла, котелок, сковороду и другую посуду.

Артур, конечно, был кучером и главой нашей экспедиции. Я был опять за повара и охотника, промышленяющего дичь для стола. У Чарли не было определенных занятий, он был нашим сподручным.

С восторгом разжег я свой первый костер на Западе, недалеко от Фервью. После обеда двинулись дальше.

В восьми милях от Брендона мы остановились на ночлег в придорожной гостинице. В Брендон мы прибыли в одиннадцать часов следующего утра. Переправились через реку на пароме со всем нашим имуществом. Отсюда мы отъехали к югу миль на восемь.

В семь часов вечера разбили лагерь — мой первый лагерь на равнинах Северо-Запада.

Еще долго после того как мои братья заснули, я прислушивался к ночным голосам прерии и к шороху крыльев над головой.

В своем дневнике за этот день я нашел следующую запись:

”Лагерь: 8 миль южнее Брендона.

Вечером 12 мая, разжигая костер недалеко от нашей палатки, я спугнул птичку. Она нехотя покинула гнездо, но осталась тут же, недалеко, и с тревогой бегала по обожженной траве, освещенная пламенем костра. Время от времени она набиралась храбрости и возвращалась в гнездо. На рассвете я нашел ее в гнезде.

И как только начал я разжигать костер, она опять ушла, не торопясь. Вскоре птичка вернулась с самцом. И тут только мне удалось их рассмотреть — это была пара береговых жаворонков.

В гнезде лежало три коричневых яйца. Гнездо было свито из сухой травы и сучков и выложено внутри большими коричневыми перьями ястреба — их смертельного врага.

Ободренная близостью самца, самочка еще раз усеялась на яйца, несмотря на то, что я всего лишь на расстоянии восьми футов от нее жарил на сильном огне свиную грудинку.

После завтрака мы свернули свою палатку, потушили огонь костра и поехали дальше, оставив жаворонков мирно сидеть в их гнезде.

На следующий день мы достигли берегов реки Сури. Река разлилась, и переправа была трудная. Мы сели в лодку, а лошади переправлялись вплавь, и одна из них чуть не утонула в холодной как лед воде.

Птиц здесь было невероятное множество — целые тысячи, десятки тысяч. Стайка за стайкой летели они к северу, чтобы вить свои гнезда.

Там были маленькие стайки бурых журавлей, и изредка попадались белые чудесные создания. Их трубный клич раздавался высоко в небесах. Дикие гуси летели длинной вереницей или же выстраивались треугольником. Тетерева бегали почти на каждом холме. А один или два раза мы видели распростертые в небе черные угловатые крылья грифа”.

Перечитывая заметки, ночами записанные у костра, я пришел к заключению, что сухого описания птиц и жи-

вотных с указанием только народных и научных названий, как это делал я, недостаточно. Мне хотелось отразить ту радость, которая волновала меня в те дни. В этом настроении я сделал заметку о птице квели¹.

”Рано утром к нам доносился с высоты небес вибрирующий призывный крик квели — заунывный звук ”р-р-р-р, фео-фео”.

Он становился громче, когда птица опускалась.

Вот она парит на распростертых крыльях, трепещут только одни их края.

Потом стремительный полет вниз — ниже, ниже, и квели уже на поляне. Здесь она стоит минуту в застывшей позе, с поднятыми, совсем выпрямленными крыльями, показывая их внутреннюю сторону, испещренную белыми и черными пятнами. Она стоит так несколько минут, как будто рисуясь своей красотой. Потом медленно складывает крылья, чтобы побегать и попасться немного, а потом приглашает перепелиным криком свою подругу или собратьев.

На протяжении всего дня мы слышали заунывный крик, наблюдали стремительные движения, горделивые позы”.

И теперь, шестьдесят лет спустя, эта песнь и все, что было связано с ней, оживает в моей памяти с такой силой, что я не нахожу ничего, равного по силе этому впечатлению.

Были у меня и другие небольшие открытия и наблюдения, которые скрашивали жизнь во время нашего далекого странствования.

Однажды я остался один охранять лагерь — мои братья в тот день отправились по ту сторону реки Пембинны, чтобы расспросить относительно свободных земельных участков.

В долине этой реки недалеко от нашего лагеря росло несколько дубов. Я отправился туда, не сомневаясь, что мне удастся сделать какие-нибудь новые наблюдения над птицами.

И действительно, не успел я прийти, как мне сразу бросилось в глаза одно очень интересное явление. В стволе дубов было несколько отверстий, по-видимому выдолбленных дятлами. В них поселились парами городские ласточки.

В наших густо заселенных краях на Востоке мы привыкли считать городскую ласточку обитательницей

¹Квели — народное название канадского кулика-бартралиса.

сараев и крыш, уголков, обеспеченных ей человеком. Но здесь, в глуши, я увидел, как живет наша ласточка в диких условиях и как она жила пятьсот лет назад, до прихода белого человека.

В земельной конторе нам сказали, что вся земля, годная под пахоту, в этом районе распределена между поселенцами уже год назад.

В мрачном настроении мы повернули наших лошадей на Северо-Запад, на Брендон, по направлению к дому.

Покинув долину реки Пембинны, мы попали на обширную пустынную равнину с известняковой почвой. Здесь мы спугнули кулика-уиллета¹ с его гнезда. Это гнездо было просто небольшой впадиной между пучком травы и костью бизона. Оно не было ничем выложено изнутри — по-видимому, нечем было, так бедна природа вокруг. Яйца оливково-серого цвета, такие же монотонные, как и унылый ландшафт кругом. Я не сомневался, что кость бизона была для кулика вехой, по которой он находил свое гнездо, когда возвращался издалека.

Но самым замечательным были яйца. Грушеобразные, они имели очертания треугольника и все четыре лежали вплотную друг к другу, острыми концами внутрь, так что образовывали круг, разделенный на четыре равные части. Позже я узнал, что у многих морских и болотных птиц яйца такой формы. Но тогда для меня это было большой неожиданностью.

Осенью 1881 года я часто встречался с Биллем Лоном, Биллем Лангом и другими охотниками города Торонто. Меня всегда поражала та необычайная точность, с какой эти люди узнавали птиц по полету. Уже издали они знали, какая стайка летит. И когда я спрашивал: "Как же вы их узнаете?", они отвечали: "Это дается опытом".

Такой ответ совсем не удовлетворял меня.

Однако скоро я сам догадался, что прежде всего надо знать природные условия, а также, какие именно птицы прилетают в определенное время и в определенные районы.

Затем надо знать характерные черты их полета и то, как они выстраиваются в стайке. Так, например, гуси и журавли летят высоко длинной вереницей. Иногда же выстраиваются под углом. Дикае утки и некоторые из

¹ Уиллет — крупный серый кулик, обитающий в Северной Америке. Назван так по созвучию его песни: "пилин-уил-уил-лет".

болотных птиц тоже летят вереницей, друг за другом, только низко над землей. Чирки, морские кулики и черные дрозды, так же как и маленькие птички, летят неправильными стайками. Короче говоря, крупные птицы летят обычно правильным строем, вероятно, потому, что столкновение для них было бы более опасным, чем для мелких птиц.

Недавно несколько моих друзей летчиков говорили мне, что когда аэропланы летят эскадрилей, они выстраиваются по примеру диких гусей. При этом строе каждый аэроплан эскадрильи находится позади ведущего, и каждый пилот хорошо видит свой путь впереди. И если бы случилось, что один из аэропланов отстал, при таком строе нет опасности столкновения.

Последний секрет охотника — это умение узнавать характерные особенности оперения у каждого вида птиц. Я стал изучать их и зарисовывать. Я сделал иллюстрации с натуры и дал им название: "Определение полета" или "Портреты-зарисовки издалека".

Во время моего пребывания на Северо-Западной равнине я сделал сотни таких зарисовок.

Мы не встретили ни одной вилорогой антилопы на нашем пути — последние большие стада этих животных исчезли три или четыре года назад. Исчезли и бизоны. Они паслись здесь раньше огромными стадами. Но уже лет двадцать прошло с тех пор, как бизонов не стало видно на равнине.

На нашем пути попадались только лисицы, барсуки, скунсы.

20 мая, в самый расцвет весны, вдруг сразу похолодало и поднялась снежная буря. Пруды сковало льдом на четверть дюйма толщиной.

Три или четыре часа мы продолжали наш путь, борясь с суровой стихией. Потом приютились в сарае, который стоял на брошенном участке. Скоро к нам присоединились и другие охотники за землей.

Два дня мы просидели здесь, не решаясь разжечь костер, так как кругом была разбросана солома.

Много птиц залетало к нам в сарай укрыться от непогоды. Они сидели, нахохлившись, на стропилах крыши, на выступях стен.

Там были краснохвостки, вирео, черношапочные славки, пара береговых ласточек, дрозд с оливковой спинкой. Бедный дрозд скоро умер, так же как и другой, который прилетел позже.

И в самом деле здесь было очень тяжело, в этом злосчастном сарае. Мы все дрожали от холода и ничего не могли делать; оставалось только сидеть и ждать, когда разгуляется погода.

И все же никто из нас не унывал и не падал духом. Мы все были молоды и жили надеждой, что скоро найдем себе хороший участок земли.

Каждый день мы встречались с такими же путниками, как и сами, — некоторых видели на дороге, других — в лагере, а третьи приветствовали нас из своих новых землянок.

Стоило взглянуть на телеги переселенцев, чтобы безошибочно сказать, что это едет беднота. Они жили впроголодь. В дымных землянках, покрытых толем вместо крыш, было грязно. И все-таки эти люди не горевали, и бедность не угнетала их, потому что в сердцах жила надежда.

Молодые люди были здесь с молодыми женами, а некоторые и с маленькими детьми. Люди старшего поколения, потерпевшие неудачу в восточных районах Америки, надеялись устроиться здесь. Они с усердием пахали, огораживали свои участки, достраивали землянки — первое пристанище поселенцев, словно знали зачарованное слово, которое сбросит с них путы нищеты и превратит горе в радость.

Солнце вставало и светило каждый день над этим краем неугасаемых надежд.

* * *

В пятницу утром 20 мая мы вернулись в кербери из нашего первого безуспешного путешествия в поисках земли.

Глава XV

По следам

В середине ноября, когда снег уже покрыл землю, я отправился бродить по следам диких зверей.

Очень скоро я набрел на свежий след лисицы. След лисы нетрудно узнать, если отпечатки сделаны на влажной земле или же на тонком слое снега. След небольшой собаки похож на лисий след, но имеет свои особенности.

На рисунке показаны следы лисицы и собаки. А — собака, В — лиса. У собаки след зигзагообразный, у лисицы

он идет почти по прямой линии. Это объясняется тем, что у собаки грудь гораздо шире, чем у лисы. По отпечаткам можно заметить, что собака очень небрежно волочит свои ноги по снегу, лиса же поднимает их осторожно вверх и аккуратно ставит их. Таким образом она тихонько пробирается по лесу. Там, где на рисунке поставлен знак X, виден след, оставленный пушистым хвостом лисицы.

Все сказанное подтверждает, что это был след лисицы. Я шел по нему на протяжении четверти мили в одном направлении, потом след повернул обратно, пошел зигзагами по ходу ветра — к норе на откосе берега. Лисица вытащила спящего удава из норы, загрызла его, оставила на берегу и пошла себе дальше. Прошла полмили — попала в заросли кустарника, где лежал глубокий снег.

Когда лиса пришла к месту, она остановилась. Лиса, наверно, почуяла — у нее ведь очень тонкое обоняние, — что где-то здесь неподалеку спрятались куропатки.

В этих краях в холодные морозные ночи тетерева и куропатки ночуют в снегу. Если бы они оставались спать на открытом месте, при морозе в 40 градусов, они замерзли бы. Поэтому в сильные морозы, когда садится солнце, куропатки зарываются в свежий, рыхлый сугроб. Ветер заметает снег, укутывает птиц снежной пеленой, так что никаких следов куропаток не найдешь.

Итак, лиса остановилась, ее чуткий нос подсказал: "Будь настороже!"

Лиса остановилась и подняла одну лапу.

Как я мог узнать об этом?

Очень просто: потому что в точке 1-й я увидел маленький отпечаток, сделанный лисьей лапкой, — она едва коснулась снега.

Потом тихонько — шаги здесь короткие — лиса прокралась дальше, обнюхивая следы. В точке 2-й она потеряла след и повернула к точке 3-й.

Теперь лиса хорошо учуяла запах куропаток — они где-то близко. Идя по ее следам, я заметил несколько осторожных шажков, потом глубокие отпечатки двух задних ног. Здесь лиса прыгнула вперед, как раз в тот момент, когда две куропатки рванулись из сугроба (в точках 4-й и 5-й) и быстро полетели. Однако одна из куропаток, та, которая вылетела в точке 4-й, немного замешкалась. Лиса поймала ее на лету, тут же на снегу принялась есть ее, а остатки унесла с собой.

Только теперь я понял, почему далеко позади лежал мертвый удав. Змея никогда не была лакомством.

А холодная змея, да еще в холодный день — это уж совсем не вкусный завтрак! Лиса загрызла удава, чтобы он не мог уползти, а сама пошла искать чего-нибудь повкусней! Если бы лисе не попалась хорошая добыча, она вернулась бы к удаву. Но теперь мы знаем, что ей незачем было возвращаться, — она позавтракала теплой вкусной куропаткой.

Все эти приключения лисы я узнал, даже ни разу не взглянув на лису, по одним только ее следам, оставленным на снегу среди просторов далекого Запада.

Жизнь диких животных настолько увлекла меня, я начал так напряженно ловить каждую приметку, которая помогла бы мне разгадать их тайны, что даже в окрестностях города Торонто находил интересные, загадочные следы и расшифровывал их значение.

Недалеко от нашего дома была глубокая лощина и лесные заросли. Как-то раз во время прогулки я спустился в лощину. Следы на свежем чистом снегу были очень отчетливые и интересные.

Под кустом я нашел след кролика. Что-то заставило его прыгнуть. Продолговатые отпечатки задних лап были впереди двух маленьких круглых следов передних. Это объясняется тем, что во время прыжка кролик ставит задние ноги вперед, и чем быстрее он мчится, тем дальше впереди следы его задних ног. Интересно, что получилось бы, если бы кролик ускорил свой бег в десятки раз?

В местах, обозначенных С и Д, кролик крутился на месте, как будто бы увертываясь от врага. Но какого врага? Ведь там не было других следов. Я подумал, что кролик сошел с ума, испугался и увертывался от несуществующего врага.

Но в точке Г я вдруг заметил брызги крови, в С — другие. Так вот оно что!

Кролик и на самом деле был в опасности, он убегал от настоящего врага. Но какого же? Других следов я все-таки пока не мог найти.

Но вот в точке Н я увидел следы, по-видимому оставленные крыльями. Только теперь я понял: кролик пытался уйти от когтей орла, ястреба или совы.

В точке К я нашел наконец остатки съеденного кролика. Значит, это не был орел, потому что орел либо съел бы кролика целиком, либо унес его с собой. Это был ястреб или же сова. Но кто из них?

Я стал всматриваться в следы и около остатков кролика нашел отпечатки лап совы, а на ближнем деревце — ее перья.

Итак, это была сова.

Я присел, чтобы зарисовать эти следы. А пока я сидел, прилетела та самая сова, чтобы еще раз закусить. Она уселась на ветку прямо над моей головой. К сожалению, у меня не было фотоаппарата с собой и я не мог ее снять, но зато у меня был альбом для зарисовок. Я зарисовал сову, пока она сидела на ветке.

Однажды днем в конце ноября я сидел у окна и глядел в незамерзшую часть стекла. Вдруг я увидел огромного волка. Он промчался через наш двор и ворвался в коровник. За волком гналась черная собака колли.

Я закричал:

— Волк! — и выбежал с ружьем в чем был, без шапки, без пальто.

Пока я добежал, собака уже выгнала волка из коровника и помчалась в погоню. Я выстрелил вслед волку, но промахнулся.

Тогда я сам присоединился к погоне.

Никогда еще я не видел такой интересной травли. Приблизительно через каждые сто ярдов собака догоняла волка и набрасывалась на него сзади. Волк бросался в сторону, а собака наступала на него со стороны леса. Собака всячески старалась не пустить волка в лес, а волк, наоборот, прилагал все усилия, чтобы укрыться в лесу.

Все ближе и ближе к поселку гнала собака волка. В конце концов собака добилась своего: волк очутился в пятидесяти метрах от одной усадьбы.

Выбежали люди. Теперь уже не страшно было свирепое щелканье зубов — собака стремительно набросилась на волка и повалила его на землю.

Как раз в это время подоспел и я с ружьем.

Пуля попала волку в лоб.

А собака?

Увидев, что ее враг убит, она помчалась обратно в прерию, как будто не чувствуя никакой усталости, словно и погони никакой не было. Она ни разу не останавливалась, пока не прибежала к усадьбе, где гостил ее хозяин. Это было на расстоянии четырех миль от дома, откуда собака гнала волка.

Франка — так звали собаку — все знали в окрестности. Ни один пес не мог состязаться с ним в быстроте бега и выносливости. Меня так поразили его необычайный ум и отвага, что я постарался получить одного из щенят Франка. Это был чистокровный шотландский колли.

Для жизни в глухих местах колли — лучшая в мире собака. А мне казалось — так, наверное, думает каждый, у кого есть собака, — что моя была лучшая из этих лучших собак.

Я назвал своего щенка Бинго. Кому захочется познакомиться с Бинго, пусть прочтет рассказ о нем в книге "Мои дикие друзья".

В декабре у меня была встреча с очень умной лисой. Я пробирался по снегу к лесу и заметил лису на краю зарослей кустарника. Я сразу остановился и притих на месте, чтобы дать лисе зайти под прикрытые зарослей.

Потом я стал тихонько подкрадываться, думая, что лисица в кустах. Но ее там не было. Я стал всматриваться в снег и заметил следы, по которым догадался, что лиса была на расстоянии полумили от меня и следила за мной с напряженным вниманием.

Оказалось, судя по следам, что лиса увидела меня в тот самый момент, когда и я увидел ее, но, не показывая виду, скрылась в кустах, а потом побежала. Наверное, она долго смеялась надо мной, глядя, как я выслеживаю ее возле кустарника.

"25 декабря 1882 года. Мороз все крепчает и крепчает. Термометр показывает все время 20° и 30° ниже нуля. Ни мать, ни отец не привыкли к такой стуже и уехали в Торонто, с ними и моя кузина Мери Берфильд".

Скоро и братья поехали домой, оставив меня одного с братом Артуром.

Три года прожили мы с ним вдвоем. Я помогал ему по хозяйству, ходил за коровами, курами, а кроме того, был еще и за повара. Весной пахал землю, летом участвовал в уборке урожая.

"8 января 1883 года. Вчера видел лису на поляне и, когда выходил из дому, трех волков около нашего сарая.

14 января 1883 года. Вчера была довольно сильная метель. Сегодня в течение дня видел по меньшей мере восемь волков. Все они шли с севера по направлению к югу. Ветер дул с юго-запада".

* * *

Все американцы, конечно, слыхали о снежных бурях, которые свирепствуют на северо-западе нашего материка. Но только тот, кто сам побывал здесь, знает, что это такое.

В течение первой зимы в этих краях мы, новички, все время ждали, что вот-вот разразится снежная буря.

Наступило рождество. Снег становился все глубже и глубже. Все время стояли сильные морозы, однако ветров особенных не было.

Но вот пришел день, когда ветер начал дуть сильно, так сильно, как никогда не дул в Онтарио. Сугробы на снежной волнистой равнине становились все выше и выше. А по гребням их со свистом и ревом ветер нес целые облака снега, заволакивая дали снежной пылью.

Стало очень, очень холодно.

Глядя на бушующее снежное море, кто-то из нас, новичков, спросил:

— Артур, это буран?

Презрительное "пх!" — вот все, что мы получили в ответ.

Метели становились все чаще и чаще, но их здесь как будто никто не замечал, жизнь шла своей колеей, и люди не прятались по домам.

В середине января налетела еще одна сильная снежная буря. Температура упала до -30° . Всю ночь бушевали ветры около дома и рвались в прерию. Сугробы все росли и росли, и наконец не стало видно изгородей около домов. Местами же земля была совсем оголена. От мороза коченело лицо, и нельзя было оставаться больше часа на воздухе, чтобы не отморозить себе нос или ухо. Ехать куда-нибудь было невозможно.

Кто-то из нас, глядя, как неистовый ветер гонит и кружит облака снежной пыли, спросил:

— Артур, ведь это уж наверняка снежный буран?

— Нет, — с усмешкой ответил брат.

Наступил февраль. Глубокий снег покрыл все кругом. Ветры нанесли огромные сугробы.

Однажды к концу месяца, на заре, появились облака. И хотя погода была тихая, время от времени порывами налетал ветер и подымал снег с земли. Потом ветер затихал, и снег ложился на землю.

К вечеру непогода разыгралась. Ветер дул с севера и становился все сильнее и сильнее. Поднялась метель. Температура опустилась до 40° ниже нуля.

Всю ночь мы слышали, как ревел ветер и обледенелый снег хлестал по крыше.

Утром стало еще хуже. Уже должно было светать, когда мы выглянули за дверь, но ничего нельзя было рассмотреть на расстоянии даже двадцати шагов.

Это был настоящий хаос крутящегося мелкого снега, непрерывный вой колючей метели — снег сверху, снег

вокруг вас, снег снизу, снег повсюду — снег, который пронизывал ледящим холодом до самых костей. Ветер гнал растрепанные облака над самой землей, наметал целые горы снега.

Оглушающе ревел ветер, воздух обжигал холодом, как огонь. Казалось, весь мир погиб под могучим натиском снежной бури. Слово не было ни неба, ни земли, — ничего, кроме этого свирепого ветра и ужасной метели.

Всюду был мрак, и день был, как ночь.

Мне больше нечего сказать. Буря — как ничтожно это слово!

Два дня мы сидели взаперти. На третье утро все затихло.

И когда мы откапывали погибший скот из-под снега, я спросил брата:

— Артур, это был буран?

Брат ничего не ответил.

* * *

В 1882 году у меня было много интересных приключений и наблюдений над птицами и дикими животными.

В дневнике осталось много записей и наскоро сделанных зарисовок.

С каждым днем мои силы восстанавливались, и я чувствовал себя бодрее. И когда в начале марта я увидел снежных подорожников на сугробе и услышал их нежные весенние песенки, я решил, что пришло время для операции, она освободит меня от ненавистной черной "змеи", которая впивалась в мое тело днем и ночью, отнимала радость юных дней.

Я узнал, что лучшим хирургом в наших краях был доктор Мюзес Гуни. Он жил в Чикаго. Его имя было известно и за пределами нашей страны.

Подсчитав свои деньги, я купил себе самый дешевый билет на пассажирский поезд до Чикаго. Прибыл туда 15 марта 1883 года в семь часов утра.

На вокзале меня встретили мой брат Джордж и кузина Мери Берфильд. В тот же день мы пошли на прием к знаменитому хирургу.

Операция прошла благополучно, и через шесть недель я уже спешил в Манитобу, окрыленный надеждами и радостью.

Черная туча, омрачавшая мою юность, наконец-то рассеялась.

Мои встречи с птицами

Снова в Кербери. Хотя чувство слабости еще не прошло, но я был бодр и радостно настроен — операция прошла благополучно, я был теперь здоров.

Цвела ветреница, и прерия была так чудесна в этом прелестном наряде! Весенние песни птиц звенели над ее просторами и доносились из лесу со всех сторон.

Никогда не забуду один майский день, когда я бродил по холмам и сказочно красивым еловым рощам, и чувство непередаваемой радости переполняло мое сердце. Меня радовало все кругом, но, кажется, больше всего то, что теперь я знал голос почти каждой птички, знал, как ее зовут, и понимал ее песнь.

Был восхитительный закат солнца, когда я пробирался через болото по бревнам — переправе, которую я сам здесь устроил.

Вдруг до меня донеслись звуки чудесной песни. Я узнал своего старого друга — королевскую птицу. Она пела знакомую, любимую мою песнь, но пела так, как никогда, и я весь превратился в слух.

Звуки песни лились, нарастали и крепили, потом зазвучали тише и рассыпались в трель.

Я был взволнован, как никогда, и под впечатлением волшебной песни незаметно прошел свой дальний путь домой.

* * *

В дни моего детства в окрестностях Линдсея (штат Онтарио) почти не было уже диких зверей, зато птиц было много. Гнезд было особенно много на обгоревших после лесного пожара остовах деревьев. Там высиживали своих птенцов белокрылые желны, красноголовые дрозды, американские пустельги и множество маленьких птичек. На месте пожарища на хорошо освещенном солнцем участке бурно росла малина. Сюда мы приходили каждое лето с ведерочком собирать ягоды. Малина созревала в июле. Было нестерпимо жарко под этими черными, обуглившимися деревьями и трудно было пробираться сквозь густые заросли малины, перелезая через упавшие деревья. Здесь было очень много ос. Их укусы запомнились вместе с ароматным запахом малины, с громкими криками древесных уток и воробьиного ястреба.

Но часто слышались и другие звуки. Неподалеку, на заболоченном месте, росли лиственницы, и оттуда доносилась к нам мелодичная песенка с присвистыванием. Она была так не похожа на карканье ворон и крики лесного петушка, что мы невольно прислушивались к ней.

Маленькая серая птичка была чудесной певуньей, и грустная песнь ее лилась нежными, чистыми звуками.

Мы не знали, что это была за птичка. У нас не было книг, которые помогли бы нам узнать ее имя. И мы назвали ее "болотной свистуньей".

Прошло два или три года. И всегда, как только наступало лето, нас тянуло в то место, где росли лиственницы и где было гнездо нашей свистуньи. Однажды я слышал, как она пела даже среди темной ночи.

Как-то ранней весной, когда еще не стаял снег, птичка летела и пела знакомую песнь. Почему-то тогда, в снежном лесу, она захватила меня своей песнью еще больше, чем в жаркие июльские дни, когда мы собирали малину.

Но никто из нас так и не знал ее имени. И мне было очень грустно, что я не смог разгадать эту тайну.

Это было в конце 60-х — в начале 70-х годов прошлого столетия. С каждым годом я все больше увлекался изучением птиц. В школьные годы мне удалось узнать некоторые имена крупных американских естествоиспытателей.

Потом произошла большая перемена в моей жизни: я уехал учиться в Лондон. Там в большой научной библиотеке при академии я получил возможность читать труды наших ученых-натуралистов, имена которых я уже знал. С жадностью просматривал я книги, лист за листом, пытаюсь найти указания, которые помогли бы мне определить милую болотную свистунью.

Один из английских любителей птиц, заметив, с какой настойчивостью добивался я определения очаровавшей меня птички, с участием стал помогать мне и высказал предположение, что это может быть дрозд-отшельник.

Но я не знал, так ли это.

"Это новая птичка, — думал я. — Никто здесь, наверное, еще не слышал ее песни. Я сам опишу ее".

Теперь я знал, что ученые сами дают названия неизвестным в науке птицам и описывают их характерные признаки.

”Я назову ее ”канадским соловьем” или ”певуньей бора”. Мне нужно будет обязательно узнать ее индейское название и сообщить его друзьям детства”.

Потом наступил новый период моей жизни. Я попал на Северо-Запад Америки, где впервые, руководствуясь орнитологической книгой, я приступил к изучению птиц. Я приобрел ”Определитель птиц” Куэса.

Трудно передать ту радость, которую эта книга дала всем любителям птиц Америки. Ошибок в ней было немало. Я знал это. Но зато она была первой удачной попыткой дать точные знания всем, кто любил и хотел знать живых птиц, а не птичьи чучела.

Под вдохновляющим влиянием этой книги мои исследования быстро продвигались вперед, и возле меня собралась группа мальчиков, которые, так же как и я, хотели многое знать о птицах, но им никто не помогал.

И все-таки маленькая свистунья в лиственницах оставалась для меня мучительной тайной.

Один из моих друзей сказал, что он проследил за певцом этих песен и что, конечно, это был дрозд-отшельник. Другой предполагал, что это был золотоголовый дрозд. Третий думал, что это очень редкая, еще неизвестная науке птица и что она должна быть причислена к семейству соловьев.

В то время мне приходилось много путешествовать. Я был в верховьях реки Ассинибуон. В своем дневнике я нашел следующую запись:

”Сегодня вечером мы разбили свой лагерь на краю зияющей в земном шаре трещины, по дну которой протекает река Раковин. Когда я шел по краю обрывистого берега, любуясь, как солнце садилось среди огненно-пурпуровых облаков, маленькая птичка прилетела и села на ветку засохшего дерева. Освещенная ослепительными лучами солнца, она запела песнь, которая разбудила во мне целый рой волнующих воспоминаний.

Потом она скрылась в лесу, и издали ко мне доносились нежные звуки ее песни”.

Это была песнь, которую я знал с детства. Но я никогда не видал вблизи свистунью и ни от кого не мог добиться, чтобы мне сказали, как ее зовут. Но теперь я удовлетворен тем, что могу с уверенностью сказать: эта птичка не золотоголовый дрозд.

Я легко мог бы подстрелить ее, и тогда исполнилась бы моя заветная мечта — я узнал бы все о таинственном маленьком друге.

Но у меня не поднялась рука.

Много раз в то лето, когда я бродил по болотам, я слышал ее грустный призыв.

1 мая 1883 года я был в Чикаго. День у меня был свободный, и я бродил по зоопарку. Там были клетки с обыкновенными местными птицами. Я был еще на расстоянии около пятидесяти шагов, когда моего слуха коснулись звуки, которые заставили меня вздрогнуть. Из-за железной решетки клетки лилась тихая, нежная песнь болотной свистуньи.

Я бросился вперед. Там были воробьи самых разнообразных видов, дрозды, синички, малиновки и много других пернатых певцов.

Но кто из них пел?

Я просидел час, но песня не повторилась.

Теряясь в догадках, я сел в поезд и уехал домой.

Тайна осталась неразгаданной.

Дней через десять я бродил по окрестностям Кербери. Стояла чудесная погода, и на опушке леса было множество птиц. Я собрал уже много птичьих шкурок для своей коллекции, когда вдруг прилетел очень красивый дубонос. Он сел на ближнее дерево и стал тревожно звать кого-то. Я хотел было подстрелить его, но как раз в этот момент на другое дерево сел ястреб, как мне показалось — ястреб-змеятник. У меня остался только один патрон, и я стал тихонько подкрадываться, чтобы пополнить свою коллекцию новым видом ястреба.

Не успел я спустить курок, как над самой моей головой с ветки дерева раздалась знакомая тихая песенка, и с ней нахлынули дорогие воспоминания.

Забыв был ястреб и дубонос, и как ни зачерствело мое сердце охотника, у меня сильно дрожали руки, когда я вскинул ружье и стал целиться в свистунью.

Я выстрелил.

Она упала на землю, безжизненная, как камень. Чистая жертва, принесенная на алтарь жажды знаний.

Я бросился к ней.

И что же оказалось?

Моя певунья-чаровница была не кто иная, как воробей-белошейка. На севере ее называют соловьем за ее чудные песни и за то, что она любит петь по ночам¹.

Мне попалась запись в дневнике, посвященная моей любимице:

¹ Латинское название этой птички — зонотрихиа-альбиколлис.

”7 октября 1883 года.

Снова на обрывистых берегах реки Раковин. Здесь впервые я услышал песенку, которая была мне так дорога на протяжении многих, многих лет. Было темно, когда мы приехали сюда в мрачный холодный осенний вечер. Ревела река, заунывно кричала ночная сова, и только нежное посвистывание одной птички успокаивало сердце.

Каждый раз, как только я слышу эту песнь, в сердце пробуждаются самые дорогие воспоминания, не столько детства, сколько золотых дней юности. Эта тихая, грустная песенка всегда волнует меня до самой глубины души”.

Глава XVII

На реке Ассинибуон

В июле 1883 года к нам приехал из Англии мой товарищ, естествоиспытатель Миллер Кристи. Он собирался погостить несколько недель. Кристи очень быстро подружился со всеми и внес много интересного в нашу жизнь. От него я впервые узнал о замечательных открытиях Дарвина, и рассказы о великом ученом увлекали меня, как сказка.

Мы много бродили с Кристи по прерии, лесам и болотам, по берегам красивых озер и особенно часто бывали у озера Часка, которое я так любил. Я всегда радовался от всего сердца, когда видел, что Кристи доволен и что ему хорошо у нас. Кристи был старше меня и знал больше и был очень интересным собеседником.

6 августа мы отправились пешком в далекую экскурсию с целью пересечь глушь, которая лежала между нашими местами и рекой Ассинибуон. Захватили с собой одеяла, котелок, кружки и одно ружье.

На следующий вечер, на рубеже заселенной земли мы устроились на ночлег под комбайном. Всю ночь мы слышали легкое жужжание под нашими одеялами. На рассвете обнаружилось, что мы спали на осином гнезде. По-видимому, эти насекомые совершенно беспомощны ночью. Этим, наверное, объясняется, что на них очень удачно охотится скунс — ночной охотник. Рано утром осы заставили нас покинуть их жилище.

Мы посетили озеро Часка — самое большое озеро в том районе. Оно лежит к юго-западу от Кербери, на

границе между открытой прерией и песчаными холмами, заросшими лесом. Озеро это тянется в длину на две мили, а ширина его полмили. С восточной стороны к нему примыкало болото, где водилось около пятидесяти видов птиц. На глубоком месте озера были плавающие гнезда черных крачек. Они были свиты из сухих тростников и прикреплены к стеблям живых водорослей.

На западе и на севере подымались песчаные холмы с красивыми еловыми рощами и небольшими осиновыми лесками. Здесь бродили олени, лоси, лисицы, волки, барсуки. Эти места становились мне все дороже и дороже. И если бы я знал их раньше, то выстроил бы здесь хижину.

Я провел здесь самые счастливые дни, полные интересных приключений. Здесь я впервые встретился с индейцем Часка и его именем назвал это озеро. Здесь я охотился на оленей и убил своего первого и единственного лося.

Я писал стихи, вдохновленный красотами природы. Казалось, все, что было самого прекрасного и интересного в моей жизни, связано с этим озером. Жители окрестностей называли эти дикие чудесные места "царством Сетона".

* * *

Первого октября мы снова отправились на поиски земли, на этот раз к форту Пелли. Нас было трое: Джон Дуф, Джордж Ричардсон и я. Джону принадлежал "выезд" — пара молодых и очень бойких бычков, запряженных в легкую телегу. Джордж был за повара. На мне лежала забота о палатке, всяких походных вещах, и, кроме того, я был выбран проводником, так как лучше других знал эту местность.

Наш путь лежал к северу. Из Кербери мы выехали в полдень. Проехав пятнадцать миль, мы устроили привал у ручья. Здесь и переночевали. Так началось наше путешествие.

Через десять дней пути мы разбили свой лагерь в чудесной долине. Кругом была плодородная прерия, вдаль за холмом виднелись леса.

Здесь мы с братом выбрали себе надел земли. На моей половине было маленькое озеро, ручей протекал через весь участок. И чтобы закрепить за собой свое право, я воткнул кол и сказал:

— Вот это будет моя земля.

Вечерело. Мы разбили палатку и стали готовить ужин. Небо хмурилось, наступило резкое похолодание. Скоро оба товарища ушли спать, оставив меня одного у костра.

Пока я сидел задумавшись, тучи рассеялись, и показался месяц. Ушастая сова приветствовала его своим "хухуху".

Где-то раздалось протяжное завывание койота.

Было сказочно красиво кругом.

И вспомнилось мне, как ровно два года назад я стоял на берегу Темзы в Лондоне. Над горизонтом поднимался такой же месяц, звонили колокола, и раздавались свистки пароходов.

Только два года назад! Казалось, что десять лет прошло с тех пор.

Каким я был хрупким юношей! Я стал всего лишь на два года старше, но жизненного опыта у меня прибавилось, словно за десять лет. Я был теперь совершенно здоров — операция избавила меня от непрерывных страданий. Я окреп не только физически, но и духовно — я нашел себя, я выбрал свой жизненный путь.

"Никогда больше не вернусь в Лондон", — сказал я про себя. И не жалею об этом.

У моего пояса висела расшитая бисером сумка работы индейцев, в ней хранились мои ценности. Я стал вынимать их. Вот письмо матери, выгравированный на слоновой кости входной билет в библиотеку при Королевской академии, письмо от принца Уэльского, архиепископа Кентерберийского, лорда Биконсфильда и, наконец, персональный пожизненный билет в Британский музей. Здесь же хранил я и деньги.

Я собрал все, что было связано с жизнью в Лондоне, включая входной билет в музей и письма, помешал угли костра... Но в последний момент я заколебался, отложил билет из слоновой кости и письмо матери; все остальное я бросил в пламя.

Теперь мне кажется, что это было неразумно. Но так или иначе, это был конец моей лондонской жизни и начало новой. С того дня я пошел своей собственной тропой, не зная и не спрашивая никого, была ли это лучшая дорога. Я знал только одно: это была моя дорога.

10 октября почти у самого форта Пелли мы сделали привал, чтобы пообедать. Для нас было достаточно полчаса, но наши волы, питаясь только на подножном корму, должны были пастись не менее двух часов. Мы оставили их пастись, а сами пошли побродить.

Чем дальше мы продвигались на север, тем прекраснее становилась природа. Она мне казалась теперь почти безупречной по своей красоте. Куда ни глянешь — необъятная прерия, покрытая высокой, по колена, травой. Всюду лески и озера.

— Давайте-ка посмотрим, какой вид открывается с этого холма, — предложил я.

И мы поднялись на ближайший невысокий холм.

Вид отсюда казался еще прекрасней. Волнообразный холмистый рельеф сменялся равниной прерии. Темными пятнами виднелись леса. И все это бесплатно предоставляется поселенцам!

— Я возьму вот этот кусок земли, — сказал Джон.

— А я вот тот, — слышался голос Джорджа. — Этот участок сойдет для отца, а вот тот — для братишки.

Так мы и поделили землю, чувствуя себя полными хозяевами.

Мы прошли еще одну милю, до следующего холма. Отсюда открывалась картина еще чудеснее.

Чем дальше мы шли, тем прекраснее казались места. И мы говорили друг другу:

— Давайте посмотрим вид с того холма.

Незаметно мы отошли на несколько миль от того места, где оставили телегу.

Мы спохватились, только когда увидели, что солнце уже садится. Небо заволкло черными тучами.

Наша верхняя одежда осталась на телеге, и октябрьский дождик показался нам очень холодным. Нужно было торопиться в обратный путь.

Я как проводник шел впереди. Позади, с трудом поспевая за мной, шли два товарища.

Около часа мы шли очень быстро. Тем временем вечерняя тьма стала окутывать холмы, а я еще не видел ни одного признака, по которому можно было бы узнать наш путь.

— Стой, ребята, мне нужно проверить одну вещь, — сказал я, доставая компас.

Потом я взял спичку из водонепроницаемой коробочки, и мы наклонились над компасом, защищая его от дождя. Я зажег спичку. Оказалось, что мой "кратчайший" путь на север дал довольно сильное отклонение на запад.

Я исправил направление и зашагал вперед еще быстрее прежнего. Но и на этот раз не заметил ничего, что помогло бы мне ориентироваться в местности.

Итак, через полчаса я сказал:

— Стой, братцы, дайте-ке еще раз взглянем.

Снова мы наклонились над компасом, заслоняя от дождя и ветра огонек спички, и снова увидели, что сильно отошли на запад.

Теперь я решил круто повернуть на восток.

И вот опять мы спешим сквозь черную мглу ночи. Скоро я увидел впереди себя какую-то странную серую полосу, она пересекала наш путь.

— Стой! — скомандовал я. — Надо проверить, что там такое.

Я пригнулся к земле и пополз, вытянув вперед руку, стараясь ощупью узнать, что впереди. Я не мог понять, был ли это пруд, или просто дымка тумана.

Я продолжал ползти, соблюдая крайнюю осторожность.

Через две или три минуты все стало ясно.

— Ну, друзья, что тут греха таить — мы заблудились. Где мы сейчас находимся, я знаю столько же, сколько и вы. Одно только могу с уверенностью сказать: мы находимся на краю большой пропасти.

Я достал свою спичечную коробку, в ней была только одна спичка.

— Нет ли у кого спичек?

— Ни одной. Мы оставили их в наших плащах на телеге.

— Ну что ж, у меня есть одна спичка. Но что мне с ней делать: посмотреть ли на компас, чтобы проверить, как мы идем, или разжечь здесь костер и переночевать?

Мысль об ужасной пропасти, преградившей нам путь, пугала нас всех, поэтому все решили единогласно разжечь костер и остаться до утра!

Ощупью мы набрали в темноте сучьев и щепок для костра, соскоблили ножом их сырую поверхность и накололи лучинок.

Когда набралась уже порядочная кучка топлива, я достал свою последнюю спичку и хотел разжечь костер.

Но Ричардсон сказал мне убедительно:

— Послушай, Сетон, Джон — старый курильщик, а ты нет. Мне кажется, что будет справедливо доверить Джону нашу последнюю спичку.

Это было разумное предложение — я и на самом деле никогда не курил, — поэтому охотно протянул спичку товарищу, который успешно чиркал уже много-много тысяч раз.

Вспыхнул огонек, и через минуту у нас весело горел костер.

При свете пламени мы подобрали еще много всяких сухих веток, сучков и щепок, и наш костер запылал сильнее и ярче.

Теперь пропасть отчетливо виднелась. Она была очень большой, с отвесными, обрывистыми берегами. Но как далеко она простиралась в длину и как глубоко уходила в землю, — этого мы определить не могли.

Вблизи мы заметили две свежие могилы, одна рядом с другой. У изголовья каждой был крест.

— Как будто для нас приготовили, — раздался мрачный голос Джона.

В соседней ложине мы обнаружили много бурелома, и я решил показать товарищам один фокус, которому меня научили в этих краях.

Целый час мы собирали дрова и укладывали их так, чтобы разжечь длинный костер.

Когда наш костер догорел, мы отбросили горячие угли по обе стороны, так что получилось два длинных ряда тлеющих углей на расстоянии шести футов. После этого я аккуратно подмел это место веником из свежих веток и травы, и мы улеглись друг возле друга на горячей земле. Несмотря на голод, холод и дождь, мы выпались неплохо.

На заре небо прояснилось, и мы посмотрели вокруг себя.

Да, мы были на краю пропасти. Она известна под именем Ассинибуон-Каньон. Глубина ее четыреста футов.

Если бы мы продвинулись еще немного вперед, мы погибли бы.

Отсюда без особых приключений мы скоро добрались до нашего лагеря. Волы спокойно жевали свою жвачку, досыта наевшись травы.

Все было так, как мы оставили: плащи висели на оглоблях телеги, ружья прислонены к колесам, посуда

и продукты на своих местах, ничего не пропало, как будто мы и не уходили никуда.

Наш повар начал готовить завтрак, погонщик пошел к своим волам, а я, проводник, обошел лагерь, внимательно осматривая все кругом.

— Алло! Что же это такое?

В пыли, чуть прибитой дождем, был большой след индейского мокалина, рядом другой, еще и еще, большие и маленькие, много всяких следов. Короче говоря, во время нашего отсутствия в лагере побывали индейцы.

Но все было цело. Они, по-видимому, осмотрели наше имущество, но ничего не тронули. Меня это несколько не удивило — я знал, что дикари-индейцы отличаются большой честностью.

Скоро повар позвал нас к завтраку. Поверьте, ему не пришлось повторять свое приглашение.

И только мы с аппетитом принялись за еду, как из соседнего леса пришли два индейца. У того и другого было по мешку за спиной.

Они приветствовали нас, по своему обычаю, восклицанием "Хо!", и каждый протянул вперед руку с выпрямленной ладонью.

Знаками я пригласил их присоединиться к нашему завтраку. Индейцы поблагодарили меня, тоже на языке знаков, объяснив, что они уже позавтракали, но что от кофе не откажутся.

Мы подали им по чашке кофе, который они потихоньку пили, пока мы не кончили завтрак.

Теперь, согласно индейскому этикету, можно было начать деловой разговор.

Старший из индейцев поднялся. Знаками он рассказал, что накануне, около четырех часов дня, люди его племени спустились сюда по тропе, которая вела с севера. Они нашли здесь лагерь бледнолицых, никем не охраняемый.

Среди вещей, которые особенно заинтересовали индейцев, был бочонок с патокой, любимым лакомством индейских детишек. Когда дети увидели патоку, они стали просить родителей и плакать, уговаривая их дать им полакомиться. Родители решили подождать возвращения хозяев и ночевали в соседнем лесу. Когда они заметили, что в лагере люди, они тотчас же отправили своих послов для переговоров.

У одного индейца был мешок с картофелем, у другого — мешок с ячменем. Один из них протянул ведро

и знаками объяснил, что они хотели бы обменять мешок картофеля и мешок ячменя на полведерка патоки.

Я знаками выразил свое согласие и наполнил ведро патокой до самых краев. Картофель был очень кстати нам, а ячмень — нашим волам.

* * *

Скоро мы прибыли в Бергл. Здесь в земельной конторе мы закрепили за собой землю и отправились в обратный путь. В Кербери мы вернулись незадолго до того, как выпал первый снег.

Глава XVIII

Охота на лося и оленей

Не раз мне случалось видеть следы оленя, когда я бродил по болотистым местам, разыскивая птичьи гнезда. Однако еще ни один олень не попался мне на глаза. Но как только выпал снег, я дал себе слово, что буду ходить на охоту до тех пор, пока олень не станет моей добычей.

Итак, в конце октября я отправился в далекий путь. Прошел пятнадцать миль, но ровно ничего не увидал. На следующий день я забрел еще дальше, но все напрасно.

На третий день я прошел двадцать миль по глубокому снегу, нашел два старых лосевых следа и снова вернулся домой с пустыми руками, усталый и измученный.

Наутро я продолжал свои поиски. Теперь я пошел в другом направлении; шел долго и снова заметил два старых следа. Они привели меня к лесистой местности, где, судя по свежим следам, недавно были олени.

На рассвете следующего дня мы вдвоем с братом отправились на поиски оленей. Я видел семь оленей, он двух. Я слегка ранил одного оленя, но ни одного не убил.

Впервые мне пришлось видеть диких оленей. Этих минут я никогда не забуду.

Мы переходили через гребень холма, когда я заметил свежий след и сказал брату:

— Пойдем по этому следу, он выглядит совсем свежим.

Не успели мы пройти и нескольких шагов, как брат закричал:

— Стой! Вот олень, прямо перед тобой.

И на самом деле, внизу, в ложине, заросшей кустарником, виднелись белые хвосты двух оленей — сами олени были такой же окраски, как и кусты в осеннем наряде, но белоснежные хвосты, поднятые прямо вверх, резко выделялись.

Я простоял минуту, любуясь изящными созданиями. Но вот они продвинулись вперед и начали прыгать вверх и вниз с необычайной легкостью какими-то своеобразными прыжками. Я думаю, что они играли, потому что в их движениях не было заметно и следа торопливости или тревоги.

Мне казалось, что они прыгали на одном месте. И только потом, приглядевшись внимательнее, я понял, что они убегали, их стройные ноги касались то одной, то другой вершины холма, а сами олени становились все меньше и меньше.

Выше и выше они подымались в воздух, а потом грациозно скользили вниз, огибая высокий хребет. А когда эти бескрылые птицы летели через пропасть, их белые хвосты, словно флаги, висели в воздухе.

Я стоял, очарованный чудесной картиной, пока олени не исчезли из виду. У меня не поднялась рука, чтобы спустить курок.

Потом я пошел туда, где, мне казалось, олени прыгали на одном месте. Вот я нашел один след. Но где же другой? Я осмотрел все кругом и был крайне удивлен, когда обнаружил ближайший след на расстоянии пятнадцати футов. Я пошел дальше. Снова такой же разрыв, опять и опять. Дальше расстояние между следами было в восемнадцать футов, потом в двадцать футов и, наконец, в двадцать пять. Каждый из этих легких, игривых прыжков покрывал расстояние от пятнадцати до двадцати пяти футов. Так что же это такое? Разве так бегают? Да ведь они просто летают и только время от времени спускаются вниз, чтобы коснуться вершины холма своими изящными копытцами!

Под вечер я увидел еще трех оленей, дважды выстрелил, но оба раза промахнулся.

На восьмой день мы отправились на охоту целой компанией, и, как назло, хоть бы один олень попался нам на глаза за весь день! Но перед уходом Джим Дуф подзадорил меня еще раз попытать счастья.

Не успели мы подойти к лесистым берегам озера Часка, как откуда ни возьмись выскочили три великолепных оленя. Они промчались мимо нас на расстоянии

около ста ярдов. Мы оба выстрелили и ранили одного оленя. Но пуля не остановила его, и он умчался вместе с товарищами с быстротой ветра.

Бегом отправились мы по кровавым следам оленя и взбирались с холма на холм, не чувствуя усталости. Позади было уже несколько миль, когда, взобравшись на макушку холма, я взглянул вниз и плашмя повалился на снег.

— Вот они! — едва переводя дыхание, вымолвил я.

Мы подползли к самому гребню холма, и что же? Внизу, совсем близко, стояли два оленя и глядели на нас.

Дрожащими от волнения руками быстро, слишком быстро мы вскинули наши ружья и выстрелили.

Олени не тронулись с места и продолжали смотреть на нас.

Второпях мы зарядили ружья и снова спустили курки. И еще раз промахнулись.

А когда олени повернулись и игриво помчались вдаль, я послал им вслед еще одну пулю.

Она просвистела мимо.

Какая досада! Ведь если бы только мы не погорячились, два прекрасных оленя стали бы нашей добычей.

Как бы там ни было, мы продолжали идти по следу раненого оленя до самого заката солнца.

Вдруг мы столкнулись с индейцем, который, по-видимому, охотился на того же оленя.

Это был высокий, стройный человек со строгими чертами лица и с типичным для индейцев орлиным носом. Он был обут в мокасины, на плечи наброшено белое домотканое одеяло. Его длинные черные волосы были заплетены в косы и украшены бронзовыми кольцами и наперстками. На голове была красная повязка, за плечом ружье, на поясе висел охотничий нож.

Часка — так звали индейца — был молодой вождь племени кри. Он был человеком бывалым и довольно хорошо владел английским языком.

Мы сразу почувствовали симпатию друг к другу. В его спокойных, горделивых движениях было какое-то непередаваемое обаяние, и я знал, что мне будет чему поучиться у Часки, что он откроет мне новые тайны леса.

Оказалось, что Часка стрелял в трех оленей и спугнул их. Он знал, куда они убежали, и с откровенностью, не свойственной индейцам, указал нам это место, добавив:

— Там они переночуют, а наутро будут моей добычей; раненому оленю теперь уже не уйти далеко.

Распрощавшись, мы пошли, сначала как бы направляясь домой. Пройдя некоторое расстояние и убедившись, что Часка потерял нас из виду, мы повернули обратно с намерением пробраться в чащу, куда скрылись на ночь олени.

Уже смеркалось, когда мы пришли туда. Встревоженные олени сорвались с места и исчезли в темноте.

— Пусть-ка теперь Часка поищет их утром. Посмотрим еще, чьей они станут добычей!

Усталые и голодные, мы пошли домой — впереди было еще двенадцать километров снежного пути.

Назавтра, чуть только занялась заря, я поспешил в оленью чащу, чтобы опередить индейца. Со мной было несколько моих товарищей. При нашем приближении олени разбежались в разные стороны.

Мы пошли по следам одного из оленей и были на расстоянии около мили от него, когда вдруг услышали позади себя выкрики индейцев. Я узнал голос Часки. Он отдавал распоряжения своим товарищам. Потом мы услышали выстрел, потом снова направляющие выкрики Часки. Еще один выстрел. И вслед за этим совершенно отчетливо — торжествующие возгласы индейцев. Мы повернули назад. Индейцы подстрелили двух оленей, третий же убежал.

Днем я столкнулся с Чаской — мы оба бежали по одним и тем же следам.

Я сказал ему:

— Почему ты взял моего оленя?

Часка нахмурился:

— Как это — твоего?

— Ведь я же первый ранил его.

— Ранил? Этого мало. Добыча не твоя, добыча принадлежит тому, кто убил зверя. Я застрелил этих двух оленей.

Я не стал спорить, но запомнил это правило для будущего.

Мы продолжали свою охоту вместе, и я не расставался с Чаской до вечера. Он был чудесным парнем и прекрасным знатоком природы.

На следующий день я опять встретился с Чаской, и мы снова бродили вместе по следам. Я был ходоком не хуже, чем он, но все-таки и в этом отношении мне было чему поучиться у него.

Отпечатки моих следов на снегу были пятками внутрь, носками немного кнаружи, а следы Часки, наоборот, пальцами внутрь. Так обычно ходят индейцы.

Я подсчитал, что когда я шел по способу Часки, длина каждого шага у меня увеличивалась на дюйм, и я значительно выигрывал в скорости. Больше того — при таком способе ходьбы работают все пальцы ноги, не исключая и мизинца, и все принимают на себя тяжесть тела.

Мы шли по следам крупного оленя. След пересекал равнину, покрытую густыми зарослями леса, а потом поднимался на холм. Я был за то, чтобы подняться на холм, но Часка сказал:

— Нет, нет: олень бежит через холм, а потом стоит далеко и смотрит, что на том холме делается.

Мы обогнули холм. Часка был прав.

Через некоторое время мы пришли к низкому открытому месту, где росли тростники. Олень обогнул это место, а я хотел идти напрямик.

Часка сказал:

— Нет, нет, не ходи. Ноги замочишь.

Там не было видно воды, но под коркой замерзшей земли был тонкий незамерзший ил, погрузиться в него — это значило намочить мокасины и через час отморозить ноги. Очень скоро я испытал это на собственном горьком опыте.

Однажды мы вышли на ровное место, на котором кое-где росла лиственница. Олень бежал в этом направлении, но Часка сказал:

— Нет, нет, олень сюда не пойдет. Где лиственница, там болото. Олень не любит болото. Он пойдет туда.

Часка показал на дубовую рощу, которая виднелась в стороне.

— Олень любит дубы. Дубы растут на твердой земле. Олень роет копытом под дубом и собирает желуди. Олень любит желуди.

Так оно и было. Олень бродил по дубовой роще, откапывая копытом желуди. Но следы его здесь были настолько запутанными, что мы никак не могли разобраться, куда он ушел отсюда.

Пока мы стояли в раздумье, голубая сойка закричала: "джей, джей, джей!" — и полетела на север.

— Ага, — сказал Часка. — Значит, олень там, сойка сказала.

Следуя указаниям голубой сойки, мы сократили свой путь на целую милю.

Я узнал, что Часка определяет расстояние, на котором находится олень, по одному простому признаку

— по состоянию помета на тропе. Обычно олень роняет свои "шарики" каждый час или около этого. В большие морозы они промерзают и становятся твердыми через час, а это означает, что олень находится на расстоянии около мили. Если шарики остыли, но не затвердели, олень должен быть на расстоянии четверти мили. Когда мы находили их еще теплыми, Часка шептал:

— Стой, он здесь.

Как-то раз мы зашли по следам оленя в небольшую чащу низкого кустарника. Помет был еще совсем теплый, но оленя нигде не было видно. Часка сказал:

— Он прилег.

Взобравшись на ближайший пенек, индеец громко засвистел.

И в ту же минуту на расстоянии пяти — десяти шагов поднялся олень. Он стоял, выпрямившись во весь рост, с настороженными ушами и широко открытыми глазами, видно, недоумевая, кто же это засвистел.

Часка спустил курок, и олень рухнул на землю.

Часка всегда следил за направлением ветра, но я никогда не замечал, чтобы, определяя направление ветра, он прибегал к способу, распространенному среди нас, бледнолицых охотников, а именно: намочить слюнями палец и поднять его вверх. Ветер дует с той стороны, с которой сначала остынет палец. Но, конечно, в такую погоду, какая стояла тогда, мокрый палец стал бы сразу отмороженным.

Часка поступал иначе. Он обычно срывал пучок сухой травы и бросал его над головой. Этим способом он узнавал не только направление ветра, но и силу его. В зимнюю погоду, когда земля была покрыта снегом и траву негде было сорвать, Часка всегда носил пучок сухой травы у себя в сумке. Я слышал, что некоторые охотники для этой же цели носят с собой перья.

У Часки была одна особенность. Когда он колебался и не знал, как дальше поступить, он садился на землю, доставал из походной сумки свой кинни-киник¹ и трубку, не торопясь набивал ее, потом закуривал. Через четверть часа он вставал и продолжал охоту, видно, обдумав дальнейший план действий.

Однажды, когда мы стояли вместе на вершине высокого холма, Часка сделал широкий жест рукой, указывая на север, и сказал:

¹ Кинни-киник — смесь из сухих листьев и древесной коры, которую индейцы употребляют для курения.

— Давно бизоны, бизоны, большие стада — давным-давно.

В конце ноября в местную лавку пришло шесть индейцев племени сиу, все, как один, высокого роста, воинственные с виду. Их появление вызвало тревогу. Индейцы спустились с Черепашьей горы, чтобы поохотиться в местных лесах. Местным индейцам едва хватало дичи для охоты, и сиу были непрошеными гостями. С ними всегда было трудно договориться, и они издавна враждовали с племенем кри. Поэтому меня несколько не удивило, когда на следующий день Часка сказал мне:

— Мы идем.

— Куда? — спросил я.

— На Оленью гору, там много оленей. Здесь больно много сиу.

— А как насчет этого? — я показал на две туши оленей, которые висели на дереве в лагере Часки и его товарищей.

— Отправь их в Брендон.

— Как же это сделать?

Брендон лежал на расстоянии тридцать миль. Я, недоумевая, посмотрел на санки.

Часка отрицательно покачал головой. Он показал на железную дорогу и, чтобы было понятнее, произнес:

— Паф-паф!

Так он поступил с двумя оленями, которых убил раньше. Он продал их торговой фирме Гудзон-Бэй и К^о и на вырученные пятнадцать долларов купил себе достаточно продуктов, чтобы уйти на Оленью гору.

Уже тогда, когда мы были друзьями с Чаской, я как-то раз отправился один на охоту. Подымаясь на холм, покрытый свежим снегом, я заметил оленьи следы, которые вели к лесу, на восток.

”По какому следу идти?” — задумался я. Вдруг до меня донесся звук, который отвлек мое внимание, — мне показалось, что олень чешется рогами о ветку дерева. Я стал подкрадываться тихонько, осторожно...

Молодое деревцо покачивалось из стороны в сторону, а внизу, скрытый в густых зарослях, шевелился, как мне показалось, какой-то большой зверь.

— Ага, теперь ты не уйдешь от меня!

Я прицелился и уже готов был выстрелить, когда вдруг заметил красную повязку и черные, как смоль, волосы индейца. Ружье выпало у меня из рук, и я закричал:

— Часка!

Мой индеец был тут как тут. Оказывается, он срезал свой кинни-кинник.

— Часка, — прошептал я, еще не в силах прийти в себя от волнения, — я чуть было не убил тебя. Я думал, что это олень чешется рогами о дерево.

Часка улыбнулся, показал пальцем на красную повязку, которая обхватывала его голову поверх ушей, и сказал:

— Мы все это носим. Теперь ты понимаешь, для чего?..

Мы встретились с Чаской последний раз на почте в Кербери. Со мной были мои старые друзья Гарри Перлей и доктор Гильберт. Часка завоевал и их симпатию.

Меня часто спрашивают, существуют ли и существовали ли индейцы, описанные в произведениях Фенимора Купера. И я отвечаю: "Да, они существовали и существуют, и Часка один из них". Я рад, что имел возможность назвать его именем чудесное озеро, с которым у меня связано столько дорогих воспоминаний.

Днем мои друзья отправились домой, я же охотился до наступления сумерек, а потом пешком пошел домой. Назавтра я бродил весь день один. На следующий день мы отправились на охоту с Джимом Дуфом, кажется, единственным из моих товарищей, который обладал настойчивостью. Хоть бы один олень попался нам на глаза за весь день! В довершение всех неудач я отморозил себе обе ноги. На двенадцатый день, не обращая внимания на больные ноги, я снова отправился на охоту, на этот раз один. Спугнул трех оленей и тщетно преследовал их на протяжении пятнадцати миль. На следующий день я выехал вместе с братом. Мы отправились на то место, где накануне я прекратил преследование. Часа два мы шли по следам и наконец увидели двух оленей. В погоне за ними мы прошли еще пять миль. Брату надоела эта игра. Мы отправились в лагерь обедать, после чего брат уехал домой. Я же вернулся назад и продолжал идти по следам.

Под вечер я осторожно выглянул из-за холма и мельком увидел, как мне показалось, оленя, лежащего в кустах. Я всматривался несколько минут и заметил легкое движение уха. Тогда у меня уже не осталось сомнений. Нас разделяло расстояние около ста пятидесяти ярдов. Я вскинул ружье. Но — увы! — как непослушно было оно в ту минуту!

”Руки дрожат, все равно ничего не выйдет”, — с досадой подумал я и опустил свое ружье.

Через несколько минут, овладев собой, я выстрелил.

Олень вскочил на ноги и стал озираться кругом. Еще и еще раз спустил я курок. А когда олень пустился бежать, я сгоряча выстрелил еще раз. Но все было напрасно. Моя первая пуля просвистела над головой оленя. Вторая попала как раз в середину его подстилки. Третья и четвертая пролетели неизвестно куда. Если бы мой второй выстрел был первым, я был бы с добычей. Но этого не случилось. Олень грациозно помчался от меня, а я бежал по его следам на протяжении десяти миль.

Второпях взбираясь на холм, я споткнулся и больно ударился коленом об острый корень, торчавший из-под земли. Было уже совсем темно, когда я добрался домой, обессиленный и измученный.

Итак, я охотился уже четырнадцать дней, преодолел пространство в двести шестьдесят пять миль (из них двести пятнадцать пешком), двенадцать раз стрелял в оленя, обморозил себе ноги, расшиб колено, потерял в весе и все же не убил еще ни одного оленя.

Колено мое болело все сильнее и сильнее, и я решил отлежаться с недельку, чтобы снова выйти на охоту здоровым и со свежими силами.

Чтобы не терять напрасно времени, я стал тренироваться в стрельбе. Смастерив оленя из дерева, я поставил его на расстоянии двухсот пятидесяти ярдов от двери дома и стал в него стрелять.

Я тренировался до тех пор, пока не стал попадать три раза на каждые пять выстрелов. Тогда меня снова потянуло охотиться, но больное колено связало меня, и я чувствовал себя так, как, должно быть, чувствует себя птица с перешибленным крылом.

Наконец мое колено зажило, и я снова на охоте.

Это был пятнадцатый день моих скитаний по следам оленя. Огибая холмы, я повстречался с Дуфом и с тремя другими товарищами. Теперь нас было пятеро, и мы гуськом направились в лесную чащу. Куропатки и зайцы то и дело попадались на нашем пути, но мне было не до них, и я ни разу не спустил курка.

Мы прошли уже около трех миль, когда я заметил свежий след оленя. Дело было к вечеру, и я бродил по следу до наступления темноты.

Наш товарищ Гордон Райт приехал на санях, чтобы развести нас по домам. В назначенный час все были

в сборе, кроме меня. Друзья решили, что "этого парня" не стоит ждать — быть может, он напал на след оленя и ушел за ним миль на двадцать. Они уехали домой, оставив меня одного.

Зачем я пускался один в эти далекие, трудные странствования, никто из товарищей не мог понять. А меня с непреодолимой силой влекло вдаль — ведь я был теперь здоров и полон сил. Пробежать десять миль мне ничего не стоило. Я мог бродить весь день, не зная усталости. И всегда, когда я оставался один в этих тихих местах, меня охватывало какое-то дивное чувство, все горести куда-то исчезали, и я был наверху блаженства.

Багряно-красное солнце пряталось за горизонтом, заливая алой краской снежную поляну. На розовом востоке вставал золотой месяц. Не было видно конца тополевого леса с его светлыми стволами, словно мраморными колоннами. Этот лес, еще не тронутый топором поселенца, был так великолепен, что мне жаль было расставаться с ним и уезжать в Онтарио.

На протяжении трех миль дорога шла густым лесом. Когда я стал приближаться к опушке, мне послышалось, будто товарищи кричат что-то. Было уже поздно и совсем темно.

"Не ослышался ли я?"

Я откликнулся. Мой голос эхом пронесся по лесу. Я весь превратился в слух. И в ответ раздался заунывный, протяжный вой, еще, еще и еще...

"Да ведь это же волки! Наверное, собираются на охоту".

Я откликнулся, на этот раз уже по-волчьи. Когда донесся их ответный вой, я понял, что они приближаются с большой скоростью.

— Гм! Ведь ты, кажется, вышел на охоту, не так ли? — пробормотал я.

Вот скоро и конец леса. А звуки настойчиво неслись все ближе и ближе. Я остановился и подумал: "Ну что ж, если эта свора вздумает атаковать человека, вооруженного винтовкой Винчестера, пусть попробуют!"

Я ждал, что будет.

Они подходили все ближе и ближе.

Вот волки уже на самом краю леса. Нас разделяет расстояние не больше пятидесяти ярдов. И вдруг раздастся глухое рычание. Еще и еще раз.

А потом все затихает.

Волки, наверное, увидели меня и ушли. Подождав еще немного, я продолжал свой путь.

Три дня спустя мне пришлось проходить по этим же местам. Судя по следам, здесь было тогда три волка.

На следующий день я прошел двадцать пять миль, все так же неудачно, как и раньше. На семнадцатый день я отправился в новом направлении, к болотистым местам; поросшим елями и лиственницами. По дороге я подстрелил зайца и трех куропаток. Когда я забрел далеко по болоту, я заметил следы четырех лосей. Но было уже темно, и я вернулся домой.

Что за чарующая сила скрыта в снежных следах! Сколько чудесных рассказов можно прочесть по этим говорящим отпечаткам! Есть что-то волшебное в мысли, что там, на другом конце этой вереницы точек, находится зверь, который оставил их здесь, и что завладеть им — это вопрос только времени. Запись каждого движения так безупречна, что невольно останавливаешься в изумлении.

Время шло, а олень еще не был убит. Я боялся, что пройдет охотничий сезон, прежде чем я исполню свою клятву. Поэтому я решил больше не возвращаться домой ежедневно на ночевку и таким образом сэкономить время.

Итак, уложив в сани провизию на три дня, я выехал на охоту вместе с Гордоном Райтом. По дороге мы заехали за Джимом Дуфом. Он подбросил в наши сани своих продуктов на три дня и сам подсел к нам.

Часа через два мы остановились в лесу у подножия песчаного холма. Этот холм весь зарос ельником и показался нам хорошим местом для лагеря. Мы принялись за работу. Вырубили лес на вершине холма и загородили щитками из срубленных веток от ветра. Вскоре Гордон покинул нас.

Мы с Джимом пообедали и отправились на место, где я видел следы лосей два дня тому назад. После долгих скитаний мы наконец пришли к тополевым зарослям, где были свежие следы.

Следы кружились, переплетались, шли то в одну, то в другую сторону. Разобраться в них оказывалось невозможным. Промучившись часа три, мы наконец решили, что вряд ли лоси останутся на месте, которое мы искали вдоль и поперек. Наш новый план был такой: обойти вокруг зарослей и найти следы, которые уводили

отсюда, то есть те, которые лоси оставили за собой, покидая заросли.

Предстояло путешествие в две мили. До наступления сумерек нам не удалось закончить свой обход, мы обошли заросли с трех сторон, но следов не нашли.

Итак, мы отложили свои поиски до следующего дня и вернулись обратно в лагерь.

Спал я на полу. Около полуночи проснулся в бодром состоянии. Дуф не привык к условиям походной жизни. Он все сидел у костра и с нетерпением ждал наступления утра. А когда я проснулся, мы решили, что скоро будет светать, и принялись стряпать завтрак.

На рассвете, лишь только стали заметны следы, мы вышли из лагеря. Через полчаса мы нашли место, где лоси вышли из зарослей. Следы пересекали болотистые места. Лось, в отличие от чернохвостого оленя, не боится болот, хотя, по-видимому, он знает разницу между болотом, заросшим ивняком, глубоким, но покрытым прочным льдом, и болотом с порослями березы, мелким, но с предательски топким дном.

Мы напали на совсем свежие следы и ступали все осторожней, боясь, что снег заскрипит под ногами. Теперь уже не было сомнения, что мы близки к цели.

Вот раздался жалобный крик сойки. Где-то недалеко затрещал сучок. Неизвестность становилась все тягостнее. Ясно было, что кто-то движется впереди нас. Мы нашли отпечатки огромных копыт трех великанов-лосей, которые вскачь следовали друг за другом.

Не теряя надежды, мы побежали по этим следам. Нам приходилось делать два прыжка, чтобы покрыть расстояние между двумя отпечатками копыт.

Не прошло и нескольких минут, как мы услышали вдали — бэнг! бэнг! — два выстрела.

Мы остановились и посмотрели друг другу в глаза. Было до боли досадно даже подумать, что мы сами загнали лосей под пули других охотников. Судя по раскатистому выстрелу, это стреляли индейцы: ведь двухствольное ружье обычное их оружие. Однако мы снова пустились бежать, утешая себя мыслью, что могли и ошибиться в своих предположениях.

Вдруг меня осенила новая мысль: может быть, услышав выстрел, лоси только отбежали в сторону, а потом снова побежали по своей тропе? Джим согласился со мной, и мы снова, насторожившись, продолжали свой путь.

Не прошло и двух минут, как я увидел в просеке зарослей, шагах в двухстах впереди себя, огромного красно-бурого зверя: лось проламывал себе путь через кусты, устремившись прямо на нас.

Я упал в снег как подкошенный. Мой товарищ, хотя и не заметил ничего, последовал моему примеру.

Огромный бурый великан, грациозно огибая деревья, с быстротой рысака мчался через кусты прямо на нас. Голова вверх, рога загнуты назад, грива взъерошена — он олицетворял собой грозную силу.

Тысячи мыслей роились у меня в голове, когда я полз по снегу прямо на тропу лося. "Как бы не промахнуться, как бы не упустить зверя!" — все думал я.

Не раз мне приходило в голову, что, быть может, я сам стану жертвой этой дикой силы.

Когда лось был уже на расстоянии сорока шагов от нас, я вскочил на ноги и закричал:

— Пора, Джим!

Бэнг, бэнг! — загремели наши ружья.

Зверь круто повернулся и помчался назад, проламывая себе путь через заросли леса.

У меня защемило сердце. Неужели он опять уйдет?

И вдруг — я не верил глазам — лось остановился как вкопанный на расстоянии каких-нибудь двадцати шагов от нас.

— О, Сетон, не промахнись на этот раз! — услышал я умоляющий голос Джима.

Я прицелился лосю в плечо и выстрелил.

А когда лось снова умчался с неистовой быстротой, я послал ему вслед третью пулю.

С робкой надеждой, не смея верить удаче, мы направились по его тропе. И там — о радость дикаря! — на каждом шагу были следы крови.

— Теперь он наш, Джим, все равно он наш, даже если бы нам пришлось бежать до Брендона.

И мы, словно хищные звери, мчались по тропе лося, залитой кровью.

Не раз мне приходилось читать, что лось, даже со смертельной раной, мчитя прочь от охотника на огромные расстояния. Я думал, что нам придется бежать за раненым зверем по меньшей мере десять миль. Но не успели мы пробежать и четырехсот ярдов, как Джим закричал мне:

— Вон он!

И на самом деле, лось лежал перед нами, подогнув под себя ноги, словно бык на пастбище.

Когда мы подошли ближе, он спокойно посмотрел на нас, повернув голову, через плечо.

— Давай-ка спустим ему кровь, — сказал Джим.

— Лучше не будем рисковать — ведь это все равно, что подойти к раненому льву.

— Тогда угостим его еще парой пуль.

Мы оба выстрелили. Лось продолжал спокойно лежать, словно пули пролетели мимо.

Мы подошли к нему спереди, оставаясь на безопасном расстоянии.

Джим хотел выстрелить еще раз, но голова лося вдруг поникла, а потом плашмя упала на землю.

Я пустил ему пулю в лоб.

Лось вытянул ноги, задрожал и притих.

Он умер.

Мы не были уверены, что добыча будет нашей: ведь индейцы могли быть на той же тропе. С этими мыслями мы вернулись к тому месту, где впервые увидели лося. На снегу не было следов крови до того момента, когда мы выстрелили. Это нас успокоило.

— Давай потянем жребий, — сказал я Джиму, — кому из нас идти в Кербери за санями, а кому оставаться сторожить лося.

— Знаешь что, Сетон? Оставайся-ка ты с лосем: ты лучше меня договоришься с индейцами, если они вдруг появятся и станут предъявлять свои права, а я пойду за санями.

Итак, я остался сторожить лося.

Сначала я рассматривал его, измерял, изучал.

По моим подсчетам, он был ростом в плечах в шесть футов три дюйма, к этому еще нужно добавить высоту гривы, то есть больше шести дюймов. Вес его, должно быть, равнялся восьмистам фунтам.

Через некоторое время я вернулся на тропу лося и стал всматриваться в следы. Мне хотелось узнать результаты каждого из наших выстрелов.

Когда я прошел некоторое расстояние, мне показалось, что кто-то пробирается по лесным зарослям. Скоро я разглядел, что это был индеец. Он быстро шел навстречу мне. Я круто повернул, чтобы вернуться к тому месту, где лежал лось, но индеец опередил меня и был там прежде, чем я успел дойти.

Индеец приветствовал меня каким-то бормотанием. Я ответил ему тем же. Его запас английских слов был невелик. Мой запас индейских — еще меньше. Мы общались главным образом при помощи знаков.

Индеец сказал:

— Лось.

Я ответил:

— Ага.

Когда мы подошли к убитому зверю, он снова сказал:

— Лось.

И стал показывать пальцем на себя и на свое ружье, давая этим понять, что это его добыча.

Я оттолкнул его, выражая свой протест. Индеец пристально посмотрел на меня и через несколько секунд продолжал мне доказывать свое. Он дал понять, что дважды стрелял, он показывал на раны зверя и на дуло моего ружья и утверждал, что раны слишком велики.

Я не растерялся и ткнул пальцем в ружье Дуфа, которое стояло тут же, у дерева. Этим я опроверг утверждение индейца.

Раза два он пробовал приблизиться к лосю, но я загромождал ему путь ружьем.

Тогда индеец поднял руки и воскликнул:

— Ваа ничи сичи! — что означает: "Нет, брат, ты очень плохой!"

Я не хотел прибегать к грубой силе, но ясно дал индейцу понять, что за своего лося постою и ни за что ему не отдам.

Тогда индеец решил переменить свою тактику и знаками предложил поделить лося.

На это я ему ответил:

— Ваа! Кауаин! — Этим, мне кажется, я сказал: "Нет, ни за что".

В конце концов я трижды положил голову на руку, потом показал на лося, описал в воздухе мучительный путь, потрогал ружье и пять раз ударил в ладоши.

На языке слов это должно было означать: "В течение трех дней я преследовал лося. Я убил его после того, как пять раз выстрелил. Он мой. А ты можешь отправляться отсюда своей дорогой".

После этого индеец выпрямился во весь рост (он был дюймов на шесть выше меня) и заявил, что он из племени сиу и что недалеко в лагере у него четыре товарища, таких же сильных, как он, и что они придут сюда все

вместе. Бросив последний угрожающий взгляд, индеец удалился.

Я же остался на своем сторожевом посту, с нетерпением дожидаясь возвращения Дуфа.

У меня было твердое решение — ни за что не отдавать лося, хотя бы за ним пришло и целое племя индейцев. В течение пяти часов я ходил взад и вперед, охраняя лося и скрываясь в зарослях от посторонних взглядов.

Вдруг до меня донеслось бряцание ружей, потом лай собак, и через несколько минут появился Джим с Гордоном Райтом и еще двумя товарищами. Скоро мы погрузили лося и были готовы двинуться в обратный путь, веселые и торжествующие.

В Кербери мы прибыли около семи часов.

Слух о нашей удачной охоте уже разнесся по местечку, и соседи один за другим спешили к Гордону, чтобы взглянуть на лося и поздравить нас с удачной охотой.

* * *

Итак, после того как я прошел по снегу триста миль, после девятнадцати дней тяжелой походной жизни я наконец выполнил клятву охотника и убил самого великолепного зверя, который бродит в американских лесах.

Я глядел на красавца лося, превратившегося в мясную тушу ради каприза охотника, и меня начинала мучить совесть. Тогда я дал себе клятву: никогда не поднимать своего ружья против великолепного и редкого зверя американских лесов. Эту клятву я не нарушил до сих пор.

Глава XIX

В Нью-Йорке

Когда зима начала вступать в свои права, я снова задумался над своей судьбой.

Да, я порвал с Лондоном и со всей его жизнью. Но мне не хотелось безвыездно жить в глуши, в деревянной хижине.

Я решил ехать на восток Америки — в Нью-Йорк.

Приехал я в этот огромный город 23 ноября 1883 года.

Я никогда здесь не был и никого не знал. В кармане у меня не было даже трех долларов.

В раздумье шел я от пристани, когда вдруг увидел на фонарном столбе надпись: "Бродвей". Так вот он, знаменитый шумный Бродвей! Здесь бьет ключом жизнь Нью-Йорка.

Но мое внимание было поглощено тем, что я следил за надписями на дверях: "Сдаются комнаты". Бродвей — дорогой район, и комнаты здесь были мне не по карману. Я пошел дальше, пока не попал на улицу, которая показалась мне второразрядной. Здесь я и снял комнату за два доллара в неделю. Один доллар я заплатил хозяйке вперед. После того как я отдал восемьдесят центов за доставку сундучка с пристани, у меня осталось всего девяносто центов.

Я был страшно одинок в этом большом незнакомом городе.

Мне говорили, что один из моих школьных товарищей, Чарлз Броутон, поселился в Нью-Йорке несколько лет назад и неплохо устроился. Но где именно он жил — на какой улице, в каком доме, — я не знал, а узнать его адрес мне так и не удалось.

На следующий день я захватил с собой папку с рисунками и направился по издательствам в надежде найти себе работу художника-иллюстратора. Но мои мечты не осуществились. Была суббота — последний день недели, — и почти все предприятия работали до двенадцати часов дня, а некоторые и вовсе не открывались.

Под вечер, когда я переходил через площадь Вашингтона, я встретил человека, который по внешнему виду — длинные волосы, борода, как у Ван-Дейка, — и по манере держаться показался мне художником.

Я остановил его и спросил:

— Простите, сэр, если не ошибаюсь, вы художник?

— Да. Во всяком случае, стараюсь быть таковым.

— Тогда скажите мне, пожалуйста, как бы вы поступили, если бы у вас был товарищ художник в Нью-Йорке и вам нужно было бы узнать, где он живет.

Незнакомец ответил:

— Все зависит от того, какой он художник, — с именем или же это еще неизвестный, начинающий художник.

— Да, это молодой художник, он еще учится, но в то же время уже и работает.

— В таком случае я попробовал бы узнать его адрес через Лигу Молодых Художников. Она находится на Двадцать третьей улице, недалеко от Шестой авеню.

— Открыто ли там по вечерам?

— Кажется, да.

Мы распрошались и разошлись в разные стороны. Несколько лет спустя я узнал, что это был один из самых знаменитых художников Нью-Йорка.

Итак, вечером я отправился по указанному адресу и нашел школу живописи. Ни одного студента я там не увидел. Сидел только швейцар у дверей. На мои расспросы о товарище он ответил:

— Броутон? Имя знакомое. Кажется, есть у нас такой молодой художник. Дайте-ка по адресной книге проверю. Так, так, вот и он — Чарлз Броутон.

— А где он живет? — с нетерпением спросил я.

— Бог его знает, где он живет. У нас только его служебный адрес: "Литографское дело Хатч и Ко" — это будет на Везей-стрит, в деловой части Нью-Йорка. Там много всяких предприятий. Спросите у кого-нибудь, найдете.

Мне положительно не везло. Нужно было выждать целых два дня, прежде чем идти к товарищу, — впереди было два праздника. Если бы у меня был его домашний адрес, все было бы хорошо и просто. Но что тут было делать? Я поблагодарил швейцара и пошел домой.

На обратном пути на последние тринадцать центов я купил две булки. Вернувшись в свою маленькую комнату, я отложил одну булку на воскресенье, а другую, которую должен был съесть в понедельник, я спрятал в сундук, чтобы не соблазниться и не съесть ее раньше времени.

В воскресенье я встал рано, съел половину булки на завтрак и запил ее сырой водой из фонтана на Медисонсквер — единственного места, где можно было бесплатно напиться.

Потом, несмотря на то что было воскресенье, я отправился на Везей-стрит, как всегда, пешком.

Пройдя больше мили, я наконец нашел это предприятие. Но все было крепко-накрепко закрыто. Наконец мне удалось разыскать швейцара. Он сказал мне:

— Да, я знаю Броутона, это один из наших молодых художников.

— Могу ли я его видеть?

— Сегодня его здесь нет. А живет он где-то в Джердзее, но адреса у нас нет.

— А когда его можно будет застать?

— Не раньше понедельника. Нет, что я, ведь в понедельник у нас праздник! Он будет здесь во вторник, точно.

Ничего не оставалось делать, как ждать.

В кармане у меня была половина булки, оставшаяся после завтрака, и я решил отправиться в Центральный парк, чтобы там закусить.

Я спросил полисмена, как мне туда дойти.

— Идите до Третьей авеню, а там сядете на трамвай.

Не имея ни одного цента в кармане, я не мог себе позволить такую роскошь.

— Мне хотелось бы прогуляться туда, — сказал я со смущением.

— Хорошая прогулка! — засмеялся полисмен. — Ведь это несколько миль отсюда.

— Это не беда, я люблю ходить. Дойду.

— Дело ваше. Идите, во всяком случае, все время на север.

Не прошло и часа, как я уже бродил по парку и ждал, когда же наступит полдень и мне можно будет съесть половину булки.

В одном месте я увидел, как дети кормили белок печеньем и орехами. Как я завидовал тогда этим зверькам!

Я заметил, как белочка забралась на колючее дерево, сорвала шишку и стала выбирать зерна.

”Дай-ка и я попробую этим полакомиться”, — подумал я про себя и сорвал шишку. Это, по-видимому, было какое-то из локустовых деревьев или, быть может, кентуккское кофейное дерево. Зерна в шишках были твердые и совершенно безвкусные, есть их было невозможно.

Во вторник, рано утром, я снова отправился на место работы товарища. Мне сказали, что Броутон будет не раньше двенадцати часов.

Не зная, как убить время, я вышел и бродил по соседним улицам, пока не наступил полдень.

Наконец мы встретились. Я увидел перед собой высокого стройного юношу, так не похожего на нескладного подростка, которого я знал четыре года назад.

Чарлз сразу понял трудное положение, в котором я находился, и как будто невзначай сказал:

— А я как раз собирался идти позавтракать. Не пойдешь ли ты со мной?

Пойду ли я! Никогда еще в жизни еда не казалась мне такой вкусной, как тогда.

Чарлз не много говорил о себе. Он все расспрашивал меня о моих планах и намерениях. Я откровенно признался, что остался без единого цента в кармане, но что надеюсь, показав свои рисунки, убедить кого-нибудь из издателей пригласить меня на должность художника-иллюстратора.

Мы с Броутоном решили жить вместе. Сняли две соседние комнаты, приобрели кое-какое кухонное оборудование и начали вести свое незатейливое хозяйство.

К счастью, я получил в первые же дни денежный перевод от брата из Торонто.

Не теряя времени, я стал подыскивать себе работу. На одном из моих рисунков был изображен разбойник, врывающийся в подземелье. Он не обращает внимания на груды золота и серебра, а с жадностью набрасывается на коробку с сигарами. Этот рисунок произвел очень сильное впечатление на заведующего художественным отделом литографского издательства "Сакет, Вильгельм и Бециг". Мне заплатили пять долларов и просили принести еще.

Скоро Сакет, Вильгельм и Бециг спросили меня, какой оклад я хотел бы получить в должности художника-иллюстратора. Я сказал — сорок долларов в неделю. Они мне предложили пятнадцать. Пришлось принять эти условия.

Каждое утро в восемь часов я садился за письменный стол и рисовал, придумывая все новые и новые темы.

Как-то случайно я услышал разговор между Бецигом, заведующим художественным отделом, и коммерческим агентом фирмы.

— Если бы нам удалось раздобыть, — услышал я голос коммерческого агента, — рисунок такого боевого ворона, приземлившегося на коробке сигар, мы заработали бы на этом деле верную тысячу, а то и больше.

Я подумал про себя:

"Лови момент, нельзя упускать такую прекрасную возможность, сама судьба дарит ее тебе".

Недолго думая, я вошел в кабинет начальника и сказал:

— Мистер Бециг, если вы разрешите мне пойти в зоологический парк и зарисовать с природы ворона, я гарантирую вам этот заказ.

Начальник посмотрел на меня и снисходительно улыбнулся.

— Хорошо, я отпущу вас завтра утром. Когда рисунок будет готов, дайте мне знать.

В зоологическом саду я нашел красивого ворона, зарисовал его для рекламы, и скоро мы получили большой заказ.

Воспользовавшись удобным моментом, я сказал Бецигу:

— Когда мы договаривались с вами, я просил платить мне сорок долларов в неделю, вы дали мне пятнадцать, плату ученика. Не время ли теперь поговорить о повышении моей заработной платы?

— Хорошо, — ответил Бециг, — я буду платить вам двадцать долларов, пока вы не придумаете нам еще что-нибудь интересное.

Вот так и протекала моя новая жизнь — за столом в конторе весь день. А дома? С утра мы с Броутоном стряпали себе завтрак, вечером ужин. Общая сумма моих расходов не превышала пяти долларов. Я расплатился со своими долгами и начал откладывать деньги.

Вечерами я писал рассказы о животных и мечтал увидеть их напечатанными. Но писать, когда рядом с тобой живет разговорчивый товарищ, трудно.

Однажды, когда Броутон вернулся домой после того как неделю отсутствовал, я сказал ему очень осторожно, боясь обидеть его, что мне нужно жить одному, чтобы иметь возможность писать. Хотя товарищу это и не понравилось, все же мы расстались друзьями.

В тиши вечеров я написал несколько рассказов: "Бенни и лисица", "Кролик на лыжах" и другие. Один за другим они стали появляться в разных журналах.

Наступила весна. Меня снова потянуло в прерию.

Я пошел к своему шефу и сказал, что собираюсь уехать из Нью-Йорка. Бециг был очень озадачен и спросил меня, не останусь ли я, если он будет платить мне двадцать пять долларов в неделю?

Дело было не в деньгах — прерия звала к себе, и никакие силы не могли остановить меня.

Я покинул Нью-Йорк с легким сердцем — теперь я знал, что в любое время могу заработать себе на кусок хлеба кистью и пером.

Как бодряще, как радостно это чувство, может понять лишь тот, кому недавно исполнилось двадцать три года и кто считал себя полным неудачником в жизни.

Свобода и радость

1884 год навсегда останется в моей памяти как лучшее время моей молодости. Здоровье мое было в цветущем состоянии, я чувствовал избыток духовных и физических сил. Со мной были мои книги, мои птицы — все, о чем я мечтал.

Итак, я снова в Кербери. Мой старый, потрепанный дневник опять лежит передо мной. В нем наспех занесенные заметки, грубые, но выразительные зарисовки новых видов зверей и птиц.

Я остановлюсь здесь только на одной записи, которая будит во мне особенно дорогие воспоминания:

”Два года меня волновала и мучила одна маленькая птичка, которая пела где-то высоко в поднебесье. С коротеньким звучным напевом, напоминавшим песенку берегового жаворонка, певунья спускалась вниз на распростертых трепещущих крыльях. Потом, закончив свою песнь, она снова поднималась высоко в небеса и опять начинала петь. Мне еще ни разу не удалось зарисовать эту птичку, я даже не мог рассмотреть ее в полете. И она продолжала быть для меня манящей, чудесной тайной.

Но настал наконец день, когда тайна была открыта. Вот как это произошло.

14 мая 1884 года я услышал знакомый напев, прозвучавший с необычайной силой, и через некоторое время обнаружил поющее пятнышко на голубом фоне неба.

Исполняя свою серенаду, певунья спускалась вниз, трепеща крыльями. Потом, вдруг умолкнув, она поднималась тяжелым полетом, для того чтобы с песней спуститься вниз. Птичка пропела свою песенку около двадцати раз, прежде чем я начал считать. После этого она спела ее еще восемьдесят два раза.

И вот, когда она должна была спеть в восемьдесят третий раз, она вдруг сложила крылья и камнем упала вниз. Мои глаза были ослеплены солнцем, шея болела от напряжения, и мне почудилось, что промелькнула жар-птица и упала в траву. Я заметил это место и, когда мои глаза отдохнули, осторожно приблизился. Мне трудно было сразу разглядеть характерный рисунок оперенья — моя певунья показалась мне сначала просто маленькой коричневой птичкой. Но потом, тихо подкравшись, я обнаружил, что мой ”поднебесный жонглер” был не кто

иной, как прославленный миссурийский жаворонок, о котором так восторженно говорят Одюбон и другие путешественники, которые бродили в этих местах.

Так прошел май. Почти каждый день я делал все новые и новые радостные открытия, наблюдая и изучая птиц”.

* * *

В июне мы с братом Артуром отправились на лошадях к форту Пелли, с тем чтобы приступить к работе на участке, который был закреплен за нами прошлой осенью. Вслед за нами в телеге, запряженной волами, ехали Джим и Джон Дуф, Джордж Ричардсон и один из Браунов. Но у нас были очень быстрые лошади, и мы скоро потеряли их из виду.

Наконец мы прибыли на наш участок. На моей половине был холм у берега озера, маленький ручеек и несколько деревьев. Поодаль, к востоку, стояла Утиная гора, у подножия которой расстилался прекрасный сосновый бор.

Прежде всего мы приступили к рытью колодца по способу индейцев — у самого ручья, два фута в ширину, четыре фута в глубину. Вполне понятно, что как только мы вырыли яму, она сразу наполнилась чистой холодной водой, просочившейся из ручья.

Следующей нашей задачей была постройка хижины. Мой брат, замечательный плотник, взял с собой не только топор и пилу, но и кое-что из столярных инструментов, а это означало, что он намерен заняться отделкой оконных рам и дверей.

Я был его помощником. Когда нужно было срубить дерево, я предварительно очищал участок от молодняка и надрубал ствол с одной стороны. Брату как опытному дровосеку принадлежал последний, решающий удар топора с другой стороны ствола. Он валил дерево точно в том направлении, как ему хотелось. Еще несколько минут, и ствол уже был очищен от сучьев и веток, так же как и засечены отметки на определенном расстоянии. Ветки на верхушке дерева мы не трогали до самого конца, потому что они поддерживали ствол и давали возможность обтесать его со всех сторон. Мой брат работал топором с изумительной ловкостью, и дело подвигалось очень быстро.

Эти звонкие удары топора до сих пор раздаются в моих ушах и будят рой волнующих воспоминаний. Но как давно прошли те времена!

После того как ствол был обтесан, мы отмеривали 12 футов, и, пока я рубил топором, брат отыскивал другое дерево. 12 футов на 8 футов — обычный размер хижины поселенца. Чтобы выстроить такую хижину, нам нужно было заготовить четырнадцать бревен в 8 футов длиной и четырнадцать бревен в 12 футов длиной. Это для стен. Еще одно бревно длиной в 14 футов мы срубили для конька крыши.

Только 10 июня мы начали заготавливать бревна, и 17 июня наша хижина уже стояла под крышей и с дверями. Расскажу, как мы устроили крышу. Сначала мы укрепили конец крыши, то есть длинное бревно, которое проходило над серединой хижины, а к нему с обеих сторон прислонили колья — вплотную друг к другу. На эти колья мы набросали толстый слой сена и сверху замазали толстым слоем глины. Такая крыша прекрасно защищала в холодные морозные дни, однако во время затяжных дождей она нередко протекала.

Двери мы сбили из грубых досок. На первое время мы обошлись без окон, так же как и без пола. Широкие щели между бревнами мы забили сначала дранками, а потом заштукатурили глиной снаружи и внутри. Наша хижина была готова для жилья.

Мы строили ее всего лишь семь дней!

* * *

За это время запасы овса пришли к концу, и лошадей стало трудно кормить. Брат стал беспокоиться о своем хозяйстве в Кербери. Я тоже решил, что исполнил свой долг поселенца и на время могу покинуть эти края. Итак, мы погрузили на телегу наше движимое имущество и отправились в путь — на север.

Да, мы собирались вернуться, но наши планы изменились по не зависящим от нас обстоятельствам, и я никогда больше не увидел своей хижины.

Кто занял ее, я не знаю. Но кто бы он ни был, он найдет имя строителя и дату на дверной притолоке:

Е. Т. SETON. 1884.

За все время нашей поездки брат не разговаривал, то есть я хочу сказать, что он не произнес ни одной членораздельной фразы. Правда, он погонял лошадей

и покрикивал на них, но его распоряжения, обращенные ко мне, были по большей части немymi жестами или в лучшем случае нечленораздельной воркотней. Если ему хотелось еще кофе, он стучал по своей чашке или подавал ее мне. Если ему надо было хлеба, он делал краем ладони условный знак индейцев, что означало "режь". Всем этим я вовсе не хочу сказать, что брат был в плохом настроении или что у нас были дурные отношения, совсем нет. Мой брат был просто молчалив от природы и держался того убеждения, что молчание — золото.

Мы пересекли заповедник Котай, отведенный индейцам, и приехали к берегам реки Ассинибуон. Здесь наша попытка переправиться через реку вброд без проводника потерпела неудачу. Нам не удалось найти место обычной переправы, и у западного берега мы завязли в глубокой яме. К счастью, к нам на выручку пришел индеец племени кри по имени Чита. Если бы не он, мы не только потеряли бы все наше имущество, но и сами погибли бы.

Я пригласил Читу пообедать с нами и воспользовался случаем проверить правила индейского этикета: "В чужом доме следуй обычаям хозяев — не своим".

Итак, я положил сахар в чай и постучал три раза ложкой по чашке. Когда чай был выпит, я покружил чашкой над головой и потом опрокинул ее вверх дном на траву прерии. Затем я перевернул ее три раза и протянул, чтобы мне налили еще. Я пробовал по-разному — и так и сяк держать нож и вилку. Индеец следил очень внимательно за моими фокусами и очень серьезно подражал каждому моему движению. Я придумал бы еще что-нибудь более фантастическое, если бы совесть не начала меня мучить, да и мой старший брат уже сигнализировал мне по-индейски: "Кончай".

В Кербери мы вернулись в конце июня.

Дневник этого лета изобилует заметками о птицах и зверьках, а также большим количеством зарисовок животных и растений.

С наступлением августа началась страдная пора — уборка урожая. Мы вставали на заре и ложились, когда было совсем темно. Но как я ни уставал к вечеру от полевых работ, я продолжал вести дневник своих приключений и наблюдений над природой. На страницах дневника 26 июня мною записано происшествие, которое чуть было не привело меня к гибели.

На юго-запад от Кербери, на расстоянии около трех миль, возвышается большой песчаный холм. Он выше

всех холмов в окрестности, и на склонах его растут самые высокие ели. Поселенцы называли его Холмом Белых Лошадей, индейцы называли Горой Буйволов.

Впервые я поднялся на вершину этого высокого холма и оглянулся. Вдали виднелась Гора Черепах и несколько других высоких гор. На расстоянии семидесяти и даже ста миль они были отчетливо видны.

И вдруг неожиданно для себя совсем близко я увидел знаменитую равнину Кеннеди, глубоко врезающуюся в темный лес. Всего одна миля разделяла нас, и я решил пройти к ней кратчайшим путем — напрямик. Мне казалось это вполне возможным.

Скоро я остановился перед большим болотом, которое преградило мне путь. Однако мне удалось без особого труда перейти его вброд. Пройдя небольшое расстояние лесом, я пришел к другому огромному болоту, которое суживалось по самой середине, словно канал между двумя широкими озерами.

Мне казалось, что именно в этом узком месте следует искать переправу.

Не впервые мне приходилось идти вброд через болото. Я вошел в воду, смешавшуюся с густой мутной жижей, и сразу погрузился до колен. Побрел дальше. Вот я и на середине пути. И вдруг почувствовал, что дно уходит куда-то. Ноги вязли в трясине, путались в корнях водорослей, все глубже и глубже меня затягивало болото. Вода поднялась до пояса, выше. Она подступила к локтям. Вот уже и плечи уходят под воду. Все кончено. Спасения нет. Помощи ждать неоткуда.

И вдруг в эту минуту отчаяния, уже прощаясь с жизнью, я нащупал ногами дно и перестал погружаться. О счастье!

Вздыхнув с облегчением, я вырвался из плена водорослей и поспешил к берегу, милому берегу, где я был в безопасности.

Глава XXI

Снова из восток!

В январе 1885 года я прибыл в Торонто и остановился у родителей.

Мне хотелось закончить здесь свою книгу "Птицы Манитобы" и, не откладывая в долгий ящик, сдать ее в печать. Я думал, что справлюсь с этой работой в месячный срок.

Целые дни я проводил за письменным столом, подбирая и систематизируя свои записи. Но чем больше я углублялся в работу, тем дальше отодвигался ее конец. Наступил август, а книга еще далеко не была закончена.

Между тем отец все настойчивее намекал мне, что пора устраиваться самостоятельно.

Итак, с горьким чувством я забрал свою рукопись и уехал в Нью-Йорк.

Прежде всего мне надо было найти пристанище, соответствующее моим скромным средствам. По опыту я знал, что в районе, примыкающем к старой торговой части города, легче всего найти дешевые комнаты. Особняки богатых людей были расположены далеко от этих шумных мест.

Размышляя таким образом, я стал спускаться вниз по Пятой авеню, пока не пришел к восточным кварталам Девятой улицы. Это был подходящий для меня район — бедный, но все-таки не трущобы.

Я стал заходить в каждую дверь, на которой была белая наклейка с надписью: "Сдаются комнаты".

В своей записной книжке я проставлял оценки по графам: хозяйка, комната, цена. Я осмотрел по меньшей мере тридцать комнат, и только одна из них имела отличную отметку по всем трем графам. Я договорился с хозяйкой, что буду платить ей еженедельно два доллара пять центов. Питаться я решил где-нибудь в другом месте, хотя здесь можно было устроиться на полном пансионе. Хозяева мои были люди хорошие, и неделю спустя, заработав немного денег, я решил у них и столоваться, что стоило мне вместе с платой за комнату шесть долларов в неделю.

По вечерам я встречался за ужином с молодежью моих лет — с девушками-стенографистками и молодыми людьми торговой профессии. В их веселой компании моя тоска по дому рассеивалась.

Здесь я познакомился с юношей по имени Генри Стилл. Окончив среднюю школу, овладев стенографией и научившись писать на машинке, он приехал в Нью-Йорк искать счастья. Мы подружились с Генри и остались друзьями на всю жизнь. Прошло четыре года, и Генри Стилл стал заведующим отделом искусства одного из больших американских журналов.

Итак, я жил в своей мансарде. У меня не было друзей в Нью-Йорке, не было рекомендательных писем. Зато

у меня был ящик с красками, альбом для рисования и бодрость духа.

Мне сказали, что в Центральном парке содержатся в неволе интересные звери. На следующий же день по приезде я отправился туда пешком. Расположившись напротив одного из загонов, я сделал зарисовку молодого виргинского оленя редкой разновидности. С этим рисунком в руках я зашел в редакцию журнала "Сенчури", которому тогда принадлежало ведущее место в периодической печати.

Заведующий отделом искусства Луис Фрезер встретил меня очень приветливо. Посмотрев внимательно на мой рисунок, он сказал:

— Так, так. К сожалению, я не видел этого зверя, но думаю, что сходство схвачено вами замечательно. Мне кажется, что нам удастся с вами поработать.

После нескольких встреч Луис Фрезер дал мне заказ на тысячу рисунков, по пять долларов за каждый. Они должны были служить иллюстрациями для энциклопедического словаря "Сенчури", издаваемого этой же редакцией.

Теперь мне больше нечего было беспокоиться о заработке — я мог заработать в день столько, чтобы с излишком покрыть свои расходы за неделю.

Скоро произошло крупное событие в моей жизни: я стал посещать в Нью-Йорке знаменитый Музей естественной истории. В его стенах я познакомился с видными американскими орнитологами и другими замечательными учеными.

18 ноября в этом музее состоялась конференция американских орнитологов, и там я впервые встретился с Кузсом, автором с детства любимой мною книги. Два года спустя в этом же музее я познакомился с орнитологом Франком Чапманом, который вскоре стал куратором отдела птиц в музее и был ведущим орнитологом Америки на протяжении пятидесяти лет. Мы сразу почувствовали симпатию друг к другу, много работали вместе, участвовали в разных экспедициях по изучению птиц. Я иллюстрировал книгу Чапмана "Определитель птиц Америки" и по его просьбе часто делал зарисовки с натуры. Наша дружба продолжалась всю жизнь.

В течение 1886 года я усердно работал над анималистическими рисунками для иллюстраций энциклопедического словаря "Сенчури" и для разных журналов. В этом

же году я написал брошюру "Млекопитающие Манитобы", которая тогда же вышла в свет.

Но сердце снова рвалось к родным просторам Запада.

6 октября 1886 года я отправился на парусной лодке по Великим озерам, держа свой путь на запад к порту Артур (в штате Онтарио) и дальше, к Лесному озеру. Я прожил в тех краях около месяца, коллекционируя птиц и млекопитающих. Там у меня были интересные встречи с индейцами, с их слов я записывал индейские названия птиц и зверей.

Потом меня потянуло к знакомым местам в Кербери.

В Кербери я остановился в "Комнатах для приезжающих" у моего старого друга Гордона Райта.

И вот снова началась сказка моей молодости, опять я в глуши знакомых лесов брожу по снежным следам птиц и зверей.

В том году было очень много зайцев. Даже неопытный охотник мог принести после одного-двух часов охоты двадцать—тридцать зайцев. Олени тоже встречались довольно часто, а куропатки прямо на каждом шагу.

23 ноября был печальный, очень печальный для меня день.

Я вышел рано. Бродил один по холмам, покрытым глубоким снегом. В полдень я сделал привал в лощине, развел костер, вскипятил себе чаю и зажарил свиную грудинку. Мне было жарко, когда я остановился, а ветер свирепствовал даже в этом защищенном месте.

И вдруг я почувствовал острую боль в колене. А когда немного позже я стал собираться в путь, то я уже не мог разогнуть ногу. Каждое движение вызывало мучительную боль. Помощи ждать было неоткуда. Я должен был сам добраться домой или же умереть здесь.

И вот я двинулся, ковыляя на одной ноге и волоча другую. До дома было не больше пяти миль, а я шел пять часов, испытывая невыносимую боль при каждом шаге.

Пришлось вызвать местного врача. Он сказал, что у меня растяжение связок, и прописал лечение, которое мало помогало.

Только через несколько лет мне поставили правильный диагноз — у меня была острая форма подагры.

Так кончились мои далекие прогулки пешком по любимым местам. С этого печального дня мне приходилось ездить верхом на лошади или же плавать на лодке.

Прошло долгих двадцать лет, во время которых я систематически лечился, и только тогда утихли боли и я снова стал владеть ногой.

В январе я заехал в Торонто. Мать не хотела меня отпускать в Нью-Йорк и просила, чтобы я продолжал свои работы дома.

Как раз в это время мой брат Жозеф решил приобрести участок земли недалеко от Торонто и организовать там дачное хозяйство для местных жителей. Мне он предложил быть управляющим этого предприятия и обещал даже выстроить мастерскую, где я мог бы продолжать свою работу художника.

Брат купил большую ферму на берегу озера Онтарио. Кругом было много лесов, где протекали ручьи и стояли болота. Там обитало много птиц и диких зверей. Здесь я познакомился со многими героями своих будущих рассказов "Спрингфильдская лисица", "Рваное ушко", "Почему синицы сходят с ума дважды в год", "Песнь золотоголового дрозда" и других.

Я прожил здесь около трех лет. Но все больше и больше мной овладевала мысль, что если я действительно хочу стать настоящим художником, то жизнь моя должна протекать в других условиях.

Глава XXV

Моя скитания

Осенью 1890 года я отправился в Париж, этот мировой центр искусства.

Первые дни я жил в гостинице и бродил одиноко по Парижу, чувствуя полную растерянность. Наконец я решил отыскать кого-нибудь из своих знакомых. В то время там жил известный американский художник Генри Мозлер. Заметив нервное состояние, в котором я находился, он сказал мне смеясь:

— Продолжайте ваши скитания по Парижу. Поверьте, что сам воздух, вся обстановка этого города будут воспитывать вас как художника. Через год вы сами в этом убедитесь.

Я поселился на верхнем этаже "Отель де Юньон", где за тридцать франков в месяц можно было иметь хорошую комнату с услугами, и вскоре поступил в художественную школу.

Шумной и суетливой толпой показались мне студенты — шестьдесят человек в одном зале, каждый за своим мольбертом. Мне трудно было сосредоточить внимание на работе — все мне здесь мешало: и громкие разговоры, и грязные картины на стенах, пенье, и, как ни странно, игра на гитаре, хотя считалось, что студенты заняты своими мольбертами.

Прошло немного времени, и я узнал, что можно посещать школу только по утрам. Я не замедлил воспользоваться этой возможностью, а в свободное время днем стал ходить в зоологический сад — рисовать зверей с натуры.

Волки всегда были любимой темой моих рисунков. Среди прекрасных волков зоологического сада мне особенно понравился один, который обычно лежал в спящей позе на одном и том же месте. Казалось, он специально позировал для художника. На большом полотне я стал писать картину "Спящий волк".

Через месяц картина была готова. Я сделал для нее раму и отнес на выставку картин, которая каждую весну устраивалась в Большом художественном салоне.

В последний момент перед выставкой здесь, как обычно, собралась целая толпа художников, многие с кистями в руках спешили положить последние мазки на свои картины.

Нас, американских художников, было около пятнадцати человек, и, конечно, никто не упустил случая представить на выставку свою картину. Среди нас был также и Роберт Генри. Имя этого живописца пользовалось широкой известностью в Америке, в то время как меня знали только как иллюстратора. Я не знаю, что картина Роберта Генри была отклонена жюри, а моя — "Спящий волк" — заняла почетное место на выставке.

Участники выставки получили приглашение на обед, а потом на вернисаж — закрытый показ выставки. Я провёл Роберта Генри как своего гостя на торжественный обед, и мы вместе хорошо посмеялись над такой игрой фортуны.

Однажды я стоял в зале рядом со своей картиной и услышал рассказ, который волновал тогда весь Париж.

В Пиренейских горах, у южной границы Франции, все еще сохранилось некоторое количество старых французских волков. За последнее время несколько из них стали

добычей охотника, который жил в уединенной хижине на краю леса. Как-то зимней ночью охотник не вернулся в хижину на ночлег. На следующий день люди по следам узнали, что волки растерзали охотника.

Я решил писать картину на тему этого рассказа, рассчитывая предложить ее на весеннюю выставку будущего года.

Прислушиваясь к советам моего друга художника Генри Мозлера, я сделал сначала эскизы своей картины совсем маленького масштаба. Потом, считая, что для небольшой картины легче найти место на выставке, я решил писать ее на полотне два фута на четыре, но Мозлер сказал:

— Нет, сделайте ее большой. С вашим знанием волков и с той экспрессией, которую вы показали в эскизах, я не сомневаюсь, что она произведет сильное впечатление. Маленькая картина будет гораздо менее выразительна.

Итак, я приобрел полотно размером четыре с половиной на семь футов и начал работать над картиной. Предварительная работа над отдельными деталями картины и ландшафтом для фона заняла у меня около двух месяцев. Тогда только я отважился писать на большом полотне, выйдя на арену боя, как гладиатор после длительной тренировки.

Но так как моя комната была слишком мала для работы над такой большой картиной, мне пришлось договориться с одним из своих товарищей, что он уступил мне место в своей мастерской.

Через месяц картина была готова. Мои друзья предсказывали ей большой успех. Я хотел назвать ее "Волки отомстили", но один из моих друзей, француз, сказал:

— Нет, дайте ей другое название. Назовите ее "Напрасное ожидание". Посмотрите, на заднем плане вашей картины видна хижина. Из трубы идет дым. Хозяйка готовит ужин, поджидая мужа. Но он все не идет. Что задержало его? Она выходит за дверь и громко зовет его. Но ответа нет. Только один волк равнодушно поворачивает свою голову в сторону звука. В лесу полная тишина. Это название больше подчеркнет трагедию.

После некоторых размышлений я принял это название.

Весной 1892 года я доставил свою картину в Большой художественный салон. Через месяц я получил коротенькое официальное письмо, которое извещало, что жюри

выставки отклонило мою картину. Это был очень тяжелый удар для меня.

Пока моя картина висела в Художественном салоне, мне не раз пришлось слышать такие замечания по ее адресу: "Ужасно!", "Жутко смотреть!", "Она оскорбляет человеческие чувства!", "Автор, видно, симпатизирует волку!"...

Лето я провел в Манитобе, а осенью уехал к родителям в Торонто. Тотчас же после своего приезда я выписал сюда свою новую большую картину. Отец разрешил мне повесить ее в своем кабинете.

Очень скоро в городе поднялся шум. К нам зачастили газетные репортеры. Они приходили посмотреть на картину, а потом помещали в газетах длинные статьи.

Все больше и больше стало стекаться к нам зрителей, и в конце концов мне пришлось договориться о помещении в центре города, чтобы выставить картину.

Ежедневно здесь собиралось очень много людей; одни приходили от нее в ужас, другие в восторг.

Как-то раз мой друг художник Джордж Рид привел на выставку красивую девушку. По ее наружности нетрудно было догадаться, что она индианка по происхождению. Джордж сказал мне:

— Послушай-ка, Эрнест, вот Полина Джонсон. Вам обязательно надо поближе познакомиться друг с другом.

Девушка схватила меня за обе руки и с оживлением заговорила:

— Я знаю, что мы сродни друг другу. Я ирокезка из Волчьего клана. По вашей картине я вижу, что в вас вселился дух волка. Сама судьба свела нас, чтобы вместе работать. Мое ирокезское имя Текахион-Уэк-е. Вы можете называть меня, как вам нравится.

Это было начало дружбы, которая длилась двадцать лет и прервалась только со смертью Текахион-Уэк-е.

В то лето должна была открыться Международная выставка в Чикаго. День открытия был назначен на 1 июня 1893 года. Всем художникам было предложено прислать на выставку ту картину, которую они считают лучшей. Я отослал в торонтскую секцию выставочного комитета свое большое полотно "Напрасное ожидание".

Большинством голосов картина была отклонена и здесь. Но, как я узнал, меня поддерживал председатель торонтской секции О'Бриен. Я воспользовался его добрым отношением и попросил, чтобы он написал письмо в газету.

Вот что он написал:

”У нас, к сожалению, достаточно набрано слащавой, маловыразительной мазни, и мне лично хотелось бы видеть смелую, мужественную манеру письма — вот такую, как в картине ”Напрасное ожидание”.

Не было газеты, которая не откликнулась бы на разыгравшийся скандал. В конце концов меня вызвали в Оттаву, с тем чтобы я явился в департамент народного просвещения.

Вскоре после своего возвращения в Торонто я получил коротенькое официальное письмо из выставочного комитета: ”Пришлите свою картину”.

Моя картина была препровождена в Чикаго и заняла одно из центральных мест экспозиции канадского сектора.

Теперь эта картина висит в художественной галерее моей виллы в поселке Сетон-Санта-Фе в Новой Мексике.

В начале 1895 года я задумал написать еще одну картину. В моем воображении она рисовалась так: лес, по свежему пути мчатся русские сани, а позади за ними гонится стая из двенадцати волков.

Я стал писать этюды каждого из двенадцати волков в отдельности, много работая над композицией картины и схемой красок.

Когда предварительная работа была закончена, я начал писать картину на большом полотне. Работа шла хорошо, и картина вскоре была готова. Назвал я ее ”Погоня”.

Жюри Парижского салона приняло у меня шесть этюдов, но большую картину отклонило. Вопреки этому она пользовалась большим успехом, и я слышал самые лестные отзывы со всех сторон.

Президент Соединенных Штатов Теодор Рузвельт, сам страстный охотник, остановился перед этим моим большим полотном и воскликнул:

— Я еще никогда не видел картины, где бы так прекрасно изображены были волки! Как бы мне хотелось приобрести ее!

— Почему же вы этого не сделаете? — поспешил спросить я.

— О, это мне далеко не по средствам, — ответил президент.

Рузвельт попросил меня сделать копию центральной части картины с изображением волка-вожака. Эта картина до сих пор висит в картинной галерее имени Теодора Рузвельта.

Приблизительно в это время я встретил одну американскую девушку, подругу моей юности. Она так же, как и я, приезжала в Париж, чтобы совершенствоваться в живописи, так же, как и я, любила жить в прерии и мечтала вскоре вернуться туда. Мы вспомнили золотые дни юности и сговорились встретиться в родных краях. Я решил провести лето в Кербери, она хотела приехать в сентябре в город де-Винтон, где ее отец занимал пост американского консула в Канаде.

Итак, я приехал в Кербери и остановился в гостинице. Город разросся и сильно изменился. Большинство имен на вывесках были мне незнакомы. На платформе железнодорожной станции, где когда-то я знал каждого, я не увидел ни одного знакомого лица. Какая огромная перемена произошла всего лишь за десять лет!

Узнав, что семья моего друга Гордона Райта открыла гостиницу в центре города, я переехал жить к ним и отсюда начал свои экскурсии пешком или верхом на лошади.

Всюду теперь простиралась пашня. Дикая прерия с мириадами нежных ароматных цветов постепенно исчезала, местами уже совсем исчезла. Над ее просторами не звенела больше песнь миссурийского жаворонка, и я ни разу не видел квели-кулика, который в былые времена царил здесь.

Наш старый дом в де-Винтоне спрятался в тени деревьев, которые я посадил двенадцать лет назад.

Голые песчаные холмы, где раньше гулял ветер и только кое-где виднелись молодые сосенки, теперь оделись густым хвойным лесом. А миллионы маленьких озер от Виннипега до Скалистых гор так сильно измельчали, что на них совсем не стало видно уток. Они куда-то исчезли, наверное, улетели дальше на северо-запад. Да, много диких прелестных созданий покинули прерию.

И несмотря на это, на каждом шагу я находил новую интересную тему для своего пера и карандаша. Не проходило дня, чтобы я не сделал новой зарисовки или же интересной фотографии. Я нарисовал двенадцать больших картин для научных трудов по биологии, издаваемых в Вашингтоне, что обеспечило меня материально на все лето.

Но мне было грустно. Меня тяготило то, что я связан в движениях, — не то что в былые времена, когда я носился по следам диких зверей с быстротой легкокрылой

птицы. А теперь я с трудом ковылял на больной ноге или же ехал верхом на лошади. На каждом шагу я чувствовал, что радость юношеских дней ушла. И как хорошо я понимал теперь, почему умудренные жизнью старцы так высоко ценят юность!

Молодость, молодость, неиссякаемый источник счастья, за тебя человек готов отдать свою жизнь!

Глава XXIII

Лобо

В 1893 году мне пришлось несколько раз побывать в Нью-Йорке, и я не упускал случая навестить семью Фитц Рандольфа, с дочерью которого, Виргинией, мы познакомились в Париже.

Как-то раз отец девушки сказал:

— Если бы вы согласились поехать ко мне на ферму в Новую Мексику, близ Клейтона, и научили бы моих парней, как охотиться на волков, я взял бы на себя все расходы и предоставил бы в ваше распоряжение все волчьи шкуры.

Это предложение мне было очень кстати, и я охотно его принял. Работая над мелким рисунком по восемнадцати часам в сутки, я сильно переутомил глаза, и врачи настаивали, чтобы я бросил работу и поехал куда-нибудь отдохнуть.

Долина Куррумпо считалась лучшим скотоводческим районом близ Клейтона. Там всюду была сочная трава, хорошие водопой и тенистые рощи, где скот отдыхал в полуденную жару.

А где много скота, там много волков. Местные скотоводы сказали мне, что вожаком волчьей стаи был огромный волк необычайной силы и ума. Он был известен под именем Лобо.

Я решил охотиться на этого волка.

С двумя ковбоями, Билли Алленом и Чарли Уином, я выехал на телеге, направляясь к долине Куррумпо. Мы захватили с собой сотню больших капканов.

Расположились мы в старой заброшенной хижине. Я стал ежедневно выезжать на охоту.

С самого начала я понял, что мне не убить этого волка из ружья по той простой причине, что он никогда не попадался на глаза.

Лобо знал, что человек ходит с ружьем — страшным смертоносным оружием, против которого он был бессилен бороться, — и прятался целыми днями в холмах. Где именно, этого мы не могли проследить. Но по ночам он выходил.

Мы всегда узнавали его по голосу. Его вой был на октаву ниже, чем у других волков. И когда этот вой раздавался над пропастью, один из ковбоев говорил:

— Вот он! Я узнаю его, где бы он ни появился. Это Лобо.

Мы пробовали стрелять из дверей нашей хижины по направлению этого воя — и в лучшем случае попадали в одну из коров. Волк же всегда скрывался, но потом появлялся в другом месте и выбирал себе добычу — лучшую из наших коров.

Когда я понял, что в охоте на этого волка ружье — бесполезное оружие, я стал обдумывать, как бы его поймать на отравленную приманку.

— Яд — это чепуха. Он лучше вас знает про все эти хитрости. Его этим не проведешь. Он и сам не пойдет на отравленную приманку и не позволит ни одному волку из своей стаи поддаться на обман. Мы уже проверяли это не раз.

Но я утешал себя тем, что у меня новые приспособления и что, быть может, удастся заманить волка. Через месяц я убедился, что Лобо этим не возьмешь. Он с презрением разбрасывал приманки, загрязняя их вольчьими нечистотами. То, что это были проделки Лобо, я догадался по огромным следам — на целую треть больше отпечатков лап других волков.

Пришлось отказаться от этого способа охоты. Но я не унывал — у меня были еще капканы с мощной двойной пружиной. Не теряя времени, я расставил их по всем тропам, которые вели к водопою, и на перекрестках лощин. Мне уже приходилось охотиться этим способом. Я натер свежей кровью капканы и цепи, при помощи которых капканы были прикреплены к тяжелым деревянным чурбанам, натер также и подметки своих сапог и кожаные перчатки. Я ни до чего не дотрагивался обнаженными руками. Капканы были расставлены на самой тропе и присыпаны землей по четыре капкана вместе на расстоянии одного фута друг от друга. Чурбаны клались по обе стороны тропы.

Все было готово и тщательно замаскировано, земля прикрыта дерном, тропа выглядела так же, как и раньше,

даже трава росла на своем месте. Едва ли кто-нибудь мог догадаться, что здесь были спрятаны капканы. Наши собаки то и дело попадали в плен¹, и нам все время приходилось освобождать их.

Но старый волк сразу почувствовал опасность. Чуткий нос Лобо несомненно предупредил его, что впереди нечто подозрительное. Волк стал очень осторожно разрывать землю лапами. Случайно он обнаружил цепь. Теперь он знал, где находится капкан, знал, что это за опасность. Волк продолжал рыть землю, пока не подрыл капкан. Перевернул его и пошел себе дальше, к стаду, где закусил одной из лучших породистых коров. Конечно, он не мог съесть целую корову — это для Лобо было бы слишком много, — его обед доедали койоты.

Такие штучки Лобо проделывал часто. В конце концов я заметил, что когда он приходил, то всегда останавливался, узнавал направление ветра, потом сходил с тропы и шел по направлению ветра.

Это навело меня на новую мысль. Я расставил капканы по ту и другую сторону тропы — по три капкана с каждой стороны. Посередине я установил еще один. Таким образом, капканы были расположены, как начертание буквы Н. Я предполагал, что волк, почуяв опасность, повернет круто в сторону по направлению ветра и, конечно, попадет в один из боковых капканов. Я не мог ошибиться в своих расчетах, по крайней мере, так мне казалось.

На следующую же ночь Лобо пришел. Он осторожно продвигался вниз по тропе. И здесь — я не знаю, что заставило его это сделать, — он не свернул с тропы, как я предполагал, а осторожно попятился назад по собственным следам, пока не миновал опасное место. Потом, подойдя к капканам с наружной стороны сбоку, он стал разрывать землю задними лапами, совсем как собака, пока все чурбаны и камни не полетели в воздух и не спустили капканы. После этого он продолжал свой путь по направлению к стаду и выбрал себе к обеду еще одну чистопородную корову.

Я не знал, что делать. Я преследовал этого волка не две недели, как предполагал, а четыре месяца и был не ближе к цели, чем любой из ковбоев.

¹ Эти капканы не убивали, они только цепко схватывали животное за ноги.

Некоторое время волки совсем не попадались мне на глаза. Но пастухи-мексиканцы не раз видели при свете костра, как они рыскали в темноте ночи. Однажды один из пастухов сказал мне, что к стае прибавился новый волк — маленький и совершенно белый. Пастухи думали, что это волчица. Они называли ее Бланка.

Я продолжал внимательно изучать волчьи следы. Следы, которые я замечал на земле за последнее время, не раз заставляли меня недоумевать. Вблизи капканов, часто впереди следов вожака, я находил очень маленькие отпечатки волчьих лап. Я ничего не мог понять и не знал, был ли здесь этот волк вместе со стаей или же нет.

Но скоро один из ковбоев пришел и сказал:

— Я видел всю банду сегодня среди бела дня. А маленькая озорница, которая не боится вожака, — это белая волчица, та самая, которую мексиканцы прозвали Бланкой.

— Вот оно что! — воскликнул я. — Ну, погоди, дружище Лобо, теперь я знаю, чем тебя взять.

Я заколол телку недалеко от нашей хижины и оставил ее там для приманки.

Вокруг туши я расставил четыре капкана, тщательно соблюдая все меры предосторожности. Но голову я отрубил и оттащил в сторону на двадцать пять ярдов. Здесь я поставил еще два капкана, привязал к ним голову телки и тщательно, как только мог, все замаскировал: присыпал землей, покрыл сверху дерном, посадил кактусы на их прежнее место, так, что все выглядело, как и раньше. Потом я взял лапу койота и сделал ею следы вокруг головы, чтобы провести старого серого волка и заманить его сюда.

На рассвете я пришел посмотреть, что произошло за ночь. К моей большой радости, я увидел, что головы не было, — ее кто-то утащил.

Я стал всматриваться в следы, и скоро для меня все было ясно. Здесь был Лобо, в этом я не сомневался. Соблазнительный запах свежего мяса заставил его пройти вокруг туши; как всегда осторожный, он держался на безопасном расстоянии. Вот он обнаружил капкан, и вся стая попятилась назад. Все волки повиновались вожаку, за исключением одного — самого маленького, по-видимому, волчицы. Она отбежала в сторону, чтобы рассмотреть, что это там за черный предмет — голова. Одной ногой она попала в капкан и так и ушла с защемленной ногой, волоча за собой голову телки.

Я вскочил на коня, Аллен на своего, и мы поскакали по следам быстро, как только могли.

Не проехали мы и мили, как увидели маленькую волчицу. Это была Бланка. С ней был Лобо. Он бежал рядом. Он не покинул волчицу в беде.

Но когда волк увидел, что приближаются вооруженные люди, против которых он бессилён бороться, он направился по крутому склону в горы. Он звал Бланку идти за собой. И она двинулась по его следам и бежала до тех пор, пока голова телки не зацепилась рогами за скалу. Это заставило волчицу остановиться. Она повернулась в нашу сторону. Как раз в этот момент взошло солнце и осветило ее. Только теперь я увидел Бланку во всей ее красе. Она была совершенно белая как снег. Я достал свой фотоаппарат и снял ее. А потом — теперь мне кажется это жестоким — мы набросили лассо ей на шею. Наши лошади рванулись вперед и затянули веревку.

Я положил Бланку поперек своего седла и поскакал к хижине. Кажется, еще никогда в жизни я не испытывал такого торжества, как в тот момент. За все эти годы еще никому не удалось убить ни одного волка из этой стаи. Мне принадлежала первая добыча.

В течение всего этого дня с вершины скалы доносился к нам призывный крик Лобо. Он все звал, звал и звал. Но теперь это не был воинственный призыв вожака — в его голосе звучала тоска.

А когда наступила ночь, Лобо спустился с горы. Мы узнали это по приближающимся звукам его голоса. Вот он пришел к месту, где погибла Бланка, и тогда раздался заунывный, тоскливый вой. Казалось, теперь он знал все.

— Черт побери, — сказал один из ковбоев, — я не знал, что волк может так тосковать!

Потом старый волк пошел по следам наших лошадей. Я не знаю — для того ли, чтобы отомстить нам, или же он хотел найти волчицу.

Около десяти часов вечера послышался лай нашей собаки. Она бросилась к дверям хижины. Я вышел, чтобы впустить ее, но собаки не было. Я звал ее, но она не пришла. На следующее утро я узнал, почему она не пришла на мой зов. Лобо схватил ее, поволок за собой и растерзал на части тут же, недалеко.

Старый волк пришел один в ту ночь — я узнал это по следам — и вел себя крайне неосторожно, вопреки обычной своей выдержке.

Теперь для меня не оставалось сомнений, что Бланка была его подругой. Я понимал также, что для того, чтобы уберечь скот, надо срочно принять решительные меры, сейчас, пока волк находится в состоянии тоски.

Мы проработали втроем весь день, устанавливая по четыре капкана вместе на каждой тропе, которая вела к ущелью. Когда все уже было замаскировано, я взял лапу Бланки и сделал ею отпечатки на земле — всюду, где были капканы, словно это были ее следы.

В ту ночь мы не услышали ничего нового. На следующий день я сел на лошадь и поехал посмотреть, не произошло ли чего около капканов. Но ничего интересного не заметил. За ужином я спросил одного из наших парней:

— Ты сегодня был у Северного ущелья?

— Нет, — ответил он, — я не был там, но час назад я слышал странное смятение в стаде, которое пасется там.

На рассвете следующего дня я отправился к Северному ущелью. И как только я подъехал к месту, где были расставлены капканы, я увидел, что там лежит Лобо. Он напал на след, который я сделал лапой Бланки. Он думал, что это ее след, что она где-то тут, впереди, что он скоро найдет ее.

И вот он лежал, совсем беспомощный, запутавшись в цепях, с капканом на каждой ноге.

А в стороне, сохраняя безопасное расстояние, ревел и метался скот, словно торжествуя и радуясь гибели тирана. Но никто не смел подойти близко.

Когда Лобо увидел меня, раздался его громкий, тревожный призыв, как будто он кричал своей стае: "Сюда, на помощь!"

Но никто не пришел.

Тогда он хотел наброситься на меня, но был скован в движениях — его держали капканы и цепи. Обессиленный и беспомощный, Лобо опустил на землю.

— Эх ты, старый разбойник, замечательный зверь! Мне жаль тебя, но я не могу поступить иначе.

Я взмахнул лассо.

Но не успела петля лассо опуститься на шею волка, как он схватил ее зубами и разгрыз надвое. Потом он посмотрел на меня, словно хотел сказать: "Ну, теперь попробуй еще что-нибудь".

Со мной было ружье.

Пристрелить? Нет, не надо.

Я поехал в лагерь, захватил другое лассо. Скоро вернулся обратно. На этот раз меня сопровождал Аллен.

Теперь я бросил волку толстую палку, и, прежде чем он успел выпустить ее, мы оба набросили ему на шею лассо. Наши лошади знали свое дело.

Петля затянулась на шее Лобо. Еще минута, и его глаза начали тускнеть.

— Назад! — вдруг вырвалось у меня. — Осади лошадь. Мне хочется его взять живым.

Мы просунули палку между челюстями волка и крепко обмотали пасть веревками.

Теперь Лобо был совсем обезоружен.

Он перестал сопротивляться. Но на меня он больше ни разу не взглянул. Его взгляд скользил куда-то мимо меня. Он вел себя так, словно был один в прерии.

Мы связали его веревками, освободили из капканов и положили поперек моего седла.

Аллен шел с одной стороны, я — с другой. Так мы доставили его к хижине.

Дома я надел ему на шею ошейник и привязал в поле на цепи. Поблизости я расставил капканы, так как предполагал, что он будет звать волков из своей стаи и что они достанутся нам в добычу.

Но я ошибся. Лобо позвал их на помощь один раз. Никто не отозвался. Больше он не стал звать.

Я вынес ему мяса и воды, зная, что он голоден и хочет пить. Но он даже не взглянул в ту сторону. Я слегка подтолкнул его, чтобы привлечь внимание, но он отвернулся. Он не смотрел на меня, а глядел вдаль, туда, где ущелье ведет в горы и расстилаются широкие поля — его поля, где он так долго царил.

Так он пролежал до заката солнца.

Когда я пришел к нему вечером, перед тем как ложиться спать, его глаза были совсем ясные.

Но мы знаем, что лев, потерявший свою силу, орел в неволе, голубь в разлуке с голубкой — все они умирают от тоски. Едва ли можно было ожидать, что сердце Лобо выдержит все страдания, которые выпали на его долю сразу.

Я знаю только одно: когда занялась заря, Лобо лежал в том же положении, как я оставил его накануне.

— голова покоилась на лапах, глаза были обращены к ущелью. Но искра жизни угасла в нем — старый Лобо умер.

Я освободил его с цепи, снял ошейник. Ковбои пришли помочь мне. И как только мы подняли его тело, к нам донесся с ближней горы протяжный заунывный вой волков. Быть может, они просто выли от голода, выйдя на охоту, но в тот момент мне показалось, что они прощались с Лобо.

Мы отнесли труп Лобо под навес, где лежало тело Бланки — его Бланки, — и положили их рядом.

Ковбой сказал:

— Ты все искал ее — ну вот, теперь вы снова вместе.

Глава XXIV

Мои книги

Мой старый друг Генри Стилл заведовал отделом художественного оформления книг при издательстве "Чарлз Скрибнер и сыновья". Стилл познакомил меня с издателем Кимбал и со многими видными людьми литературного мира.

В то время в Нью-Йорк приехал Джемс Барри, шотландский писатель, и Кимбал устроил в его честь обед в одном из фешенебельных клубов Нью-Йорка. Среди приглашенных был также и будущий президент Соединенных Штатов Теодор Рузвельт¹.

Чтобы привлечь ко мне внимание присутствующих, Стилл заставил меня выступить с рассказами о волках. Я был в ударе в тот день и прочитал сначала один рассказ, а потом второй. Успех был полный. Особенно горячо аплодировал мне Теодор Рузвельт, сам страстный охотник.

Потом он подошел ко мне и сказал:

— Я хочу, чтобы вы пообедали со мной в один из ближайших дней.

Обед состоялся в клубе "Метрополитен", где я снова с большим успехом выступал, читая свои рассказы о животных.

Если писатель написал серию рассказов, которые были напечатаны в журналах и привлекли к себе внимание

¹ Теодор Рузвельт занял пост президента США в 1901 году.

читателей, естественно, что следующим шагом его будет издание сборников этих рассказов.

Я подобрал восемь рассказов с мыслью об издании сборника: "Лобо", "Спрингфилдская лисица", "Мустанг-иноходец", "Вулли", "Красношейка", приложил к ним свои иллюстрации и отнес в издательство "Скрибнер и сыновья".

Редактор одобрил мои рассказы. Тогда я пошел к самому Скрибнеру, чтобы окончательно договориться.

Скрибнер начал с того, что стал жаловаться на огромный риск, с которым связано издательское дело, и уверял, что большинство книг — это сплошной убыток, о чем никогда не следует забывать при заключении договора. Ввиду всего этого десять процентов от продажной цены книги и еще небольшой дополнительный гонорар за иллюстрации — вот все, что он может предложить.

— Сколько экземпляров нужно вам продать, чтобы покрыть издательские расходы? — спросил я.

— Не менее двух тысяч экземпляров, — ответил Скрибнер.

Тогда я выступил со своими условиями:

— Мне хочется вам сказать, что не в моих интересах бросить эту книгу в одну кучу с сотней других новых книг. Я буду говорить о своей книге, буду выступать со своими рассказами перед собранием читателей в различных городах, и ее будут охотно покупать. Попутно я буду устраивать выставки своих иллюстраций. Я настолько уверен в успехе этой книги, что не возьму с вас ни одного цента с продажи первых двух тысяч экземпляров, однако ставлю условием, что вы будете мне платить не десять процентов, как предлагаете, а двадцать с вырученной суммы при дальнейшей продаже.

Мои условия были приняты, договор подписан. Книга вышла в свет 20 октября 1898 года под заглавием "Мои дикие друзья"¹. Ее успех превзошел всякие ожидания — в короткое время она разошлась в нескольких изданиях.

Нет сомнения, что эта книга положила начало новому, реалистическому направлению в литературе о животных. В ней впервые правдиво обрисовано поведение животных.

¹ В русских изданиях название этой книги иногда переводилось "Животные, которых я знал". *Прим. ред.*

До сих пор были известны только басни, сказки о животных и такие рассказы, где животные разговаривают и ведут себя, словно люди, переодетые в шкуры зверей.

Американский писатель Кларенс Хокс подарил мне свою книгу с надписью:

”Эрнесту Сетон-Томпсону — другу и брату естествоиспытателю, чье творчество осветило путь новой школе писателей-натуралистов и заставило десятки тысяч людей полюбить дикую природу”.

Вслед за первым сборником появились в печати и другие мои книги: ”Судьба гонимых”, ”Животные-герои”, ”Биография Медведя”, ”Мустанг-иноходец” и другие.

Книги выходили в свет, лишь только я успевал написать их и проиллюстрировать. Мои читатели хотели видеть автора. Один из клубов Нью-Йорка просил меня выступить, предложив гонорар в сто долларов. Я принял это предложение и приятно провел час, читая свои рассказы или же, выражаясь на языке своих слушателей, ”оборачиваясь в животных”. От природы я одарен сильным голосом и умением держаться на сцене. Совершенно произвольно я изображал животных в лицах, как актер. Мой друг, которому я подарил рассказ ”Лобо”, сказал мне:

— Сетон, ты можешь выступать с этим рассказом сколько твоей душе угодно. И пока одно поколение вырастет, другое уже будет готово слушать тебя.

Мой друг был прав — я до сих пор выступаю с этим рассказом, так же как и с десятком других.

Со всех концов Америки поступали ко мне предложения выступать перед читателями. В конце концов эта переписка выросла до грандиозных размеров и тяготила меня.

В один прекрасный день совершенно неожиданно для себя я был освобожден от этих хлопот и труда. Вот как это произошло. Майор Джемс Понд, известный организатор лекций, который устраивал выступления Марку Твену и ряду других знаменитостей Америки, как-то пришел послушать, как я выступаю.

В перерыве он подошел ко мне и сказал:

— Ну, доложу я вам, вы для меня находка — мы сможем с вами большие дела делать, если вам только угодно.

После небольшого разговора он предложил мне следующее:

—Я оплачу вам все расходы, дорогу, гостиницу, афиши, волшебный фонарь, зал и приглашу человека, который будет исполнять обязанности вашего секретаря и помощника, и прошу вас выступать с вашими рассказами два раза в день пять дней в неделю. За вознаграждение в шестьсот долларов в неделю. Срок предлагаемого договора — двадцать недель до Нового года и десять недель после Нового года.

Я без колебания принял эти условия, и мы проработали вместе несколько лет. Смерть майора Понда прервала наше сотрудничество.

Если описать все смешные приключения и злоключения на пути моих странствований, рассказать о вечной спешке, в которой я жил, стараясь попасть в назначенное время, несмотря на пургу и усталость, если описать все это, получилась бы довольно-таки толстая книга.

* * *

Уже давно я взял за правило отправляться дважды в год в дикие края и проводить там по несколько месяцев. Мне не всегда удавалось выполнить эту программу, но я делал все, что зависело от меня, и неизменно получал массу новых интересных впечатлений.

Осенью 1898 года я отправился через горные возвышенности в долину реки Ветров Винд-Ривер, которая протекает в штате Вайоминг.

Здесь у меня было интересное приключение, о котором мне хочется рассказать.

Это было 1 октября. Я выехал из лагеря в 8 часов утра. Холмы были окутаны пушистым покровом снега. Снег продолжал идти и идти. Он заволакивал дали, и мне трудно было замечать свой путь.

Я проехал уже около двух миль в северном направлении, когда заметил старые следы лося. На расстоянии мили они шли на север, потом повернули на восток. Я проехал еще две мили по этим следам. Потом они повернули на юг и пересекли реку — мелкий каменистый ручей, еще не скованный льдом, — затем — вверх по ручью и в лес. И здесь вдруг я увидел место, где, по-видимому, отдыхал этот лось, и совсем недалеко два ложа меньших размеров — наверное, двух самок. Следы были совсем свежие. Наверное, лоси в тревоге сорвались

с места, услышав шорох моих шагов. Но вряд ли они далеко убежали. Было очевидно, что почуять меня лоси не могли, потому что ветер дул в мою сторону. Вряд ли они и увидели меня. Я думал, что лоси скоро вернуться обратно.

Один след шел по открытому месту, вниз по склону холма, другой — вверх, на вершину холма, поросшего лесом. Я повернул и поскакал вниз. И не ошибся. Огромный лось был здесь. Он высоко поднял голову, видно, почуяв меня, и насторожился. Было слишком темно, чтобы сфотографировать этого красивого зверя. А убивать лося мне не хотелось. Итак, я крикнул ему:

—Хуун!

Он повернулся и умчался вдаль за тридевять земель.

Вслед за этим я вынул свой карандаш и бумагу и стал зарисовывать то место, где в снегу отдыхали три лося.

Вдруг я заметил с удивлением, что рисую на серой бумаге, в то время как мне казалось, что у меня был белый блокнот. Я стал всматриваться и тогда только убедился, что бумага и на самом деле была белая, но в сумерках она мне показалась серой, так же, как и все вокруг.

Собрав второпях свои художественные принадлежности, я вскочил на лошадь. Я не имел понятия о том, сколько миль отделяло меня от лагеря, так же, как и не знал, как туда лучше добраться. Возвращаться тропой, которая привела меня сюда, было неразумно, потому что я сделал много зигзагов, скача по следам лося. Да и все равно мне не найти было своих следов — снег шел весь день и заметал все следы.

Не теряя больше времени на размышления, я решил ехать напрямик к лагерю. Я не сомневался, что выбранный мной путь был кратчайшим. В благодушном настроении скакал я полчаса. Наконец я снова у берега реки.

Но каково же было мое изумление, когда я заметил, что эта река теперь текла в противоположную сторону!

О ужас! Каждый, кому приходилось странствовать по глухим, безлюдным местам, знает, что это означает. Река не может сбиться с пути. Значит, путешественник заблудился.

Мысленно я стал проверять направление своего пути, но чем больше я размышлял, тем больше становился

в тупик. Снежные облака заслоняли солнце весь день, и у меня не было возможности ориентироваться.

И тогда меня охватило цепенящее чувство страха. Но тут же я овладел собой и сказал себе то, что всегда говорил другим: "У заблудившегося человека три врага: голод, холод и последний, самый ужасный, — страх. Не бойся, и все будет хорошо. Инстинкт охотника подсказывает тебе, что лагерь лежит вон там, по направлению этого холма, где виднеются сосны, и дальше за ним — по прямой".

Я уже собрался скакать этим путем, когда другая мысль пришла мне в голову: "Да ведь со мной друг, который знает про все это больше меня, — моя лошадь. Она знает все, мне надо лишь спросить ее". И я спросил.

Как я это сделал?

Я повернул своего коня хвостом к холму, поросшему соснами, и отскакал в противоположную сторону по ровному месту. Опустил поводья и сидел совсем тихо, не шевелясь, не произнося ни звука.

Конь тут же повернул и поскакал по направлению к холму с соснами.

Я поскакал к другому месту и снова повернул его хвостом к лесистому холму.

Еще раз он сделал полный оборот и поскакал тем же путем.

Тогда я сказал: "Итак, все решено. Мне совершенно безразлично, если эта сумасшедшая река вздумает даже течь вверх по сосне — пусть себе течет, меня это не касается. Я поеду своей дорогой — по направлению к холму с соснами".

Я поскакал в этом направлении и через час благополучно вернулся в лагерь. Здесь выяснилось, почему эта странная река текла вопреки всем законам природы против своего течения. Оказалось, что я попал к берегам совсем другой реки, о которой раньше ничего не знал.

Глава XXV

Джон Берроус

Как-то раз, когда я был еще в Лондоне и, как всегда, вечером зашел в библиотеку при Британском музее, библиотечарь протянул мне книгу и сказал:

— Вот произведение американского писателя, которое должно понравиться вам.

Это была новая книга Джона Берроуса "Летнее путешествие". Я прочел ее с напряженным вниманием и с непередаваемой радостью. С тех пор Джон Берроус стал одним из моих идеалов.

Прошло много лет. Я уже сам стал писателем. Мои рассказы, появившиеся в печати, вызвали оживленные толки в литературных кругах. Ричард Гильдер, издатель журнала "Сенчури", решил во что бы то ни стало познакомиться меня с Джоном Берроусом и пригласил нас двоих к себе в гости.

Это был памятный для меня день. Я смотрел с восхищением на прекрасное лицо Джона Берроуса и думал про себя, как оно хорошо гармонирует с классической красотой его произведений. Со мной он был холодно вежлив. Я не упрекал его за это. Мне даже казалось вполне естественным, что прославленный писатель ведет себя так по отношению к своему младшему собрату. Мои же чувства к нему были — преклонение и глубокое уважение.

Прошло немного времени, и, к моему несказанному удивлению, Джон Берроус вдруг обрушился на меня и одного из моих юных товарищей по работе с чрезвычайно резкой и несправедливой критикой на страницах журнала "Атлантик Монсли". Настолько несправедлива и несдержанна была эта длинная статья, что мне непонятно было, как редакция журнала пропустила ее в печать.

Сразу же, как только я прочел статью, я сказал своему другу:

— На такие вещи не следует отвечать.

Потом ко мне стали приходиться письма и телеграммы от моих друзей — писателей и ученых. Все они в один голос говорили: "Не отвечайте ни слова на эти несправедливые нападки, по крайней мере, сейчас".

Газетные репортеры осаждали меня в надежде получить сенсационную статью.

Я же отвечал всем и каждому:

— Мне нечего сказать.

Я говорил это с усмешкой, затаив в сердце боль.

Потом произошло любопытное событие.

Андрю Карнеги устраивал званый обед для пятидесяти выдающихся писателей Нью-Йорка. Хамлин Гарланд

и Кларенс Стедман — из числа приглашенных — заехали за мной, чтобы отправиться на банкет всем вместе.

Хамлин прежде всего спросил:

— Что ты предпринимаешь по поводу нападения дяди Джона?

— Ничего, — ответил я.

— Как это так — ничего?!

— Очень просто: критика слишком резка и тем самым опровергает себя.

— Вот это хорошо! — не унимался Хамлин Гарланд, и его поддерживал Стедман. — Все это хорошо, если рассуждать вообще и, может быть, сошло бы в том случае, если бы дядя Джон был никем, но ведь всем известно, что он восседает на Олимпе, и то, что он скажет, облетит весь мир. Кто-то должен на это ответить — он напал так нехорошо, так жестоко. Хочешь, я возьму это на себя?

— Это твое дело. Поступай как знаешь. Я же остаюсь при своей точке зрения и не хочу тебя на это уполномачивать, так же, как и сам не буду ничего предпринимать. В конце концов победа все-таки будет на моей стороне.

Мы продолжали толковать, пока наша машина не остановилась перед подъездом особняка Карнеги на углу Пятой авеню и Девяносто первой улицы.

Поздоровавшись с хозяйкой и хозяином дома, я заметил в глубине зала небольшую группу людей, оживленно о чем-то беседовавших. Все они были совсем седые. Это были Марк Твен, Вильям Дин Хауэлс и Джон Берроус. Как я потом узнал, они говорили обо мне. Я повернулся к Гарланду и сказал:

— Ну, дружище Хамлин, теперь я иду в атаку. Оставайся здесь и посмотри, что выйдет.

Я подошел к группе беседовавших и приветствовал их общим поклоном. Со всеми тремя я был уже давно знаком.

Хауэлс и Марк Твен дружественно пожали мне руку. Берроус же повернулся спиной и стал притворно внимательно рассматривать какую-то небольшую картину на стене.

Я подошел к нему и сказал:

— Бросьте, дядя Джон, зачем нам в прятки играть?

Хауэлс, мягкий и кроткий человек, испугался, что разыграется скандал, и поспешил уйти. Марк Твен задорно поднял голову, весь обратившись в слух.

Берроус понял, что путь к отступлению отрезан. Он сильно покраснел и произнес запинаясь:

— Послушайте, Сетон, надеюсь, вы не принимаете это за личную обиду и не сердитесь на меня?

— Я не понимаю, о чем, собственно, речь идет.

— Ну да, как же! Ведь вы знаете?

— О чем я знаю? — как ни в чем не бывало спросил я.

— Знаете о том, что я раздражил вас в "Атлантик Монсли".

— На самом деле?

Берроус продолжал:

— Поверьте, что там не было ничего личного, это просто критика академического характера.

— Я крайне удивлен...

Не успел я закончить фразу, как ко мне подошел хозяин дома, мистер Карнеги, взял меня под руку, сказав, что хочет меня с кем-то познакомить, и отвел в противоположный конец зала.

Я воспользовался удобным случаем и спросил:

— Мистер Карнеги, где будет мое место за обеденным столом?

Он показал на восточный конец стола.

— А где будет сидеть Джон Берроус?

Карнеги показал на запад.

Я запротестовал:

— Нет, нет, посадите нас, пожалуйста, рядом, и вы увидите, как все забавно выйдет.

— Вот тебе и на! Уж этого я никак не ожидал. Ну что ж, пусть будет по-вашему.

С этими словами Карнеги переложил карточку с моим именем на другое место. Я сел рядом с дядей Джоном. Внимание всех было обращено на нас.

Берроус нервничал, я же овладел собой и спокойно, как только мог, спросил его:

— Мистер Берроус, изучали ли вы когда-нибудь жизнь и поведение волков?

— Нет.

— Охотились ли вы когда-нибудь на волков?

— Нет.

— Фотографировали ли вы или же рисовали волков с натуры?

— Нет.

— Снимали вы когда-нибудь шкуру с волка?

— Нет.

— Видели вы когда-нибудь дикого волка на свободе?

— Нет.

— Тогда скажите мне: по какому праву вы обрушились на меня с такой жестокой критикой?

Берроус покраснел и сказал:

— Существуют общие биологические законы, которые применимы в равной мере ко всем животным.

— Мне хотелось бы вам сказать следующее: я стреляный воробей, и мне ваша критика не страшна. Но что заставило вас так жестоко обрушиться на юного Лонга? Для него это трагедия, которая может быть чревата очень серьезными последствиями, и если с ним что-нибудь случится, пеняйте на себя.

Джон Берроус был так взволнован, что на глазах у него появились слезы.

Одним из результатов этого разговора было появление в журнале "Атлантик Монсли" статьи Джона Берроуса, в которой говорилось:

"Некоторые из наших писателей-натуралистов сухи, слишком строго придерживаясь научной истины, другие сентиментальны, иные сенсационны, и только немногие из них стоят действительно на высоте. Мистер Сетон-Томпсон как художник и рассказчик просто великолепен".

Вскоре я получил приглашение от Джона Берроуса приехать к нему погостить в его усадьбу на берегу Гудзона. Там у нас наладились дружественные отношения. Я, в свою очередь, пригласил его к себе в имение "Кок-Коб" в штате Коннектикут.

Я встретил гостя на станции железной дороги и повез его на автомобиле дорогой, которая шла через лес — мой лес! Мне было приятно слышать его восклицания удивления и восторга.

Но когда я показал Джону Берроусу свою библиотеку, в которой насчитывалось около пяти тысяч книг, альбомы с двумястами фотографиями животных, мною снятых, музей с тысячью шкур различных млекопитающих и двумя тысячами птичьих шкурок, тысячу зарисовок зверей и птиц и, наконец, дневник — тридцать толстых томов, содержащих подробные описания моих путешествий и наблюдений за тридцать лет жизни, он был окончательно покорен.

Президент Теодор Рузвельт, услышав о моем столкновении с Джоном Берроусом, как-то сказал мне:

— Ведь никто не знает, на какой огромный фактический материал вы опираетесь в ваших рассказах. Вам необходимо опубликовать его.

Я сел за работу, и через четыре года вышла в свет моя научная работа "Жизнь северных зверей" в двух больших томах. За эту книгу мне была присуждена золотая "Медаль костра". Но книга была лишь провозвестником большого научного труда, который вышел в свет лишь десять лет спустя под заглавием "Жизнь диких зверей" в четырех больших томах.

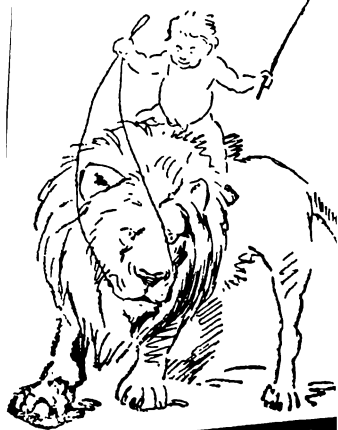
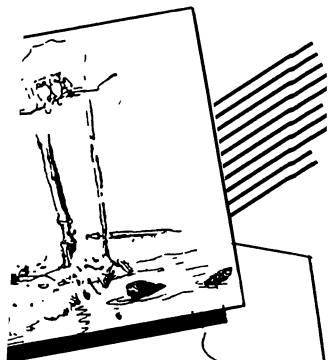
На этот раз мне присуждена была золотая медаль имени Берроуса и золотая медаль "Эллиот" Национального научного института. Это высшая награда, которую можно получить за научный труд в Америке.

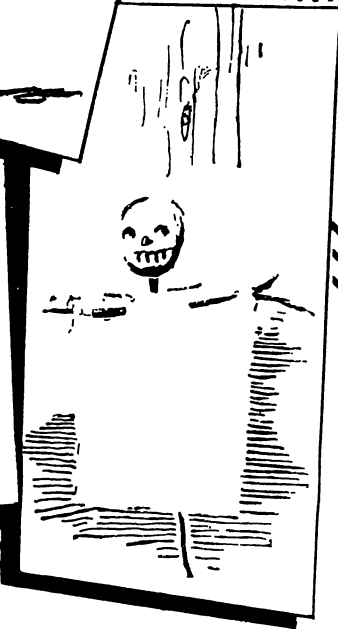
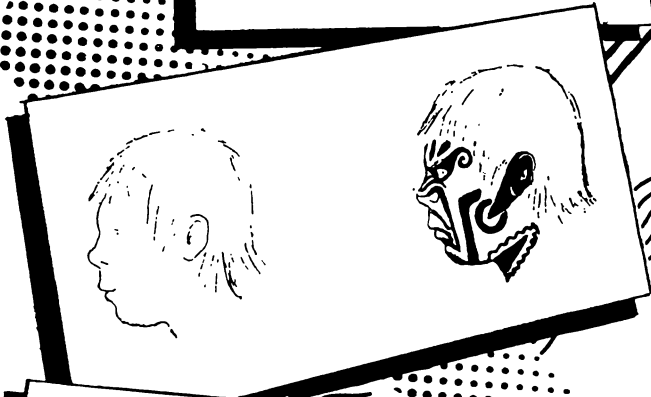
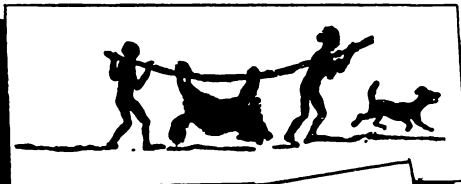
На Востоке Америки я достиг славы и богатства. Но зов дикого Запада по-прежнему волновал мое сердце.

В 1930 году я переехал жить на западную окраину Америки — в Новую Мексику, где до сих пор живут первобытной жизнью индейцы, где Рио-Гранде прокладывает себе путь через Скалистые горы, стремясь выйти к морю.

Здесь, в своей вилле, недалеко от Санта-Фе, я закончил писать эту книгу в 1940 году, когда мне исполнилось уже восемьдесят лет.

Ныкые яру

Изведав мучения жажды, я попробовал вырыть колодец, чтоб из него черпали и другие.

Э. С.-Т.

ЧАСТЬ ПЕРВАЯ

ГЛЕНЬЯН

I

Ян

Ян рано пристрастился к чтению. Как и многие его сверстники, двенадцатилетние мальчишки, он больше всего любил книги про индейцев и книги о жизни зверей и птиц.

Но в те далекие годы об этом писали мало. В библиотеке Ян нашел лишь "Скандинавских охотников" Ллойда, "Ботанику" Грэя и две-три повести Фенимора Купера. Мальчик перечитывал их без конца.

Отец Яна никогда не интересовался его увлечениями, но, решив однажды, что подобные книги могут помешать учебе сына, запретил и думать о них.

Между тем учился Ян хорошо и был в числе первых учеников, хотя в классе занимались ребята и старше его.

Ян рос послушным, робким мальчиком, но тут, впервые в жизни, он не подчинился воле отца. Правда, Ян не стал перечить ему открыто, но зато начал хитрить и при всяком удобном случае норовил улизнуть в лес или в поле. Ни от кого не таясь, он часами следил там за птицами, разглядывал неизвестные ему цветы и травы.

Из школы Ян возвращался всегда самым извилистым путем. Ему непременно хотелось пройти мимо магазина, где за стеклом была выставлена картина, на которой два терьера ловили крысу. Напротив находилась табачная лавка, где в витрине стоял слон, нагруженный тюками. А в магазине на соседней улице торговали дичью. Ян обычно разглядывал там битых уток, а когда их не было, любовался оленьей головой; она-то всегда оставалась на своем месте. Немного дальше был меховой магазин, где красовалось великолепное чучело медведя. На Джервистрит стоял дом с высокой террасой, под которой, как ему рассказывали, держали раньше медведя на цепи. С тех пор прошло много лет, но мальчику доставляло

большое удовольствие ходить мимо места, с которым было связано такое необычайное событие. На углу улицы Грэнд и Пэмбертон когда-то убили хорька, и школьники утверждали, что после дождя запах зверька чувствуется до сих пор. И когда сырым, туманным вечером Ян попадал на этот перекресток, он с наслаждением вдыхал воображаемый запах.

Но больше всего времени Ян проводил, прижавшись носом к витрине мастерской чучел на улице Мэн. Чего тут только не было! Головы лис и кошек, шкура волка, оленьи рога и, наверное, больше пятидесяти чучел птиц. На некоторых — удостоенных чести быть выставленными на ежегодной ярмарке — висели ярлычки с названиями. Эти надписи мальчик хранил в памяти, словно сокровенную тайну, хотя, как потом выяснилось, многие названия оказались не совсем верны.

Год спустя или, может быть, немногим более у Яна возник отчаянный план. Он должен побывать в самой мастерской! Прошло несколько месяцев, прежде чем Ян решился на этот шаг. Попроси он хозяина просто показать ему всякие диковинки, едва ли тот отказал бы мальчику.

Но на такой подвиг ему не хватало смелости. И все-таки однажды Ян вошел в мастерскую. Как страшно зазвенел дверной колокольчик! Затем наступила еще более угрожающая тишина, и перед мальчиком появился мистер Сэндер, хозяин магазина.

— Сколько... сколько стоит эта сова на витрине? — запинаясь, вымолвил Ян.

— Два доллара, — ответил мистер Сэндер.

И тут мужество покинуло Яна. Опротевью бросился он на улицу. Ведь ни разу в жизни у него не было столько денег! Он не слышал, что кричал ему вслед хозяин. Ян был испуган, пристыжен, и его не покидало чувство, что он побывал в необыкновенном царстве и оказался недостойным там остаться!

II

Весна

Больше всего Ян завидовал жизни индейцев. Каждой весной его непреодолимо тянуло отправиться бродить по белу свету. С первым пробуждением природы душу его охватывало трепетное волнение. При виде диких гусей,

с призывными криками летевших на север, у Яна словно кровь закипала: ему хотелось лететь вместе с ними.

Многие школьные товарищи Яна говорили, что "любят весну", а девочки даже "обожали" это время года, но никто из них не мог понять, почему так ярко сверкали глаза Яна, когда наконец наступала весна, почему его неудержимо влекло вон из душного класса.

— Если бы я мог убежать отсюда! — с волнением восклицал он.

Только одно удерживало его от бегства из дому с индейцами или цыганами — это страх перед отцом.

III

Братья Яна

У Яна был брат Рэд, старше его двумя годами. Учился Рэд гораздо хуже Яна, за что очень сердился на него и никогда не упускал случая показать Яну свое превосходство в силе.

Как-то раз, забравшись под дом, Ян неожиданно очутился в яме, где можно было выпрямиться во весь рост. И он подумал, что было бы неплохо устроить здесь свою рабочую комнатку — мастерскую. Ян знал, что если к его просьбе присоединится и Рэд, который пользовался в семье репутацией "здравомыслящего", то разрешение отца будет получено. Рэд тут же согласился и даже сказал, что уговорит отца сам. Так он и сделал.

Мальчики взялись за работу. Много дней ушло на то, чтобы углубить яму с трех до шести футов¹. Ян после школы сразу принимался за дело, а Рэд всегда находил тысячу причин, чтобы не браться за лопату.

Ян не раз с восторгом рассуждал о том, что они будут делать в своей мастерской. Рэд нехотя соглашался, отдавал распоряжения и уходил.

Наконец стены были возведены, а в дверцу даже вставлен замок. Ян сиял от счастья и гордости! Он вымел пол и сел на самодельную скамью, чтобы еще раз оглядеть свою мастерскую, как вдруг Рэд сказал:

— А теперь выйдем и запрем дверь.

Это решение показалось Яну очень важным. Они вышли. Рэд запер дверь и спрятал ключ в карман. Потом, обернувшись к Яну, он холодно и жестко сказал:

¹ Фут — единица длины, равная примерно 30,5 см.

— Запомни — чтоб ноги твоей здесь не было. Решение отец давал мне одному.

Другой брат, Алнер, моложе Яна на полтора года, был с ним одного роста, но на этом их сходство исчерпывалось. Алнер был большой хвастунишка и лентяй. Ему страшно хотелось как-нибудь отличиться. Безразлично как, лишь бы о нем все говорили. Но он никогда и пальцем бы не шевельнул, чтобы достичь своей цели. Каждое утро братья шли вместе в школу — таков был наказ отца. Но там они почти не встречались. Братьев ничто не связывало; они были слишком разные. Алнер не разделял увлечений Яна, и поэтому не удивительно, что с каждым днем Ян все больше отдалялся от своих братьев.

IV

Книга

Однажды Ян прочел в газете, что в свет вышла книга "Птицы Канады".

Никогда раньше он не считал деньги такой необходимой вещью, как теперь. "Если б у меня был доллар!" — думал мальчик. Ян откладывал каждую монетку, которая попадала в его руки, и наконец, спустя полтора месяца, стал обладателем заветной суммы! Чувствуя себя самым богатым человеком на свете, он побежал в книжную лавку. Ян просто сгорал от нетерпения; на какую-то секунду ему показалось вдруг, что книга стоит тысячу долларов и к тому же ее уже нет в продаже. Но этого не случилось. Хозяин лавки повернулся к стопке книг и спросил Яна:

— Вам в какой обложке — зеленой или красной?

— В зеленой, — ответил Ян, все еще не веря в свое счастье.

Хозяин взглянул на книгу и сказал равнодушно:

— Девяносто центов.

— Девяносто центов! — изумился Ян.

Откуда же было ему знать, что книга, пролежавшая некоторый срок, становилась дешевле? А сколько труда стоило ему собрать последние десять центов!

По дороге домой Ян с благоговением перелистывал страницы. Правда, в книге он не нашел того, что искал, но обвинял в этом самого себя. Ян перечитывал ее от корки до корки, не сомневаясь, что именно эта книга

откроет ему тайны природы. Лишь спустя несколько лет Ян понял, что книга эта — беспомощная стряпня, которой так часто угощают непросвещенную публику. И все же там были кое-какие полезные сведения: названия птиц и несколько десятков никуда не годных рисунков.

V

Незнакомец

Каждый год весной Яна неудержимо тянуло в лес. Как-то в один из солнечных апрельских дней Ян отправился в небольшой лесок, неподалеку от города. Лес был полон незнакомых цветов, птичьего гомона, таинственных шорохов. Казалось, каждое дерево и каждый куст говорили с Яном на своем языке. А из глубокого, полного воды оврага доносился странный свист. "Пи-ип, пи-ип, пи-ип!.." — словно кто-то просил Яна подойти и посмотреть. Ян подбирался все ближе. Вдруг совсем рядом прозвучал и тут же смолк громкий свист. Под бревном Ян увидел маленькую ящерицу. Заметив мальчика, она тут же юркнула в норку. Это было единственное живое существо, которое Ян разглядел. И он решил, что то была "свистящая ящерица".

Потом долгое время Ян лежал у небольшого озера, но там он никого не приметил. Видно, мальчик распугал всех лесных обитателей. Ян было направился к другому озеру, как вдруг совсем рядом послышались шаги.

Ян оглянулся и увидел незнакомца, наблюдавшего за ним.

Мальчик покраснел и очень смутился, словно его застали на месте преступления.

Незнакомец, человек средних лет, в поношенной одежде, выглядел несколько странно. За спиной у него была жестяная коробка, в руке он держал сачок на длинной палке. Обветренное лицо, обрамленное седой бородкой, было сурово, но глаза светились умом и мягкостью. Когда незнакомец снял шляпу, подставив разгоряченное лицо ветру, то оказалось, что у него такие же густые волосы, как у Яна. Спутанные, жесткие, они напоминали морскую траву, прилипшую к старому утесу.

— Что ищешь, дружок? — обратился он к мальчику.

— Ничего, — смущенно ответил Ян. — Просто мне хотелось посмотреть на свистящую ящерицу.

Незнакомец улыбнулся и сказал:

— Сорок лет назад я вот так же, как ты, лежал у пруда и высматривал там "весеннего пискуна". Я лежал целый день и еще много дней подряд, прежде чем года через три понял, в чем дело. Тебе не придется терять столько времени. Пойдем, я покажу его.

Пошарив руками в листьях у самого берега озера, он поймал маленького, не больше дюйма¹ в длину, лягушонка.

— Вот твоя "свистящая ящерица"! Это лягушка. Она высовывает из воды только нос, и ее трудно заметить. Возьми ее домой, корми хорошенько и, может быть, увидишь когда-нибудь, как она раздует горлышко и свистнет, словно паровоз.

Теперь уж Ян осмелился рассказать незнакомцу о ящерице, которую видел под бревном.

— Едва ли это ящерица, — сказал тот, — здесь их совсем не видно. Это, наверное, тритон. А ящерица — та же змея, только с ногами.

Тут уж мальчик совсем засыпал незнакомца вопросами и рассказал ему о книге, которую купил с таким большим трудом. К удивлению Яна, тот очень рассердился, услышав имя автора, а самую книгу назвал "бессмысленной ерундой".

Незнакомец рассказал Яну, что таинственная черная птица, которую он видел в поле, называется "тóухи". Неизвестный голос, нежно распевающий по утрам в лесу, принадлежит серому дрозду.

Чудесная птица с красной шапочкой на голове, желтоватыми крыльями и таким же хвостом, выставленная в чучельной мастерской, — дятел. Иволга и ориол оказались одной и той же птицей.

Над ними пролетела черная бабочка, и Ян узнал, что это Кэмбервельская красавица, видно перезимовавшая где-то, потому что ей еще не время порхать в лесу. И вдобавок Яну стало известно, что появилась эта бабочка из обычной бурой гусеницы. В синей вышине проносились большие стаи диких голубей, и незнакомец рассказал Яну о гнездовьях этих птиц на далеком юге, о том, как в поисках пищи они стремятся весной на север за крылатыми орешками канадского вяза, в августе — на рисовые поля в Каролину, а в сентябре — в долины Миссисипи, где созревают желуди бука и дуба.

¹ Дюйм — единица длины, равная примерно 2,5 см.

Проходя по небольшому холму, поросшему сосной, они испугнули двух крупных птиц, с треском и шумом поднявшихся над деревьями.

— Глухари полетели, — сказал незнакомец. — Эта пара живет где-то здесь, поблизости, и прилетает сюда за ягодами грушицы.

Ян нагнулся, сорвал несколько ягод и стал жевать их на ходу. Вдруг вдалеке послышался треск, напоминающий легкую барабанную дробь.

— Что это? — воскликнул Ян.

— Глухари токуют, — ответил его спутник. — Те птицы, которых ты сейчас видел.

Этот день навсегда сохранился в памяти Яна. И яснее всего запомнились не птицы и растения, о которых он узнал, а запах грушицы.

Индейцы знают, что запах сильнее всего пробуждает воспоминания, и многие из них хранят на память о счастливых минутах пригоршни сосновых игл, комок крысиного мускуса или еловую смолу.

Было уже далеко за полдень, когда незнакомец сказал Яну:

— Ну, мне пора. Может, еще встретимся, дружок, — и протянул мальчику руку.

Ян горячо пожал ее, но, по застенчивости, не решился даже узнать имя своего спутника.

Он спохватился, когда незнакомец уже скрылся из виду. И сколько потом Ян ни бродил по лесу, надеясь снова встретить его, им никогда больше не довелось увидеться.

VI

Гленьян

Что за дивную песнь пели в тот год дикие гуси! Их трубный зов проникал в душу Яна, и сердце его ответно трепетало. Это была песнь о мирном гнездовье, о подвигах на чужбине, о голоде и жажде. Песнь о черных больших болотах, низком закатном небе и о сияющем солнце!

Разве то была новая песнь? Нет! Дикие птицы пели свою старую песню, и только Ян словно впервые услышал ее.

Стараясь понять ее смысл, Ян брел по их безлюдному пути, к северу и только к северу, вверх по реке, выбирая

самые пустынные места. Река свернула к востоку, но небольшой ручей впадал в нее с севера, и Ян пошел вдоль ручья, сквозь лес, по узкому ущелью, которое вскоре привело его в долину, поросшую редкими деревьями. Светлый ручей журчал под сенью огромных берез, сосен и вязов. В их ветвях мелькали красные белки. На берегу ручья Ян отыскивал следы хорька, выдры и еще каких-то зверюшек.

Место это было столь уединенное, что Яну не стоило большого труда убедить себя, будто он первый открыл его и, как первооткрыватель, имеет право присвоить долине свое полное имя — Гленьян.

С той минуты мальчик только и думал что о своей долине. Улучив свободную минутку, он уходил туда. Иногда ему хотелось поделиться с кем-нибудь своей радостью; часто Ян мечтал снова встретить того незнакомца и привести его в свою долину.

Это был его собственный мир, который ему указали дикие гуси, подобно тому как чайки некогда провели Колумба в Новый Свет¹.

Когда отец продал свой участок земли, Ян очень огорчился. Но теперь, завладев лесным уголком, где росли могучие деревья, Ян словно ожил. Он мог подолгу вглядываться в густые кроны деревьев, сидеть у прозрачного ручья, где серебристыми стрелками проносились уклеи. Яна не оставляло чувство, что весь лесной мир принадлежит ему.

VII

Хижина

У Яна не было ни топора, ни лопаты, и все-таки он принялся строить хижину. Для нее Ян выбрал укромное место, скрытое со всех сторон густой листвой.

Он и сам толком не знал, зачем ему нужно было прятаться от кого-нибудь, но он не раз читал в книгах, что настоящие следопыты устраивали свои убежища в местах, недоступных для посторонних взглядов.

Ян частенько вспоминал об инструментах, которые хранились в мастерской Рэда, но, наученный горьким опытом, не хотел посвящать брата в свои замыслы.

¹ Новый Свет — так с 1541 года называют американский континент.

Самодельной лопатой он принялся рыть яму на берегу ручья. Отвердевшая глина плохо поддавалась, но Ян, проработав без усталости два свободных дня, вырыл яму в семь футов длиной и четыре шириной. Здесь он и собирался возвести хижину.

Но как сложить хижину из трех десятков стволов, если в руках лишь самодельный топор? И все же Ян не стал искать себе другого. Его ободряла мысль, что индейцы едва ли владели лучшими орудиями.

Ян начал подбирать материал, который мог пригодиться для постройки. Другие на его месте, наверное, собрали бы сперва все необходимое, но Яну не терпелось поскорей увидеть свою хижину готовой, и он сразу стал строить стены. В них нельзя было найти и двух одинаковых бревен: одни были слишком длинные, другие короче, третьи совсем кривые. Некоторые почти сгнили — ведь такие было легче срубить. Скоро Яну пришлось идти на поиски, так как поблизости материала больше не было. Он вспомнил, что в полумиле¹ от городка видел груды бревен. Несколько воскресений Ян усердно перетаскивал их. Девять из них пошли на стены, а три остались для стропил. Он положил их на равном расстоянии друг от друга и прикрыл ветвями. Поверх настлал кору вяза, затем накопал глины и хорошенько обмазал всю крышу, утопав ее и подровняв по краям. Чтобы крыша не очень выделялась среди листвы, Ян разбросал по ней всякой зелени.

Наконец-то, после многих недель упорного труда, его лесное жилище было готово!

VIII

Знакомство с лесной жизнью

Пока Ян строил свою хижину, он ничего не замечал вокруг. Теперь его занимала одна мысль — поселиться в лесу или хотя бы провести здесь несколько дней.

Ян понимал, ему надо очень много знать про лес и его обитателей, и он с жаром принялся читать книги, в которых можно было найти ответы на то, что его так волновало.

Ян сделал себе лук и стрелы. Правда, они оказались никуда не годными, и все же Ян чувствовал себя

¹ Милья (сухопутная) — единица длины, равная 1609 м.

настоящим индейцем. Обручи старой бочки пошли на железные наконечники для стрел. Эти стрелы Ян назвал "боевыми" за их устрашающий вид. Когда стрела вонзалась в дерево, он издавал победный клич.

В эти минуты мальчик воображал, что сразил свирепого врага.

Из обрывка овечьей шкуры Ян соорудил себе жалкое подобие мокасин. Старый сломанный нож, которым шпаклевали щели, он превратил в "боевое оружие" и сшил для него ножны из обрезков кожи. Несколько плиток акварельной краски и осколок зеркала, вставленный в расщепленную палку, позволяли Яну изображать на своем лице "индейскую татуировку".

Все необычное, что ему попадалось в лесу — изогнутые сучки, перья птиц, даже старый коровий рог, — он тащил в свою хижину. Ян и сам не мог бы объяснить, чем привлекали его эти вещи. Из ракушек он сделал себе "индейское" ожерелье. Часами лежал он на солнце, подставив лицо жарким лучам, и бесконечно радовался, когда родные замечали его темный загар.

Он старался во всем подражать индейцам: ходил носками внутрь, ломал ветки, обозначая свой путь, определял время по солнцу, выражал свое удивление односложными восклицаниями, которые произносил на индейский манер гортанным голосом.

Из бересты Ян мастерил разную посуду, сшивая края тонкими корешками. Доньшки он выстругивал из дерева, а щели замазывал смолой так, что посуда не пропускала воду.

Однажды во дворе своего городского дома Ян увидел странную птицу. Мальчик успел даже набросать рисунок, пока она спокойно рылась клювом в земле. Птица была пепельного цвета с золотистыми крапинками на голове и около хвоста. На крылышках белели длинные полосы. Ян перерыл все книги, которые только смог достать, но так и не нашел названия этой птицы. И только много лет спустя он узнал, что это был птенец дубоноса.

Ян рисовал по памяти многих птиц, которые ему попадались на глаза. Однажды у него возникло сомнение — рисовали ли индейцы всяких зверей? Но, вспомнив, что они украшали свои щиты и жилища изображением птиц или животных, с радостью продолжал свое любимое занятие.

IX

Следы

Как-то раз у ручья на мокром песке Ян обнаружил чьи-то следы и для памяти срисовал их. Ему пришло на ум, что это след енота, и он показал свой рисунок одному знакомому.

— Это в натуральную величину? — спросил тот Яна.

— Да.

— Пожалуй, ты прав, — сказал тот. — Похоже на лапу енота. Осмотри хорошенько все деревья около того места, где ты нашел их. Может быть, увидишь дупло, тогда огляди кору около него, и, если заметишь волоски, значит, там живет енот.

При первом же удобном случае Ян отправился в свою долину. На большой липе ему повезло найти несколько клочков шерсти. Как же узнать, действительно ли они принадлежат еноту? Тут Ян вспомнил, что у одного из учеников была старая енотовая шкурка. Сравнив свою находку с ней, Ян убедился, что держал в руках клочки настоящей енотовой шерсти.

Как-то Ян заметил растение, похожее на раскрытый зонтик. Он выкопал его с корнем и на конце одного корешка увидел продолговатую белую луковичку. Ян откусил кусочек; по вкусу она напоминала свежий огурец. Просмотрев школьный учебник ботаники, Ян обнаружил в перечне растений название "индейский огурец". По описанию это вполне подходило к растению, которое он выкопал.

В другой раз Ян пожевал листья одного незнакомого растения — так, он слышал, поступали индейцы. Но очень скоро мальчик почувствовал острые боли в животе. В ужасе поспешил "индеец" домой. Мать дала ему выпить разведенной в воде горчицы, а когда убедилась, что ее сыну не грозит никакая опасность, отодрала его хорошенько за уши.

X

Бидди

В доме у родителей Яна появилась новая служанка по имени Бидди.

Гуляя как-то с детьми, Бидди нарвала ворох трав и рассказала, что ей было о них известно:

— Это ветка сассафраса, настой его листьев помогает при болезни кожи. Кошачью мяту пьют от простуды. Вот тсуга. Из ее коры добывают розовую краску. А зеленую — из маслянистого ореха.

Ян слушал Бидди, затаив дыхание, стараясь запомнить каждое ее словечко.

Ян слышал, что индейцам были известны свойства многих листьев и трав, и ему захотелось побольше узнать об этом.

XI

Перелом

В один из воскресных дней, наколов, как обычно, двойную порцию дров для кухни, Ян отправился в лес. Он уже подходил к своей хижине, как вдруг до него донеслись оттуда грубые, громкие голоса. Ян подкрался ближе. Дверь была приоткрыта, и мальчик увидел в хижине трех бродяг. На полу валялись растоптанные ракушки, в костре около двери догорали его лук и стрелы.

Не помня себя от горя, Ян бросился в глубь леса. Как ненавидел он этих людей, осквернивших его дом! Когда два часа спустя Ян вернулся, на месте своей хижины он увидел одни развалины.

Это случилось в конце лета. Пришла осень с холодными дождями и коротким днем. Ян уже больше не ходил в свою долину; он много читал, прилежно учился. Но день ото дня становился все бледнее, а под Новый год совсем заболел.

XII

Рысь

Прошла зима, и к марту Ян почувствовал себя окрепшим. Он совершал долгие прогулки и как-то солнечным днем отправился с собакой за город. Свежий воздух вливал бодрость, и Ян, сам того не замечая, избрал дорогу, ведущую в Гленьян.

Неожиданно на снегу он заметил большие странные следы. Они походили на медвежьи, но были коротковаты и глубоко проваливались в снег.

Собака обнюхала следы и не выразила никакого желания идти дальше. Но Ян все же пошел вперед. След вел

мимо развалин хижины, пересекал ручей по бревну, и с каждым шагом Ян все больше убеждался, что этот след принадлежит крупной рыси. Грипп — так звали пса — умел отлично лаять, но теперь, обнюхивая след, упрямо плелся сзади и только жалобно скулил.

Ян выбрал себе дубинку и продолжал идти вперед. Они были уже в густой чаще, когда Ян вдруг услышал густой, похожий на кошачий крик: "Яу! Яу! Яу!"

Ян замер. Пес задрожал и приник к его ноге. Крик все нарастал, и неожиданно Ян увидел зверя. Это была настоящая рысь. Пес в ужасе бросился в сторону, оставив мальчика одного. Ян был безоружен, и ему ничего не оставалось делать, как последовать примеру Гриппа.

О своей встрече с рысью Ян решил рассказать Рэду. У брата было ружье, и Ян спросил его:

— Ты бы пошел на хорошую охоту?

— Еще бы!

— Я знаю одно местечко, милях в десяти от города, — там полно всякого зверья.

— Так я и поверил!

— А вот увидишь. Я тебе покажу, если не болтаешься.

— Идет.

— Я сейчас видел там рысь, и если мы пойдем туда с ружьем, то непременно убьем ее.

Ян подробно рассказал обо всем, что с ним произошло, и мальчики решили пойти на охоту в следующее воскресенье. Ян, подражая индейцам, долго и путано вел Рэда к тому месту, где он впервые заметил следы. Но, не дойдя до тропинки, они встретили человека, продиравшегося сквозь кусты. На плечах он нес убитую рысь.

Мальчики забросали охотника вопросами, и тот рассказал, что убил ее накануне. Рысей в округе не было; по-видимому, эта забрела сюда случайно, пробираясь с севера.

Убитая рысь была крупным зверем. Полосы на голове и широко раскрытые желтые глаза придавали ей удивительное сходство с тигром.

Этот случай был далек от настоящего приключения, но Ян запомнил его надолго. Мальчика радовало, что он смог верно определить зверя, о котором знал лишь из самых поверхностных описаний.

ЧАСТЬ ВТОРАЯ

СЭНГЕР

I

Новый дом

Яну исполнилось четырнадцать лет. Длинноногий, худой, он очень быстро рос, и доктор посоветовал отправить его на год в деревню.

Вот как получилось, что Ян поехал жить к Уильяму Рафтену в Сэнгер.

Мистер и миссис Рафтен встретили Яна на станции. Поужинав в таверне, они поехали домой. Там Яна провели в большую кухню, служившую одновременно и столовой и гостиной. Оглядевшись, Ян увидел за печкой длинного, нескладного мальчишку с рыжими вихрами, темными раскосыми глазами и лицом, вероятно, самым печальным на свете.

— Сэм, иди познакомься с Яном, — сказала миссис Рафтен.

Сэм робко вышел вперед, вяло подал руку Яну и, сказав протяжно: "Здра-асте", — снова спрятался за печку, откуда украдкой разглядывал гостя.

Все занялись своими делами, и Ян, оставшись один, почувствовал себя очень несчастным.

Ян с трудом привык к мысли, что ему придется оставить школу. Он молча подчинился приказу отца. Но под конец уже сам с нетерпением ждал дня отъезда. Ведь он уезжал из Боннертона всего на год, а жизнь в деревне обещала ему много радости! Жить на вольном воздухе, среди лесов и полей, — вот где его ожидало настоящее счастье.

Но теперь, когда он очутился в чужом доме, ему стало вдруг очень тоскливо. Ян кусал губы и усиленно моргал глазами, с трудом сдерживая слезы. Миссис Рафтен сразу поняла, что с ним происходит.

— Он по дому скучает, — объяснила она мужу. — Завтра успокоится.

Миссис Рафтен взяла Яна за руку и повела наверх, где ему была приготовлена постель. Минут через двадцать

она снова поднялась посмотреть, хорошо ли он устроился. Подоткнув со всех сторон одеяло, она наклонилась к нему и вдруг заметила, что лицо его мокро от слез.

Миссис Рафтен прижала голову мальчика к себе и несколько раз поцеловала его.

— Не огорчайся, — сказала она, — завтра все пройдет.

Откуда взялась эта тоска и куда исчезла, Ян и сам не знал. На следующее утро он бодро вскочил с постели — его ждал новый, удивительный мир!

Уильям Рафтен был владельцем нескольких ферм и содержал их в отличном порядке. Ему пришлось немало пережить. Бесчисленные удары судьбы ожесточили его. Он был суров в обращении с людьми. Никто не смел ослушаться его. Но близкие ему люди знали, что у этого дельного, умного человека бьется горячее сердце ирландца.

Почти неграмотный, он благоговел перед ученостью и решил, что не пожалеет никаких денег, чтобы дать детям своим образование, которое, как он считал, заключалось в умении бегло читать.

Плохого отношения к животным Рафтен не терпел.

”Человек не смолчит, если его обидят, — говорил он, — а у кого найдет защиту бессловесное животное?”

В округе Рафтен был единственным фермером, который никогда не продавал и не отдавал на убой старую лошадь. ”Она, бедная, трудилась всю свою жизнь и заслужила, чтобы ее кормили до последнего дня”, — повторял он.

Поэтому Дункан, Джерри и другие лошади долгое время жили у него ”на покое”.

Миссис Рафтен, славная женщина, очень любила свой дом и семью.

У Рафтенов родилось много детей, но в живых остались только пятнадцатилетний Сэм и трехлетняя Минни.

Обязанности Яна на ферме были сразу определены — он должен был присматривать за птицей, а иногда кормить свиней и телят. Кроме того, он помогал Сэму в разной работе по дому.

Дела было много, и Рафтен требовал, чтобы мальчики усердно трудились. Зато в часы досуга им предоставлялась полная свобода.

Сэм Рафтен говорил медленно, растягивая слова, и потому на первый взгляд казался глуповатым. На самом же деле это было далеко не так.

После того как мистер Рафтен познакомил Яна с домом, Сэм открыл ему все потайные уголки.

Отворив дверь в темную комнату, которая была похожа на подвал, и отыскивая на ощупь закрытое окно, Сэм сказал:

— Тут наша гостиная.

В комнате было душно и пыльно, ведь открывали ее только по воскресеньям, но здесь мальчики нашли то, что немедленно сблизило их обоих: коллекцию птичьих яиц. Яйца лежали на подстилке из отрубей в старой коробке под стеклянной крышкой. На них не было ни одного ярлычка, и настоящий коллекционер вряд ли удостоил бы их взглядом. Ян же, с внезапно пробудившимся интересом и симпатией, спросил:

— Любишь такие штуки?

— Еще бы! — сказал Сэм. — Я бы набрал вдвое больше, да отец не велит. Пусть, говорит, побольше птиц на ферме живет.

— А ты знаешь, какие у вас птицы водятся?

— А как же! Я тут про всех птиц в округе знаю: где они живут, как вьют гнезда.

— А мне можно принести из лесу несколько яичек?

— Нет, отец сказал, что даст пострелять из ружья кроликов, если я перестану разорять гнезда.

— Здесь и кролики есть?

— Прошлой зимой я троих добыл.

— Зимой! — разочарованно протянул Ян. — А теперь?

— Теперь их не найдешь. Но я что-нибудь придумаю. Вот как закончу всю работу, попрошу у отца ружье.

"Как закончим работу" было излюбленное выражение в семье Рафтен. Они говорили это всякий раз, когда откладывали что-нибудь на неопределенное время.

Сэм открыл нижнюю дверцу буфета и вытащил оттуда несколько кремневых наконечников стрел, найденных во время пахоты на поле, челюсть бобра, пойманного еще в первые дни жизни в Сэнгере, и растрепанное чучело совы.

Увидав эти "сокровища", Ян только и смог воскликнуть:

— Вот это да!

Сэм обрадовался, что семейные ценности произвели на Яна такое впечатление.

— Это отец убил сову на гумне, — объяснил он.

Мальчики быстро подружились.

Днем, работая вместе на ферме, они поведали друг другу свои тайны. После ужина Сэм шепнул Яну:

— Что я тебе сейчас покажу! Только поклянись никому не говорить.

— Клянусь! — немедленно ответил Ян.

— Пошли в сарай, — сказал Сэм.

На полдороге Сэм вдруг сказал:

— Забыл я взять кое-что. Ты иди в сад, встретимся там под старой яблоней.

Вернувшись, Сэм шепнул Яну, хотя кругом не было ни души:

— Иди за мной.

Он повел Яна в другой конец сада, к бревенчатой хижине, служившей теперь сараем, в которой они жили до того, как выстроили кирпичный дом.

Мальчики поднялись по лестнице на чердак. Там, в самом дальнем углу, Ян снова поклялся вечно хранить тайну. После этого Сэм порылся в старой коробке и извлек оттуда лук, стрелы, ржавый железный капкан, большой нож, рыболовные крючки, кремь с огнивом, коробку спичек и какой-то грязный, похожий на сало кусок, который, по словам Сэма, был сушеным мясом.

— Понимаешь, — сказал он, — я всегда хотел быть охотником. А отец говорит, что я должен стать зубным врачом, потому что охотой много не зарабатываешь. Но я все равно хочу быть охотником! Как-то отец выпорол меня и Бада. Это мой брат, он умер в прошлом году. Ну вот, отец выпорол нас за то, что мы с Бадом не накормили свиней. И тогда Бад надумал бежать к индейцам, и я тоже хотел удрать вместе с ним. Но Бад хотел взять отцовское ружье, а я сказал, что это будет воровством. Мы даже с ним подрались, но потом я сказал ему: "А вдруг с нас скальпы снимут? Мне мои волосы еще не надоели. В конце концов, отец нас не убил". И мы с Бадом были сами виноваты — ведь одна свинья даже сдохла с голоду. Так мы и остались дома, хотя я больше всего на свете хотел стать охотником.

Ян выслушал друга и в свою очередь рассказал, как построил в лесу хижину, как любил играть там и как ее разорили бродяги.

— Твой отец не будет сердиться, если мы построим хижину в лесу? — спросил Ян.

— Ну, что ты! Только сначала сделаем всю работу.

III

Вигвам

На следующий день они решили взяться за постройку. Закончив работу на ферме, мальчики пошли в лес выбирать подходящее место. Небольшой ручей, который они важно называли рекой, протекал по лугу и, пробившись сквозь живую изгородь, продолжал свой бег в лесу. Углубляясь в чащу, ручеек подбирался к болоту, поросшему кедром, где уже не было тропинок. Сэм сказал, что дальше, за болотом, хороший бугор. Шли туда долго, в обход, но зато место оказалось действительно превосходное: высокое, сухое. Ян был в восторге. Сэм тут же вынул топор и хотел приняться за работу, но Ян, который все утро мечтал об этой минуте, сказал:

— Сэм, давай играть в индейцев.

— Это еще зачем? — удивился Сэм.

— Чего только индейцы не умеют делать! Разве белый охотник заметит след ноги в мокасине на гранитной скале?

Он побоится идти в лес с одним только ножом. А лодку из березовой коры ему ни за что не сделать... Послушай, Сэм, — продолжал Ян, — ведь мы же хотим быть настоящими охотниками! Так давай станем индейцами и будем все делать, как они.

В конце концов предложение Яна показалось Сэму заманчивым, и он согласился "чутьочку поиграть в индейцев".

— Но индейцы не живут в хижинах! — не успокаивался Ян. — Нам надо строить типи!

— Пожалуй, это было бы очень неплохо, — сказал Сэм, который не раз видел типи на картинках, — но из чего строить?

— Индейцы, которые живут на равнине, делают типи из шкур животных, — уверенно объяснил Ян, — а лесные индейцы — из березовой коры.

— Но у нас хватит березовой коры на типи для бурундука, не больше!

— Ну, сделаем из коры вяза, — тут же нашелся Ян.

— Это уже лучше, — сказал Сэм. — Прошлой зимой мы срубили много вязов, и с них нетрудно содрать кору. Но сперва давай начертим план.

Об этом Ян и не подумал, но Сэм был приучен работать иначе.

Ян стал напоминать, какие жилища индейцев он видел на картинках.

— Кажется, типи была такой формы. — Ян нацарапал изображение индейской палатки на гладком стволе. — Здесь торчали шести, тут, наверху, было отверстие для дыма, а внизу — вход, что-то вроде двери...

— Похоже, ты никогда не видел ни одной типи, — снисходительно заметил Сэм. — Можно попробовать. Какого же она будет размера?

Было решено сделать типи высотой и шириной в восемь футов.

Через несколько минут Сэм срезал четыре длинных шести, и Ян тут же отнес их на выбранное место чуть выше по реке.

— А чем мы их свяжем? — спросил Ян.

— Веревками, чем же еще?

— Раз мы живем в лесу, то и всё должны брать из лесу. Настоящей веревкой нельзя.

— Придумал! — вдруг обрадовался Сэм. — Когда отец делал изгородь вокруг сада, он связывал шести ивовой лозой.

Через несколько минут они старательно перевязывали шести упругими ивовыми прутьями. Но это оказалось нелегко: скользкие прутья то и дело соскакивали и падали на землю. Мальчики совсем растерялись и подумывали уже, не скрепить ли шести травяным жгутом, когда неожиданно сзади кто-то насмешливо фыркнул. Ян и Сэм обернулись. Заложив руки за спину, совсем рядом стоял мистер Рафтен. Похоже было, что он давно наблюдал за ними.

Мальчики опешили. У мистера Рафтена была особенность вырастать словно из-под земли там, где что-нибудь затевалось. И если затея была ему не по душе, он едко высмеивал ее. Мальчики с нетерпением ждали, как отнесется Рафтен к их строительству. Если б они занимались этим в рабочее время, нетрудно догадаться, как посмотрел бы на это хозяин фермы, но теперь ребята были свободны, и Рафтен, испытующе оглядев мальчиков, медленно сказал:

— Эй, ребята!

У Сэма отлегло от сердца: начало было неплохое.

— Зачем вы попусту тратите время и возитесь с ивовыми прутьями? Ими шестов не свяжешь. Взяли бы лучше веревку из сарая.

Мальчики вздохнули с облегчением, но даже это мирное и дружеское вступление могло обернуться потом хорошей взбучкой. Поэтому Сэм выжидающе молчал. Но Ян пояснил:

— Мы играем в индейцев и можем пользоваться только тем, что растет в лесу.

— А кто ж вам запрецает? — спросил Рафтен.

— Тогда будет не по правилам.

— Ах, вот в чем дело, — удивленно проговорил Рафтен. — Теперь понятно.

Он внимательно огляделся вокруг и, подойдя к низкому кустарнику, спросил:

— Ты знаешь, что это такое, Ян?

— Нет, сэр, — произнес мальчик.

— Ну-ка, посмотрим, хватит ли у тебя сил сломать ветку.

Ян напрасно гнул ветку с тонкой блестящей кожицей, она никак не поддавалась.

— Это кожаное дерево, — сказал Рафтен. — Им и пользуются индейцы. В первое время мы тоже брали его вместо веревок.

— Видишь, — сказал Сэм с довольной улыбкой, когда Рафтен ушел, — отец не сердится, если работа сделана. И как же я сам об этом дереве не вспомнил! Ведь мне говорили, что в старое время, когда веревок было мало, вещи вязали этими прутьями. А индейцы, я слышал, вязали ими своих пленников.

Мальчики нарезали прутьев, скрепили ими шесты наверху, и каркас типи был готов. Посоветовавшись, они опоясали шесты обручем из толстого ивняка и накрепко привязали его прутьями кожаного дерева. Для большей устойчивости мальчики прикрепили к обручу четыре коротких шеста, воткнув их концами в землю. Теперь остов типи можно было обшивать корой.

Мальчики пошли к старым вязам, срубленным прошлой зимой, и снова Сэм показал, как он умело орудует топором. Он надсек кору на стволе сверху вниз, поддел ее топором, вбил несколько клиньев и осторожно снял большой кусок. С трех кряжей они добыли много коры.

Сэм предложил прибить ее гвоздями к подпоркам, но это привело Яна в ужас: ведь индейцы никогда не пользовались гвоздями!

— Ну, а чем же, по-твоему, они прибивали? — спросил Сэм.

— Они вязали ремнями и... и... может, делали деревянные гвозди.

— Но ведь у нас подпорки из твердого дерева. В сосну вобьешь только дубовые гвозди, и то надо заранее просверлить дырки в шестах, иначе ничего не получится. Я сбегая домой за буравчиком.

— Ну, Сэм, это все равно что нанять плотника! Давай играть по-настоящему. Придумаем что-нибудь. Может, скрепить их прутьями кожаного дерева?

Сэм вытесал острый дубовый колышек, а Ян проколол им кору по краям, пропустил сквозь эти дырочки прутья кожаного дерева, и покрытие для вигвама было готово. Но когда мальчики вошли внутрь, они с огорчением заметили, что стены светятся дырками. Заделать их все было невозможно, потому что кора трескалась во многих местах. Мальчики заткнули только самые большие щели. Теперь им предстояла самая важная и таинственная церемония — развести костер в вигваме.

Они собрали кучу сухого хвороста, и Ян достал спички.

— Что это ты! — удержал его Сэм. — Разве у индейцев есть спички?

— Правда... — смутился Ян. — Но у меня нет ни кремня, ни огнива. А как добыть огонь трением, я не знаю. Неужели мы из-за этого останемся без костра?

— Нет, огонь у нас будет! — уверенно сказал Сэм. — Доставай свои спички. Вигвам без костра — то же, что старое птичье гнездо или дом без крыши.

Ян чиркнул спичкой и поднес ее к хворосту. Но спичка погасла. Вторая и третья тоже.

— Смотрю, ты не очень-то умеешь разжигать костер! Дай-ка я тебе покажу. Пусть белый охотник поучит индейца, как жить в лесу, — хитро улыбнулся Сэм.

Сэм наколот топором тонкие лучинки от сухого соснового корня и на концах каждой настругал пучок стружек.

— Верно! — обрадовался Ян. — Я видел на картинке индейца с такой палочкой.

Сэм зажег спичку, и через минуту в вигваме весело затрещал огонь.

— Это бабушка Невилль научила меня. Она все-все про лес знает.

— Кто такая бабушка Невилль? — спросил Ян.

— Старая колдунья. Она живет в домике у излучины реки.

— А нет ли у нее внучки Бидди? — Ян неожиданно вспомнил, что у него была подруга родом из Сэнгера.

— Конечно! — воскликнул Сэм. — Бидди — она молодчина: здоровая, сильная. Умеет делать все.

Устроившись на подстилке из еловых веток, Ян сказал:

— До чего ж хорошо!

— Мы как настоящие индейцы! — ответил Сэм. Он сидел по другую сторону костра. — Послушай, Ян, — вдруг добавил он, — не подкладывай больше веток, здесь очень жарко, и потом, что-то неладно с трубой. Может, засорилась...

Костер горел ярко, а дыму все прибавлялось. Маленькое отверстие наверху дым, наверное, принял за ошибку и упрямо не желал покидать через него вигвам. Он выбивался во все щели, вырываясь из двери клубами, но большая часть дыма, казалось, была вполне довольна вигвамом, и через несколько минут дым выкурил оттуда обоих индейцев. Из глаз у них лились слезы, и настроение совсем упало.

— Похоже, — заметил Сэм, — что мы перепутали отверстия. Видно, дверь надо было сделать сверху, раз дым только и хочет выходить через нее.

— У индейцев тяга хорошая, — сказал Ян, — и белый охотник должен знать, как это делается.

— Может, нам закрыть дверь, тогда дым поневоле потянется в трубу, — предложил Сэм.

Так и сделали. Сначала дым повалил вверх, но потом снова стал набиваться в вигваме.

— Будто выползает из щелей, а труба его обратно всасывает! — огорчился Ян.

События оборачивались очень печально. Им так хотелось посидеть в вигваме около костра! Но мечта рушилась: дым невыносимо щипал глаза.

— Может, лучше построить хижину? — предложил Сэм.

— Нет, — сказал Ян, — у индейцев получается, выйдет и у нас. Надо только разобраться как следует.

Все их попытки что-нибудь исправить ни к чему не привели. Вигвам по-прежнему наполнился дымом. Кроме

того, внутри было тесно и неуютно: ветер проникал во все щели, которых становилось все больше, потому что кора вяза высыхала и трескалась.

Как-то в лесу их застал проливной дождь. Мальчики хотели укрыться от него в своем унылом жилище, но потоки воды хлынули через дымовое отверстие, в щели и трещины.

— Да тут льет сильнее, чем снаружи! — сказал Сэм, выбегая из вигвама.

Ночью разразилась сильная гроза, и на следующий день мальчики нашли на месте своего вигвама только груды коры и палок.

Однажды за столом Рафтен, как обычно сурово, спросил мальчиков:

— Ну что, построили вигвам?

— Его буря снесла, — ответил Сэм.

— Как же так?

— Не знаю. И сидеть там нельзя было — дыму набиралось полный вигвам.

— Плохо сделали, — сказал Рафтен и вдруг с интересом, который говорил о том, с какой радостью Рафтен присоединился бы к этой игре лет сорок назад, добавил: — Почему вы не сделали настоящую типи?

— А мы не знаем как, да и не из чего.

— Ладно. Работали вы хорошо, и я отдам вам за это старую покрышку с фургона. Кузен Берт помог бы вам, будь он здесь. Может, Калеб Кларк знает? — сказал он, подмигнув одним глазом. — Спросите-ка его.

— А можно нам пойти к Калебу, отец?

— Как хотите, — ответил Рафтен.

Рафтен никогда не говорил впустую, и Сэм это знал. Поэтому, когда он ушел, ребята достали старую покрышку от фургона. Развернув ее, они увидели, что это большой кусок брезента. Мальчики спрятали его в сарае, который был отдан в их распоряжение, и Сэм сказал:

— Я бы прямо сейчас пошел к Калебу. Он наверняка лучше других знает, как строить типи.

— А кто такой Калеб? — спросил Ян.

— Да это старый Билли. Он однажды стрелял в отца, после того как отец обхитрил его на лошадиной ярмарке. Он чужак, этот Калеб. Долго был охотником и хорошо знает лес. Ну и влетит мне, если он догадается, чей я сын! Ладно, как-нибудь его проведем.

Бабушка Невилль

Мальчики отправились к Калебу. Идти надо было вдоль ручья. Дойдя до излучины, они увидели маленькую бревенчатую хижину, перед которой копошились куры и разгуливала свинья.

— Здесь живет колдунья, — сказал Сэм.

— Бабушка Невилль?

— Да. Ну и любит же она меня! Как старая курица — ястреба.

— А за что?

— Наверное, за свиней. Но началось, пожалуй, с деревьев. Отец срубил много вязов, а она очень любила смотреть на них из хижины. Потом история со свиньями. Как-то ей пришлось туго зимой. Она пришла к отцу, и он купил у нее за семь долларов обеих свиней. Дома он сказал матери: "Похоже, у старухи плохи дела, отнеси ей в следующую субботу два мешка муки, картофеля и свинины". В общем, мама отнесла ей всякого добра долларов на пятнадцать. Старуха молчала, пока мама не сложила все в погреб, а потом накинулась на нее: "Мне не нужны ваши подачки!" Она разозлилась на нас, когда отец купил ее свиней, но совсем рассвирепела, когда получила в подарок припасы.

— И не стыдно ей! — сказал Ян, сочувствуя Сэму.

— Нет, ты зря, — возразил Сэм. — Она просто чудачка. Если сумеет, ни за что не даст срубить дерево. Весной бродит часами по лесу, садится около цветов и что-то шепчет им. И птиц тоже любит. Каждую зиму сама чуть с голоду не помирает — все птицам скармли-вает, которые слетаются к ее домику. Многие даже на руку к ней идут. Отец говорит, что птицы принимают ее руки за старые сосновые корни, а по-моему, она просто умеет их приласкать. Стоит на морозе не шевелясь и все приговаривает: "Милые вы мои"... Видишь наверху окошко? — спросил Сэм, когда они приблизились к домику бабушки Невилль. — Это чердак. Там у нее хранятся запасы всяких трав.

— Для чего?

— Лечит ими.

— Да, вспомнил! Бидди говорила, что ее бабушка лечит травами. "Травяной доктор" называла она ее.

— Доктор? Она ничутью не доктор. Просто знает в лесу каждую травинку. На чердаке трава лежит целый год, на ней спит кошка, вот от этого, наверное, трава и становится целебной.

— Мне бы хотелось посмотреть на нее, — сказал Ян.

— Я думаю, можно.

— А тебя она знает?

— Знает, — ответил Сэм. — Но я немножко схитрю. Больше всего на свете она любит больных. Сейчас сам увидишь.

Сэм закатил рукава, с пристрастием оглядел свои локти, но, видимо, безуспешно. Затем он стал пристально разглядывать ноги. Конечно, у мальчишек всегда полно царапин и ссадин. Сэм выбрал лучшую из них — под коленкой большую царапину от гвоздя. Свинцовым карандашом он изобразил вокруг омертвевшую кожу, кожей неспелого ореха добавил неприятный коричневато-желтый оттенок, и в результате получилось страшное, болезненного вида пятно. Пожевав какую-то траву, он выплюнул желто-зеленую жижу на платок и обвязал им свою "рану". Подняв с земли палку, Сэм заковылял к хижине. Когда мальчики были совсем близко, приоткрытая дверь с треском захлопнулась. Ничуть не испугавшись, Сэм подмигнул Яну и постучал. В ответ донесся лай маленькой собачонки. Сэм стукнул еще раз. За дверью послышался шорох, и снова все смолкло. В третий раз на стук Сэма в хижине кто-то пронзительно крикнул:

— Убирайтесь отсюда!

Сэм ухмыльнулся, а потом, растягивая больше обычного слова, сказал:

— Помогите бедному мальчику, бабушка! Доктора ничего не могут ему сделать.

Кстати, в последнем он был прав: чем мог доктор помочь здоровому мальчику?

Ответа не последовало, но Сэм решился открыть дверь.

В комнате перед печью, поблескивая покрасневшими глазами, сидела старуха с трубкой во рту. На коленях она держала кошку, а у ног сидела собачонка, которая сердито зарычала на чужих.

— Ты ведь Сэм Рафтен? — свирепо сказала старуха.

— Да, бабушка, — ответил Сэм. — Я наткнулся на гвоздь в заборе. Говорят, так кровь отравить можно. — Сэм постанывал немножко, охал и морщился.

Слово "убирайся" было забыто. Доброе сердце старухи прониклось сочувствием к пострадавшему. Ей было даже приятно, что недруг так смиренно просит ее о помощи.

— Давай погляжу, — буркнула она.

Пока Сэм, охая, пытался развязать отвратительные тряпки, обмотанные вокруг колена, в комнату вошла Бидди.

Она и Ян тут же узнали друг друга. Встреча их была очень теплой, и Бидди сразу засыпала Яна вопросами.

— Помнишь, я говорила тебе о бабушке, — сказала Бидди, — вот она. Бабушка, познакомься, это Ян. Я работала у его мамы. Верно ведь, Ян? А бабушка расскажет тебе про травы. Она это хорошо знает.

Сэм снова громко охнул, и все повернулись в его сторону.

— Это, кажется, Сэм Рафтен? — холодно сказала Бидди.

— Да, — кивнула бабушка, — он смертельно болен. Доктора отказались лечить его, и он пришел ко мне.

Словно в подтверждение ее слов, Сэм опять громко застонал.

— Дай ножницы, Бидди. Придется разрезать штанину, — сказала старуха.

— Нет, нет! — с неожиданной силой заговорил Сэм, с ужасом думая о том, как ему за это попадет дома. — Я могу закатать ее.

— Ну хорошо. Хватит так, — сказала старуха. — Да, да, тут у тебя дикое мясо. Я вырежу его, — и она стала рыться в карманах.

Сэм сообразил, что она ищет нож, и уже был готов ринуться к двери.

Но старуха вдруг передумала:

— Или лучше дам тебе кое-что выпить.

Ян и Сэм с облегчением вздохнули.

— Вот. — Старуха протянула Сэму жестяную кружку с водой, куда она всыпала порошок из сухих толченых листьев.

Сэм выпил.

— Возьми эти ветки с собой и прокипяти их в двух галлонах¹ воды. Пей настой каждый час по стакану. Потом два раза в день прикладывай к больному месту разрубленного цыпленка. И все у тебя пройдет. Только запомни: дважды в день свежего цыпленка.

¹ Галлон — единица емкости, в США равна примерно 3,7 л.

— Может, индюшонка лучше? — простонал слабо Сэм. — Мама очень любит меня и денег не пожалеет.

Тут Сэм фыркнул: видно, смертельная опасность миновала.

— Что это за растение, бабушка? — спросил Ян, старательно избегая взгляда Сэма.

— Лесное.

— А как оно называется? И на что похоже?

— Само на себя похоже, а называется лещиной.

— Я как-нибудь покажу тебе, — сказала Бидди.

— Нам пора домой, — негромко вставил Сэм, — я чувствую себя лучше. Где моя палка? Вот, Ян, носи мое лекарство. Только осторожней.

Ян взял пучок веток. Бабушка просила заходить к ней и проводила их до двери.

— Да, постойте! — вдруг сказала она.

И, подойдя к единственной кровати, отвернула простыни, под которыми оказалась груда румяных яблок. Она вынула два самых лучших и протянула мальчикам:

— Я прячу их там от свиней. Таких хороших яблок у меня еще никогда не было.

— Еще бы! — прошептал Сэм тихо, чтобы не услышала старуха. — Ее сын Ларри выкопал эти яблони у нас в саду прошлой осенью. Это единственный зимний сорт. Только они сейчас нагрелись в постели.

— До свиданья, — сказал Ян. — Большое вам спасибо!

— Мне лучше, — вздохнул Сэм. — Не тянет больше. Теперь мне другого лекарства не нужно.

Выйдя из дому, Сэм хотел тут же забросить палку подальше, но Ян уговорил его хотя бы немного поволочить ногу, пока они не скроются из виду. К слову сказать, старуха сразу заметила перемену в походке Сэма и подозвала Бидди убедиться в том, как быстро помогли ее средства молодому Рафтену, когда "доктора уже совсем отказались от него".

— Теперь к Калебу Кларку! — сказал Сэм.

— Ты здорово шагаешь для хромого мальчика, которого отказались лечить врачи, — сказал Ян.

— Верно, это дикое мясо меня подгоняет.

— Давай спрячем ветки куда-нибудь, пока не вернемся, — сказал Ян, протягивая пучок лещины.

— Я-то их спрячу, — сказал Сэм и швырнул ветки прямо в реку.

— Зачем ты? Может, они бабушке Невилль нужны?

— Этому старому венуку там и место. Хватит с меня, что я выпил того пойла. От него здорово несло кошкой.

Ян промолчал, но остался недоволен. Он считал невежливым выкидывать ветки так близко от дома старухи. И к тому же ему хотелось узнать, может ли оказать лещина какое-нибудь действие.

V

Калев

В миле от этого места стояла хижина Калеба Кларка. Когда мальчики подошли поближе, они увидели, как высокий сутулый человек с длинной белой бородой вошел в дом, неся охапку дров.

— Видал старика? — спросил Сэм. — Пожалуй, начать разговор лучше тебе. С ним столковаться не так легко, как со старухой, и потом, он тоже сердит на отца.

Ян нерешительно шагнул вперед и постучался в открытую дверь. Из хижины донесся глухой лай собаки, и на пороге появился седобородый хозяин.

— Что вам надо? — спросил он.

— Вы мистер Кларк?

— Да. — И, обернувшись к рыжевато-черной гончей, сказал: — Молчать, Турок!

— Я пришел... мы хотели спросить у вас кое-что, если вы позволите.

— Зовут тебя как?

— Ян.

— А другой кто?

— Товарищ мой, Сэм.

— Мое имя Сэм Хорн, — сказал Сэм, и в этом была доля правды, так как полное имя его было Сэмюель Хорн Рафтен. Но эта небольшая хитрость, на которую он пошел, смутила Яна.

— Откуда ты?

— Из Боннертона, — ответил Ян.

— Сегодня оттуда? — недоверчиво спросил Калев.

— Нет, но... — начал Ян.

И тут Сэм, который держался поодаль, чтобы Калев не узнал его, испугался, как бы его доверчивый друг не проговорился.

— Видите ли, мистер Кларк, — вмешался он, — мы остановились в лесу и хотели поставить себе типи, чтобы

жить в ней. У нас есть материал, и нам сказали, что вы знаете, как это сделать.

— Кто сказал вам?

— Бабушка Невилль. Она живет у реки.

— А где вы живете теперь?

— Понимаете, — снова поторопился опередить своего друга Сэм, — мы уже построили в лесу вигвам из коры, но он получился плохой.

— В чьих лесах?

— В миле отсюда, у реки.

— Так, так. Это в лесу Рафтена или у Бернса.

— Да, наверное.

— А ты удивительно похож на Сэма Рафтена! — вдруг крикнул Калев. — Негодный мальчишка! Пришел и хочешь одурачить меня? Вон отсюда!

Ян покраснел и шагнул назад. Его товарищ, прикусив язык, последовал за ним, но Сэм был сыном своего отца, и поэтому, повернувшись к Кларку, сказал:

— Послушайте, мистер Кларк, я вам скажу всю правду: мы пришли сюда, чтобы вы объяснили нам простые вещи. Только вы один умеете строить типи. Я знал, что вы сердитесь на отца, поэтому схитрил немножко. Лучше было прийти и честно сказать: "Я сын Рафтена. Помогите мне". Я не думал, что вы так рассердитесь на меня и моего друга.

Между любителями леса издавна существует взаимная симпатия. Каждый из них готов поделиться своими знаниями с тем, кто захочет узнать о лесе побольше. У старого Калеба, угрюмого и раздраженного всякими невзгодами, было доброе сердце. Он вдруг позвал Яна и спросил его:

— Ты тоже Рафтен?

— Нет, сэр.

— Родственник их?

— Нет, сэр.

— Что ты хотел спросить у меня, мальчик?

— Мы построили вигвам из коры, но он никуда не годится. Теперь у нас есть брезент для типи, но, как ее сделать, мы не знаем.

— Ах, типи. Вот оно что... — сказал Калев задумчиво.

— Нам говорили, что у вас была когда-то типи, — отважился добавить Ян.

— Да, лет сорок назад. Но одно дело носить платье, а другое — сшить его. Кажется, она была устроена так... — И Калев принялся рисовать угольком на куске

оберточной бумаги. — Подождите-ка... Ага, припоминаю. Видел однажды, как индейские женщины делали типи. Сперва они сшили шкуры. Потом расстелили их на лугу. В середине верхнего края воткнули кольшек. К нему привязали веревку с углем на конце и очертили полукруг на шкуре. По этой линии отрезали шкуру ножом, а из кусочков сделали два клапана и пришили их. Эти отверстия для дыма улучшают тягу. Вот и все. Думаю, что для типи в десять футов нужны десять шестов и еще два для дымовых клапанов. Сначала свяжешь вместе три шеста и воткнешь их в землю. К ним приставишь остальные, кроме одного, и перевяжешь покрепче веревками. К последнему шесту прикрепишь коротким ремешком брезент и приладишь его на место. Покроешь шесты брезентом и соединишь его края маленькими деревянными кольшками. Два длинных шеста вставляются в дымовые клапаны. Ими будешь приспособлять отдушину, к направлению ветра.

Кaleb все время обращался к одному Яну, как бы не замечая стоявшего подле Сэма, но того, как и его отца, мало что смущало. Он предвидел еще много трудностей и поэтому решил задать Калебу вопрос:

— Как закрепить типи, чтобы ее не сорвало ветром?

— Сделаешь так, — начал Кaleb, по-прежнему обращаясь к Яну, — конец длинной веревки, которой ты обвязал сверху шесты,крепишь у столбика, врытого в землю, он послужит чем-то вроде якоря. Не забудь все края брезента прибить кольшками к земле.

— Как устраивают дымовую тягу? — снова спросил Сэм.

— Раскачиваешь шестами клапаны, пока они не встанут по ветру.

— А как закрыть дверь?

— У некоторых типи края покрышки просто заходят один за другой. Но в хороших типи делают дверь из того же материала, что и покрышка; натягивают его на раму из гибкого дерева и прикрепляют шнуром к шесту.

Похоже было, что Кaleb кончил свой рассказ. Ян бережно сложил замусоленную бумагу, спрятал в карман и сказал:

— Спасибо!

Кaleb не ответил ни слова, но когда мальчики собрались уходить, сказал вслед:

— Где вы остановились?

— На холме у реки, в болотах Рафтена.

— Может, приду посмотреть, — добавил Кaleb.

— Приходите! — отозвался Сэм. — Держитесь меченой тропки от живой изгороди.

— Зачем ты говоришь неправду, Сэм? — спросил Ян, когда Калев уже не мог их слышать. — Ведь там нет никакой меченой тропинки!

— А я думал, так лучше, — спокойно ответил Сэм. — И потом, если хочешь, сделаем метки до прихода старика.

VI

Постройка типи

Рафтен был очень доволен, узнав, что мальчики все-таки ходили к Калебу и расспросили его обо всем.

— Старый Калев не так уж разбирается в устройстве типи, как я думал, — сказал Сэм.

— А по-моему, теперь мы спокойно можем взяться за постройку, — сказал Ян.

Мальчики разостлали на полу покрышку фургона, положили несколько камней по ее краям и даже вбили пару гвоздиков, чтобы она не двигалась с места. Но тут они страшно огорчились, увидав, что покрышка оказалась старой и разодранной.

— Теперь понятно, почему отец ее нам отдал, — сказал Сэм. — Пожалуй, ее надо сперва залатать.

— Нет, — сказал Ян властным тоном, как он говорил всегда, когда дело касалось лесной жизни, — лучше сначала раскроим, чтобы не чинить места, которые потом обрежем.

— Ты голова! Только заплаты не очень-то украсят типи.

— Ничего, — ответил Ян, — у индейцев тоже много заплат на типи в местах, где их пробивают пули или стрелы.

— Я очень рад, что не сидел в типи во время всех сражений, — сказал Сэм, указывая на многочисленные дырки.

— Отойди и дай-ка лучше мне веревку.

— Осторожней! — сказал Сэм. — У меня болит колено. Беспокоит так же, как в тот день, когда ходили к старой колдунье.

Ян не слушал его.

— Давай посмотрим, — сказал он, — может, мы обрежем все лохмотья и выкроим двенадцатифутовую

гипи. Двенадцать футов высотой — это значит двадцать четыре в диаметре. Здорово! Ну, я отмерю.

— Погоди, — остановил его Сэм. — Калев сказал, что индейцы отмечают головешкой; ты не имеешь права чертить мелом, тогда уже лучше плотника зови, — съязвил он.

— Ладно. Иди за головешкой, а если не найдешь, принеси ножницы.

Заглядывая поминутно в план Калеба, мальчики вырезали крышку — это оказалось совсем нетрудным делом. Затем они принялись чинить дыры: взяли иглы, бечевку, но, хотя они и делали длинные стежки, работа подвигалась очень медленно. Сэм отпускал всякие шуточки по поводу каждого куска, который он сшивал. Ян работал сосредоточенно и молча. Сперва у Сэма стежки выходили ровнее, но мало-помалу Ян приноровился и стал шить даже лучше своего друга.

В тот вечер мальчики показали свою работу Си Ли. Он второй год работал у Рафтена на ферме. Посмотрев на крышку с плохо скрытой равнодушной усмешкой, Си Ли сказал:

— Почему изнутри не залатали?

— Не догадались, — ответил Ян.

— Мы сами будем жить внутри, пусть у нас там будет красиво, — нашелся Сэм.

— Эту заплатку можно пришить четырьмя стежками, а не десятью, как у вас. — Си показал на большие, неуклюжие стежки. — По-моему, это пустая трата времени.

— Ну ладно! — не удержался Сэм. — Если тебе не нравится наша работа, посмотрим, как сделаешь ее ты! Шитья всем хватит.

— А где зашивать?

— Спроси Яна. Он тут главный. Старый Калев не хотел и говорить со мной. У меня чуть сердце не лопнуло от горя. Всю дорогу домой я ревел, верно, Ян?

— Надо пришить и подрубить дымовые клапаны, на их концах сделать карманы и... и... пожалуй, — робко прибавил Ян, — было бы лучше подрубить все края.

— Вот что: я все сделаю, — сказал Си, — если вы сходите сегодня к сапожнику и возьмете мои сапоги.

— Идет! — согласился Ян. — И знаешь что, Си? Все равно, какая сторона крышки будет снаружи. Можно заплатки и внутрь поставить.

Мальчики взяли деньги, чтобы уплатить за сапоги, и после ужина отправились к сапожнику.

Тихий вечер

Был тихий июньский вечер, на все голоса заливались птицы.

Когда мальчики вышли из своего сада, в небе показался ястреб. При виде парящего хищника птицы умолкли. Многие из них успели скрыться, лишь один жаворонок тщетно пытался спастись в открытом поле. Ястреб ринулся за ним. Еще миг — и хищник схватил бы перепуганного певца, но тут с яблони сорвалась небольшая черно-белая птица.

Издав пронзительный боевой клич, взъерошив на голове перышки, из-под которых, словно боевое знамя, заагнали нижние, огненные, она дерзко ринулась на ястреба.

”Клик-клик-клик! — разнесся ее яростный вопль. — Клик-клик-клик!”

Птица черно-белой стрелой вонзилась ястребу между крыльями как раз в ту минуту, когда отчаявшийся жаворонок припал к земле и спрятал голову, ожидая смертельного удара. Ястреб заметался в ужасе от неожиданного нападения. И вдруг, вскинувшись подобно дикому коню, он сбросил пустельгу и скрылся в лесной чаще, а пустельга вернулась назад, изредка испуская громкий клич, наверное извещая друзей о своей победе.

— Ну и молодец! — сказал Сэм с искренним восторгом.

Это вывело Яна из оцепенения. Восхищенный бесстрашной птицей, мальчик был погружен в глубокое молчание.

Впереди на дороге прыгал воробей. Когда Сэм и Ян нагоняли его, он взлетал, мелькая белыми перышками на хвосте, и снова садился впереди мальчиков.

— Это трясогузка, — заметил Сэм.

— Нет, воробей! — сказал Ян, удивившись, что тот ошибся.

— Может быть, — не стал спорить Сэм.

— А говорил, что знаешь всех птиц в округе! — вспомнил Ян их первый разговор.

— Я просто похвастался. Хотел, чтобы ты считал меня необыкновенным парнем, — сознался Сэм. — Ты ведь так и думал сначала.

Дятел в красной шапке, гоняясь за лимонницей, уселся на забор и оглядывал мальчиков. Лучи заходящего солнца

на ярком оперении дятла, сиреневая изгородь и желтая бабочка — все это пышное сочетание красок очень нравилось Яну.

Солнце село, но в этот необыкновенно тихий и теплый вечер откуда-то с вяза долго еще лилась звонкая песня малиновки.

— Я бы остался здесь навсегда, — сказал Ян и слегка вздрогнул, вспомнив, с какой неохотой он ехал в Сэнгер.

Мальчики в молчании шли по дороге, каждый погруженный в свои мысли.

Сапоги были готовы. Сэм перекинул их через плечо, и мальчики тронулись в обратный путь.

И тут над их головами раздалось громкое, но нежное "гу-ху-ху-ху", словно где-то в вышине ворковал огромный голубь. Мальчики остановились, и Сэм шепнул:

— Большая сова.

Сердце Яна затрепетало от радости. Он много читал об этих птицах, даже видел живых в клетке, но здесь он впервые услышал крик настоящей совы.

Было уже совсем темно, но отовсюду неслись звуки: лесная жизнь шла своим чередом. В чаще тянул свою песню козодой, квакали лягушки, с заболоченного озера докатился странный крик, напоминавший смех. Вдруг в лесу раздалось громкое, пронзительное: "Уа-уа-уа-уа-уа!"

— Слышал? — воскликнул Сэм.

И снова, на этот раз гораздо ближе, прокатился дрожащий звук, резкий, непохожий на птичьи голоса.

— Енот, — прошептал Сэм. — Вот уберут хлеба, придем сюда поохотиться.

— Здорово! — обрадовался Ян. — Как жаль, что нельзя сейчас! Я никогда не охотился на енотов, да и вообще ни разу не был на охоте. А зачем ждать до осени?

— Сейчас не найти их. А тогда только скажешь: "Я и моя собака встретим енота у ближнего амбара", — и вот посмотришь, так оно и получится.

— Но они ведь совсем рядом! Слушай, еще один!

— Вот и ошибаешься! — сказал Сэм. — Даже охотники путают. Сейчас кричала сова-сипуха. Ее голос мягче, чем у енота, и свистящий...

Ян тут же понял, каким неистовым казался крик енота по сравнению с этим нежным, мелодичным звуком.

Когда мальчики подошли ближе к дереву, откуда кричала сова, что-то серое бесшумно пролетело над их головами, на миг заслонив собой звездное небо.

— Вот она! — прошептал Сэм. — Сипуха! И совсем она не сипит, верно ведь?

— Вот бы поохотиться на енота! — снова сказал Ян.

— Можно попробовать, если тебе так хочется, — ответил Сэм. — А животных я знаю больше, чем птиц, — продолжал он. — Попрошу отца как-нибудь пойти вместе с нами. Может, мы нападем на след оленя, если уйти отсюда миль за десять, на Дальнее болото. Жалко, что отец поссорился с Калобом, — он-то все места знает! Его старая гончая поймала столько енотов, что и не сосчитаешь!

— Ну, если это во всей округе единственная собака, которая ловит енотов, я берусь ее достать! — заявил Ян.

— Верю! — восхищенно сказал Сэм.

Было десять часов, когда мальчики вернулись домой. Все спали, кроме мистера Рафтена. На следующее утро, придя в сарай, мальчики увидели, что Си Ли пришел дымовые клапаны, переделал самые неудачные заплатки и подрубил весь низ покрышки.

Мальчики сразу отнесли покрышку в лес. Когда они подходили к кустарнику, стоящему стеной около реки, Ян сказал:

— Давай оставим метки на дороге для Калеба.

— Ладно. Делай зарубки на деревьях через каждые несколько ярдов¹.

— Так? — спросил Ян, надрубив ствол в трех местах.

— Нет, — покачал головой Сэм, — это получилась "метка охотника" для капканов, а "метка дороги" делается на обеих сторонах дерева. Тогда ее увидишь и при возвращении. А если этой тропой ходят ночью, зарубки надо сделать поглубже.

VIII

Священный огонь

— "Десять крепких шестов и два длинных тонких", — читал Ян вслух свою запись.

Шесты были тут же срублены и принесены к месту постройки.

— "Связать их вместе с покрышкой..." Связать, а чем? Он говорил, сыромятным ремнем, и еще говорил, что покрышка должна быть из шкур. Придется нам взять

¹ Ярд — единица длины, равная примерно 91 см.

простую веревку. — Ян несколько смутился от своей уступки.

— Я так и знал, — не спеша проговорил Сэм, — поэтому захватил моток веревки, только не решился сказать тебе дома.

Мальчики прочно связали треножник и укрепили его в земле. Девять шестов аккуратно вбили по кругу. Последний, с покрывкой, привязанной к нему за выступ между клапанами, поставили против двери. Теперь потребовались соединительные булавки. Ян хотел сделать их из побегов орешника, но мягкое дерево не годилось для этого. Сэм сказал:

— Булавки надо делать из белого дуба.

Сэм расколол дубовое полено, потом половинки снова расщепил на две части, и так до тех пор, пока не получились тонкие лучинки, которые можно было обстругать ножом. Ян тоже взялся за топор.

— Не так! — сказал Сэм. — Старайся попасть в самую середину, а то топор пойдет криво. Будешь колоть всю зиму — научишься.

Мальчики сделали десяток колышков и воткнули в заранее приготовленные для этого дырки. Получилось красиво, потому что все колышки были одинаковой формы. Теперь оставалось только закрепить покрывку кольями внизу.

— Сделай десяток дубовых колышков длиной в дюйм и шириной в четверть дюйма, — сказал Сэм Яну.

Затем он отрезал от веревки десяток концов по два фута длиной и, продев их в дырки на краю покрывки, завязал каждую узлом. Десять петелек, накинутых на колья, крепко прихватили типи к земле. Наконец все было окончено.

И вот пришел черед самой торжественной минуте — оставалось зажечь первый костер. Мальчики испытывали те же чувства, что и настоящие индейцы: ведь освещение новой типи всегда считалось актом глубочайшей важности и значения.

— Лучше не спешить, чтобы костер не потух, — сказал Сэм. — Плохо, если не зажжем с первой спички.

— Еще бы! — поддержал его Ян. — Эх, Сэм, если бы нам удалось добыть огонь трением!

— Эй, ребята! — послышался за спиной голос.

Мальчики обернулись. Перед ними стоял Калев. Он подошел поближе и кивнул:

— Построили типи, да? Неплохо. Только зачем вы ее к западу повернули?

— Чтобы на речку смотрела, — ответил Ян.

— Забыл вам сказать, — начал Кaleb, — индейцы всегда ставят типи лицом на восток. Во-первых, утреннее солнце падает внутрь, а потом, ветер чаще дует с запада, и от этого тяга лучше.

— А если ветер с востока, как во время дождей? — спросил Сэм.

— Когда ветер восточный, — сказал Кaleb, ни к кому не обращаясь, словно ему и не задавали вопроса, — нужно натянуть туго клапаны один на другой, вот так. — И Кaleb скрестил на груди руки. — Дождь ни за что не попадет тогда, а если при этом нет тяги, надо приподнять слегка край крыши около двери. Потом помните: никогда не ставьте типи под деревьями. Это опасно: во время грозы в них может ударить молния. И после дождя с деревьев часами капает. Выбирайте для типи самое солнечное место.

— Мистер Кларк, вы когда-нибудь видели, как индейцы добывали огонь из дерева?

— Конечно. Но теперь индейцы пользуются спичками. А раньше часто видел.

— А это долго? Трудно?

— Не трудно, когда знаешь, что к чему...

— Эх, разжечь бы так первый костер! — с жаром воскликнул Ян. — А вы можете добыть огонь таким способом?

— Да, — ответил старик, — только надо особое дерево. Не всякое годится. Индейцы, живущие на равнине, берут корень виргинского тополя, а горные индейцы пользуются липой, кедром, серебристой сосной или пихтой. Легче всего устроить бурав. Найдется у вас кусок оленьей кожи?

— Нет.

— Или просто полоска мягкой кожи?

— Ремешки от моих башмаков не пригодятся? — спросил Ян.

— Тонковаты... Но мы сложим их вдвое. Тогда все в порядке. Веревка сгодилась бы, да она быстро перетирается. — Кaleb взял ремешки и сказал: — Найдите мне небольшой камень с ямкой посредине.

Мальчики пошли к реке, а Кaleb — в лес. Скоро он вернулся с плоским обручком сухой пихты и колышком из того же дерева. Он принес еще слегка согнутую палку в три фута длиной, немного соснового трута и сухого кедра.

Кольшек имел восьмигранную форму, "чтобы держался ремень", как объяснил Калев. С обоих концов он был заострен. Калев привязал ремешок к выгнутой палке, как тетиву к луку, но свободно, так что можно было еще раз обернуть вокруг кольшка и натянуть как следует. Плоский кусок пихты он обстругал, на одном конце сделал выемку и затем над ней кончиком ножа вырезал маленькое углубление.

Из куска кедра Калев настругал много стружек. Вырыв в земле ямку, он опустил туда трут и накрыл пихтовой дощечкой. В углубление, сделанное на ней, Калев вставил кончик кольшка, а на верхнее острие надел камень, принесенный с речки. Крепко держа камень левой рукой, Калев принялся равномерно двигать лук по кругу. Кольшек начал вращаться, и через несколько секунд бурая пыль посыпалась из-под него прямо в ямку с трутом. Выемка росла, древесная пыль все темнела. Калев сильнее нажал левой рукой на камень, и его правая рука заработала еще быстрее. Из-под кольшка маленькими кольцами стал куриться дымок. Увидев это, Калев откинул лук и стал осторожно раздувать тлеющий трут. Вскоре посреди типи затрещал первый костер.

Лицо старика светилось от удовольствия. Ян и Сэм были счастливы.

IX

Лук и стрелы

— Твое оружие никуда не годится, — сказал Ян, когда они с Сэмом однажды стреляли в саду из лука. — Оно похоже на мой первый лук, который я смастерил в детстве.

— Ну что ж, дедушка, посмотрим, какой ты теперь сделаешь! — засмеялся Сэм.

— Во-первых, он будет раз в пять тяжелее.

— Ты его не поднимешь!

— Стрелу держи по-другому, тогда получится. Прошлой зимой я прочел одну книгу и теперь знаю, как надо. Ты зажимаешь стрелу и слабо натягиваешь лук. Продень пальцы под тетиву — вот тогда сможешь натянуть в пять раз сильнее! Так делают индейцы.

— Очень неудобно! — Сэм попытался натянуть поновому тетиву.

— С непривычки, конечно, неудобно! Потом, вырез на стреле делают глубже. Я хочу сделать настоящий, хороший лук и много стрел. С одной стрелой ходить опасно.

— Ну что ж, попробуй. А в книжке сказано, из какого дерева лучше делать?

— Лучше всего испанский тис.

— Первый раз слышу!

— Можно из орегонского тиса тоже.

— Никогда не слыхал.

— Здесь, похоже, найдется красный кедр, орешник или вяз?

— Красного кедра никогда не видел, а остальные есть.

— Надо раздобыть сухое дерево, срубленное зимой.

— Это подойдет? — спросил Сэм, показывая на кучу ореховых палок, лежавших на полу хижины. — Их срубили года два назад.

Мальчики отобрали хорошую палку в пять футов длиной. Сэм расколол ее на две части и обтесал. Он искусно владел топором и ножиком, и скоро оба лука были готовы.

Теперь надо было наладить тетиву. Все веревки, которые им удалось найти, были слишком слабы и рвались после нескольких выстрелов. Узнав, в чем дело, Си Ли послал мальчиков к сапожнику за дратвой и воском. Он разрезал дратву на несколько кусков, слегка навошил их и сплел не слишком толстую веревку.

— Вот эта тетива не скоро лопнет, — сказал Си Ли.

Когда луки были готовы, мальчики покрыли их лаком, который нашли среди всяких красок.

— Да, на старый лук и смотреть не хочется! — сказал Сэм, сравнивая новое оружие со своим маленьким жалким обручем. — Вы знаете, как надо делать стрелы, мистер? — спросил он, пробуя выстрелить из нового лука старой стрелой.

— Я только знаю, что у тебя в руках плохая стрела, — ответил Си Ли. — Поверь мне, хорошую стрелу сделать гораздо труднее, чем лук. У каждого из вас должно быть по двенадцать стрел.

— А как индейцы их делают?

— Чаще всего они берут прямые ветви гордовины. Но этого дерева я здесь не видел. Стрелы должны быть совсем прямые, иначе они будут лететь вкривь и вкось. Не зря ведь говорят: "Прямая, как стрела!" Мы можем сделать лучше, чем у индейцев, у нас ведь хорошие

инструменты. Можно смастерить стрелы из какого-нибудь крепкого дерева.

— Ну, опять назовешь растение, которое ни один белый человек в глаза не видел!

— Вот и не угадал! Для охотничьих стрел лучше взять ясень или орешник. Стрелять по мишени лучше стрелами из серебристой сосны. Какие будем делать?

— Я охотник! Мне нужны охотничьи стрелы.

— Нужно заготовить палочки сухого ясеня в двадцать пять дюймов длины. Потом надо клей и перья.

— Вот тебе перья, — сказал Сэм и вытащил целую связку индюшиных крыльев, отложенных для чистки печей. — А я пока наколю палочек.

Взяв ясеневое полено, Сэм наколол из него две дюжины палочек. Ян начал обтачивать ножом одну из них, но Сэм, посмотрев на его работу, сказал:

— Я лучше сделаю, — и, взяв остальные, стал обстругивать их рубанком на верстаке.

Ян с тревогой следил за ним и потом не выдержал:

— Но у индейцев же нет рубанков!

— Как и перочинных ножей! — последовал ответ.

Это была правда. И все же Ян не переставал думать о том, что когда-нибудь осуществит свою мечту: сделает стрелы, как индейцы, без всякого инструмента.

— Все-таки у индейцев вместо перочинных ножей были острые кремни.

— Хорошо, Ян, ты делай стрелы острыми камнями, вон на дороге их сколько хочешь валяется. Сними башмаки и пройдишь босиком — сразу найдешь! А я уж рубанком доделаю. Посмотрим, кто кого перегонит.

Сэм успел выстругать шесть отличнейших стрел, пока Ян все еще возился с первой.

— Какие наконечники поставим? — спросил Сэм.

— Я уже думал, — сказал Ян. — Индейцы прикручивают жилами каменные наконечники. Но у нас ничего этого нет. Остается сделать костяные или роговые. Я как-то выточил один из кости, но она оказалась очень ломкой. Потом брал большие гвозди с обломанными шляпками, а чтобы стрелы не расщеплялись, я обкручивал концы тонкой проволокой. Некоторые индейцы вообще не делают наконечников: просто обжигают стрелу, чтобы она стала тверже, и заостряют конец.

— Это нетрудно, — сказал Сэм. — Но давай лучше попробуем с гвоздями.

Мальчики сделали шесть стрел с наконечниками из заточенных гвоздей. Это были "боевые" стрелы. Шесть других они обожгли и просто заострили; эти предназначались для охоты.

Затем Ян показал Сэму, как расщепить перо и разделить бородку.

— Нам нужно по два пера на стрелу — значит, сорок восемь перьев, — сказал Сэм.

— Нет, — сказал Ян, — этого мало. Надо по три пера на стрелу. И помни, что на каждую стрелу нужны перья с одного крыла птицы.

— Я знаю. Не годится смешивать перья, а то стрела полетит не в ту сторону.

В это время к мальчикам подошел Си Ли.

— Ну, как ваши дела? — спросил он.

— Возмись со стрелами.

— А как перья закрепляете?

— Белые приклеивают их, индейцы прикручивают жилами, — ответил Ян, цитируя по памяти "ту книгу".

— А что лучше?

— Приклеенные лучше летят, а прикрученные зато не боятся сырой погоды.

— Так почему бы не сделать и то и другое?

— Нет жил.

— Давайте я покажу! — сказал Си Ли. — Где у вас клей и веревка? Я думаю, сначала надо сделать на стреле выемку.

— Верно! Мы уж и позабыли про это!

— Может, ты позабыл, — сказал Сэм важно, — я-то помню.

Перочинным ножом быстро сделали выемку, и Си Ли начал клеить и прикручивать, употребляя вместо жил навощенную нитку.

Когда все было сделано, стрелы аккуратно разложили для просушки.

Чтобы легче различить их, Ян выкрасил стрелы Сэма в красный цвет с синими полосками, а свои — в красный с белыми полосками. Теперь оставалось только сделать колчан.

— Разве у индейцев есть колчаны? — схитрил Сэм, которому уже хотелось поскорее кончить эту трудную работу.

— Конечно! Как же без них? — воскликнул Ян.

— А из чего они делаются? — спросил Сэм.

— Из березовой коры, из шкур, а если уж ничего другого нет, то из брезента.

Мальчики сшили себе колчаны из обрезков брезента. На каждом из них Ян нарисовал индейские узоры.

— Теперь попробуем наше оружие, — сказал Сэм.

И мальчики отправились в сад. Они нацелились в одно дерево, и оба промахнулись. Стрела Сэма вонзилась в ствол другого дерева и треснула.

— Лучше бы мы стреляли в мягкое! — расстроился Сэм.

Посоветовавшись, они раздобыли большой старый мешок из-под зерна, набили его сеном и, нарисовав несколько колец вокруг бычьего, или, как сказал Сэм, бизоньего, глаза, поставили на расстоянии двадцати ярдов. Но, к их разочарованию, стрелы все время отлетали влево.

— Пойдем в сарай, может, там у нас получится, — предложил Сэм.

У Яна были выписки из "той книги", как стрелять из лука. Когда мальчики выучили правила настолько, что не думали о них, выстрелы их стали меткими. Отодвигая мишень, они вскоре уже без промаха стреляли на сорок ярдов.

Мальчики очень удивились, заметив, что стрелы, хотя и казались одинаковыми, имели каждая свой характер. Так, у Сэма была одна стрела, которая в полете описывала замысловатые зигзаги. Они прозвали эту стрелу "Бумеранг". Другая, с коротким перышком, летела дальше всех и получила прозвище "Дальнобойная". Самую лучшую стрелу, с легким наконечником и длинным индошиным пером, Сэм окрестил "Верная смерть". Была еще одна стрела, с маленьким перышком, не боявшаяся ветра. Ее имя было "Ветерок".

Ту, которую Ян вырезал ножиком, прозвали "Резная" или "Шутница". Эта стрела оставалась загадкой: никто не знал, как она полетит в следующий раз. Но любимицей Яна была стрела с желобком вокруг наконечника. Ее называли "Свисток", потому что она летала с удивительным свистом.

Х

Плотина

Однажды жарким днем в начале июля, когда мальчики купались в обмелевшей реке, Сэм сказал:

— Воды в речке поубавилось. Она каждое лето пересыхает.

— А почему нам не сделать плотину? — предложил Ян.

— Ну, работы не оберешься...

— Вот еще! Зато все лето купались бы. Давай начнем, а?

— Первый раз слышу, чтобы индейцы устраивали плотины.

— А мы будем играть в бобров, пока строим! Смотри, это для начала, — сказал Ян и, взяв большой камень, подтащил его к тому месту, которое показалось ему самым узким.

Он так горячо взялся за работу, что скоро поперек русла возвышалась уже каменная стенка.

Сэм по-прежнему сидел на берегу, обхватив ноги и уткнувшись подбородком в колени. Боевая раскраска стекала красными и голубыми ручейками по его груди.

— Иди помогать, а то совсем разленишься! — крикнул Ян и швырнул в Сэма пригоршню песка.

— У меня снова болит колено, — ответил Сэм.

Наконец Ян сказал:

— Я не собираюсь все делать один.

— Послушай, — вдруг оживился Сэм, — я кое-что придумал. Сюда к реке приходит на водопой стадо, а летом, когда река пересыхает, скот гонят к сараю и поят из лоханей. Давай положим два бревна поперек реки, вот и половина работы! Мы попросим отца, чтобы он дал нам лошадей перебросить бревна через реку. Тогда и скоту будет откуда пить. Знаешь, я только об этом и думаю, прямо ночи не сплю! Не могу смотреть, как в жару они плетутся на водопой к сараю.

Сэм решил ждать удобного случая, чтобы поговорить с отцом.

На следующее утро, за завтраком, мистер Рафтен, посмотрев на Яна, спросил его:

— Сколько нужно клеенки на пол, если комната двадцать футов длины и пятнадцать ширины?

— Тридцать три и одна треть ярда, — быстро со считал Ян.

Рафтен очень удивился, как можно с такой скоростью высчитать это в уме. Впервые на его лице было написано восхищение.

— Когда ты научишься так считать? — спросил Рафтен сына.

— Никогда, — спокойно ответил мальчик. — Зубному врачу нечего рассчитывать клеенку... Слушай, Ян,

— вдруг шепнул Сэм, — лучше ты упроси отца. Он сегодня тобой доволен. Куй железо, пока горячо!

И после завтрака Ян отважился:

— Мистер Рафтен, река совсем пересыхает. Мы хотим устроить запруду, чтобы скоту было где напиться. Но нам нужно перекинуть два бревна через реку. Дайте нам упряжку лошадей на несколько минут.

— По-моему, тебе охота устроить пруд для купания, а? — добродушно спросил Рафтен.

— Там и поплавать тогда можно, — покраснел Ян.

— Сдается мне, это Сэм говорит устами Яна, — хитро прищурился Рафтен. — Я сам посмотрю, пойдём.

— Где вы хотите строить плотину? — спросил Рафтен, когда они пришли к реке. — Вот тут? Плохое место. Течение очень быстрое, плотину скоро прорвет. Я вам покажу хорошее местечко, чуть повыше. А где ваши бревна? Эти? Я же их заготовил для нового сарая! Сами без спросу ничего не берите. Я пришлю бревен.

Скоро упряжка лошадей приволокла на берег бревна, и, по просьбе Яна, они были уложены поперек течения на расстоянии четырех футов друг от друга. С внутренней стороны около бревен мальчики вбили колья, теперь промежуток между двумя "заборчиками" нужно было заполнить камнями и глиной. Эту часть работы мальчики сделали за неделю. Оставалось самое важное — закрыть перемычку в плотине. Мальчикам приходилось трудно: вода поднялась очень высоко, но они работали, как бобры, и наконец все было закончено.

В ту ночь шел проливной дождь. На следующий день, идя по лесу, Сэм и Ян услышали глухой рев со стороны реки. Они остановились в нерешительности и прислушались. И вдруг Ян закричал:

— Плотина! Сэм, это вода бежит через нашу плотину!

С радостным криком мальчики бросились к реке. На том месте, где раньше проглядывалось каменистое дно, они увидели водную гладь; сильный поток с шумом катил вниз через оставленный проем. Радости мальчиков не было конца!

Все это было делом их рук! Через минуту оба барахтались в воде.

— Ну, разве не стоило потрудиться? — спросил Ян.

Он отлично плавал, и Сэм, глядя на него, сказал:

— Теперь я знаю, кто ты. От меня не скроешь! Я видел, как ты строил плотину. Ты краснокожий, по имени "Маленький Бобр".

— А я смотрю на тебя, — ответил Ян, — и думаю, ты, верно, и есть тот краснокожий, по имени "Бездельник, который боится лопаты".

— Всего нет, — возразил Сэм. — Хотя я, конечно, и не "Храбрый-Орел-сидящий-на-скале-опустив-хвост-над-пропастью". А впрочем, все равно.

— Я слышал, Си на днях называл тебя Дятлом, — сказал Ян.

— Так меня в школе прозвали.

Когда после купания они уселись у костра, Ян сказал:

— Хочешь, Дятел, я расскажу тебе одну историю?

Сэм, усмехнувшись, приставил ладони к ушам, изобразив полное внимание.

— Случилось так, что одна индианка попала в плен к чужому племени. Ей удалось бежать. Она долго бродила по лесу и, не зная местности, заблудилась. Из оружия у нее был только нож, а пищей ей служили ягоды. Наступили холода, и она построила себе вигвам из бересты, добыла огонь и смастерила лук с тетивой из шнурка мокасина. Она ловила силками кроликов и из их шкур сшила себе одежду. А весной ее нашел Сэмюэль Хирн, известный путешественник. Нож у нее почти стерся, но она сама была совсем здорова.

— Это очень интересно, — сказал Сэм, который внимательно слушал Яна. — Вот бы мне так пожить в лесу!.. Только с ружьем.

— Еще бы! Кто не захочет!

— Ну да! Не каждый сможет. А я бы справился.

— С одним ножом? Хотел бы я поглядеть, как ты сделаешь себе типи! — засмеялся Ян и серьезно добавил: — Знаешь, Сэм, ведь мы же в индейцев играем, хорошо бы нам и вправду делать все только из того, что мы в лесу добываем. Давай станем сэнгерскими индейцами. Ты будешь вождь, и я тоже, — добавил Ян, не желая предлагать себя в вожди или быть в подчинении у Сэма. — Я — Маленький Бобр. А ты?

— Кровавая Грозовая Туча.

— Это плохо. Надо покороче и чтобы можно было нарисовать и сделать тотем.

— Какой самый хитрый зверь?

— Росомаха, кажется.

— Хитрее лисы?

— В книжке написано, что хитрей.

— Она сладит с бобром?

— Наверное.

— Хорошо, тогда я — Росомаха.

— Нет. Я не могу дружить с тем, кто побьет меня. Оставайся Дятлом. Это больше тебе подходит. Дятел хорошее дерево испортит, кору продолбит.

— Ну, это лучше, чем бобровать! — отрезал Сэм.

Слово "бобровать" имело свою историю. В Сэнгере считалось величайшим достоинством умение обращаться с топором. У старых поселенцев топор был единственным инструментом. Говорили даже, что некоторые жители "чутьочку заточат топор и бреются им по воскресеньям".

Когда сын начинал самостоятельную жизнь, отец дарил ему хороший топор.

Чтобы надрубить дерево и повалить его в нужную сторону, необходимо знать много правил. И жители Сэнгера усваивали их чуть ли не с первого дня жизни. Бобры, как говорят, подгрызают дерево кругом, пока оно не свалится. Если дровосек неумело подрубал дерево, его занятие называли "боброваньем". И поэтому, если "работать, как бобр", считалось высшей похвалой, то "бобровать" дерево означало позор.

Потому-то насмешку Сэма мог оценить только житель Сэнгера.

XI

Тайны трав

Как только представился удобный случай, Ян собрался к бабушке Невилль.

— Иди без меня, — посоветовал Сэм, — она на тебя и не взглянет, если мы придем оба. Ты слишком здоров на вид.

И вот Ян, к своему удовольствию, пошел один. Как он ни любил Сэма, его смущала болтливость приятеля, а главное, Сэм всегда прерывал разговор на самом интересном месте.

Ян захватил с собой записную книжку и карандаши, а по дороге нарвал букет цветов и трав. На этот раз старушка приняла его совсем иначе.

— Входи, входи! — заговорила она. — Как поживаешь, как поживает твоя мать с отцом? Садись и расскажи, что подельывает тот негодный мальчишка, Сэм Рафтен.

— Он уже выздоровел, — ответил Ян и густо покраснел.

— Еще бы! Конечно, он здоров! Я-то знала, что поставлю его на ноги, и сам он знал это, и мать его знала, потому и позволила идти ко мне. Она что-нибудь сказала?

— Нет, бабушка, ничего.

— Вот негодная! Спасла ее сына, хоть они и ограбили меня, так даже "спасибо" не сказала, бессердечная! А ты зачем пришел ко мне? Это что у тебя, цветы? Люди могут порубить деревья, но цветы-то уж каждой весной снова вырастают, мои красавицы!

Ян протянул ей букет. Она вытащила аронник и стала рассказывать:

— Вот это печаль-трава. Некоторые зовут ее индейской репой. А я слыхала, как дети называли ее Джек-на-подставке. Не вздумай брать ее корень в рот — жжет как огонь. Индейцы вываривают из нее яд, а потом уж съедают. Лучше, чем с голоду помирать... А вот синий когош. Я его называю "судорожный корень". Ничего нет лучше при судорогах. Его пьют, как чай... Погляди-ка сюда. — И старушка вытянула желтый цветок. — Это мокасиновое растение, а вот умбил или "успокаивающий корень". Помню, дочка Ларри не хотела идти служить и очень плакала, глупая. Я дала ей выпить настою из этого корня, все и прошло. Его надо вырывать до того, как он зацветет. Ведь сила должна сгуститься в одном месте: или в цветке, или в корне. Я срываю его весной или осенью... А это еще что у тебя? Никак, заячья капуста? Наверняка шел мимо излучины. Она только там и растет.

— Да, — сказал Ян, — я там сорвал. Не спешите, бабушка, я хочу записать, что вы сказали про травы.

— Ну, у тебя целая книга наберется, — с гордостью сказала старушка, зажигая трубку. — Да к чему тебе это записывать? Ты лучше запомни.

Ян торопливо заносил в тетрадку все, что говорила старушка, но зарисовывать травы и коренья не успевал.

— А ты прилепи бумажки с названиями на самые корешки и спрячь их. Так делал доктор Кармартин, когда я его учила... Вот-вот, — кивнула она головой, когда Ян стал каждый стебелек обворачивать бумажкой с надписью.

— Ну и метла! — удивился Ян, увидав в углу символ порядка и чистоты.

— Она из бука. Ларри делает такие.

— А кто такой Ларри?

— Это мой мальчик. ("Мальчику" было уже около шестидесяти лет.) Он делает их из синего бука.

— А чем? — спросил Ян, взяв метлу и пристально разглядывая ее.

— Ножом, конечно. Он мастер делать такие штуки. Возьмет черенок синего бука, настрогает на нем стружек, но не срезает их и ждет, пока они на конце завьются.

— Это как те палочки, которыми огонь разжигают, да?

— Вот-вот, как те самые, только здесь стружка подлиннее. Потом он выворачивает все стружки и связывает их кожаным ремнем. Никто лучше его не делал таких метел.

В эту минуту дверь открылась и вошла Бидди.

— Ян! Как хорошо, что ты пришел к нам! — обрадовалась девушка.

— Ты сегодня рано, — сказала старушка.

— Я шла другой дорогой — ответила Бидди.

— Послушай, Бидди, давай оставим Яна обедать с нами. Правда, утки жареной мы не приготовили. Но голодным он от нас не уйдет. Бидди каждый день готовит мне обед, а иногда я и сама стряпаю. Накрой на стол, Бидди. А тебе я пока кое-что дам. — И старушка пошла к кровати, где среди серых простыней еще лежало полдюжины румяных яблок.

— Бабушка, а вы не боитесь ночевать здесь одна? — спросил Ян.

— Чего ж тут бояться? Один раз только разбойники заходили ночью. Я их и спрашиваю: "Что вам от меня надо?" — "Деньги", — говорят. Это, значит, в округе болтали, что я свою корову продала. "Ну что ж, — говорю им, — я сейчас встану и помогу вам искать. Ведь я с прошлой осени больше цента в глаза не видела". — "Отдавай деньги, — твердят, — или уьем". — "Даже если бы вы попросили двадцать пять центов, — говорю, — и то ничего бы не дала. Нет у меня. Могу и смерть принять". И тут говорит один, ростом поменьше: "Разве ты не продала свою корову?" А я им: "Подите в сарай и посмотрите, там она. Только не люблю тревожить ее по ночам: шум подымет, заволнуется. Молоко плохое будет". И тут они оба как рассмеются! А низенький и говорит: "Послушай, бабка, мы тебя не тронем, только никому ни слова". Хотели идти, а я слышала — один из них кашлял очень. Дала ему выпить легочного бальзаму.

На прощание они мне еще сами доллар дали. Говорили, больше с собой не было.

— Бабушка, откуда индейцы краски берут? — спросил Ян, снова возвращаясь к тому, что его больше всего интересовало.

— Идут в магазин и покупают, как и мы, — ответила она.

— А до того, как стали продавать готовые краски, из каких растений они добывали?

— Из разных, мальчик. Есть красивый желтый цветок, растет он на полях и под заборами, "золотой дождь" называется. Индейцы кипятят в воде иглы дикобраза вместе с этими цветами. Вот посмотри на эту тряпку, ее покрасили такой краской.

— А красную?

— У них нет по-настоящему красной краски. Они выжимают сок какой-то красной ягоды и кипятят его.

— Какие ягоды дают самый красный цвет, бабушка?

— Не думай, что только красные. Красную можно получить из черники и брусники и из многих других ягод.

— А из чего они получают синюю?

— Сама не знаю, милый. Много, наверное, всяких трав есть, только я не все видала. Зеленый цвет получишь из молодых побегов бузины. Коричневый — из коры ореха, черный — из коры белого дуба. Цвет, похожий на голубой, можно получить из индиго. Ну, а какого цвета в лесу нет, то, видно, и не нужен он.

XII

Угощение

Тем временем Бидди, звонко шлепая босыми ногами по дощатому полу, хлопотала вокруг стола.

— Бабушка, а где скатерть? — вдруг спросила она.

— Нет, ты только ее послушай! — засмеялась старуха. — Будто не знает, что у нас скатерти и в помине не было. Спасибо, хоть не голодные сидим, а она про скатерть заговорила!

— Чего тебе налить: чаю или кофе? — спросила Бидди.

— Чаю, — ответил Ян.

— Вот и хорошо! — обрадовалась старуха. — А то кофейное зернышко в последний раз я видала зимой.

А чаю сколько угодно достанешь в лесу. Я тебя угощу кое-чем вкусеньким.

И старуха заковыляла в угол, где была привешена полка. Сняв оттуда старую коробку из-под сигар, она раскопала среди спичек, табачных крошек и пыли шесть кусочков сахара.

— Вот, хранила их для какого-нибудь хорошего гостя. Кушай на здоровье. — И старуха бросила грязно-серые комочки в стакан Яна. — Остальные положим тебе во вторую кружку. А сливок хочешь? — И она пододвинула к мальчику замусоленную банку с великолепными сливками. — Бидди, дай мальчику хлеба.

Бидди разрешила, очевидно, единственную булку на куски и несколько ломтиков положила Яну на тарелку.

— Масло, кажется, немножко прогоркло, — сказала старуха, заметив, что Ян не намазал хлеб.

Старуха снова проковыляла к полке и сняла старый стеклянный кувшин с отбитым краем. Там хранилось варенье.

— Вот, Ян, теперь ешь на здоровье. Да не стесняйся, у меня еще много варенья, — сказала радушно старуха, хотя видно было, что она выложила на стол все свои припасы.

Ян был страшно смущен. Он чувствовал, что добрая старушка, щедро угощая его, отдавала ему все, что у нее было, и понимал, как глубоко огорчится она, если он не отведаст этих яств. Пригодным для еды ему казался лишь один хлеб. Ян откусил кусочек, но хлеб тоже никуда не годился.

— Попробуй вот этого, — сказала старуха.

И не успел Ян глазом моргнуть, как у него на тарелке уже дымилась горка горячего картофеля. Но, к несчастью, Ян видел, как старуха несла эту картошку в грязном фартуке, поэтому ему не хотелось даже смотреть на свою тарелку.

— Может, сварить тебе яйцо? — спросила Бидди.

— Да, да, пожалуйста! — обрадовался Ян. "Хоть это съем", — подумал он.

Бидди пошла в сарай и скоро вернулась с тремя яйцами.

— Как хочешь: всмятку или яичницу?

— Всмятку, — ответил Ян; он знал, что так будет надежнее.

Бидди оглянулась, отыскивая взглядом горшок.

— Там наверняка уже кипит, — сказала старуха, показав на какую-то посудину, в которой кипятилось белье.

Бидди положила туда яйца.

Ян молил бога, чтобы яйца не лопнули. Но два яйца все же треснули, и Ян получил одно. Это был весь его ужин.

Ян уложил свои растения и собрался уходить.

— До свиданья, мальчик. Приходи ко мне и приноси всякой травы, какую найдешь, — сказала старуха на прощание.

Вернувшись домой, Ян увидел, на столе приготовлен для него обед, хотя время еды давно прошло.

— Садись, поешь, — ласково сказала миссис Рафтен. — Я тебе поджарю кусок мяса. Через пять минут он будет готов.

— Но я пообедал у бабушки Невилль, — сказал Ян нерешительно.

— Я знаю: она, наверно, мешала тебе чай одним пальцем, а варенье мазала на хлеб — другим? — грубовато спросил Рафтен.

Ян покраснел. Похоже было, что все знают, каким обедом его кормили. Но он горячо возразил:

— Она меня угостила чем могла и была очень добра ко мне.

— И все-таки ты бы поел, — озабоченно проговорила миссис Рафтен.

Как заманчиво было предложение отведать сочного зажаренного мяса! Ян был голоден, но не хотел сознаться в том и, оставаясь верным бедной бабушке, щедро угощавшей его, первый раз в жизни солгал:

— Нет, большое спасибо. Бабушка Невилль накормила меня досыта.

И, преодолевая голод, мальчик взялся за вечернюю работу.

ХIII

Шпион

— Интересно, где Калев достал тот большой кусок березовой коры? — спросил Ян. — Хорошо бы и нам раздобыть такой для посуды.

— Наверное, в лесу Бернса. У нас здесь нет. Придется и нам туда отправиться.

— Ты попросишь у Бернса?

— Зачем? Кому нужна старая береза?

Ян колебался. Сэм взял топор.

— Пусть это будет нашей военной вылазкой. Бернс — враг отца!

Ян последовал за товарищем, глубоко сомневаясь в честности их поступка.

В лесу Бернса они скоро наткнулись на большое березовое бревно. Мальчики стали уже сдирать с него кору, как вдруг вдаль увидели высокого мужчину с мальчиком. Очевидно, они пришли на стук топора.

— Старый Бернс! — шепнул Сэм. — Бежим!

Схватив топор, мальчики бросились к изгороди. Им вслед неслись проклятья и ругань Бернса. Ему не жаль было березы — в то время лес не имел никакой цены, — но Рафтен перессорился со всеми соседями, и поэтому Бернс готов был раздуть целую историю из-за любого пустяка.

Его сынишка подбежал к изгороди и стал кричать:

— Рыжий! Рыжий! Рыжий вор! Попадись нам только еще!

— Бой не состоялся, скальпы спасены, — мирно сказал Сэм и положил топор на место.

— Потеряна только честь, — добавил Ян. — А кто этот мальчик?

— Это сын Бернса, Гай. Я его знаю. Дрянной парень! Вечно вынюхивает и выслеживает. И страшный врун! В школе ему дали премию — большую щетку — за то, что он самый чумазый из учеников. Мы все голосовали за это.

На следующий день мальчики повторили набег, но едва они стали сдирать кору, как где-то в кустах раздался громкий крик. Подражая голосу взрослого, Гай вопил:

— Убирайтесь отсюда! Вот я вас!

— Давай возьмем его в плен, Ян, а?

— И сожжем заживо!

Они бросились в ту сторону, откуда слышались крики, но появление самого Бернса заставило их пуститься наутек.

Мальчики еще не раз подходили к изгороди в следующие дни, но, как назло, где-то поблизости работал Бернс, и его сын вертелся тут же. Он был всегда настороже. Однажды издали Гай показал жестами, что знает про все их дела: наверное, он успел побывать около типи. Сэм и Ян не раз видели, с каким интересом наблюдал Гай за их упражнениями в стрельбе из лука, но как только он замечал, что его присутствие обнаружено, убегал в безопасное место и оттуда осыпал их насмешками.

Однажды мальчики пришли к своему лагерю в необычное время. И вдруг в кустарнике около типи Ян заметил босую ногу.

— Что это? — удивился Ян, нагнулся и схватил за пятку Гая Бернса.

Гай вырвался и бросился бежать со всех ног. Индейцы с грозными криками гнались вслед. Ян неся как стрела, и короткие толстые ноги Гая, хоть и подгоняемые страхом, не могли спасти его. Гая схватили и приволокли к типи.

— Пусти меня, Сэм Рафтен, пусти! — орал он.

— Первым делом надо его привязать, — сказал Сэм и взялся за веревку.

— Совсем не так, — поморщился Ян. — Надо вязать ремнями.

Кожаное дерево нашлось поблизости, и, несмотря на вопли пленника, индейцы хладнокровно привязали Гая к молодому зеленому стволу, который, как сказал Ян, дольше противится огню. Затем оба воина, скрестив ноги, уселись у костра, старший вождь закурил трубку мира, и они стали обсуждать дальнейшую судьбу пленника.

— Брат мой, — важно обратился Ян к Сэму, — как приятно слышать рев этого жалкого бледнолицего! (На самом деле его завывания уже трудно было переносить.)

— О да! — ответил Дятел.

— Пустите меня! — визжал пленник. — Отец с вас шкуру сдерет за это!

— Сперва снимем скальп, потом сождем. — И Маленький Бобр сделал выразительные жесты руками.

Сэм согласно кивнул головой и, достав большой складной нож, принялся точить его на камне. Лезвие звенело — дзи-ит, дзи-ит, дзи-ит! И Гай начал дрожать от страха.

— Брат Дятел! Дух нашего племени жаждет крови этой жертвы.

— Ты хочешь сказать: "Великий Вождь Дятел", — негромко поправил его Сэм. — Если ты не будешь меня называть вождем, я тоже тебя не буду так называть.

Великий Дятел и Маленький Бобр вошли в типи, заново раскрасили друг другу лица, поправили свои головные уборы и вернулись назад, чтобы начать казнь.

Дятел снова принялся точить нож, в чем уже не было никакой необходимости; просто ему очень нравился этот резкий и устрашающий звук: дзи-ит, дзи-ит!

Маленький Бобр тем временем притащил охапку сухих веток и положил их перед пленником, но у Гая не были связаны ноги, и одним пинком он раскидал весь хворост. Оба вождя отскочили в сторону.

— Вот ты как! — вскричал свирепый Дятел. — Вяжи ему ноги, Брат мой-Великий Вождь-Маленький Бобр!

Полоской коры ноги Гая были привязаны к столу. Тогда Вождь Дятел приблизился с ножом в руке к пленнику и сказал:

— Великий Брат-Вождь-Маленький Бобр, если мы снимем с него скальп, то получим всего один скальп, и тогда тебе нечем будет похвалиться!

Но Ян быстро нашел выход из трудного положения:

— Великий Брат-Вождь-Красноголовый Дятел-сидящий на пне-и помахивающий хвостом, не скальпируй его! Сдери кожу с его глупой башки, и мы разделим ее пополам.

— Верно! — согласился Сэм. — Ты хорошо придумал, Брат-Старый Индейский Вождь-Великий Маленький Бобр-подгрызающий деревья!

Вытащив кусок угля, Дятел с мрачным видом повернулся к пленнику, чтобы на его голове начертить полосу справедливого раздела. Маленький Бобр заметил, что он имеет право на одно ухо и половину макушки, наиболее ценной части скальпа. Тогда Дятел ткнул в хохолок на темени пленника и сказал, что тут, по существу, вторая макушка и младшему вождю достанется хорошая доля. Индейцы довольно долго обсуждали, как лучше разделить трофей, и наконец пришли к обоюдному соглашению.

До этой минуты пленник держался еще довольно храбро. Он не переставал грозить, что пожалуется отцу, учителям и вообще всему свету. Наконец он пообещал рассказать все мистеру Рафтену. Последняя угроза заставила Сэма несколько призадуматься, и он с некоторым беспокойством спросил Яна:

— Великий Вождь, ты понимаешь язык этого вздорного болтуна? Что он говорит?

— Не понимаю. Наверное, он поет предсмертную песню.

Гай не был трусом. Он стойко держался, пока был уверен, что с ним играют. Но когда уголек прочертил на его голове роковую линию, делившую скальп поровну между двумя раскрашенными чудовищами, и один из них, неумолимый Дятел, подойдя к нему с ножом, схва-

тил его за волосы на макушке, Гай не выдержал и громко заплакал.

— Пожалуйста, не надо! Папа! Мама! — кричал он.
— Пустите меня, я никогда больше не буду!

Он не сказал, чего не будет делать, но индейцам было ясно, что враг сдался.

— Погоди, Великий Брат Вождь! — сказал Маленький Бобр. — У индейцев есть обычай не казнить и даже принимать в свое племя пленников, сильных духом.

— Если считать плач и вой силой духа, то в таком случае у него хватит этого на шестерых, — сказал Дятел.

— Давай разрежим путы, которые связывают его, пусть он бежит к своему племени.

— Но лучше оставить его здесь на всю ночь, а утром обнаружить, что он убежал, — сказал Дятел.

Пленник, заметив, что его положение перестало быть таким угрожающим, наобещал индейцам всю березовую кору из своего леса и вообще все, на что он был только способен, если останется в живых. Он пообещал стащить самые лучшие яблоки из отцовского сада.

Маленький Бобр вынул нож и стал разрезать путы.

Наконец последняя полоска упала на землю. Подгнать Гая не потребовалось. Он молча понесся к изгороди, перебрался через нее и исчез.

После таких приключений ни один мальчишка больше не пришел бы к месту, где стояла типи, но Гай, хорошо знавший Сэма, скоро сообразил, что он напрасно испугался. Его разбирало любопытство, и однажды Ян и Сэм снова увидели убежавшего из их лагеря Гая.

Индейцы догнали его и приволокли назад. На это раз Гай не бранился. Сначала вожди обсуждали, какой смерти его лучше предать: сжечь ли на костре или утопить в пруду. Затем они приступили к допросу. Но пойманный молчал. Что он делал в лагере? Зачем пришел сюда? Ответа не было. Гай смотрел на них исподлобья.

— Давай завяжем ему глаза и вырежим гайяскутус у него на спине, — сказал Ян глухим голосом.

— Хорошая мысль, — согласился Сэм, хотя он имел о "гайяскутусе" такое же представление, как и пленник.
— Не будь с ним жесток. Это умерит боль.

Неизвестное всегда страшит. В душу жертвы снова закрался страх. Уголки его губ задрожали, и слезы закапали из глаз.

— Почему ты не скажешь нам, зачем пришел сюда?
— спросил Ян.

И вдруг плачущий пленник пробормотал:

— Я тоже хочу играть в индейцев...

Это чистосердечное признание застало мальчиков врасплох. Маленький Бобр встал и, обратившись к воображаемому совету, сказал:

— Великие Вожди сэнгерского племени! Этот бледнолицый выказал небывалое мужество, когда мы его пытали. Ни один из наших прежних пленников не был наделен столькими талантами. Я призываю вас принять его в наше племя.

Затем встал Дятел и сказал:

— О Вождь, мудрее которого лишь один человек в нашем племени! Все, что ты сказал, — правда, но известно тебе, что в наше племя может быть принят только человек с большими достоинствами? Он должен побороть воина нашего племени! Может ли он это?

— Нет, — ответил Гай.

— Обогнать нашего воина или стрелять более метко — может?

— Нет...

— Что же тогда он умеет делать?

— Я могу воровать арбузы... Вижу дальше всех в школе... А если спрячусь, никто не отыщет. Много раз я следил из кустов, как вы строили типи и плотину. Я первым выкупался в вашем пруду! Потом я сидел в типи и курил ваши трубки, когда вас не было, и я слышал, как вы собирались идти к нам воровать березовую кору.

— Не вижу, где здесь благородство и сила духа, — сказал Сэм. — Ты принес подарки Старейшему Вождю племени?

— Я принесу столько березовой коры, сколько вы захотите. Ту, что вы ободрали, отец сжег. Но я вам другой принесу. И еще я стащу цыпленка.

— Намерения эти весьма благородны, — сказал Ян. — Принимаем его!

— Согласен, — сказал Вождь Дятел, — но помни, что мне по-прежнему принадлежит право на левую половину скальпа, включая ухо! Я могу потребовать ее в любую минуту. Скажи, Ян, то есть Маленький Бобр, ты ведь знаешь, какую нужно пройти церемонию, когда вступаешь в индейское племя?

— В разных племенах — разные обычаи. Но Солнечный Танец и Испытание Огнем устраивают чаще всего, и они ужасно трудные.

— Ну, а ты проходил эти испытания? — спросил Сэм.

— Еще бы! — сказал Ян, вспоминая сожженные на солнце плечи и руки. — Я выдержал их так, что все признали меня самым лучшим воином племени. — Он, правда, не пояснил, что был единственным человеком во всем племени. — И меня единогласно называли "Пылающий Восход".

— Я тоже хочу быть Пылающим Восходом! — пропищал Гай.

— Ты? Да еще неизвестно, подходишь ли ты вообще, Желтая Сельдь! Какое ты хочешь пройти испытание?

Гай предпочел Солнечный Танец. Он и до того был достаточно загорелым, поэтому, хотя он и плясал вокруг типи в трусиках целый день, кожа его не обуглилась.

Когда солнце село, вожди собрались на совет.

Оглядев с ног до головы нового воина, Старейший Вождь мрачно покачал головой и сказал:

— Слишком неопытен, чтобы загореть как следует. Назовем его Молодой Веткой.

Напрасно Гай возражал. Отныне он стал Веткой и так должен был называться до тех пор, пока не заслужит более достойное имя.

Зато по кругу пошла трубка мира, и Гай был объявлен третьим вождем сэнгерских индейцев.

Гай был самым безобидным во всем племени, и, может быть, поэтому ему особенно нравилось раскрашивать свою круглую смеющуюся рожицу под свирепое лицо дикаря. Вот только глаза у него были выцветшего голубого цвета, а не черные, как у краснокожих. Свою растрепанную белобрысую голову он мог скрыть под пучками конского волоса, военная раскраска избавляла его от веснушек, и лишь белесые ресницы и блеклые пороссячьи глазки ничем нельзя было подменить. Но Гай ни с кем не делился своим горем, потому что знал: проведая кто-нибудь из мальчишек об этом, он сразу получит новое имя — Пупсик, или Птенец, или какое-нибудь другое ужасное, совсем не индейское прозвище.

XIV

Ссора

- Знаешь, Ян, сегодня я малиновку видел.
- Это что-то новое! — недоверчиво сказал Ян.
- У нас она самая красивая птица.
- Ну, а колибри?

— Вот уж сказал! Она просто маленькая, но не такая красивая.

— Теперь ясно, что ты ничего не понимаешь в птицах, — возразил Ян. — Потому что эти прелестные крылатые жемчужины одновременно и самые маленькие и самые красивые среди всего пернатого мира. — Эту фразу Ян прочел где-то и удержал в своей памяти.

— Фу! — сказал Сэм. — Совсем как в книжке! А я видел сотни колибри у нас в саду и держу пари, что малиновка гораздо красивее твоих колибри! Она алая, как кровь, и горит, словно огонь, а крылья у нее черные. Бабушка Невилль говорит, что индейцы называют ее Птицей войны, потому что, где она пролетит, начинается война.

— А, так это кардинал, — сказал Ян. — Где ты его видел?

— Да просто он слетел с ветки и уселся на верхний шест типа.

— Надеюсь, у нас война не начнется... Вот бы мне одного кардинала для чучела!

— Я выстрелил из лука, но ни стрелы, ни птицы больше не видал. Это была моя лучшая стрела — еще одна Верная Смерть.

— А ты отдашь мне стрелу, если я ее найду? — спросил Гай. — Не веришь? Ну, а что ты дашь за это? Смогу пожевать, ладно?

— Нет.

— Ну, хоть чуточку!

— Согласен.

— Держи свою старую стрелу, — вдруг сказал Гай и вытащил ее из расщелины в дереве. — Я видел, как она ткнулась сюда.

Ранним утром индейцы, наведя на лица военную раскраску, вышли в обход. Они, конечно, были вооружены луками и стрелами и поминутно вглядывались в следы на тропе и прислушивались, нет ли поблизости врага.

Воины неслышно ступали своими мокасинами. Их загорелые тела скользили между огромными стволами древних деревьев, а пронизательные взоры впивались в каждый дрогнувший листок. Так, по крайней мере, говорится в записной книжке Яна.

Они шли очень тихо, и все-таки вспугнули маленького ястреба. Вслед птице полетели три стрелы, но напрасно.

Ян взглянул на дерево, откуда метнулась птица, и воскликнул:

— Гнездо!

— По-моему, это просто шар из пуха, — возразил Гай.

— Не выдумывай! — сказал Ян. — Мы же с этого дерева согнали ястреба.

Ян лазил лучше всех. Скинув головной убор, куртку и брюки, он стал быстро карабкаться по стволу, не обращая внимания на липкие смоляные капли, выступившие из коры.

Не успел Ян скрыться в нижних густых ветвях, как Гай предложил Сэму подшутить над Маленьким Бобром.

Они набили травой куртку и брюки Яна, надели головной убор вождя на чучело, стрелой пригвоздили его к земле, а сами удрали.

Добравшись до самой верхушки, Ян увидел, что воображаемое гнездо — это всего-навсего нарост, который часто бывает на пихтах. Ян окликнул товарищей, но никто не ответил, и он спустился вниз. Сначала чучело его насмешило, но, разглядев, что куртка его порвана, а стрела сломана, Ян расстроился. Приятелей нигде не было видно. В типи их тоже не оказалось. Посидев немного у костра, он пошел к плотине. Ян не заметил, как в типи прокрались Гай и Сэм. Вернувшись, он увидел, что они роются в его записной книжке и Сэм читает вслух:

Пустельга, пустельга — отважная птичка!

Ты...

В ту же секунду Ян выхватил записную книжку из рук.

— Готов спорить, дальше идет рифма "певичка", — сказал Сэм.

Лицо Яна пылало от стыда и гнева. Он любил сочинять стихи, но всегда скрывал это от других. Случай с храброй пустельгой, который он наблюдал тихим летним вечером, Ян описал в одном из стихотворений.

Гай, который был заодно с Сэмом, заметил безразличным тоном, словно сообщая какую-то всем известную вещь:

— Говорят, сегодня в лесах убили бесстрашного хохлатого индейца?

Но Яну было не до шуток. Он догадался, что виной всему Гай, и, обернувшись к нему, сердито сказал:

— Помолчи, ты!

— Я не тебе говорю, — ухмыльнулся Гай.

Из типи донесся тихий говор и смех. Ян пошел к плотине и принялся замазывать трещины. В типи все стихло, потом оттуда вышел Гай. Приняв театральную позу и обращаясь к дереву над головой Яна, он начал декламировать:

Пустельга, пустельга — отважная птичка!
Ты — чудесная певичка!

Глина была под рукой, и большой комок тут же полетел в насмешника. С громким визгом Гай помчался к типи.

— Тебя встречают цветами! — послышался голос Сэма. — Выйди и прими новые букеты. Ты их заслужил. Сообщи мне, когда начнут вызывать автора.

И снова раздался смех. Ян вконец рассердился. Он схватил толстую дубину и швырнул ее в типи. Сэм, приподняв противоположный край типи, выскользнул наружу. Гай хотел последовать за ним, но Ян настиг его.

— Пусти! Я ничего тебе не сделал! Сэм! Сэ-эм! Помогите! — кричал Гай, пока на него сыпались удары.

— Не мешай мне! — раздался голос Сэма. — Я пишу стихи! Это совершенно особое занятие. А Ян добрый, он тебя только немножко поучит.

Гай вопил и орал во все горло.

— Ты получишь еще, если вздумаешь открыть рот! — сказал Ян, и тут он увидел Сэма с записной книжкой в руках.

Заметив Яна, Сэм откашлялся и начал:

Пустельга, пустельга — отважная...

Но кончить он не успел: Ян кинулся к нему, и мальчики схватились не на шутку. Гай поспешил на помощь к Сэму и несколько раз стукнул Яна.

Ян был худой, но очень ловкий, да к тому же он сильно окреп за время своего пребывания в Сэнгере, а в школе научился приему борьбы, известному, может, со дня сотворения мира, — кидать противника через спину. Ярость придала ему силы, и, как только они схватились, Ян, выждав удобный момент, кинул Сэма вверх ногами на землю.

Никто не заметил в пылу драки, что неподалеку стоял и наблюдал за ними Уильям Рафтен. Он скорее с грустью, чем с гневом следил за битвой. Не потому, что его огорчила ссора мальчиков, — нет, он слишком хорошо знал мальчишескую душу, чтобы придавать этому значе-

ние; но он не мог смотреть спокойно, как его большой и сильный сын терпит поражение в равной борьбе с худым и болезненным на вид мальчиком.

Так ничего и не сказав, Рафтен повернулся и ушел.

XV

Примирение

В тот вечер мальчики избегали друг друга. Ян почти ничего не ел и на заботливые расспросы миссис Рафтен отвечал, что ему нездоровится. После ужина все остались сидеть за столом в каком-то дремотном молчании. Ян решил про себя, что Сэм расскажет обо всем отцу, да к тому же приврет, а Гай его поддержит.

Пришел конец веселой жизни в Сэнгере, думал Ян. Он чувствовал себя как преступник, ожидающий приговора. Среди присутствующих только маленькая Минни, сестренка Сэма, которой едва сровнялось три года, веселилась и громко болтала. Как и все дети, она очень любила говорить что-нибудь "по секрету".

Минни играла около Сэма. Он поднял ее и шепнул что-то на ухо. Она слезла с его колен, подошла к Яну, и, когда тот ласково взял девочку на руки, она шепнула ему: "Секрет, никому не говори". Соскользнув на пол, она приложила пальчик к губам.

Что это должно было значить? То ли Сэм подслал ее, или она, как обычно, повторила свою излюбленную игру? Ласка ребенка отогрела сердце Яна, и, прижав девочку к себе, он тихонько сказал: "Нет, Минни, я никому не скажу".

Яну вдруг стало стыдно за свои глупые мысли. Сэм был ему хорошим товарищем. Скорей бы с ним помириться! Но нет, Сэм в пылу ссоры грозился выгнать его. Просить прощения Ян не мог.

Ян сталкивался с мистером Рафтенем несколько раз за вечер, но тот ничего не говорил мальчику. Ян плохо спал и встал рано. Он встретил Рафтена одного, точнее — постарался сделать это. Ему очень хотелось откровенно поговорить с хозяином. Но разговор не состоялся. За завтраком Сэм вел себя как обычно, хотя по-прежнему не смотрел в сторону Яна.

Губа у него распухла, и он объяснил, что дрался накануне с мальчишками.

После завтрака Рафтен сказал:

— Ян, поедешь со мной в школу.

”Вот и конец”, — подумал Ян, так как школа была по дороге к станции. Только почему же Рафтен не сказал ”на станцию”? Он обычно не путал слова... Да и не было сказано, чтобы Ян захватил с собой вещи. Да их и некуда было класть в легкой коляске.

Рафтен правил молча. Через некоторое время он наконец спросил: — Послушай, Ян, кем тебя хочет сделать отец?

— Художником, — ответил Ян, никак не понимая, какое это имеет отношение к его отъезду.

— Разве художнику нужно образование?

— Конечно! Чем образованней, тем лучше.

— Верно, об этом я все время твержу Сэму! Поэтому ты и считать умеешь. А художники много зарабатывают?

— Да. Некоторые даже миллионы получают.

— Миллионы? Ну, не думаю. Ты, наверное, преувеличиваешь...

— Честное слово! Вот художник Тёрнер¹ нажил миллион. Тициан² жил во дворце, и Рафаэль³ тоже.

— Вон как! Ничего о них не слышал. Может, и верно. Образование много значит! Я всегда говорю об этом Сэму...

Они подъезжали к школе. Несмотря на летние каникулы, дверь школы была открыта и на крыльце стояли два седобородых старика. Они кивнули Рафтену. Это были члены правления школы. Один из них — Бойл, пользовавшийся наибольшей популярностью у населения Сэнгера, другой — Мур, последний бедняк, но прекрасной души человек, а Рафтена выбрали в попечители, зная, что он никаких денег не пожалеет на школу.

В этот день они собрались, чтобы обсудить постройку нового школьного здания. Рафтен вытащил целую кипу бумаг, среди которых было также разрешение из департамента народного образования. В разрешении говорилось, что половину средств на строительство должен был изыскать местный школьный округ, а другую половину расходов брал на себя департамент, если будут соблюдены все условия. Главным из них было — сделать школь-

¹ Тёрнер Джозеф Мэллорд Уильям (1775—1851) — выдающийся английский живописец.

² Тициан Вечеллио ди Кадоре (1477—1576) — великий итальянский живописец эпохи Возрождения.

³ Рафаэль Санти (1483—1520) — великий итальянский художник и архитектор.

ное здание просторным и светлым. Но как могли малограмотные члены правления школы выполнить это требование? Обратиться в департамент за расчетами было неловко, а учитель находился в отъезде. И вот Рафтен блестяще разрешил эту труднейшую математическую проблему: он взял себе в помощники храброго худенького мальчика со смышленными глазами.

— Ян, — сказал он, протягивая ему двухфуттовую линейку, — можешь ли ты сказать, сколько футов воздуха приходится в этом классе на каждого ученика, если все места заняты?

— Кубических футов?

— Погоди, — сказал Рафтен.

И вместе с Муром он стал водить огромным пальцем по засаленным документам.

— Да, да, кубических футов, — решили они наконец.

Ян быстро измерил длину, высоту и ширину комнаты. Трое взрослых с благоговением следили за его уверенными действиями. Потом Ян сосчитал, сколько в классе мест, и сказал:

— Включать учителя в расчет?

Попечители обсудили этот вопрос и решили, что все-таки стоит.

— Пожалуй, он расходует воздуха вдвое больше ученика!

Ян сделал несколько подсчетов на бумаге и сказал:

— Двадцать футов.

— Посмотрите! — сказал Рафтен с гордостью. — Совпадает с расчетами самого инспектора. Я же говорил вам, что он справится! Теперь давайте поглядим проект здания.

И они углубились в новые бумаги.

— Ян, а сколько надо воздуха, если учеников вдвое больше, учитель один, а помещение вот такое?

Ян подумал минутку и сказал:

— Двадцать пять футов на каждого.

— Ну! — загремел Рафтен. — Разве я не говорил вам, что этот негодяй архитектор вместе с подрядчиком хотят обмануть нас! Думают, что мы невежды! Шайка разбойников!

Ян взглянул на план, которым яростно размахивал Рафтен.

— Погодите! — вдруг сказал мальчик таким тоном, каким он раньше никогда не говорил с Рафтенем. — Нужно еще высчитать прихожую и раздевалку.

Он сделал новые подсчеты и сказал, что план департамента вполне правильный. В глазах Бойла вспыхнул злорадный огонек. Рафтен, казалось, был разочарован, не найдя никакого мошенничества.

— Теперь скажи, Ян: в прошлом году оценочный сбор составлял двести шестьдесят пять тысяч долларов, и мы решили внести в школьный фонд по одному доллару на каждую тысячу; в этом году сбор увеличен до двухсот девяноста одной тысячи четырехсот долларов. Каков же будет школьный налог, считая так же по доллару?

— Двести девяносто один доллар сорок центов, — ответил без колебания Ян.

Попечители переглянулись в изумлении.

Это был настоящий триумф Яна. Даже старый Бойл улыбнулся, а Рафтен, тот прямо сиял, словно в этой победе была и его доля.

С тех пор Рафтен смотрел на Яна как-то по-особенному. Ян только однажды видел на его лице такое выражение: когда он пожимал руку известному боксеру, победившему в трудном матче.

На обратном пути Рафтен говорил с Яном, как со взрослым, о своем сыне. Он долго обсуждал с ним свою излюбленную тему — образование. Ян не знал, что, увидев своего рослого сына побежденным, Рафтен нашел лишь одно слово себе в утешение: "образованный..."

Итак, Рафтена нечего бояться. Но как быть с Сэмом? Яну очень хотелось помириться, но это становилось все труднее и труднее.

Как-то, покормив свиней, Сэм поставил лохани на землю. Тут откуда-то выбежала Минни. Увидав неподалеку Яна, она крикнула мальчикам:

— Сделайте стульчик! Покатайте меня!

Сэм и Ян робко взялись за руки. Малышка обхватила мальчиков ручонками за шеи и притянула их головы друг к другу. И тут Сэм, улыбнувшись, сказал:

— Знаешь, Ян, давай помиримся!

— Я давно хотел, — запинаясь, проговорил Ян. — Я очень виноват. Прости меня!

— Пустяки! — ответил Сэм. — Это все из-за Гая получилось. Не будем вспоминать. Только никак не пойму — я же сильнее и больше тебя, и вещи поднимаю тяжелые, и работу потруднее твоей сделаю, а ты меня, будто мешок со стружками, швырнул! Научи меня, ладно?

ЧАСТЬ ТРЕТЬЯ

В ЛЕСАХ

I

Здравствуй, лес!

— Вы, кажется, теряете много времени на свои путешествия в лагерь и обратно. Почему бы не остаться там совсем? — как всегда, равнодушно сказал Рафтен, и было непонятно, говорит он серьезно или в насмешку.

— Да мы бы только рады были, — ответил сын.

— Так что ж вам мешает? На вашем месте я переселился бы туда насовсем.

— Хорошо, — протянул Сэм. — Мы обязательно уйдем в лес.

— Только помните, мальчики, — сказал Рафтен, — каждый день вы должны кормить и поить скот.

— И это ты называешь переселиться насовсем — каждый день являться сюда на работу?

— Нет, Уильям! — вмешалась миссис Рафтен. — Какие же это каникулы? Так нельзя! Кто-нибудь сделает за них работу. Пусть отдыхают целый месяц.

— Месяц? Многовато.

— Почему не дать им отдохнуть хорошенько?

— Ну что ж, через месяц уборка. Вам придется поработать как следует. Ладно, можете идти.

— Ура! — закричал Сэм.

— Но я еще не кончил, — перебил мистер Рафтен.

— Отец, дай нам твое ружье! — снова вставил Сэм.

— Послушай меня лучше! Вы пойдете в лес на две недели. Но никаких ночевок дома. Ружья и спичек я вам не дам. Не хочу потом слушать ваши отговорки: "Не знали, что ружье заряжено, поэтому перебили всех птиц и белок, да и друг друга заодно". У вас есть луки и стрелы. Можете взять что хотите — хлеб, мясо. Готовьте себе пищу сами. И смотрите не подожгите лес! Если я увижу пожар, приду с ремнем и вам несдобровать.

Все утро продолжались сборы. Руководила ими миссис Рафтен.

— Кто же из вас будет поваром? — спросила она.

— Сэм!.. Ян!.. — выпалили мальчики в один голос.

— По очереди, — сказала миссис Рафтен, — день Сэм, день Ян.

Потом последовали и наставления, как готовить кофе, варить картошку, жарить мясо.

— Приходите за молоком каждый день или через день, — сказала миссис Рафтен.

— Нет, мы лучше станем доить коров тайком прямо на пастбище! — придумал Сэм. — Так будет по-индейски.

— Берегитесь, если я поймаю вас около коров! — сердито проворчал мистер Рафтен.

— Можно нам рвать в саду вишни и яблоки? — спросил Сэм.

— Берите сколько хотите.

— А картофель?

— Можно.

— А яйца?

— Только не жадничайте.

— А пряники из кладовой? Индейцы их любят.

— Нет, хватит! Пора и честь знать! Так вы перетаскаете все наши запасы. У вас уже много всего: и постели, и сковородки, и еды полно.

— До болота придется везти на тележке, а потом по меченой тропе на своих спинах, — сказал Сэм.

— Дорога идет вдоль реки, — сказал Ян, — давай сделаем плот, погрузим на него и доплывем до запруды. Это будет по-индейски.

— Из чего вы свяжете плот? — спросил Рафтен.

— Сколотим кедровые бревна, — предложил Сэм.

— Никаких гвоздей в моем плоту! — сказал Ян. — Так индейцы не делают.

— А я не разрешаю брать мои кедровые бревна, — сказал Рафтен. — Мне кажется, что и работы меньше, да и по-индейски будет, если просто взять все на спину и идти пешком. И постель свою не замочите.

Плот решили не делать и пожитки свезли к реке, откуда начиналась дорога в лагерь. Рафтен пошел проводить мальчиков.

— Дайте мне тоже что-нибудь понести, — сказал он, к большому удивлению ребят, и взвалил на свои широкие плечи добрую половину груза.

Тропа тянулась всего на двести ярдов, и было достаточно два раза сходить туда и обратно, чтобы перенести все.

— Ты, наверное, не прочь и остаться с нами, отец, а? — спросил Сэм.

— Все это мне напоминает первые дни в Сэнгере, — задумчиво сказал Рафтен. — Сколько ночей провели мы вместе с Каледом Кларком на берегу реки! Тогда вокруг был еще густой лес... А вы знаете, как устроить постель?

— Нет, мы ничего не знаем, — сказал Сэм, подмигнув Яну, — покажи нам.

— Вот поучитесь, как надо. Где топор?

— У индейцев нет топоров, — сказал Ян. — У нас есть большой и маленький томагавк¹.

Рафтен усмехнулся, взял большой томагавк и указал на пихту:

— Вот вам будет славная постель, — и двумя ударами повалил дерево.

Скоро рядом с пихтой лежал молоденький ясень, из которого Рафтен нарубил четыре жерди: две — по семь футов в длину и две — по пять. Из белого дуба Рафтен выстругал четыре колышка.

— В каком месте устроите постель? — спросил Рафтен и вдруг, словно его осенила какая-то мысль, сказал: — Может, не хотите, чтобы я вам помогал? Сами все сделаете?

— Нет, нет, мистер Рафтен! — живо воскликнул Ян. — Мы очень рады вашей помощи. Мы же не знаем, как надо это делать! Кажется, в книге было написано, что лучшее место для постели — напротив двери и чуть-чуть в сторону. Давайте поставим ее сюда.

Рафтен вбил в землю колышки и поместил на них четыре жерди, которые составили основу для постели. Ян принес охапку зеленых веток, и Рафтен уложил их на раму. Получилась плотная, мягкая постель в фут толщиной.

— Вот, — сказал Рафтен, — это есть настоящая индейская перина — мягкая и удобная. Спать на земле опасно. Теперь достаньте парусину, которую мать вам положила. Из нее сделаете полог над кроватью.

Ян стоял не шевелясь, чем-то недовольный.

— Взгляни на Яна, отец! — сказал Сэм. — У него всегда такой вид, если нарушают правила игры.

— Что случилось? — спросил Рафтен.

¹ Томагавк — боевой топорик североамериканских индейцев.

— Первый раз слышу, чтобы у индейцев в палатке были пологи, — сказал Ян.

— А слышал ли ты, что индейцы устраивают ”покрышку от росы”?

— Да, — удивленный познаниями Рафтена, ответил мальчик.

— Вот погляди, как ее надо делать, — сказал Рафтен.

Уходя, Рафтен повернулся к мальчикам и сказал серьезным тоном:

— Можете стрелять ястребов, ворон и соек, потому что они истребляют других птиц. Зайцев и енотов тоже разрешаю. Но не вздумайте убить белку или бурундука. Тут уж вам несдобровать!

II

Первая ночь и первое утро

Странное, незнакомое чувство охватило мальчиков, когда они увидели спину удаляющегося мистера Рафтена. Наконец шаги его замерли, и только тогда Ян и Сэм действительно поняли, что они остались в лесу совсем одни.

— Огня! — сразу крикнул Сэм.

Ян взял зажигательные палочки, и через минуту в типи пылал костер. Сэм принялся готовить ужин из ”бизоньего мяса и луговых кореньев” (говядина с картофелем).

Они мирно поели и уселись друг против друга около костра. Разговор не клеился, а затем и вовсе увял. Каждый был занят собственными мыслями.

Вдруг с речки донесся всплеск.

— Наверное, выхухоль, — шепнул Сэм, отвечая на безмолвный вопрос друга.

Вдалеке послышался знакомый мальчикам крик: ”Уху-ху! Уху-ху!” Это была сова. Внезапно над головой в ветвях раздался долгий вой.

— Что это?

— Не знаю, — был ответ.

Обоим снова стало не по себе. Свет меркнул, сгустились сумерки, и таинственность ночи угнетала мальчиков. Но ни один не предложил вернуться домой: тогда их лагерной жизни настал бы конец. Сэм поднялся, помешал огонь и, не найдя больше хвороста, вышел из типи, буркнув себе что-то под нос. Лишь долгое время спустя

он признался, что ему пришлось сделать над собой усилие, чтобы выйти в темноту.

Сэм принес несколько веток и прикрыл за собой дверь поплотнее. В типи снова весело затрещал огонь. Костер стал немного дымить, и Сэм сказал:

— Ты можешь поправить дымовой клапан, у тебя это лучше получается.

Ян заставил себя вылезти из типи. Ветер крепчал и дул теперь с другой стороны. Ян переставил шесты и спросил хриплым шепотом:

— Ну как?

— Получше, — слышался такой же шепот из типи, хотя костер дымил по-прежнему.

Ян поспешно влез в палатку и накрепко привязал дверь.

— Давай подбросим хворосту в огонь и ляжем спать, — сказал Ян.

Мальчики скинули куртки и улеглись, но сон не приходил. Особенно был взбудоражен Ян. Только огонь слегка успокаивал. Глаза сонно смыкались, но при малейшем шорохе Ян вздрагивал. С крыши вдруг послышалось: тик-тик, скрап-скра-ап!.. "Медведь!" — спросонок подумал Ян, но тут же сообразил, что это просто лист царапает брезент типи. Немного позже он проснулся от непонятного шуршания, которое раздавалось совсем рядом. Затаив дыхание, Ян прислушался. Это, наверное, скреблась мышь. Ян с силой ударил по брезенту и зашикал, пока зверек не убрался. Где-то в верхушках деревьев снова пронесся странный вой. У Яна просто волосы стали дыбом. Он протянул руку и пошевелил огонь. Но вот все стихло, и Ян опять задремал. Проснулся он внезапно и увидел, что Сэм сидит на постели и прислушивается.

— Что там, Сэм? — прошептал он.

— Не знаю. Где топор?

— Тут, рядом.

— Я его положу около себя, а ты возьми большой нож.

Наконец сон совсем сморил их, и они уж больше не просыпались до самого утра. Ян открыл глаза, когда яркое солнце наполнило типи рассеянным светом.

— Дятел, Дятел! Вставай! — весело кричал Ян своему спящему другу.

Сэм лениво отмахнулся, хотя и помнил отлично, где он находится.

— Сэм, вставай. Ты сегодня повар и подашь мне завтрак в постель. Похоже, у меня тоже разболелось колено.

— Давай поплаваем перед завтраком!

— Нет, спасибо. Я сейчас очень занят! Да к тому же утром вода холодная.

Утро был свежее и солнечное; кругом пели птицы. Когда Ян встал, чтобы самому приготовить завтрак, он никак не мог понять, что страшило их прошлой ночью. Ему хотелось снова услышать тот странный вой, чтобы узнать, откуда он доносился.

В золе нашлось несколько тлевших угольков. Ян раздул огонь, и через минуту в котелке кипела вода, а на сковородке жарилось мясо.

Сэм лежа наблюдал за товарищем, то и дело отпуская всякие шуточки.

— Повар из тебя выйдет превосходный, но огонь развести ты не можешь. Куда это годится? — спросил он, когда из костра прямо на брезент с треском полетели искры.

— Что же мне делать?

— Ставлю лучшую отцовскую корову против твоего складного ножа, что ты бросил в огонь вяз или тсугу.

— Да, — смущенно признался Ян.

— Сын мой, — сказал Великий Вождь Дятел, — искры могут спалить типи. Береза, клен, орешник и ясень никогда не дают искр. Сучки и корни сосны тоже, но зато они дымят так, что... ну, ты знаешь сам, как они дымят! Вяз, тсуга, каштан, ель и кедр страшно сыпят искрами; эти породы не подходят для порядочных людей. Большинство индейцев не выносят огня, который трещит и шипит: это может услышать враг. И потом, такой огонь спалит постель!

— Хорошо, дедушка, — сказал повар, запомнив все, что сказал Сэм, и добавил угрожающим тоном: — А теперь вставай, слышишь! — И он поднял ковш с водой.

— Это могло бы напугать Великого Дятла, если бы у Великого Вождя Повара была отдельная постель! Так что мне остается лишь презрительно улыбнуться, — важно закончил Сэм свою тираду.

Увидав, что завтрак поспел, он быстро вскочил. Мальчики весело поели и долго смеялись над своими ночными страхами.

Хромой воин и "книга посетителей"

— Послушай, Сэм, как насчет Гая? Может, позвать его?

— Давай. В школе или где-нибудь еще я бы не стал дружить с ним, но в лесу становишься добрее, и втроем лучше, чем вдвоем. И потом, мы же приняли его в наше племя.

— Я тоже так думаю. Пусть он услышит наш клич.

Мальчики издали долгий, пронзительный крик, чередуя его с более обыкновенными звуками. Это был их условный зов, на который всегда приходил Гай, если только он не был занят работой и поблизости не оказывалось отца, чтобы удержать его от бегства к индейцам. И сейчас он не замедлил явиться, размахивая веткой над головой в знак своих дружеских намерений.

Гай шел медленно, и мальчики заметили, что он сильно хромает, опираясь на палку, а левая нога его обмотана тряпками.

— Эй, Ветка, что случилось? Никак, у тебя была стычка с бледнолицыми?

— Нет. Это я, вместо того чтобы сгребать траву, катался на граблях верхом. Вот мне и попало от отца.

— Слышали. Когда это было?

— Вчера около четырех.

— Вот-вот! Мы слышали страшный вой, и Ян сказал: "Дневной поезд пришел. Кажется, опоздал сегодня". — "Какой там поезд, — говорю я, — скорее всего, это Гаю задали порку".

— У меня, наверно, все прошло, — сказал Боевой Вождь Ветка и стал разматывать повязку, под которой обнаружилась всего-навсего легкая царапина. Он бережно отложил тряпки в сторону и сразу перестал хромать.

Как чудесно было вставать на рассвете! В ветвях резвились белки, кругом пели птицы, а на маленьком пруду, куда индейцы убежали купаться, дикая утка плеснула по воде крыльями и, со свистом рассекая воздух, скрылась из виду.

— Что ты там нашел? — спросил Сэм, увидав, как Ян внимательно разглядывает что-то на берегу.

Ян не отвечал, и Сэм, подойдя, заметил, что тот старательно перерисовывает след, отпечатавшийся в грязи.

— Что это? — снова спросил Сэм.

— Не знаю. Слишком широкий для выхухоли, слишком когтистый для кошки, маловат для енота и слишком много пальцев для ондатры.

— Уж не приходил ли сюда б́анши¹?

Ян только улыбнулся в ответ.

— Смейся, смейся! — важно проговорил Дятел. — Посмотрим, что ты будешь делать, если он влезет в типи и засвистит в свистульку на своем хвосте! Тогда завопишь: "Где топор?"

— А знаешь, по-моему, это куница, — не обращая внимания на угрозы Сэма, сказал Ян.

— Сын мой Маленький Бобр! — довольным голосом начал Дятел. — Я уже давно понял, что это след куницы, и хотел тебе подсказать, но потом подумал: "Ничто так не закаляет человека, как поиски. Пусть он сам решит. Не годится помогать ему во всем".

С этими словами Сэм снисходительно похлопал по плечу Великого Маленького Бобра и одобрительно кивнул. Он и наполовину не разбирался в следах так, как Ян, но продолжал болтать:

— Маленький Бобр! Ты отлично читаешь следы и скажешь по ним сразу, что происходило ночью. Быть тебе следопытом в нашем племени! Но соображаешь ты плохо. Земли, которыми владеет наше племя, каменисты или покрыты травой, и следы могут отпечататься только на берегу реки. Если бы я стал следопытом, то начало и конец тропинок я бы замазал глиной.

— Здорово ты придумал, Сэм! Мне даже и в голову не пришло.

— Сын мой, думать умеет только Великий Вождь Дятел, а чернь — ты и Ветка — исполняет приказания.

Мальчики принялись за работу. Они расчистили тропинку и покрыли ее толстым слоем черной глины, потом в четырех местах на берегу устроили такие же небольшие площадки, которые одним концом примыкали к лесу, а другим — к кустарнику Бернсов.

— Вот, — сказал Сэм, — теперь у нас будет такая же книга для посетителей, какую завел Фил Лири, когда выстроил себе кирпичный дом. Каждый, кто приходил к нему, записывал, если только умел писать, что-нибудь вроде о "Счастливейшем незабываемом посещении". В нашей книге будет расписываться каждый, у кого есть ноги.

¹ Б́анши — лесной дух, сходный с лучшим русских поверий.

— Давайте сделаем такую же около типи, — предложил Ян.

Потом мальчики разулись, каждый отпечатал след своей босой ноги, и Ян срисовал их к себе в записную книжку. Все три следа были совсем разные.

— Вы разве ночуете здесь? — удивился Гай, заметив в типи постель и котелки.

— Да.

— Я тоже хочу с вами! Если папы не будет, я убегу из дому.

— Да ты только скажи отцу, что старый Рафтен выгнал тебя, так он сам приведет тебя сюда!

— Мы, пожалуй, уместимся все трое на этой постели, — заметил Третий Боевой Вождь.

— А по-моему, не уместимся, — сказал Великий Вождь Дятел. — Ведь Вождь Ветка получил первый приз в школе как самый большой грязнуля. Ты можешь сделать себе отдельную постель с другой стороны костра.

— А я не знаю как.

— Мы тебе покажем, только принеси еды и одеяло.

Скоро мальчики устроили еще одну постель, но Ветка все не уходил. Только когда солнце село, Гай снова обмотал себе ногу и заковылял домой, сказав, что скоро придет. Но мальчики знали, что не увидят его до завтра.

После ужина они долго гадали, повторятся ли их ночные страхи. Где-то в ветвях заухала сова. Мальчики сидели у огня до позднего вечера, потом легли спать, решив, что им теперь ничего не страшно. Они уже почти уснули, когда по лесу пронесся дикий рев, словно кричал "волк с больной глоткой", и вслед за ним послышались какие-то отчаянные вопли. Мальчики в ужасе вскочили. Вдруг совсем рядом раздался топот ног, и с громким криком "Сэ-эм!" кто-то стал рвать дверь типи. Через секунду к мальчикам влетел до смерти перепуганный Гай.

Снова развели костер. Немного успокоившись, Гай рассказал. Отец отослал его спать, а когда в доме все стихло, он взял с собой одеяло и вылез через окно. Около типи Гай вздумал было поковылять волком, чтобы напугать мальчиков, но сам испугался своего воя, а когда вдобавок откуда-то с верхушек раздался ответный трубный зов, он в ужасе бросил свои пожитки и с криком о помощи пустился бежать.

Мальчики зажгли ветки и отправились на поиски утерянных вещей. Одеяло нашли неподалеку. Вернувшись,

они устроили Гаю постель, и через час типи погрузилась в молчание.

Утром первым встал Сэм. Обследовав "книгу посетителей" около типи, он крикнул:

— Ян, иди сюда!

— Это ты меня зовешь? — недовольно спросил Ян.

— Да, Великий Вождь! Кто-то приходил к нам ночью.

Вот следы.

— Чьи они, по-твоему?

— Вот эти — от сапог отца, а это — от башмаков матери. Я хорошо знаю их следы. Давай поглядим, откуда они.

Следы вели от дома Рафтенов к типи и обратно. Поздно вечером отец с матерью, видно, приходили проверить, все ли у ребят в порядке. Послушав ровное дыхание спящих, родители тихонько ушли назад.

На следующее утро совет племени постановил, чтобы Третий Вождь Ветка был поваром и приготовил завтрак. Гай что-то бурчал себе под нос, когда его заставили хорошенько умыться. Он принялся стряпать с большим рвением, которого, правда, едва хватило на час. Потом он уже не находил в этом никакого удовольствия и, видно, понял, как много для него делается дома.

К обеду Гай поставил грязные тарелки и объяснил, что если их не путать, то ничего страшного в этом нет. Он пожаловался, что его снова беспокоит нога, но, когда все трое отправились на охоту, Гаю сразу полегчало.

— Смотрите, красная птичка! — крикнул он, увидав на ветке кардинала, сверкавшего на солнце красочным оперением. — Я его сниму первой стрелой! — И он схватился за лук.

— Послушай ты, Деревянная Голова, — сказал Сэм, — не вздумай стрелять певчих птиц! Это плохая примета. Очень плохая. Она принесет нам беду. А беды страшнее, чем отцовский ремень, я не знаю.

— Какая же радость играть в индейцев, если нельзя стрелять? — спросил Ветка.

— А ты стреляй ворон, галок, если хочешь. Можешь сурков...

— Я знаю, где живет сурок, большой, как медведь! — сказал Гай.

Ян и Сэм расхохотались.

— Смейтесь, смейтесь! — сказал Гай. — У нас в поле, где растет клевер, сурок вырыл такую нору, что в нее

провалилась косилка и папу отбросило так далеко, как отсюда до реки!

— А лошади выбрались из норы?

— Выбрались! Только косилка сломалась. Вы бы послушали, как отец ругался! Он обещал четверть доллара, если я поймаю сурка. Я поставил у норы капкан, но хитрый зверюга каждый раз делал себе новый ход.

— И он все еще живет у вас в поле? — спросил Второй Боевой Вождь.

— Наверное. Он уже половину клевера съел.

— Давайте поймаем его! — сказал Ян.

— Я как-то его видел. Большой, как теленок, старый уже, весь седой.

— Хорошо бы пристрелить его! — сказал Сэм. — За ним стоит поохотиться. Может, тогда твой отец даст каждому по четверти доллара?

— Плохо ты знаешь моего отца, — ухмыльнулся Гай.

Мальчики пошли на поле, где рос клевер.

— Ну, где же твой сурок? — спросил Сэм.

— Тут.

— Я его не вижу.

— Но он здесь всегда сидит!

— Только не сейчас.

— Это первый раз, что его не видно. Наверное, нас испугался. Он большущий, выше того пня!

— Вот его след, — сказал Дятел, показывая на следы, которые он только что незаметно сделал рукой.

— Ну! — обрадовался Ветка. — Что я говорил!

— Правда! А коров он у вас не таскал? И как это вы не боитесь жить с ним рядом!

IV

”Битва” с бледнолицыми

— Я знаю, где лежит срубленная береза. Кому нужна кора?

— Мне, — сказал Маленький Бобр.

— Нет, пожалуй, сейчас не выйдет. Дерево лежит как раз около кустарника, а там отец ходит.

— Если мы хотим устроить настоящий набег, надо напасть на поселение бледнолицых около реки и достать молока, — сказал Старший Вождь. — Наши запасы кончились. И хорошо бы узнать, что у них новенького.

Спрятав стрелы, луки и головные уборы, мальчики, забыв ведро для молока, отправились по меченой тропе. Они шли, как индейцы, гуськом, ставя носки внутрь, молча указывая на следы и изображая, что им грозит величайшая опасность.

Укрываясь за забором, индейцы пробрались к сараю. Двери были раскрыты, работники занимались своим делом. Со двора в сарай забрел поросенок. Некоторое время было слышно, как он возился там, потом послышался звонкий удар, пронзительный визг, и голос Рафтена проговорил: "Мальчишкам следовало бы не бездельничать, а пасти свиней!"

Индейцы поспешили убраться. Они спрятались в подвале и устроили военный совет.

— Великие сэнгерские вожди! — начал Ян. — Я беру три соломинки: длинная — для Дятла, средняя — для Маленького Бобра, а короткая, с трещинкой на верхнем конце, — для Ветки. Смотрите, я бросаю их. Куда они упадут, туда и должны мы идти. Так делают индейцы!

Соломинки упали. Сэму пришлось идти на ферму, Яну соломинка указала путь немного правее, а Гаю надо было идти домой.

— Вот, Ветка, ты идешь к себе. Так приказала соломинка.

— Я не верю в такие глупости! — обиделся Ветка.

— Ослушаться — дело опасное. Это приносит несчастье.

— Ну и пусть, я все равно не пойду, — упрямо твердил Гай.

— Моя соломинка показала на дом, значит, мне идти за молоком.

— Я остаюсь с вами, — снова сказал Гай. — Мы с Яном пойдем в сад и нарвем вишен. Мне туда не в первый раз!

— Давайте встретимся на опушке леса, и пусть каждый принесет то, что достанет, — сказал Первый Боевой Вождь.

Сэм стал осторожно пробираться к погребу. Одно окно, выходявшее в конец двора, было открыто, и Сэм легко пролез в прохладное помещение. На полках длинными рядами стояли бидоны. Сэм снял крышку с одного, в котором, как он знал, было свежее молоко, нагнул и сделал большой глоток. Облизав губы, индеец вспомнил, что забыл взять с собой ведро. Он очень огорчился, но тут же вспомнил, где можно было раздобыть такое

же. Мягко ступая по лестнице, перешагнув первую и седьмую ступеньки, которые были ужасно скрипучие, как он выяснил еще очень давно, бегая сюда за молочным сахаром, Сэм добрался до двери и, просунув лезвие ножа, откинул крючок. Прислушавшись и не заметив ничего подозрительного, он вошел в пустую кухню и взял из кладовки большой кусок пирога и жестяное ведерко. Он снова пустил в ход свой ножик, закрыв им дверь на крючок, чтобы ни у кого не возникло подозрений, и, прихватив добычу, исчез.

Дятел был убежден, что его никто не видел. Но когда в следующий раз он повторил набег на погреб, то нашел там записку:

Врагам индейцам!

Когда в следующий раз вы устроите набег на наше поселение, верните ведерко и не забываете закрывать бидоны с молоком.

Тем временем Ян полз вдоль забора. Вокруг было много зелени, но индеец продвигался, близко прижимаясь к земле.

Он уже почти добрался до сада, когда услышал за собой шум и, оглянувшись, заметил Ветку.

— Ты чего за мной увязался? — шепотом спросил Ян. — Ведь тебе соломинка указала в другую сторону. Так нечестно!

— Ну и пусть. Мне все равно, я домой не пойду!

— Ты не имеешь права идти за мной!

— Это ты идешь туда, куда я хотел: к вишням.

— Вишни — вон где, а я пробираюсь к яблоням.

Когда Гай скрылся за кустами, Ян пополз дальше. Через несколько шагов индеец заметил впереди себя желтый глаз, который в упор смотрел на него. Это оказалась курица, которая, приметив ползущего индейца, с громким кудахтаньем бросилась прочь. Ян увидел дюжину яиц: одни покрупнее, другие помельче.

”Соломинка знает, где курица несется!”

Он собрал яйца в шапку и направился к опушке, где все должны были собраться.

Не успел Ян отползти немного, как неподалеку раздался яростный лай и крики о помощи. Ян обернулся и увидел, как Гай карабкается на дерево, стараясь спастись от старого пса Кэпа. Ян заспешил на помощь; Кэп сразу узнал его, замолчал, но, вероятно, так и не понял,

почему его прогнали, когда он честно выполнял свой долг сторожа.

— Вот видишь! Теперь будешь слушать, что соломинка говорит. Если б не я, тебя уже схватили бы и бросили свиньям на растерзание.

— Если бы не ты, все было бы хорошо. Не боюсь я вашего пса! Через минуту я бы сам слез и выпустил дух из этой собаки.

— Ты можешь это сделать! Кэп! Кэп! Сюда!

— Сейчас уже некогда, в следующий раз. Давай лучше разыщем Сэма.

Нагруженные своей добычей, индейцы благополучно вернулись в лагерь.

V

Охота на оленя

В тот вечер индейцы устроили пир. Спать они легли как обычно, и ночь прошла без особых тревог. Правда, на рассвете всех разбудил Ветка. Ему показалось, что где-то поблизости бродит медведь. Но все было гораздо проще: Сэм скрипел по ночам зубами.

Ян обследовал "книгу посетителей" и закричал радостно:

— Сэм! Ветка! Я нашел след оленя!

— Что ты еще там придумал! — крикнули ему в ответ индейцы из типи. — Это, наверное, собака прибежала.

Ян упрямо настаивал, и Гай наконец сказал тихонько Сэму:

— Уж если он так мучается, мы должны ему помочь увидеть этого оленя. — И он подмигнул Сэму, чтобы тот увел Яна куда-нибудь.

Сэма не пришлось долго уговаривать.

— Давай посмотрим, куда пошел твой олень, — предложил он Яну.

Когда они отошли, Гай разыскал кусок мешковины, набил его тряпкой и перевязал, придав форму оленьей головы. Потом он насадил это чучело на палку, воткнул две деревяшки вместо ушей, углем сделал глаза, нос и вокруг глаз навел круги мокрой глиной. Глина скоро высохла и стала белой. Поставив "олень" в кусты, Гай помчался что есть духу искать Яна и Сэма.

— Сэм! Ян! Там олень! — крикнул он.

Гай вряд ли убедил бы Яна, если б Сэм не выслушал эту новость с особым интересом. Индейцы бросились назад, схватили луки и стали пробираться к тому месту, где Гай видел оленя.

— Вон, вон там! Разве не он шуршит в кустах?

Ян весь дрожал от восторга.

— Стреляй! Стреляй! — убеждали Сэм и Гай.

Ян недоумевал, почему же его спутники сами не стреляют. Обернувшись, он увидел, что они покатываются со смеху. Тогда Ян подошел ближе к оленю и все понял.

— Ну что ж, я его застрелю для вас! — крикнул он и послал стрелу в оленью голову.

Стрела прошла близко, но не попала.

Вслед за ним выстрелили Сэм и Гай. Стрела Сэма попала оленю прямо в нос. Скоро вся голова чучела была утыкана стрелами.

За обедом Ян сказал Гаю:

— Слушай, Ветка, ты не такой умный, каким себя воображаешь, но на этот раз ты придумал хорошую штуку.

После обеда Ян взял старый мешок в три фута длиной и набил его сеном. Потом сделал маленький мешок с изгибом наверху, тоже набил его сеном и пришил длинной костяной иглой к большому. Получилось туловище с головой. Теперь нужны были ноги. Ян срезал четыре сосновые палки и воткнул их по углам в мешок. Из двух деревяшек он выстругал уши, начернил углем глаза, нос и обвел все это глиной, как сделал Гай. И под конец на обоих боках он нарисовал два черных пятна. Получилось чучело, которое и впрямь можно было принять за оленя.

— Ну вот, — сказал Ян, когда все было готово, — теперь вы ждите здесь, а я пойду спрячу оленя.

Ян побежал в лес, потом свернул вправо, поставил чучело в кусты и вернулся с той же стороны, куда ушел.

— Готово! — сказал он. — Охота начинается.

Индейцы, вооруженные луками, двинулись вперед.

— Кто найдет оленя, получает десять очков и стреляет первым. Если он промахнулся, второй подходит на пять шагов ближе и стреляет; если и он не попал, третий подходит еще на пять шагов. И так до тех пор, пока кто-нибудь не попадет в оленя. Тогда все стреляют с того места, откуда пустили последнюю стрелу. Выстрел в сердце равен десяти очкам: в серое поле — пяти, это будет считаться раной. Если никто не попадет в сердце — мне двадцать пять очков. Кто первый увидит оленя,

будет прятать его в следующий раз. Каждый стреляет по двенадцать раз.

Два охотника начали поиски. Сэм удивлялся, почему этот олень не оставил следов. Гай лез в самую чащу кустарников. Маленький Бернс не отличался ни силой, ни большим умом, но его свиные глазки ухитрились видеть очень далеко.

— Вон он! — торжествующе закричал Гай и показал, где в семидесяти пяти ярдах из кустов торчало ухо и часть головы.

— Ветке десять очков! — записал Ян в тетрадке.

Гая распирало от гордости.

— Я бы мог его увидеть еще раньше, если б... если б... он был... если б мне повезло.

Гай натянул лук и выстрелил, но стрела пролетела чуть дальше половины расстояния.

— Я могу подойти на пять шагов, — заметил Сэм. — Какой величины шаги, ничего не сказано?

— Нет.

— Хорошо. — И Сэм стал прыгать, как кенгуру.

В свои пять шагов он покрыл ярдов десять. Свернув чуть-чуть в сторону, он выбрал место так, что ему отлично была видна вся голова оленя. Сэм пустил стрелу и промахнулся. Теперь Гай имел право приблизиться на пять шагов. Но он тоже дал промах. Наконец с тридцати ярдов Сэм попал в серое поле.

— Вот это выстрел! Настоящая рана! Великому Вождю Дятлу пять очков! — крикнул Ян. — Теперь все стреляем с этого места, и я с вами!

Полетели стрелы. Две или три попали в заднюю ногу оленя, несколько стрел угодило в дерево, что стояло на полпути к чучелу, две проткнули ему нос. Потом послышалось громкое "ура" — это стрела Гая поразила оленя прямо в сердце. Охота кончилась. Индейцы собрали стрелы и принялись считать, сколько очков выпало на долю каждого.

Победителем был Гай — двадцать шесть очков: десять — за пробитое оленьё сердце, пять — за рану и одно очко — за царапину. За ним шел Сэм, которому удалось дважды поранить оленя и дважды нанести царапины. Всего у него набралось двенадцать очков.

Олень, пронзенный стрелами, напоминал старого дикобраза, а Гай чувствовал себя на седьмом небе.

— Вижу, мне придется вас поучить охоте на оленя, — сказал он. — В следующий раз я попаду ему в сердце с первого выстрела!

Гаю очень понравилась новая игра. Теперь был его черед прятать чучело, и он помчался в чащу, задумав разыграть товарищей. Он спрятал оленя далеко от типи и выбежал совсем с другой стороны, крикнув: "Готово!" Охотники долго бродили в поисках оленя, но так ничего и не нашли.

Снова Гай был в восторге.

— Это самая лучшая игра на свете! — сказал он.

— Послушай, Бобр, по-моему, олень должен оставлять следы, — сказал Сэм.

— Если бы снег, тогда все просто... — сказал Гай.

— Я придумал! — обрадовался Ян. — Мы нарвем бумажек и устроим бумажный след!

— Вот здорово!

Индейцы бросились к типи, собрали всю бумагу, разобрали ее на клочки и сложили в мешочек, откуда через дырку бумага сыпалась на дорогу.

Так как никто не нашел оленя в последний раз, Гай снова имел право прятать чучело. Он сделал большой крюк и так упрятал оленя, что мальчики, только наткнувшись на чучело, заметили его. Сэм получил десять очков за находку. Он выстрелил и промахнулся. Ян сделал свои положенные пять шагов, но так поспешно пустил стрелу, что тоже дал промах. Гаю досталось стрелять с пяти шагов, и он, конечно, вонзил стрелу прямо в сердце. Успех совсем вскружил Ветке голову. Он так расхвастался, что два других вождя решили установить новое правило, которое гласило: "Стрелять не ближе чем с пятнадцати шагов".

Игра становилась все интересней и была уже похожа на настоящую охоту. Гаю несколько раз удавалось так запрятать оленя, что его находили с большим трудом. Один раз он провел следы к пруду и поставил чучело совсем открыто, но на противоположном берегу. Мальчики сразу увидели оленя, но расстояние до него было так велико, что надо было или зайти глубоко в воду, или стрелять через пруд. Поэтому победителем снова вышел Гай. Скоро вожди приняли еще одно условие: не ставить оленя на скале или среди камней, чтобы не терять и не ломать стрел.

Они так увлеклись, что скоро весь лес был засыпан бумажными "следами" и не было никакой возможности

отличать старые от новых. Это обстоятельство угрожало положить конец игре. Правда, Ян нашел выход — он предложил пользоваться цветной бумагой. Но скоро ее запасы иссякли. И тут неожиданно ребята увидели старого Калеба. Каждый раз он появлялся будто случайно. Мальчики всегда радовались его приходу, потому что он часто давал им очень дельные советы.

— Смотрю, у вас тут дичь есть, — сказал старик, кивнув в сторону оленя, который стоял в сорока шагах от ребят. — Как живой. Хорошо сделали! Очень!

Кaleb весело смеялся, когда мальчики рассказывали ему про свою охоту, и внимательный наблюдатель сразу заметил бы, как он еще больше заинтересовался игрой, узнав, что не Сэм Рафтен был самым удачливым охотником.

— Молодец, Гай Бернс! Когда-то и я с твоим отцом охотился на оленей у этой реки.

Ребята рассказали ему о своих трудностях со следами. Кaleb задумался и стал в молчании раскуривать трубку.

— Послушайте, — сказал он наконец, — почему бы вам вместо бумаги не взять зерна пшеницы или кукурузы? Это куда лучше. Сегодня вы разбросаете их, а завтра птицы и белки все подберут, до единого зернышка.

Всем очень понравилась это затея, и скоро Сэм принес небольшой мешок кукурузных зерен.

— Хотите, я разок побуду оленем? — предложил Кaleb. — Дайте мне пять минут, а потом ищите. Вы увидите, как настоящий олень бегаёт по лесу.

Кaleb взял чучело и скрылся в чаще. Через пять минут, когда индейцы пошли по следу, он вернулся на прежнее место. Нелегко было идти по этому следу. Сначала он шел по прямой линии, потом описывал круг и возвращался назад, почти пересекая свой путь. Но Кaleb сказал:

— Нет, он не пересекает прежний след.

— Куда же мог пойти олень? — Сэм долго ходил вокруг да около и наконец заявил, что след очень уж широк, будто двойной.

— Я знаю! — крикнул Гай. — Олень повернул назад.

Кaleb молчал. Ян присмотрелся к следу и нашел то место, где он раздваивался. Зная общее направление, Гай уже не смотрел на землю. Он побежал вперед, за ним — Сэм. Но Гай, чтобы не сбиться, все же оглядывался назад, на Яна, который изучал следы.

Охотники не дошли и до дальних кустов, когда Ян обнаружил новый поворот. След опять возвращался на прежнее место. Ян оглянулся по сторонам и вдруг заметил оленя, лежавшего в траве.

— Олень! — радостно крикнул Ян.

Когда все подбежали к нему, они увидели, что Ян послал стрелу прямо в сердце оленю.

VI

Военная шапка, типы и подвиги

— В сорока шагах — и так метко! Индейцы сказали бы про этот выстрел "гран ку". — У Калеба был очень довольный вид, совсем как в ту минуту, когда он добыл огонь трением. — О, это великий подвиг! Индейцы называют большую победу просто "ку", а великий подвиг "гран ку". Этому они, наверное, выучились у канадских французов. Каждый индеец вел особый счет своим "ку", и за каждый подвиг он имел право воткнуть в свою шапку еще одно орлиное перо, а в случае особой удачи — с красной волосяной кисточкой на конце. По крайней мере, так было раньше. Теперь же никто не помнит старых обычаев, и всякое перо, которое находит индеец, он втыкает в шапку.

— Вам нравятся наши головные уборы? — спросил Ян.

— Вы, наверное, никогда не видали настоящих. Впервые, все перья должны быть белыми с черными кончиками, и прикреплять их надо на мягкой кожаной шапке не туго, а свободно. На стержне каждого пера есть кожаная петелька, за которую оно крепится шнурком к шапочке, а посередине продевается тесьма, чтобы перья держались прямо. На каждом пере делаются отметки, как оно было добыто. Если индейцу удавалось увести коня, то на пере рисовалась подковка. Я знал одного индейца, у которого на пере было десять подков: он сумел в одной стычке добыть десять коней из стана врага.

— Как бы я хотел пожить среди индейцев! — вздохнул Ян.

— Ты бы скоро устал, — сказал Кaleb. — Мне довелось жить с ними. Ни минуты покоя, вечные сражения, голод! С меня довольно...

— Скажи, Кaleb, — прервал старика Гай, который никогда не называл его "мистер Кларк", потому что был

с ним в хороших отношениях, — за охоту индейцы получают перья?

— Разве ты не слышал, что я сказал про выстрел Яна?

— Чепуха! Я стреляю лучше Яна. У него это случайно получилось. У индейцев все перья достались бы мне!

— Ну, это еще посмотрим, — прервал его Старший Вождь.

— Давайте играть по-настоящему, — вмешался Ян. — Пусть мистер Кларк покажет нам, какие шапки у индейцев, и мы будем носить столько перьев, сколько совершим подвигов.

— Какие же это подвиги? — спросил Калев.

— Кто быстрее пробежит, или лучше других проплывет, или стрелу пошлет метко — мало ли у нас занятий.

— Ну что ж, хорошо!

Калев стал показывать ребятам, как делать военный головной убор. Вместо кожаной шапочки он взял тулью старой фетровой шляпы, а перья орла заменил белыми гусиными, которые подровнял и покрасил на концах в черный цвет. Но когда стали обсуждать, кого и за какие дела награждать, разгорелся спор.

— Если Ветка принесет из сада вишен и его не схватит Кэп, он получит перо с красным волосяным пучком, — сказал Сэм.

— Какой хитрый! Спорим, что ты не украдешь цыпленка из нашего сарая! — отрезал Ветка.

— Я никогда не ворую цыплят! Несчастный, ты забыл, что перед тобой благородный индеец, Великий Вождь? Вспомни, что твой скальп все еще принадлежит мне и Бобру! — И Сэм, страшно вращая глазами, боком подошел к Гаю.

Ян взглянул на Калеба, который, казалось, ничего не слышал; но Ян заметил в его глазах странный огонек.

— Пойдемте в типи, — предложил Ян, — здесь очень жарко. Зайдите к нам, мистер Кларк.

— Хоть там у вас и тенек, но все равно душно. Поднимите один край покрышки — воздуху будет больше.

— Разве индейцы так делают?

— Конечно. В какую только сторону они не крутят свою типи! Этим-то и хороши их жилища. Сорок градусов мороза или пятьдесят жары, а индейцу в типи все нипочем! Кроме того, они умеют предугадывать погоду. Сколько раз я просыпался ночами и слышал вокруг: хлоп-хлоп-хлоп! Удивительно! Женщины опускали края

типи и поглубже вбивали колышки. А вскоре разражалась гроза. Как они узнавали, что надвигалась непогода, я никак не мог понять! Одна старуха говорила, что ей подсказывал это койот, который всегда начинал выть по-другому; другая женщина говорила, что она видела это по цветам на закате. Может, они и правы. Вот вы тоже смотрите кругом повнимательней.

— И они никогда-никогда не ошибаются? — спросил Маленький Бобр.

— Бывает, но не так часто, как белые.

Калев показал, какую сторону покрывки надо было приподнять. В типи сразу стало прохладней.

— Чтобы знать, откуда ветер, полюбите палец и поднимите его. Сразу с наветренной стороны почувствуете холодок и тогда уж повернете правильно дымовые клапаны.

— Расскажите про военные головные уборы, — попросил Ян. — Что мы можем сделать, чтобы носить перья?

— Бегайте, плавайте, стреляйте из лука. Если ваша стрела пролетит двести ярдов, значит, вы убили бизона. Такой стрелок получает высшую награду.

— Неужели "гран ку"?

— Да. А если стрела пролетит пятьдесят ярдов, значит, убит олень. Этот выстрел мы назовем просто подвигом — "ку". Если вы с пятидесяти шагов поразите чучело прямо в сердце с первого выстрела, это сочтут большим подвигом. Того, кто не промахнется с семидесяти пяти шагов, неважно с какого раза, я назову лучшим стрелком. Если с сорока шагов вы попадете в десятидюймовый глазок два раза из трех, то не опозоритесь перед индейцами, хотя они и не стреляют по мишени, а только по дичи. Я видел, как медно-красные малыши стреляли в бабочек. Потом они устраивают состязания — кто пустит разом больше стрел. Пять стрел в воздухе — хорошо! Значит, человек быстро и далеко стреляет. Только один раз в жизни я видел, как пустили сразу восемь стрел. Тогда это посчитали "большим колдовством". Но пустить семь стрел тоже очень почетно.

— Мистер Кларк, у индейцев есть, наверное, какие-нибудь игры? — спросил Ян.

— Вот как индейцы испытывают свое зрение...

— Тут уж я вам покажу! — поторопился вставить Гай.

— Я же первый увидел тогда оленя...

— Замолчи, Гай! — крикнул Ян.

Зловещий звук "дзи-ит, дзи-ит" заставил Ветку обернуться. Он увидел, как Сэм, обильно смачивая огромный нож, точил его о камень, бросая хищный взгляд на белобрый хохолок Гая.

— Пришла пора, — сказал негромко Сэм, словно ни к кому не обращаясь.

— Вы лучше не трогайте меня! — взвыл Гай.

Но, взглянув на Яна и уловив на его лице улыбку, он почувствовал облегчение, хотя лицо Дятла и не предвещало ничего доброго.

— Почему ты не помогаешь мне? Или ты не хочешь своей доли, Маленький Бобр? — процедил Дятел сквозь зубы.

— Я думаю, сейчас мы оставим его, но если Ветка снова расхвастается, то снимем скальп без всякой жалости, — ответил Ян.

— Вот какую игру я вам объясню, — начал Кaleb. — На земле или на шкурах рисуются два квадрата, расчерченных на двадцать пять маленьких квадратиков. Один игрок берет пять орехов или камешков и кладет их в квадраты. Потом второй смотрит, как разложены эти фишки, пока другие поют коротенькую песенку. Затем квадрат с фишками закрывается, и второй игрок по памяти должен разложить на другом квадрате камешки так, как они легли на первом.

— Ну, это ерунда, я могу... — начал Гай.

Но Сэм тут же дернул его хохолок.

— Смотри, как бы ты не простудился и не умер без скальпа, — сказал Дятел с ледяным спокойствием.

— Есть и другая игра, — невозмутимо продолжал Кaleb. — Индейцы делают два шестидюймовых квадрата из белого дерева и на каждом рисуют по зайцу. Потом на одном квадрате в разных местах прикалывают шесть черных кружочков по полдюйма в поперечнике и относят этот квадрат за сто шагов. Игрок берет пустой квадрат и приближается к первому квадрату до тех пор, пока не сможет на своем приколоть кружочки в тех же местах. Если он увидит их за семьдесят пять шагов, значит, он молодец, если за шестьдесят — похвально, но меньше пятидесяти — уже никуда не годится.

— Вот увидите, я...

Ветка хотел сказать что-то, но тут Сэм так страшно зарычал, что никто не услышал от Гая больше ни звука.

— У индейцев было еще два способа испытывать остроту зрения, — рассказывал Кaleb. — Старый индеец

показывает молодым созвездие, в котором много маленьких звезд (индейцы называют его "Гроздь"), и спрашивает, сколько в нем звезд. Одни находят пять или шесть, а другие и семь. Кто видел семь, у того очень острое зрение. Плеяды высыпают только зимними ночами, а вот Большую Медведицу можно видеть круглый год. Индейцы называют ее "Горбатая Спина". И старики спрашивают у ребят: "Ты видишь Старуху (это вторая звезда до конца) с ребенком на спине"? В молодости мне ничего не стоило разглядеть маленькую звездочку, прижавшуюся к большой.

Калев вышел из типи, и тут же мальчики услышали его голос:

— Эй, Ян, Гай! Идите сюда!

Все подбежали к нему.

— Вот мы только что говорили про хорошее зрение. Ну, а кто скажет, что это вон там? Калев показал на поле клевера.

— Похоже, медвежонок...

— Сурок! Это наш сурок! — крикнул Гай. — Надо его подстрелить! — И он помчался за своим луком.

Индейцы со всех ног бросились к полю. Они старались не шуметь, но все же зверек услышал какие-то звуки и насторожился. Он сел на задние лапы, большой, неуклюжий, издали напоминая медвежонок.

Мальчики стали в ряд, как на старой картинке, изображающей битву при Кресі. Выстрел — и все три стрелы пролетели мимо. Сурок тут же юркнул к себе в нору.

VII

Жизнь в лагере

— Как спал, Сэм?

— Глаз не сомкнул.

— Я тоже. Всю ночь дрожал. Накрылся еще одним одеялом — и все без толку.

— Густой туман, что ли, был?

— А как ты спал, Ветка?

— Хорошо!

— Тумана не чувствовал?

— Ни чуточки.

В следующую ночь было еще хуже. Гай спал, как говорится, без задних ног, а Сэм и Ян снова дрожали до утра. На рассвете Сэм встал.

— Мне это надоело! Шутки шутками, а если придется так трястись каждый раз, я уйду домой, пока еще на ногах держусь.

Ян промолчал. Он был мрачнее тучи.

Солнце развеяло их унылое настроение, но все же мальчики не смогли без ужаса подумать о следующей ночи.

— Что это с нами? — спросил Маленький Бобр. — Бросает то в холод, то в жар. Может, мы пьем слишком много болотной воды? Или Гай нас отравляет своей стряпней?

— Похоже, у нас цинга: очень уж мясом объедаемся... Надо спросить у Калеба.

Не приди к ним Калеб в полдень, они сами побежали бы к старику. Он молча выслушал Яна и спросил:

— Вы сушили одеяла, с тех пор как живете в лесу?

— Нет, а... а разве индейцы...

Калеб вошел в типи, пощупал одеяла и сказал:

— Так и есть. Ночью вы потеете, оттого у вас постели сырые. Каждая индианка хорошенько прожаривает постель часа по три на солнце, а если погода плохая — у огня. Сделайте так — и перестанете дрожать.

Мальчики не замедлили вытащить на воздух одеяла и простыни и в ту ночь спали крепким, безмятежным сном.

Скоро им пришлось узнать еще кое-что о жизни в лесу. Вечерами комары загоняли мальчиков в типи, но скоро индейцы научились выкуривать их: перед сном мальчики кидали в костер много травы, плотно закрывали вход, а сами ужинали снаружи, у костра, на котором готовили еду. Потом они осторожно заглядывали в типи — костер потухал, вверху набиралось много дыму, но зато снизу был чистый, хороший воздух. Мальчики заползали в свое жилище и накрепко привязывали дверь. В типи не оставалось ни одного комара, а дым, стоявший у клапана, не пускал новых. Можно было спокойно спать всю ночь. Так они научились бороться со злейшим врагом — комарами.

Были в лесу еще большие синие мухи, которые не давали днем покоя. Казалось, с каждым часом их становится все больше. Они кружили над столом, попадали в тарелки.

— Сами виноваты, — сказал Калеб, когда индейцы обратились к нему за помощью. — Вон какую вокруг грязь развели!

Он был прав: около типи высилась целая гора картофельной шелухи, костей, рыбьей чешуи и прочёго мусора.

— А что делают индейцы? — спросил Маленький Бобр.

— Иногда они переносят стоянку, — сказал старик, — или просто делают уборку.

Ян первым схватил лопату и стал неподалеку копать яму; к нему присоединились Сэм и Гай. Увидав, что вместе с мусором они бросают в яму кости и куски хлеба, Ян сказал:

— Смотреть не могу, как мы хлеб зарываем! Столько зверюшек были бы рады получить эти крошки.

Тогда Калевб, сидевший на бревне с трубкой в зубах, заметил:

— Если вы хотите быть настоящими индейцами, собирайте всякие остатки пищи и каждый день снесите их на какое-нибудь высокое место. Индейцы выбирают для этого большей частью скалу. Место это считается священным и называется "Вейкан". Тут они оставляют крошки, чтобы умилостивить добрых духов. Конечно, все это попадает птицам и белкам, но индейцы бывают очень довольны, когда на скале ничего не остается. Им все равно, кто поедает — птицы или духи. "Неважно", — говорят они...

Великий совет в полном составе отправился на поиски "священной" скалы. На одной поляне индейцы нашли подходящий холм и с того дня поочередно носили туда свои "жертвы добрым духам". Вскоре они заметили, что птицы охотно поедают все, что находят на этом холме, и даже кто-то из четвероногих проложил тропку от ручья.

Как-то Калевб сказал:

— Вы не должны пить воду из этой речки — в ней слишком много всякой живности.

— А что пить? — спросил Сэм.

— Что ж нам делать, мистер Калевб? — вставил Ян, знавший, что старик не будет разговаривать ни с кем из Рафтенов.

— Выройте колодец!

— Вот еще! Делать нам нечего! — фыркнул Дятел.

— Выройте индейский колодец, — пояснил Калевб, — через полчаса он у вас будет готов. Давайте я покажу.

Он взял лопату и, найдя сухое местечко в двадцати шагах от верхней части запруды, стал копать. Уже на глубине трех футов показалась вода. Когда Калевб дошел до четырех футов, вода стала бить с такой силой, что он

бросил рыть. Калев взял ковш и вычерпал грязную воду, потом, дав яме наполниться, снова всю ее вычерпал. После трех раз в яме появилась прохладная, свежая и прозрачная вода.

— Вот, — сказал Калев, — это вода из вашей запруды, только она прошла через двадцать футов песка и земли, теперь ее можно пить. Это и есть индейский колодец.

VIII

Индийский барабан

— Настоящие индейцы сделали бы себе из этого обрубка барабан, — сказал Калев Яну, когда они увидели сваленную грозой липу с большим дуплом вместо сгнившей сердцевины.

— Да? А как?

— Где-то здесь был топор...

Ян принес топор, и Калев сделал из ствола ровный, без трещин чурбан в два фута длиной. Они отнесли его в лагерь.

— На барабан натягивают кожу.

— А какую?

— Лошадиную, собачью, коровью, телячью — любую, лишь бы покрепче.

— У нас в сарае есть телячья кожа. Правда, ее погрызли крысы, — сказал Гай. — Я знаю, где взять еще одну; это мои кожи. Я сам зарезал телят. Вы бы поглядели, как я ловко это делаю!

Тут Сэм крикнул: "Гоп!" — и дернул его за хохолок.

Третий Вождь отскочил и закончил свою хвастливую речь обычными воплями:

— Отстань!

— Не трогай его, Сэм, — вмешался Маленький Бобр и, обернувшись к Гаю, сказал: — Ничего, Гай, не обижайся. Ты лучше его стреляешь и видишь вдвое дальше.

— Вот он и злится! — обиженно проворчал Ветка.

— А теперь, Гай, сбегай за шкурами, если хочешь, чтобы у нас был барабан и военные танцы.

Гай со всех ног бросился домой.

Тем временем Калев занялся обрубком липы. Он снял кору, счистил ножом все остатки гнилой сердцевины и, поставив остов барабана на землю, развел в нем огонь.

А когда середина выгорела, гладко обстругал чурбан внутри и снаружи.

Калев занимался обрубком около двух часов, а Гая все не было. Он вернулся в лагерь затемно и рассказал, что отец поймал его и заставил полоть грядки. Шкуры, которые принес Гай, были жестки, как кора, и, конечно, покрыты волосом.

— Потребуется два-три дня, чтобы размягчить их, — сказал Калев и опустил шкуры в лужу.

Три дня спустя Калев вытащил их из воды, и вместо жестких желтоватых шкур у него в руках оказались белые и мягкие, как шелк.

Тщательно вымыв их с мылом в теплой воде, Калев тупым ножом выскоблил обе стороны. Большую из шкур Калев обрезал по краю; получился круг дюймов тридцать в поперечнике и вдобавок еще длинный ремень. Этот ремень он катал и растягивал, пока наконец не получился совсем круглый шнур. Из оставшегося куска он вырезал еще два круга тридцати дюймов в поперечнике. Сложив их вместе, Калев ножом проколол ряд дырок на расстоянии дюйма от края. Затем положил один круг на землю, поставил на него остов барабана и, прикрыв его сверху другим, прошнуровал ремнем оба круга. Сначала он шнуровал свободно, не затягивая ремня, а потом крепко стянул его, чтобы кожа на обеих сторонах барабана натянулась. Ко всеобщему удивлению, Гай тут же завладел готовым барабаном.

— Это моя кожа, — сказал он.

Возражать было нечего, но Калев, подмигнув, сказал:

— Похоже, дерево он ни во что не ставит.

Потом Калев обмотал палочку тряпкой, и Гай стукнул в барабан. Звук получился совсем глухой.

— Повесьте барабан в тень, — сказал Калев, — он высохнет и зазвучит совсем по-другому.

Было очень интересно наблюдать, как барабан просыхал. Временами он издавал тихие звуки, и тогда казалось, что он напрягает все усилия, чтобы вырваться из связавших его пут. Когда кожа высохла и стала вновь тонкой и полупрозрачной, барабан зазвучал так, что, услышав его, затрепетало бы сердце любого индейца.

Калев выучил мальчиков петь боевую песню индейцев, и они танцевали под звуки барабана, на котором играл сам Калев.

Кошка и куница

Сэм снова предпринял вылазку в стан бледнолицых, чтобы пополнить запасы хлеба; Гая схватил старый Бернс и заставил работать в огороде. Ян остался в лагере один.

Он бродил со своей тетрадкой и рассматривал глиняные "книги посетителей". Кроме следов норки и хорька, мальчик обнаружил неизвестные ему отпечатки лап какого-то более крупного зверя. Ян вышел на берег и лег в густую траву. Прыгали кузнечики, трещали сверчки.

Неожиданно у реки, где лежала огромная липа, поваленная грозой, Ян заметил легкое движение. Ствол липы, сгнившей изнутри, скрывался в густой траве, и в том месте, где одна ветвь была обломана, в дереве зияло темное дупло. Вдруг оттуда выглянула голова с блестящими зелеными глазами, а затем на ствол выпрыгнула серая кошка. Она уселась на солнце, умылась лапкой, потянулась и спустилась по откосу к воде. Тут она напилась, стряхнула капли с лап и, к удивлению Яна, стала, как и он, обследовать следы.

Кошка пошла вдоль ручья, оставляя следы (их Ян решил срисовать после). Неожиданно она замерла на месте, подняв голову, прислушалась и, прыгнув в заросли, исчезла.

Ян стал ждать, не появится ли она снова. Где-то выше по ручью захрустела галька. Ян обернулся и увидел нового зверя, чуть побольше кошки. Ян никогда прежде не видел куницу при дневном свете, но теперь сразу узнал ее — приземистую, густо-темного цвета, с белыми метинками и очень пушистым хвостом.

Куница шла не спеша, переваливаясь на ходу. Вслед за ней показались три маленьких детеныша. Видно, это была мать со своим семейством. Она обнюхала следы точно так же, как до нее сделала кошка, и Ян обнаружил необычайное сходство между этими двумя животными.

Когда старая куница наткнулась на кошачий след, она так долго обнюхивала его, что детеныши догнали ее. Один из них, учуяв свежий запах, пошел по следам кошки к ручью.

Куница, добравшись до поваленной липы, безошибочно направилась к дуплу. Она заглянула в него, затем юркнула внутрь, оставив снаружи только хвост. И вдруг

Ян услышал из ствола громкое, пронзительное мяуканье. И тут же куница вылезла, держа в зубах маленького серого котенка. Он мяукал и отчаянно вертелся, пытаясь вырваться.

Сердце Яна дрогнуло. Он уже хотел броситься на защиту, как вдруг что-то серое метнулось к стволу, и он увидел кошку. Глаза ее горели, шерсть стояла дыбом, уши были прижаты к спине. С яростью она прыгнула на хищника. Шерсть куницы полетела во все стороны, и она в отчаянии бросилась в воду. Кошка, полузадушенная, истекающая кровью, хотела кинуться вслед, но котенок, забившийся под ствол липы, так жалобно мяукал, что гнев матери иссяк. Она схватила его, забрызганного вонючей жидкостью, отнесла обратно в свое логово и тут же вновь показалась на бревне. Она стояла, настороженно вслушиваясь, моргая блестящими глазами, поводя хвостом, словно тигрица, готовая драться с целым светом, защищая своих малышей.

Ян был восхищен героизмом кошки и с того дня стал с уважением относиться ко всему кошачьему роду.

Х

Семейство белок

— Хотите, я сейчас выгоню дятла вон оттуда? — сказал однажды Ветка, когда три индейца обходили дальние уголки леса.

Он показал на дупло в полусгнившем дереве и, подойдя, несколько раз сильно ударил по стволу палкой. К удивлению ребят, из дупла вылетел не дятел, а белка-летяга. Она вскарабкалась на верхушку, огляделась и, раскинув лапы и распушив хвост, перелетела на другое дерево, в двадцати футах от первого. Ян бросился ловить ее. Он уж было схватил ее, но белка так царапнула его острыми зубками, что Ян тут же отдернул руку. Белка исчезла в ветвях.

Гай был очень горд.

— Летяга или дятел — это, в конце концов, все равно, — самодовольно заявил он.

Целый день после этого он задирает нос, стучал по каждому дереву, где только было хоть маленькое отверстие, думая снова выгнать кого-нибудь, и наконец после нескольких неудач спугнул с гнезда запоздалого дятла.

Ян тоже поднял увесистую палку и стукнул по другому стволу, в котором были отверстия. Из нижнего дупла выскочила рыжая белка и тут же юркнула в верхнее. Следующий сильный удар заставил ее покинуть это убежище и прыгнуть на верхушку, откуда она мигом нырнула вновь в нижнее дупло.

Мальчики заволновались. Они принялись колотить по стволу, но белка больше не показывалась.

— Давайте срубим его, — предложил Маленький Бобр.

— Вот что надо делать, — поучительно сказал Дятел и, найдя очень длинную палку, ударил ею по сгнившей верхушке.

Та слегка покачнулась. Сэм повторил удар. Вскоре ствол рухнул. Его пустая верхушка ударилась о поваленное дерево и превратилась в кучу трухи. Мальчики кинулись искать белку. Они разворошили все и, найдя скорлупу кедровых орехов, решили, что тут, верно, было гнездо. И вдруг они увидели рыжую белку. Она лежала тихо и, казалось, была невредимой, но на конце ее носика выступила капелька крови. Рядом лежали пять маленьких бельчат, совсем недавно появившихся на свет; они были слепые, голенькие и совсем беспомощные. У одного на носу тоже краснела капелька крови.

Сначала индейцы думали, что белка притаилась, но оказалось, что она мертва.

Мальчики чувствовали себя страшно виноватыми. Во время охоты им и в голову не приходило, что они могут оставить маленьких, беспомощных зверушек без матери. Бельчатам грозила голодная смерть.

Особенно переживал это Ян, который считал себя главным виновником несчастья.

— Что с ними делать? — спросил Дятел. — Они слишком малы, нам их не выкормить.

— Лучше утопить, и все, — сказал Ветка, вспомнив, как поступали у него дома с многочисленными котятами.

— Эх, подложить бы их в беличье гнездо!.. — сказал Ян. Помолчав немного, он добавил: — Я знаю, кто их может спасти. Серая кошка! Давайте отнесем к ней бельчат, пока ее нет в дупле!

Все направились к ручью.

Солнце сияло так, что можно было разглядеть, как копошились в дупле котята. Кошки не было с ними. Ян осторожно подложил туда бельчат и вернулся к товарищам.

Они ждали кошку целый час. Мальчики сидели очень тихо, и им удалось увидеть много интересного.

Из травы высунулась мордочка полевой мыши, потом крот вылез из норы. Немного погодя прошуршал по высохшему руслу ручья четвероногий зверек величиной с кролика. Ян узнал ондатру; она, видно, искала воду. Только в запруде оставалась еще вода, и мальчики догадались, что это место стало теперь единственным водоемом для многих зверушек.

Не успела ондатра отойти на несколько шагов, как показался другой темно-коричневый зверек.

— Еще одна! — прошептал Сэм. — У них, неверное, свидание.

Зверек подошел поближе, и ребята увидали, что это была норка. Длинная, как кошка, и приземистая, с широкой приплюснутой головой и белым пятном на горле, она была смертельным врагом ондатры и теперь шла по ее следу. Ондатра могла спастись только в воде. Но, видно, с тех пор как запруда стала привычным местом для ондатры, туда зачастили и норки.

Через несколько минут ребята увидали, как что-то серое вспрыгнуло не бревно. Это была кошка. Она опасно оглянулась. Мальчики с напряженным вниманием следили за ней. Кошка, скользя по бревну, юркнула к котяткам, с мурлыканьем стала ласкать их и тут обнаружилась среди своих детенышей маленьких красноватых бельчат.

Кошка обнюхала их и, облизав, собрала всех малышей около себя. Гай тут же радостно сообщил, что "маленькие бельчата кормятся вместе с котятками".

Убедившись, что кошка ласково встретила бельчат, мальчики вернулись обратно в лагерь. И потом не проходило дня, чтобы они их не навещали.

XI

Как наблюдать обитателей леса

Дни проходили весело. Каждое утро начиналось с охоты на сурка. Мальчики хорошо узнали лес и уже не боялись его, как в первую ночь.

— Помнишь, Ян, как мы спали тогда: я с топором под боком, а ты с ножом? — смеялся Сэм.

Индейцев теперь не пугали неудобства лесной жизни, они чувствовали себя в лесу, как дома.

Каждый день приносил с собой много интересного. А в лунные вечера мальчики видели кроликов, которые прибегали к их лагерю. Однажды мальчики услышали короткий хриплый лай, и Кaleb сказал им, что это, наверное, была лиса.

Но самое главное, что понял Ян, живя в лагере, заключалось в следующем: в лесу больше видел молчаливый наблюдатель. Но было очень трудно сидеть молча, без дела, поэтому он обычно начинал рисовать.

Как-то раз, сидя в тишине у пруда, Ян видел, как из воды выскочила уклея и схватила муху. Тут же зимородок, царивший над водой, камнем упал вниз и поднялся с уклеякой в клюве. Он присел на ветку, но вдруг из чащи вылетел ястреб и кинулся на птицу. Тут бы и конец пришел зимородку, но какое-то длинное существо, выскользнув из травы, бросилось на них. Ястреб взлетел налево, зимородок — направо, а норка осталась с полной пастью перьев.

Через несколько дней Ян с Сэмом осматривали следы, оставленные ночью в "книге посетителей", и вдруг по высохшему ручью хлынул поток воды.

— Это еще откуда? — удивился Дятел.

— Прорыв в плотине, наверное, — заторопился Маленький Бобр.

Мальчики побежали к запруде. Ян оказался прав: вода била из отверстия в углу плотины. Внимательно осмотрев течь, мальчики поняли, что ее сделали водяные крысы.

Починить плотину оказалось нелегко. Снова набили частые колья, замазали их глиной, но зато теперь крысам пришлось бы основательно потрудиться, если бы они захотели вновь проделать себе ход.

Кaleb, узнав о происшествии на запруде, сказал:

— Теперь вы, конечно, понимаете, почему бобры ненавидят водяных крыс?

Ян заметил несколько укромных местечек в лесу, откуда было удобнее всего наблюдать за жизнью лесных обитателей. В небольшой луже возле запруды водились раки и угри, за которыми непрестанно охотились птицы. В стороне резвились кулики, к вечеру на плоский камень вылезала водяная крыса и сидела там, высматривая добычу. А в лесной чаще можно было видеть куропаток и черных белок.

Однажды Ян рисовал ствол старого дерева, который ему очень нравился. Неожиданно из зеленых зарослей

у пруда бесшумно выскочил коричневый пушистый зверек, не замочив лапок, перепрыгнул узенький заливчик, раз или два настороженно замер и наконец уселся на виду. Это был кролик. Он так долго сидел не шелохнувшись, что Ян успел нарисовать его. Прошло еще минутки три — Ян сверил по часам, — пока кролик принялся щипать траву.

Шумливый дятел уселся на сухой ветке неподалеку от кролика, и тот застыл на мгновение, но, разглядев, что это всего-навсего безобидная птица, продолжал мирно пастись. Потом, прижав уши к спине, он прилег в густом клевере отдохнуть. Казалось, он заснул под теплыми лучами солнца. Яну очень хотелось увидеть, закрыл ли кролик глаза, но мальчик был слишком далеко и поэтому ничего не разобрал.

Последние солнечные блики исчезли, и пруд погрузился в тень. Вдруг Ян заметил, что к нему приближается какой-то зверек. Он держал голову у самой земли, и Ян никак не мог понять, кто это. Мальчик послышал палец и понял, что ветер не выдаст его присутствия. Зверек приблизился, и тут по острой мордочке, ушам и пушистому хвосту Ян угадал в нем лису. Может, это была та самая, что часто лаяла по ночам около лагеря.

Лиса свернула в сторону, не подозревая, что за ней наблюдают. Ян хотел получше разглядеть хитрого зверя и, приложив ладонь тыльной стороной к губам, пискнул по-мышинному. Голодная лиса встрепенулась. Она застыла на месте, вытянув вперед голову. Ян пискнул снова. Лиса повернулась и прошла между Яном и кроликом. Она пересекла старый кроличий след, не обратив на него никакого внимания, но вдруг ветер донес до нее манящий запах. В ту же минуту лиса позабыла про мышей и, крадучись, пошла к кролику, которого еще не видела. Чутье вело лису безошибочно, и скоро, держа нос по ветру, как настоящая охотничья собака, она уловила запах самого кролика.

С каждым шагом лиса приближалась к кролику, который спал, лежа в высокой траве. Ян раздумывал, стоит ли ему поднять кролика, чтобы рыжий разбойник не успел его схватить, но ему не терпелось вместе с тем посмотреть на охотящуюся лису. Оставалось шагов восемь — теперь уже лиса видела свою жертву. Ян с трудом удержался, чтоб не крикнуть. Шесть шагов — лиса уже готовилась к прыжку.

”Неужели схватит его?” — подумал Ян, и сердце его часто забилось.

Лиса подобралась еще ближе и бесшумно прыгнула на спящего. Спящего? О нет, кролик хорошо знал свою роль! В ту минуту, когда лиса сделала прыжок, кролик прыгнул ей навстречу и пролетел под самым носом у своего врага. Лисица повторила скачок, но кролик, словно мяч, понесся огромными прыжками и скрылся в чаще.

Если бы кролик поднялся в тот миг, когда заметил лису, рыжий зверь успел бы нагнать его в три-четыре прыжка. А так лисе пришлось искать себе ужин в другом месте.

Ян счастливый вернулся в лагерь: ведь он разгадал еще одну лесную тайну.

ХИ

Условные знаки индейцев

— Какие условные знаки бывают у индейцев, мистер Кларк? — спросил как-то Ян старика.

— След мокапина, дым, сломанная ветка, камень на камне — все это индейские знаки. Каждый из них что-нибудь означает, и индейцы читают их, как вы книжку.

— Вы говорили нам, что три дымка означают ”возвращаюсь с победой”.

— Нет, совсем не так. Это означает ”хорошие вести”.

— Что значит один дым?

— Как правило, просто: ”здесь привал”.

— А два?

— Может означать ”тревога” или ”я заблудился”.

— Это я запомню: два — ”беда”.

— Три — хорошие вести. Нечетные числа — счастливые.

— А четыре дыма?

— Редко очень употребляют. Если бы я увидел четыре дыма, я бы подумал, что происходит что-то очень важное, например собрался Великий совет.

— Что бы вы подумали, увидав пять дымов? — спросил Ветка.

— Я бы решил, что какой-то глупец хочет сжечь весь лес.

— А для чего индейцы ставят один камень на другой?

— Я, конечно, не поручусь за всех индейцев, но на западе это значит ”вот дорога”. Маленький камень слева

от двух означает "мы повернули налево", с правой стороны — "повернули направо". Если три камня один на другом, читай: "это верная тропа" или "осторожно"... Куча камней, брошенных в беспорядке, значит: "здесь был привал, потому что один заболел".

— А что бы они сделали, если бы не нашли камней?

— В лесу?

— Да. Или в прериях.

— Я многое уже позабыл, — сказал Калев.

Но все же скоро у мальчиков был целый свод условных знаков, какими пользовались индейцы, хотя при этом Калев не уставал твердить, что "не все индейцы делают одинаково".

Ян тут же решил зажечь сигнальный костер, но, к его разочарованию, оказалось, что дым не поднимается даже над верхушками деревьев.

— Сперва дай костру разгореться как следует, — пояснил Калев, — а потом подбрасывай траву и всякие гнилушки. Вот тогда увидишь разницу.

Когда мальчики бросили в огонь траву, к небу поднялся густой, извилистый столб дыма.

— Я уверен, что этот дым увидишь миль за десять отсюда, особенно если стоять на высоком месте.

— Ну, я разгляжу и за двадцать, — сказал Гай.

— Мистер Кларк, а вы когда-нибудь теряли дорогу? — без усталости спрашивал Ян.

— Конечно, и не раз. Каждому, кто ходит по лесу, приходилось хоть однажды плутать без дороги.

— Как, неужели и индейцам?

— Конечно. А почему бы и нет? Они такие же люди, как мы. И не верьте хвастуну, что он никогда не блуждал по лесу. Он, верно, ни разу не отходил от маминого передника. Каждый может заблудиться, но человек бывалый всегда находит дорогу, а новичок может и погибнуть. В этом вся разница.

— Что же вы делали?

— Зависит от того, где я находился. Если попадал в незнакомый лес, а в лагере у меня оставались друзья, я раскладывал два дымовых костра. Если я был один, то старался провести линию по звездам и солнцу; но в пасмурную погоду сделать это невозможно. А если вы совсем не знаете местности, то надо идти по течению какого-нибудь ручья или реки. Но это самый плохой способ. Он, конечно, выведет вас куда-нибудь, но так вы пройдете за день четыре или пять миль.

— Правда ли, что можно определить направление по мху на стволах деревьев?

— Да. Вот поглядите: вы всегда найдете мох на северной стороне ствола или скалы; самые большие ветки растут у деревьев с южной стороны, верхушка тсуги склоняется к востоку. На пне годовичные кольца толще всего с юга. Правда, это относится к дереву, которое растет на открытом месте. Я видел одно растение, которое может служить вместо компаса, — это степной золотарник. На открытом месте он поворачивает свои головки к северу. Но в густой тени они откидываются куда попало. Протоптанная зверем тропа выведет вас к воде. Если тропка становится все тоньше — значит, идете неверным путем. Если над вами пролетят утки или чомга, знайте — вода близко. Собака и лошадь всегда выведут вас к жилью. Никогда не слышал, чтобы они ошибались. Однажды был такой случай, да лошадь оказалась дурная. Но компас все-таки самая надежная вещь. За ним идут солнце и звезды. А лучше всего, когда друзья где-то поблизости; тогда разожгите два дымовых костра и спокойно ждите.

ХIII

Как дубить кожи и шить мокасины

Сэм нашел в сарае шкуру недавно зарезанного теленка. Отец позволил взять ее, и Сэм явился в лагерь со "свежей шкурой бизона для одеяния".

— Я не знаю, как индейцы шьют себе одежду, — сказал отец, — но уж Калев-то знает. Вам он скажет.

С тех пор как старый охотник остался без собственного дома, он часто навевывался в лагерь. Так случилось и на этот раз — вскоре после прихода Сэма появился и Калев.

— Как индейцы дубят кожу, чтобы сшить одежду? — сразу же спросил его Ян.

— По-разному.

Но не успел он начать, как с криком прибежал Гай:

— Ребята! Старая лошадь отца околела! — И он радостно засмеялся, потому что первым принес эту новость.

— Послушай, Ветка, ты слишком часто смеешься — смотри не сожги себе зубы на солнце. — И Старший Вождь оглядел его с притворной грустью.

— Нет, вправду сдохла! И я себе возьму ее хвост на скальп. Вот увидите, я буду самым настоящим индейцем!

— Почему тебе не содрать всю шкуру? Я научу тебя делать из нее много всяких вещей, — сказал Калевб, раскуривая свою трубку.

— А ты можешь?

— Ее сдирают так же, как с теленка. Вот снимем шкуру, я вам покажу, какие жилы взять для шитья.

Всей гурьбой они пошли на поле Бернса. Гай отскочил и спрятался за спины товарищей, когда вдали показался сам Бернс, который тащил упряжкой дохлую лошадь.

— Здравствуй, Джим! — окликнул его Калевб, с которым они были добрыми приятелями. — Не повезло тебе с лошадью, а?

— Да нет, не очень. Она мне даром досталась. Рад, что сдохла, — хромала давно.

— Отдай нам ее шкуру, если тебе не нужно.

— Да хоть всю бери.

— Ты только перетащи ее через межу, а мы остатки зароем.

— Хорошо. Вы не встречали моего шалопаю?

— Да, видели, — отозвался Сэм. — Совсем недавно, и он как раз шел к дому.

— Ух, если я его не найду там! — свирепо сказал Бернс.

— Только вряд ли найдете, — буркнул себе под нос Сэм.

Бернс ушел, а через несколько минут из кустов выскочил Гай и присоединился к своим товарищам.

Калевб делал основную работу. Сэм и Ян помогали ему, а Гай занимался тем, что вспоминал, как снимал шкуру с теленка, и давал советы, черпая их из своего богатого опыта.

Когда сняли шкуру, Калевб топором вырубил печень и мозги.

— Это нужно для дубления кожи, — сказал он. — Смотрите, вот отсюда индианки берут жилы для шитья.

Калевб сделал глубокий надрез вдоль позвоночника от середины спины до крупа и, засунув руку, вытащил оттуда большой жгут беловатых волокон.

— Вот вам целый клубок ниток, — сказал Калевб. — Возьмите и высушите их сперва. А чтобы они не ломались, окуните в теплую воду минут на двадцать. Нитки отмякнут и будут вполне пригодны для шитья.

Теперь у нас есть шкуры лошади и теленка. Надо их лучше использовать.

— А как дубят шкуры?

— Разными способами. Иногда я хорошенько чищу их, пока не соскребу весь жир и мясо. Потом покрываю всю шкуру квасцами и солью и оставляю завернутой на несколько дней, а когда квасцы пропитают ее как следует, разминаю. Но у индейцев нет квасцов и соли, они смазывают шкуры смесью из печени и мозгов. Сейчас все покажу.

— Давайте сделаем, как настоящие индейцы, — сказал Ян.

— Ладно. Тогда достаньте печень и мозги теленка.

— А почему не от лошади?

— Сам не знаю. Я никогда не видел, чтобы они смазывали телячью шкуру лошадиной смесью. Наверное, так лучше.

Сэм отправился домой раздобывать телячьи мозги и печень, а вернувшись, стал вместе с Яном очищать шкуру от мяса и жира, пока она не сделалась голубовато-белой и не сальной на ощупь. Телячью печень варили целый час, потом растерли с сырыми мозгами и, смазав смесью внутреннюю сторону шкуры, сложили ее вдвое, закатали и отнесли в прохладное место. Спустя два дня шкуру чисто отмыли в ручье и повесили сушить. Когда она хорошенько просохла, Калев вырезал из крепкого дерева кол и показал Яну, как растянутую кожу разминать острием кола, пока она не станет совсем мягкой.

С лошадиной шкурой поступили так же, только ее вымачивали дольше. Через несколько дней Калев выскоблил ее и обработал.

— Вот так индейцы выделывают кожу, — сказал Калев. — Я видел, что шкуры вымачивали в настое пихтовой коры и тсуги. Но получается не лучше, чем у нас. Осталось прокоптить ее, чтобы она не затвердела.

Калев развел огонь, набросал туда гнилушек и оставил шкуру висеть над густым дымом. Через несколько часов она потемнела и стала издавать особый запах, который знаком всем, кто брал когда-нибудь в руки индейские изделия из кожи.

— Мистер Кларк, покажите нам, как индейцы шьют мокасины и военные куртки, — снова попросил Ян.

— Мокасины сделать просто, а вот военные куртки — не обещаю. Каждое племя шьет мокасины по-своему

и стоит индейцу взглянуть на обувь, он сразу определит, из какого племени незнакомец. Чаще всего делают мокасины типа "оджибва", что значит "сборчатые". Они выкраиваются из одного куска кожи, в подъеме делаются сборки, и подошва у них мягкая. Другой вид мокасин распространен среди индейцев, живущих на равнине. Они делаются с твердыми подошвами, чтобы колючки кактусов, шипы и камни не кололи ногу.

— Я хочу твердые подошвы! — сказал Ян.

— Сейчас попробуем, — сказал Калев.

— И мне тоже! — крикнул Гай. — Это ведь моя лошадь.

— Нет, неправда, — спокойно сказал Калев, — эту шкуру твой отец отдал мне.

Спорить было нечего, поэтому Гай отошел в сторону, а Калев стал обмерять ногу Яна.

Старик взял кусок недубленной кожи, размягчил ее в воде и обрисовал на ней босую ступню Яна. Вырезав по этой линии подошву для одного мокалина, Калев вторую подошву выкроил по первой. Потом он смерил длину ноги и ширину ее в подъеме, прибавил по дюйму на шов и выкроил два передка из мягкой кожи. Из другого куска он вырезал язычки мокалин и пришил их к передкам.

— Вот и готовы передки, — сказал Калев. — Теперь, если хочешь, расшей их бусинками.

— А как?

— Этому я тебя не смогу выучить. Вот как раскрасить мокасины, расскажу. Тут по краю должны быть красные и белые треугольники — они означают холмы, по которым охотник спокойно прошел путь. Маленькая синяя дорожка на пятке — это прошлое. На подъеме три дорожки: красная, белая и голубая. Они направлены вперед — значит, это будущее. Все три дорожки кончаются орлиным перышком. Когда сошьешь мокасины, разрисуй их. Теперь толстой, крепкой жилой пришьешь подошвы к верхам. Если у тебя есть шило, обойдемся и без иглы. Только смотри шей через край, а не насквозь — так жилы не будут стираться при ходьбе. Вот смотри.

Подошвы были мягкие, и мокасины можно было выворачивать на любую сторону. Наконец подошву прикрепили и, проколов четыре отверстия, пропустили в них мягкий кожаный шнурок.

После этого Ян разрисовал мокасины по индейскому обычаю, как ему показал Калев.

За это время, пока Калев и Ян трудились над одной парой мокасин, индианка наверняка бы сшила добрых полдюжины, но едва ли она испытала бы такую радость, как они.

XIV

Размышления Калеба

Время от времени в "книге посетителей" у реки Ян находил следы норки.

Судя по следам, туда повадилась крупная норка, и ребята попросили Калеба помочь ее поймать.

— В это время их еще не ловят. Ждут до октября, — ответил старик.

— А как вы их ловите, когда приходит пора?

— По-разному.

Нелегко было разговорить старика, но мало-помалу Ян сумел это сделать.

— Прежде мы ставили на норку капканы с маленькой птичкой или головой куропатки для приманки. Западня убивает сразу и наверняка. В холодную погоду тушка замерзает и сохраняется. Но в теплое время многие шкурки гибнут, если их не сразу вынуть; приходится часто проверять западни. Потом кто-то придумал стальные капканы, которые ловят норку за ногу и держат день за днем, пока она не умрет с голоду или, чтобы спастись, не отгрызет себе захваченную лапу. Я поймал как-то норку, у которой осталось всего две ноги. Капканы можно проверять реже, но, по-моему, надо вместо сердца иметь камень, чтобы расставлять их. Когда я подумал, сколько пришлось вынести этой норке с двумя ногами, я отказался от капканов. "Хочешь ловить зверя, — сказал я себе, — ставь западню или лови живьем, но не калечь и не терзай его". Капканы со стальными когтями следует запретить законом. Это жестоко. А вот насчет охоты я вам скажу — это хорошее занятие, и за всю свою жизнь я не видел, чтобы охота испортила человека. Мне кажется, охотник добрее других. Ну, а то, что им приходится убивать, так ведь дикие звери не гибнут сами по себе: все они рано или поздно попадают в зубы к другим зверям. Уж лучше погибнуть от пули, чем от когтей волка или рыси. Только не будьте жадны — никогда не истребляйте весь род. Если охотиться с головой, будет много о чем вспомнить потом. И зла никому не причиняйте. Помню,

как-то сопровождал я на охоте одного европейца. Он искалечил оленя так, что тот и шелохнуться не мог. Уселся этот горе-охотник около оленя завтракать и время от времени стрелял в зверя просто так, а ведь зверь-то все еще живой был. Когда я увидел, чем он занимается, у меня прямо кровь закипела от гнева. Отругал его последними словами и скорее прикончил оленя. После этого я смотреть не мог на того человека. Если бы пристрелили оленя на бегу, тот бы не мучился. Ведь рана от верной пули немеет. Многие многоствольные ружья — тоже варварское изобретение. Охотник знает, что у него в запасе много выстрелов, вот и палит по всему стаду. Олени уходят раненые и гибнут в муках. А если у охотника один заряд, то он метит очень осторожно. Для охоты надо брать одностволку. Охота — занятие хорошее, только я против повальных убийств и жестокостей. Стальные капканы, легкие пули, которые ранят, а не убивают, многоствольные ружья — все это жестоко.

Калев говорил долго, то и дело умолкая, и тогда Ян снова задавал вопросы, чтобы старик продолжал свой рассказ.

— Как вы относитесь к охоте с луком, мистер Кларк? — спросил Ян.

— С луком и стрелами на медведя не пойдешь, но я был бы очень рад, если бы птиц запретили стрелять из ружей. На них охотиться с луком хорошо. Стрела — это верная смерть или верный промах, покалечить она не может. Одной стрелой не поранишь в стае много птиц, как это случается при ружейных выстрелах. Вот так люди истребляют мелкую дичь. Придет день, и люди обретут еще более сильное оружие, которым обзаведутся всякие глупцы, и тогда будут удивляться, отчего пропала вся дичь. Я против этого. Лук и стрелы приносят меньше беды, они требуют хорошего знания леса и доставляют много удовольствия. Они не трещат на весь лес, и всегда известно, кто стрелял, потому что все стрелы меченые.

Ян жалел, что Калев не одобрил охоту с луком на крупную дичь.

Охотник разговорился сегодня и легко отвечал на вопросы.

— А как вы ловили зверей живьем?

— Смотря какого зверя.

— Норку, например.

— Сейчас их нельзя ловить — детеныши погибли без матери.

— Я выпустил бы ее сразу. Просто хотел нарисовать, — поспешно сказал Ян.

— Так вреда ей, пожалуй, не будет. Найдутся у вас доски? Мы, бывало, долбили западню из целого куска пихты или серебристой сосны. Я покажу вам, как делать западню, если вы обещаете мне проверять ее каждый день.

Мальчики даже понять не могли, как можно было бы не ходить к западне ежедневно, и с готовностью пообещали это Калебу.

Они сделали западню в виде ящика в два фута длиной, в котором одну стенку заменили сеткой из крепкой проволоки.

— Вот такой западней ловят норку, хорька, кролика, крыс и многих других зверьков; это зависит от того, где вы ее поставите и какую приманку положите.

— По-моему, скала Вэйкан будет самым подходящим местом, — сказал Ян.

На железный крючок в западне насадили рыбу голову. На другое утро, когда Ян пошел проверить западню, он увидел, что дверца захлопнулась. Из ящика неслись шипение и вой, кто-то отчаянно царапал стенки.

— Ребята! — крикнул Ян. — Норка поймалась!

Мальчики вынесли западню на солнечное место, и тут они увидели, что к ним попалась всего-навсего серая кошка. Как только они подняли крышку, она выпрыгнула оттуда и скрылась из виду.

Наверное, она спешила к своим котяткам, которые так долго томилась в одиночестве.

XV

Гость

— Сэм, у меня кончилась записная книжка. Набег на бледнолицых ничего не даст. Придется идти на мирные переговоры с твоим отцом. Может, он купит мне, когда поедет в город.

Сэм ничего не ответил. Он обернулся в сторону тропки, прислушался и сказал:

— Вот он, легок на помине.

Когда из-за кустов показалась высокая фигура Рафтена, Ян и Гай смущенно притихли. А Сэм, покрытый военной раскраской, начал болтать как ни в чем не бывало.

— Здравствуй, отец. Узнаешь меня? Никак, у тебя приключилась беда и ты пришел к нам за советом?

Рафтен широко улыбнулся, обнажив в улыбке белые зубы, и мальчики сразу вздохнули с облегчением.

— Пришел проведать, не больны ли вы, — ответил он.

— Ты позволишь пожить нам еще здесь, отец? — спросил Сэм и, боясь услышать не то, что ему хотелось, поспешил задать другой вопрос: — Скажи, отец, давно здесь не видно оленей?

— Да уж лет двадцать.

— А ты обернись, — вдруг шепнул Дятел.

Рафтен оглянулся и невольно вздрогнул: из кустов, слегка скрытое листьями, выглядывало чучело, очень похожее на живого оленя.

— Попробуйте выстрелить, — предложил Ян.

Рафтен выстрелил из лука и промахнулся.

— Эта штука не для меня. Я предпочитаю ружье. — И потом вдруг спросил: — Старый Калеп приходит иногда к вам?

— Калеп? Он у нас часто бывает.

— Смотрю, он к вам лучше относится, чем ко мне.

— Послушай, отец, почему ты думаешь, что это Калеп стрелял в тебя?

— Может, на суде я и не смог бы доказать, но в тот день, когда мы с ним обменялись лошадьми, между нами произошла ссора. Он поклялся убить меня и скрылся из города. Его пасынок Дик Пог стоял рядом и все слышал. Ночью, когда я возвращался домой, кто-то стрелял в меня из кустов. Наутро неподалеку от того места нашли кiset Калеба и несколько его писем. Вот все, что я знаю, и этого вполне достаточно. Пог сыграл с ним скверную шутку, отняв у него ферму, но это уже не мое дело. Я думаю, старику скоро придется убираться оттуда.

— Похоже, Калеп хороший человек, — сказал Ян.

— Он страшно вспыльчив и, когда напьется, способен на все. А так он очень спокоен.

— Что же у него произошло с фермой? — спросил Сэм. — Разве он там не хозяин?

— Нет, теперь ферма не его. Но точно не скажу. Слышал, что говорили. Конечно, Сарианна не родная ему дочь. Она даже не его родственница. У него больше никого нет. Дик женился на Сарианне и уговорил старика написать им дарственную на ферму. Дик обещал, что Калеп будет жить с ними до конца своих дней. Но, завладев фермой, он захотел избавиться от старика.

Первая ссора вспыхнула из-за Турка. Дик не разрешил ему жить на ферме, потому что пес гонял кур и душил овец. Мою овечку, верно, он загрыз. Если б я был твердо уверен в этом, сам не пожалел десяти долларов тому, кто пристрелил бы этого пса. Калев не захотел расстаться с собакой и переехал жить в хижину на другом конце фермы. Дела пошли лучше, и Дик с Саринной посылали старику муку и другую провизию. Но люди говорят, что они хотят совсем выжить старика. Я-то ничего не знаю, это не мое дело, хоть Калев и думает, что я восстанавливаю Дика против него... Ну, как твоя записная книжка? — спросил Рафтен, заметив в руках Яна тетрадку.

— Вот хорошо, вы напомнили! Я хотел спросить, что это такое. — И Ян показал след копыта, который он нарисовал в своей тетрадке.

Рафтен прищурился.

— Не знаю. Напоминает след большого оленя. Но едва ли это так. Олени здесь уже перевелись.

— Послушай, отец, — не успокаивался Сэм, — ты бы тоже огорчился, если б тебя обобрали и выгнали из дому. Разве не так?

— Конечно. Но, неудачно выменяв лошадь, я не стал бы стрелять в человека. Если сердиться на кого, побей его или сам получи сдачи... Ну ладно, хватит. Поговорим о другом.

— Мистер Рафтен, купите, пожалуйста, мне записную книжку, когда снова поедете в город. Я не знаю, сколько она стоит, я бы сразу дал денег, — сказал Ян, беспокоясь в душе, что она стоит дороже пяти или десяти центов, которые он успел накопить.

— Обязательно. Но тебе не нужно ждать. В поселении у белых есть одна записная книжка, и ты получишь ее даром.

— Знаете, мистер Рафтен, — вдруг заговорил Гай, — я лучше их всех стреляю в оленя.

Сэм и Ян переглянулись и, ухватившись за свои длинные ножи, в один прыжок очутились около Третьего Вождя.

Тот спрятался за спину Рафтена и, как всегда, кричал:

— Не трогайте меня... Отстаньте!

Рафтен подмигнул:

— Я-то думал, у вас мирное племя.

— Скажите им, чтоб они меня не трогали! — прохныкал Ветка.

— Мы тебя отпустим, если ты разыщешь того сурка. Уже два дня у нас не было сражений.

— Ладно, — ответил Гай и немедленно пошел на поиски.

Он скоро вернулся, делая таинственные знаки. Мальчики схватили луки и стрелы, но, опасаясь обмана, выжидали. Гай бросился к своему оружию. Тогда все направились к полю. Рафтен, спросив, не помешает ли он охоте, пошел за ними вслед.

Старый седой сурок поедал клевер. Мальчики поползли вперед, как настоящие индейцы. Сурок, встав на задние лапки, прислушался. Когда он улегся, мальчики поползли дальше и замерли шагах в сорока от зверька. Сурок снова насторожился, и Сэм шепнул:

— Когда он примется есть, стреляем все разом.

Как только показалась серая спинка, мальчики, приподнявшись, выстрелили. Стрелы просвистели мимо, а сурок скрылся в норе раньше, чем охотники выстрелили вторично.

— Что же ты промахнулся, Ветка?

— Вот увидите, в следующий раз...

Рафтен встретил их насмешкой:

— Эх вы, горе-охотники! Не будь рядом поселения белых, вы бы давно умерли с голоду. На вашем месте настоящие индейцы всю ночь караулили бы сурка около норы и поймали его на рассвете. Когда вы покончите с ним, я вам покажу, где водится еще один сурок.

С этими словами он ушел. Сэм крикнул ему вдогонку:

— Послушай, отец, где записная книжка для Яна? Он ведет счет нашим подвигам, и книжка ему скоро понадобится!

— Я оставлю ее на твоей кровати.

Рафтен так и сделал, а Сэм и Ян достали ее через окно палкой, расщепленной на конце.

XVI

Как Ян узнавал уток издалека

Однажды Великий Дятел, лежа в теньке, сказал повелительным голосом:

— Мне скучно, Маленький Бобр! Расскажи что-нибудь.

— Не хочешь ли поучиться говорить на моем языке?

— спросил Второй Вождь, хотя уже не раз пробовал учить Гая и Сэма древнему языку своего племени (который он сам придумал).

— Говорю тебе: расскажи что-нибудь, — мрачно повторил свирепый Дятел.

— Ну, слушай, — начал Маленький Бобр. — Я расскажу тебе об одном человеке. Он поселился в лесу и хотел поближе узнать жизнь зверей. Было очень трудно: никто не помогал ему, но он по-прежнему оставался в лесу. Как-то он прочел книжку, в которой рассказывалось про птиц, и ему казалось, что он видит их своими глазами. На самом же деле птицы были далеко, и его это очень огорчало. Однажды он заметил дикую утку на пруду, но разглядел только цвет ее перышек. Он все-таки зарисовал ее и спустя некоторое время по рисунку определил, что видел чирка-свистунка. И тогда ему в голову пришла отличная мысль: у каждой утки свои пятнышки и полоски, которые служат им, как солдатам мундиры. Если зарисовать все их крапинки, то можно различать уток на расстоянии. Так он и сделал. И вот однажды он срисовал на пруду новую утку и после этого видел ее еще много-много раз. Никто не мог ему сказать, какой она породы, хотя рисунок был велико-лепный. Пошел он с горя в типи, стащил последнее яблоко своего Великого Вождя и стал его жевать, чтобы больше не расстраиваться.

С этими словами Ян вынул яблоко и с печальным видом принялся грызть его.

Не дрогнув ни одним мускулом, Великий Дятел продолжал рассказ Яна:

— Когда Великий Вождь узнал ужасную историю погибшей жизни, он сказал: "Мне не жалко это старое яблоко. Я выудил его из свиного корыта. Мне кажется, что, если человек не доводит до конца дело, он поступает очень глупо. Если бы этот храбрый юноша, вместо того чтобы красть гнилые яблоки, по которым разгуливали свиньи, пришел и поделился своими сомнениями с Великим Вождем Племена, то благородный краснокожий индеец сказал бы ему: "Сын мой, ты правильно сделал, что пришел ко мне. Ты хочешь знать уток? Вах! Хорошо!" И он повел бы этого простодушного юношу в гостиницу города Дауни и показал ему все породы уток, которые только рождались на свет. На каждой утке там есть ярлычок и название. Вах! Я кончил!

Великий Дятел бросил гневный взгляд на Гая, который не знал, как отнестись к рассказу, и принял все за насмешку. Однако Сэм говорил об этом всерьез.

Последнее предложение Главного Вождя показалось всем очень разумным, и они решили отправиться в ма-

ленький городок Дауни, стоявший милях в пяти от их лагеря.

— По-моему, надо оставить Третьего Вождя для охраны, — сказал Сэм. — И я думаю, мы должны пойти в город как белые.

— Ты хочешь снова стать белым?

— Да. И взять двуколку и лошадь тоже. До города пять миль.

Ян огорчился. Он воображал, что они пойдут пешком через лес. Но предложение Сэма было разумным, и он согласился.

Рафтена дома не оказалось. Мальчики быстро запрягли лошадь и поехали в город.

Приехав в Дауни, они первым делом зашли в лавку, где Сэм сделал закупки для матери. Убедившись, что у Яна есть карандаш, резинка и тетрадка, мальчики направились в гостиницу. Ян чувствовал себя, как деревенский мальчик, который впервые шел в цирк, — наконец-то увидит он то, о чем так долго мечтал.

Все послеобеденное время Ян рисовал селезней и уток: у владельца гостиницы их оказалось больше пятидесяти пород. Ян чувствовал себя Аладдином в волшебном саду перед несметными сокровищами. У каждой птицы был ярлычок с названием, и Ян увез с собой кипу набросков. Он был безмерно счастлив. Впоследствии он составил целую таблицу разных уток, и многие загадки были для него решены.

Когда в сумерках они вернулись в лагерь, на тропе их встретило белое привидение. Головою ему служил грибождевик, вырезанный как череп, а туловищем — старая газета.

В типи было пусто. Водрузив привидение на палку, Гай, очевидно, не рискнул остаться с ним наедине во мраке ночи и сбежал.

XVII

Подвиг Сэма

Плотничать — было давнишнее пристрастие Сэма. Даже знатоки этого ремесла отмечали его хорошую работу. А индейцы считали Сэма просто волшебником. Ян мог часами безуспешно возиться с каким-нибудь чурбачком, пытаясь расколоть его, пока не слышал от Сэма: "Стукни вот здесь". Если же Сэм брал в руки топор,

полено вмиг разлеталось. Для счастливого удара правил не существовало. Иногда надо было рубить над сучком, в другой раз наоборот — снизу. Сэм всегда знал, где опустить топор. Ошибался он редко и никогда не хвастался.

Однажды Ян бился над толстой палкой. Гай пытался помочь ему, но тоже напрасно.

— Эй, Сэм! — крикнул Ян. — Эту штуку и ты не расколешь!

Сэм повертел в руках палку, поставил ее торчком и вылил на нее чашку воды. Когда вода впиталась, он со всей силы ударил топором. Палка тут же раскололась пополам.

-- Ура! — восторженно крикнул Маленький Бобр.

-- Подумаешь! — сказал Гай. — Это случайно. Второй раз у тебя не выйдет.

Ян понимал, что вода уменьшила упругость и изменила равновесие палки.

— Зарубку-то я сделал, — снова начал Гай.

— А по-моему, это подвиг, — сказал Бобр.

— Чепуха! — вспыхнул Третий Вождь. — Ты сможешь в три минуты повалить дерево шести футов толщиной?

— Какое дерево? — спросил Дятел.

— Да любое.

— Держу пари на "гран ку", что я повалю серебристую сосну в две минуты и в любую сторону. А ты выберешь место, куда дереву падать. Вбей колышек, а я стволом вгоню его в землю.

Сэм наточил топор, и все отправились выбирать дерево. Они нашли сосну толщиной в шесть-семь дюймов, и Сэму разрешили вырубить вокруг кусты, чтобы удобней было валить дерево. Каждое дерево в лесу клонится в свою сторону. Эта сосна слегка кренилась к югу. Ветер дул с севера, и Ян решил вбить колышек к югу от ствола.

В раскосых глазах Сэма мелькнул огонек, но Гай, который тоже немного разбирался в рубке деревьев, тут же презрительно фыркнул:

— Ишь какой! Так-то просто! Каждый свалит дерево по ветру. А ты вот где вбей кол! — И Гай воткнул колышек с северо-западной стороны. — Теперь посмотрим.

— Ладно. Увидишь. Дай-ка я только пригляжусь, — сказал Сэм.

Сэм обошел дерево, посмотрел, в какую сторону оно клонилось, изучил силу ветра, потом закатал рукава, поплевал на ладони и, став к востоку от сосны, сказал:

— Готово!

Ян взглянул на часы и крикнул:

— Начинай!

Сэм дважды сильно ударил по стволу, и с южной стороны появилась глубокая зарубка. Затем он обошел дерево и сделал с северо-западной стороны еще одну зарубку, немного ниже первой. Рубил он не спеша, каждый удар был строго рассчитан. Первые щепки были длиной в десять дюймов, но чем глубже становилась зарубка, тем короче отлетали щепки. Когда ствол был подрублен на две трети, Ян крикнул:

— Минута!

Сэм опустил топор, хлопнул ладонью по стволу и посмотрел на верхушку дерева.

— Торопись, Сэм! Ты теряешь время! — крикнул ему друг.

Сэм молчал. Он следил за ветром. И вот верхушка качнулась. Раздался оглушительный треск. Чтобы испытать устойчивость дерева, Сэм сильно толкнул его и, как только сосна стала крениться, быстро нанес три удара подряд, перерубив оставшуюся часть. Дерево качнулось и под сильным порывом ветра рухнуло, вогнав колышек глубоко в землю.

— Ура! — закричал Ян. — Минута и сорок пять секунд!

Сэм молчал, только глаза его необычно блестели. А Гай опять сказал:

— Подумаешь! Чепуха все это.

Ян измерил пень.

— Семь дюймов! — снова радостно крикнул он. — Молодец, старина! Это настоящий большой подвиг — ”гран ку”!

И, несмотря на все уговоры Гая оставить награждение до прихода Калеба, Сэм получил большое орлиное перо, как лучший лесоруб сэнгерских индейцев.

XVIII

Совы

Однажды вечером, перед тем как улечься спать, Сэм смотрел на звезды. Где-то неподалеку кричала сова: ”оу-оу-оу!”

Вдруг шагах в двадцати от мальчика бесшумно опустилась большая птица.

— Ян! — прошептал Сэм. — Дай мне лук! Скорее! Здесь сова, та, что цыплят таскает!

— Он хочет тебя надуть, — спросонья буркнул Гай из-под одеяла. — Я бы не пошел.

Ян тут же выскочил из типи, захватив оружие.

Сэм выстрелил, но, видно, промахнулся. Сова расправила крылья и улетела.

— Пропала моя лучшая стрела! — крикнул Сэм. — Это была "Верная смерть".

— Эх, ты! — огорчился Ян, заметив промах. — Со всем стрелять не умеешь!

Неожиданно снова зашуршали крылья, и на "заколдованный столб" уселась сова.

— Моя очередь! — шепнул Ян.

Он натянул лук, но сова, как и в первый раз, улетела невредимой.

— Стрелок! — с досадой сказал Сэм. — Такой удобный случай! Что ж ты промазал?

— Если она вернется еще раз, позовите меня, — пропищал Гай. — Я вас поучу стрелять, ребята!

Ночью мальчиков разбудил шорох, и Ян, выглянув наружу, сказал:

— Никак, снова вернулась.

— Конечно, тебя ей боятся нечего! — сказал Сэм.

Утром мальчики пошли искать свои стрелы. Но не успели они отойти от типи, как Ян закричал с нескрываемым удивлением:

— Смотри! Смотри! Вот одна! А вон — другая!

На земле, шагах в десяти друг от друга, лежали две совы. Оба выстрела оказались настолько меткими, что мальчики только и могли сказать:

— Доведись нам увидеть такое на картинке, не поверили бы.

Великий совет племени наградил каждого охотника большим орлиным пером. Лишь один голос был против.

ХІХ

Испытание характера

Мальчики, выслушав Калеба, сделали себе военные шапки совсем как у индейцев. Белые хвостовые перья индюка и гусиные, зачерненные на концах, заменили орлиные перья. Из старой упряжки вытащили несколько пучков окрашенного в красный цвет конского волоса. Все

это было необходимо для настоящих индейских шапок. Калев с большим интересом относился к новому увлечению ребят и помогал им решать, за какие подвиги какие присуждать награды. Сэм получил несколько перьев за меткую стрельбу, плавание и успешные "набеги на бледнолицых" и два великолепных пера с пучками конского волоса за поваленную сосну и убитую сову.

Яну присудили несколько "ку" за то, что он научился разбирать следы зверей; "гран ку" — за то, что попал оленю прямо в сердце; "гран ку" — за то, что проплыл двести ярдов в пять минут; за то, что прошел четыре мили в час; за то, что пробежал сто шагов за двенадцать секунд; за то, что хорошо знал названия многих растений, и, наконец, еще один "гран ку" — за то, что застрелил сову в темную ночь.

Гай получил несколько "ку" за острое зрение. Он видел в созвездии Большой Медведицы "ребенка на спине у старухи". Но мальчика очень огорчало, что у него на счету не было "гран ку", и Калев, который, хотя и хорошо относился к Гаю, все же не смог присудить ему высшую награду.

— Скажи, Калев, что индейцы ценят больше всего в человеке? — спросил однажды Гай, надеясь, что наконец его острое зрение будет награждено.

— Храбрость, — ответил Калев. — Самое важное для них — храбрость воина. Да это не только у индейцев. Смелых людей уважают все.

— Я ничего не боюсь! — воскликнул Гай, вспыхнув от радости.

— Ну, попробуй побороться с Яном.

— Это нечестно! Он старше и больше меня.

— Слушай, Ветка, что я тебе скажу. Сходи в сад и принеси ведро вишен; к девяти часам там уже никого не будет.

— Ишь какой! Хочешь, чтобы Кэп загрыз меня?

— Тебе же ничего не страшно! А испугался маленького пса, который меньше годовалого телка!

— Я просто не люблю вишен.

— Вот что, Гай, я устрою тебе настоящее испытание. Видишь этот камень? — И Калев поднял маленький круглый булыжник с дыркой. — Теперь скажи: ты знаешь, где могила старого Гарни?

Гарни, как утверждали его друзья, был беспутный солдат, который случайно, по своей собственной

неосторожности, застрелился. Он был похоронен к северу от владений Рафтена, у перекрестка дорог.

Люди говорили, что всякий раз, когда над его головой проезжает телега, Гарни стонет. Но среди стука колес эти стоны не слышны, поэтому Гарни дожидается полуночи и тогда уж кричит во всю глотку. Каждый, кто слышит его, должен немедленно выразить сочувствие, иначе его постигнет несчастье.

— Так вот, — сказал старик, — я положу этот камень на могиле Гарни, а ты ночью сходи и принеси его. Согласен?

— Да-а, — протянул Гай без особого энтузиазма.

— Если он струсил сейчас, что же ночью будет? — насмешливо заметил Дятел.

— Чтобы ты не перепутал камень, — сказал Калев, — я продерну веревку в дырочку.

Ночью мальчиков разбудил чей-то голос; кто-то стучал по крышке.

— Эй, Гай!

— Кто там? — испуганно откликнулся Гай.

— Это я, Калев. Скоро полночь. Тебе пора идти на могилу Гарни. А если ты сразу не найдешь место, где я положил камень, прислушайся к стону. Это тебе поможет.

Калев говорил хриплым шепотом и, казалось, сам был порядочно напуган.

— Я... я... — заикаясь, начал Гай, — я не увижу сейчас дороги.

— Не упускай этого случая, мальчик, — сказал Калев. — Если ты принесешь камень с могилы Гарни, мы присудим тебе "гран ку". Я подожду тебя здесь.

— Я... я... не увижу этот булыжник в такую темень... Я... я... не пойду.

— Ты трус! — прошептал Калев.

— Я не трус. Только зачем идти, если я все равно не найду? Вот когда будет луна, тогда пойду.

— Так кто же из вас смелый?

— Я пойду! — в один голос ответили Сэм и Ян, хотя каждый надеялся, что пойдет другой.

— Ну, Бобр, я тебе уступаю эту честь, — поспешно заявил Дятел.

— Я с удовольствием пойду, но... но... мне неудобно опережать тебя — ты ведь Старший Вождь! Это нечестно, — ответил Ян.

— Давай бросим жребий, — сказал Дятел.

Ян раздул угли. Сэм отыскал соломинку, разломил на две неравные части и зажал их в кулаке, выставив Яну одни лишь кончики.

— Кто вытянет длинную соломинку, тот и пойдет.

Ян знал, что обычно короткую соломинку высовывают подальше, и принялся тащить другую. Он тащил медленно, и, казалось, этому не будет конца. Сэм разжал ладонь — у него осталась короткая соломинка.

— Тебе идти. Вот счастливец! — сказал он с явным облегчением. — Всегда получается по-твоему.

Если бы нашлась какая-нибудь увертка, Ян непременно прибег бы к ней, но теперь делать было нечего. Не столько мужество, сколько гордость заставила его идти.

Ян начал торопливо одеваться. Руки его дрожали, пока он шнуровал ботинки. Кaleb сидел около типи; увидев, что это Ян собирается идти, он обнял его и сказал:

— Молодец! Я провожу тебя до опушки — дальше нельзя — и подожду тебя. Найти нетрудно. Отсчитай четыре межи от маленького вяза и сразу через дорогу увидишь большую плиту. К северу от нее лежит камень. Веревку ты сразу нащупаешь. Вот, возьми с собой мел; если не дойдешь до могилы, отметь на изгороди, до какого места добрался. Ты не думай про стоны — это все выдумки! Главное — не трусь!

— Я боюсь, но все-таки пойду.

— Правильно! — подбодрил мальчика старый охотник. — Кто идет, побеждая свой страх, — храбрее храброго.

Разговаривая, они вышли из леса.

— Скоро полночь, — сказал Кaleb, освещая часы спичкой. — Ступай смелее. Я подожду здесь.

Ян остался один.

Стояла темная ночь; Ян старался идти вдоль изгороди и скоро выбрался на дорогу, которая чуть белела среди черной травы. Мальчик прошел полпути. Сердце его отчаянно колотилось, а руки стали ледяными. Ночную тишь раз или два пререзал тонкий мышинный писк. Ян вздрогнул, но не остановился. Неожиданно справа от дороги он услышал шорох и заметил впереди что-то белое. Мальчик похолодел. Казалось, на него двигается человек без головы. Ян застыл на месте, потом дрогнувшим голосом крикнул:

— Кто там?

Ответа не последовало; белая фигура продолжала двигаться прямо на него. Ян схватил несколько камней и швырнул их в "привидение". Оно отскочило в сторону и с громким топотом понеслось по дороге. Тут Ян увидел, что принял за привидение белую корову бабушки Невилль.

Сначала у него дрожали колени, потом он стал спокойно размышлять. Если старая корова могла мирно лежать здесь всю ночь, чего же тогда ему бояться? Он неторопливо пошел дальше. Вяза все не было, и к Яну стал возвращаться страх. А что, если вернуться назад? Нет, так поступают трусы. Если он не отыщет вяза, то хоть сделает отметку, до какого места дошел. Ян осторожно пробрался к изгороди и тут неожиданно шагах в двадцати пяти заметил вяз. На запад от дерева он отсчитал четыре межи и сообразил, что стоит теперь как раз напротив могилы. Было, вероятно, около полуночи. Ему показалось, что он слышит поблизости какие-то звуки. Посреди дороги он увидел белый камень. Ян старался двигаться как можно тише. Почему? Он и сам не знал. Споткнувшись в грязной канавке, окружавшей могилу, он дотянулся до плиты и стал холодными, влажными руками шарить по ней, отыскивая веревку. Ее нигде не было. Ян взял мелок и написал на камне свое имя. Какой ужасный скрип! Ян ощупал землю вокруг. И тут он нашел веревку! Наверное, ветер сдул ее с камня. Маленький булыжник, к которому она была привязана, с громким стуком покатился по могильному камню. Вдруг что-то шлепнулось в грязь, послышались сдавленные стоны, будто кого-то душили. Яна охватил ужас. Но, вспомнив корову, он собрался с силами, вскочил и словно ветер помчался по дороге. Он ничего не видел на своем пути и чуть не сшиб с ног человека. Это был Калев.

— Ян! Ты?

Ян не мог и слова вымолвить. Весь дрожа, он прижался к старому охотнику.

— Что там, Ян?

— Я... я не знаю, — еле выдавил мальчик. — Там что-то на могиле...

— Вот как! Я тоже слышал, сказал Калев с некоторым беспокойством. — Ну, ничего. Через десять минут мы уже будем в лагере.

Он взял Яна за руку и повел по дороге. Мальчик все еще не пришел в себя, но, дойдя до меченой тропы,

почувствовал себя в безопасности. Тогда он услышал свой голос:

— Я нашел камень и написал свое имя на плите.

— Молодец! Ты смелый парень! — с восхищением отозвался старик.

Они очень обрадовались, когда увидели огонь в типи. За несколько шагов они крикнули, подражая сове: "Оху-оху-оху!" Это был их условный клич: большинство индейцев ночью пользуются совиным криком. В ответ из типи донеслись такие же звуки.

— Все в порядке! — крикнул Калев. — Он принес камень и написал свое имя на могиле. Молодец! Ему мы присудим "гран ку".

— Я могу пойти хоть сейчас, — сказал Гай.

— Ну что ж, иди.

— А как же я пойду, камня-то уже нет?

— Так ты напиши свое имя на плите, — сказал Ян.

— Подумаешь, это ничего не значит! — сказал Гай и поспешил заговорить о другом.

Притихшие индейцы сидели вокруг костра и слушали Яна. А он рассказывал о своем походе, не преуменьшая страха, который довелось ему испытать.

Кончив, он спросил:

— Ну как, Гай, не хочешь ли сходить туда?

— Отстань ты! — сказал Гай. — Заладил одно и то же!

Калев взглянул на часы, словно собираясь в дорогу; заметив это, Ян сказал:

— Не переночуете ли с нами, мистер Калев? Здесь много места.

— И верно, а то уже поздно, — согласился старик.

XX

Белый револьвер

После завтрака Великий Дятел высказал желание всего Совета Вождей осмотреть могилу.

— Мне кажется, что Ян написал свое имя не на камне, а на какой-нибудь корове, которая ночевала там. Ей это не понравилось, вот она и завопила на весь свет!

Через несколько минут они были уже около могилы. На шершавом грубом камне неровным почерком, но вполне четко было выведено: "Ян".

— Ну и почерк! — заметил Гай.

— Молодец! — радостно сказал Сэм. — Я б не смог этого сделать.

— А я бы смог, — похвастался Гай.

— Вот здесь я перескочил через канаву. Видишь мой след? А вот с этого места я услышал крики. Давайте поглядим, оставляют ли духи свои следы... Смотрите! — вдруг крикнул Ян.

В грязи, в канаве, все увидели следы взрослого человека. Очевидно, он упал на руки, потому что на земле остались отпечатки его пальцев. И вдруг зоркие глаза Гая увидели какой-то блестящий предмет. Он поднял его. Это был револьвер с белой рукояткой.

— Ну-ка, дайте посмотреть, — сказал Калев.

Он обтер оружие, и в глазах его вспыхнул огонь.

— Это мой револьвер! — закричал он. — У меня украли его вместе с деньгами и другими вещами!

Калев оглядел револьвер со всех сторон.

— Не могу понять... — бормотал он время от времени. — Не могу понять, откуда он здесь...

Больше ничего интересного они не нашли и двинулись в обратный путь. Калев всю дорогу был погружен в собственные мысли. В молчании они дошли до хижины бабушки Невилль, расположенной неподалеку от могилы солдата. У дверей хижины Калев обернулся к мальчикам и сказал:

— Пожалуй, я зайду сюда. Скажи, Ян, прошлой ночью ты хоть слово обронил там, на белом камне?

— Нет, ни звука. Только камешек стукнул по валуну.

— Ну ладно, увидимся в лагере.

— Доброе утро, Калев! — приветствовала его старуха. — Заходи, садись... Как поживают Дик и Сарianne?

— Похоже, они счастливы и процветают, — с горечью ответил Калев. — Послушай, бабушка, ты слыхала когда-нибудь историю Гарни, который похоронен на дороге?

— Что тебе вдруг понадобилось вспоминать об этом? Конечно, слыхала. И не раз. Вот и прошлой ночью какие-то вопли неслись оттуда. Я до сих пор дрожу.

— А что ты слышала?

— Ах, какие-то страшные крики! Мой пес и кошка до смерти перепугались. А старая корова даже плетень перескочила, убегая с дороги.

— Ты не слыхала, бабушка, что будто на той неделе ограбили кого-то в Дауни?

— Вот как? — удивленно воскликнула старуха, и глаза ее странно сверкнули. — А кого, не знаешь?

— Говорят, Джона Ивенса.

— Сама я его не знаю. Ну, он-то не обеднеет. И ко мне тоже негодяи приходили, когда в округе болтали, что мы продали корову. Всегда пронюхают, где деньги.

— Это верно. Когда ж тебя ограбили, бабушка?

— Да разве я говорила, что ограбили? — И она захихикала. — Они только собирались.

Она рассказала Калебу, как среди ночи к ней ввалились двое: высокий был чернее тучи, а второй — маленький, широкоплечий и очень веселый. Старуха не позабыла и про черные бороды разбойников, и про то, что один был левша и у него недоставало среднего пальца на правой руке.

— Когда это случилось, бабушка?

— Да, наверное, года три назад.

Узнав все, что ему было нужно, Калев распростился со старухой и пошел к мальчикам. За последние четыре года, думал он, идя по дороге, стали слишком часты грабежи в округе. И каждый раз обкрадывали людей, у которых появлялись деньги. Похоже, что воры имели точные сведения.

Когда Калев скрылся в хижине старухи Невилль, Ян сказал приятелям:

— Вы идите в лагерь. Я скоро приду.

Мальчику хотелось срисовать отпечатки следов около могилы и постараться выследить этого человека.

Ян внимательно рассматривал следы. Он заметил, что каблуки были подбиты тремя рядами мелких гвоздей, шляпки торчали вкривь и вкось, а на левом ботинке была дырка. Потом Ян пригляделся к отпечатку рук. В нем было что-то странное. Присмотревшись к нескольким четким следам, Ян понял: на правой руке недоставало среднего пальца.

Ян шел по следам на дороге, пока они, свернув к югу, не затерялись в траве.

По пути он нагнал Калеба, который тоже шел в лагерь.

— Мистер Кларк, — сказал Ян, — я срисовал следы около могилы. Вы знаете, у того человека всего четыре пальца на правой руке.

— Что?! — воскликнул Калев. — Ты не ошибся?

— Пойдемте посмотрим вместе.

Да, Ян оказался прав.

— Никому не говори об этом, Ян.

Старик распрощался с мальчиком и пошел к дому Дика Пога. Тут около двери Калев увидел те же следы, что и у могилы Гарни. А на веревке сушились измазанные глиной штаны.

С той ночи старик стал очень уважать Яна. К Гаю, который испугался пойти за камешком, он совсем охладел. Калев пригласил к себе Яна, чтобы показать ему, какие он мастерил лыжи. На его приглашение явилось все племя.

С тех пор как Ян познакомился с Калевом, он больше ни разу не был у него.

Как и в тот день, в ответ на их стук за дверью раздался громкий собачий лай.

Пока Ян рассматривал лыжи, острые глазки Гая разглядели на койке старика белый револьвер. Вычищенный, смазанный, он был в полном порядке. Калев не мог нарадоваться своей находке: ведь новое оружие стоило очень дорого и было не по карману старику.

— Давай, Калев, постреляем, — сказал Гай. — Вот увидишь, я это делаю лучше других.

Калев достал несколько патронов и показал на пенек с белым пятнышком в сорока шагах от дома. Гай сделал три или четыре выстрела, и Ян столько же, но никто не попал в цель.

— Смотрите, как надо, — сказал Калев.

Маленькая рукоятка револьвера, казалось, потонула в загрубевшей руке охотника. Быстро, почти не метаясь, он выпустил все шесть зарядов. Один за другим они вошли в белое пятно, а два — в черный кружок, нарисованный в самом центре.

Мальчики были в восторге.

— Да, лет двадцать назад я хорошо стрелял, — добродушно проговорил Калев. — Но это пустяки. Сейчас я вам покажу штуку посложнее!

Он поставил три патрона на расстоянии двадцати пяти шагов и тремя выстрелами сбил их. Потом сунул револьвер в боковой карман куртки и, не вынимая его, без прицела, метко выстрелил в белое пятно на пенке, тоже шагах в двадцати пяти. Найдя старую консервную банку, Калев поставил ее на пальцы правой руки, а револьвер положил на ладонь. Одним рывком он подбросил все это вверх и, прежде чем револьвер упал, подхватил его и прострелил на лету дно жестянки.

Мальчики просто онемели от удивления и восторга. А Калев вошел в хижину, чтобы вытереть револьвер.

— Теперь я точно знаю, что это не он стрелял в отца, — шепнул Сэм Яну, — он бы непременно убил его.

Калев случайно услышал слова Сэма и, выйдя на крыльцо, спокойно и ласково улыбнулся. С тех пор он стал разговаривать с Сэмом.

В хижине Калеба воцарилось мирное, добродушное настроение, и Ян наконец высказал вслух то, о чем давно мечтал:

— Мистер Кларк, пойдете вместе с нами охотиться на енотов. Мы знаем, где они кормятся у реки. Там их много.

Если бы Ян попросил его с месяц назад, то в ответ услышал бы: "Не знаю. Времени нет", но теперь, после той ночи, когда Ян бесстрашно отправился на могилу Гарни, Калев был целиком на стороне мальчика.

— Ладно, — сказал старик, — только в прохладный вечерок. Тогда пес будет лучше идти по следу.

XXI

Гай торжествует

С того дня, как мальчики впервые заметили сурка на поле Бернса, они охотились за ним каждое утро. Это вошло у них в привычку, как еда или мытье рук. Обычно первым видел сурка Гай. Следовали три безобидных выстрела, сурок прятался в нору, и на этом охота кончалась.

Однажды утром мальчики решили разойтись. Сэм подошел к полю с одной стороны, Ян и Гай — с другой. Сначала казалось, что зверя нигде нет. Но вдруг Гай шепнул:

— Вижу!

В густой траве, шагах в шестидесяти от мальчиков, Гай разглядел пятнышко серого меха.

— Это он!

Ян ничего не видел, а Сэм, хотя и заметил что-то, сомневался. В следующую минуту сурок (это действительно был он) встал на задние лапки. Тут уж все увидели его светло-коричневую спинку.

— Ну и Ветка! — воскликнул Ян. — Тебя бы назвать Ястребиным Глазом!

— Очень хорошо! — обрадовался Гай. — Зови меня так, ну пожалуйста! Очень тебя прошу! — добавил он умоляюще.

— Я думаю, Дятел, он заслужил это имя, — сказал Ян. — Он — молодец и ведет себя, как настоящий индеец.

— Мы созовем совет и тогда решим, — хладнокровно заявил Дятел. — Теперь за дело!

— Послушай, Ветка, не можешь ли ты обойти поле с другой стороны и пробраться между сурком и его норкой? — спросил Великий Вождь.

— Вот увидишь, я могу. И ставлю доллар, что...

— Послушай, — вмешался Ян, — у индейцев нет денег.

— Ну ладно, ставлю свой скальп — вот этот черный скальп против скальпа Сэма, что я первый убью сурка!

— Ну, позволь мне убить его первым, а ты это сделаешь вторым, — насмешливо протянул Сэм.

— Боишься за свой скальп?

— Ты у меня получишь! — пригрозил Сэм.

У каждого мальчика был пучок черных конских волос, который они называли "своим" скальпом и привязывали к макушке веревочкой.

— Бросьте ссориться, Великие Вожди, — сказал Бобр. — Давайте договоримся так: если Дятел убьет сурка, он берет скальп Ветки. Если Ветка добудет зверя, ему достанется скальп Дятла. И вдобавок победитель получит большое орлиное перо.

Сэм и Ян с нетерпением ждали в лесу, пока Ветка рыскал по полю. В этот день сурок казался особенно дерзким. Он далеко уходил от своей норки и временами совсем терялся из виду. Мальчики уже видели, как Гай подобрался к норе, а сурок этого не заметил. Обычно враги появлялись с другой стороны.

Гай, плотно прижавшись к земле, полз по клеверу. Шагов через тридцать он очутился как раз между сурком и его норкой. Зверек по-прежнему лакомился травой и по-сматривал иногда в другую сторону. Мальчики следили за ним из лесу с напряженным вниманием. А Гай сурка не видел. Мальчики всячески старались жестами показать ему, где сидит сурок. Наконец Гай понял: "Пора стрелять". Он осторожно приподнялся. Увидав его, сурок метнулся к норе, прямо навстречу Гаю. Гай впопыхах выстрелил, но мимо. И тут сурок, прыгнув на Гаю, до смерти напугал его. Гай попятился, не зная толком, в какую сторону ему бежать. Сурок хотел проскочить

мимо мальчика. Гай в ужасе кинулся в сторону и, споткнувшись, всем телом упал на сурка, оглушив его на какое-то мгновение. Вскочив на ноги, Гай хотел пуститься наутек и тут заметил, что зверек еле дышит. Гай собрал все свое мужество и стукнул сурка по носу.

Радостные крики, донесшиеся из леса, возвестили Гаю о его победе. Когда мальчики подбежали к нему, он стоял в картинной позе: в одной руке высоко держал лук, а в другой — за хвост пушистого зверя.

— Учитесь у меня, как надо стрелять сурков! Смотрите, какой огромный! Наверняка весит пятьдесят фунтов. (Сурок потянул бы на самом деле не больше десяти.)

— Ура! Да здравствует Третий Вождь Ветка!

Теперь уж Гаю нельзя было пожаловаться, что друзья не оценили его победы.

— Хорошо бы найти где-нибудь других сурков. Я-то знаю, как их надо ловить.

— За это, Ветка, ты получишь "гран ку".

— Да, и ты еще обещал звать меня "Ястребиный Глаз"! — напомнил Гай.

— Ну, сначала мы созовем Великий совет и обсудим это, — важно сказал Великий Вождь Дятел.

— Давайте устроим совет в полдень. Ладно?

— Хорошо.

— Нет, около четырех!

— Да в любое время.

— Вы дадите мне имя "Ястребиный Глаз" и еще большое орлиное перо за то, что я поймал сурка, да? И все это в четыре часа.

— Можно. Только почему тебе обязательно хочется в четыре?

Гай сделал вид, что не расслышал вопроса, и после обеда куда-то исчез.

— Наверное, опять не хочет мыть посуду, — решил Дятел.

— Да нет, — сказал Второй Вождь. — По-моему, он побегал за своими родными, чтобы те увидели, как его награждают.

— Может быть, — согласился Дятел. — Давай тогда устроим такое торжество, будто это особый день в истории! Уж я постараюсь.

— Ладно, — сказал Ян. — Ты позови своих. А я уговорю Калеба.

— Боюсь, что моих родных еще нельзя свести с Калесом, — ответил Сэм.

Было решено, что Сэм пойдет за своей матерью, а Ян тем временем приготовит большое орлиное перо и сдерет шкуру с сурка.

Сурук попался крупный; конечно, не с медведя, но Ян все-таки завидовал, что это Гай убил зверька. Оставался еще час времени, и Ян постарался устроить настоящее индейское торжество. Он обрезал когти сурка и нанизал их на шнурок вперемежку с дюймовыми палочками бузины, из которых выдолбил сердцевину. Коготки были неровные — одни длинные, другие короче, — но в целом вышло совсем настоящее индейское ожерелье.

Гай мчался домой, словно на крыльях. Когда он бежал по саду, отец окликнул его, собираясь, наверное, загрузить работой, но Гай стрелой влетел в комнату.

— Мама! — крикнул он с порога. — Ты должна меня видеть! Приходи к нам в лагерь к четверем часам. Меня сделают Главным Вождем! Я убил того старого сурка, который чуть не искалечил папу! Ребята ничего не могли сделать без меня. Они тысячу... нет, наверное, миллион раз пробовали поймать сурка. Совсем уж измучились, и тогда я его выследил. Эти мальчишки совсем ничего не видят. Они вообще и в лагере без меня обойтись не могут! Я их учил, как надо охотиться на оленя, потом я их учил и... и... в общем, очень многому. Поэтому они теперь сделают меня Главным Вождем и назовут "Ястребиный Глаз"! Сегодня в четыре часа состоится совет. Приходи и ты, мама!

Отец Гая, который вошел в этот момент в комнату, велел сыну немедленно приняться за прополку картофеля, но миссис Бернс удалось уговорить мужа отпустить мальчика.

Два часа потребовалось миссис Бернс, чтобы привести в приличный вид своих четырех загорелых дочек. Наконец все они отправились в путь: миссис Бернс одной рукой держала малыша, в другой у нее был кувшин с вареньем. Гай бежал впереди и показывал дорогу. Следом за матерью, держась за руки, вышагивали сестрички.

У мальчиков все было готово к большому празднику.

В одном углу на ковре из телячьей шкуры восседал совет. Гай еле уместился на шкуре убитого им сурка. Слева от победителя сидел Сэм, а справа — с барабаном — Ян. Посреди типи пылал костер; один край полотнища подняли, и часть гостей разместилась в палатке.

Великий Вождь Дятел зажег трубку мира, затянулся, выпустил четыре клуба дыма во все стороны и передал ее Второму и Третьему Вождям, которые проделали то же самое.

Маленький Бобр три раза ударил в барабан, требуя внимания, и Великий Вождь начал свою речь:

— Старшие Вожди, Младшие Вожди, Храбрецы, Воины, Женщины и Дети сэнгерских индейцев! Когда наше племя воевало с этими... как их... с другими индейцами племени "березовая кора", мы взяли в плен одного воина и подвергли многим пыткам. Но он проявил такое мужество и смелость, что мы приняли его в свое племя...

Тут Ян громко крикнул:

— Хау! Хау! Хау!

— Мы устроили в его честь солнечный танец, но он не загорел, потому что был слишком молод. Поэтому мы назвали его "Ветка". С того времени своими заслугами он добился звания Третьего Боевого Вождя.

— Хау! Хау! Хау!

— На днях все племя вышло охотиться на старого сурка и потерпело неудачу. Тогда Боевой Вождь Ветка вышел один на свой страх и риск и ударом прикончил старого зверя! Такие подвиги живут в веках! Хотя он и самый младший воин племени, но видит лучше всех и выслеживает зверя быстрее других! Он может видеть, что делается за углом и даже сквозь дерево. Только ночью у него не всегда так получается. Этот человек больше не будет называться Веткой. Совет решил дать ему имя "Ястребиный Глаз"!

— Хау! Хау! Хау!

Тут Маленький Бобр передал Великому Вождю дощечку, на которой большими буквами было написано "Ветка".

— Вот его имя, которое носил он, прежде чем стал великим и знаменитым. Теперь оно будет навсегда забыто. — Сэм бросил в огонь дощечку и сказал: — Ну, посмотрим, молод-зелен ли ты, чтобы сжечь свое прошлое.

Потом Маленький Бобр передал Дятлу красивое орлиное перо, украшенное хохолком, с изображением человека с головой ястреба и стрелой перед глазами.

— Вот орлиное перо, которым мы награждаем его за славные подвиги и которое говорит всем о его новом имени!

Под громкие крики "Хау! Хау!" и барабанный грохот перо торжественно воткнули Гаю в волосы, а на шею надели ожерелье из когтей сурка.

— Тот, кто посмеет назвать его Веткой, получит хорошего пинка от Ястребиного Глаза.

Снова все кричали: "Хау! Хау!" Гай изо всех сил старался казаться важным и не улыбаться, но у него это никак не получалось: рот его то и дело растягивался до самых ушей. А у миссис Бернс от радости даже слезы на глазах выступили.

Все думали, что торжество кончилось, но тут поднялся Ян и начал свою речь:

— Вожди, Женщины и Дети сэнгерских индейцев! Наш Великий Вождь Дятел забыл кое о чем. Когда мы шли охотиться на сурка, я был свидетелем спора, который произошел между двумя Вождями. По обычаю нашего племени, они поставили свои скальпы про заклад тому, кто убьет сурка. Спорили Великий Вождь Дятел и Ястребиный Глаз. Ястребиный Глаз, сними скальп у Дятла.

Сэм позабыл об этом споре, но теперь он послушно нагнул голову. Гай разрезал веревку и, сняв скальп, издал торжествующий вопль.

XXII

Охота на енота

Ян не забыл, что Калев обещал пойти с ними на охоту. Мальчики с нетерпением ждали этого события. Через два дня, на заходе солнца, они пошли к Калеву напомнить о его обещании.

Был душный вечер, но Яну казалось, что погода стоит подходящая для охоты. Калев, конечно, очень удивился, услышав о прохладном вечере.

— Садитесь, садитесь, ребята, — добродушно говорил он, видя, что они совсем уже собрались на охоту. — Спешить нечего. Еноты вылезают из нор часа через три или четыре после захода солнца.

Старик сидел, покуривая свою трубку; Сэм тщетно пытался завязать знакомство с его псом Турком; Ян рассматривал крылья птиц, развешанных по стенам, а Гай хвастался своими подвигами во время охоты на оленя и сурка и строил планы, как он славно будет побеждать всякого встречного енота.

Заверив всех, что до места добираться не меньше часа, Ян уговорил выйти из дому в девять часов. Калёб захватил маленький топор. Кликнув собаку, они вышли на большую дорогу и через полчаса достигли речки.

— Вперед, Турок! Ищи! Ищи!

Все уселись на меже и смотрели, что будет делать пес. У него были свои причуды: он охотился за кем ему вздумается и когда вздумается. Калёб мог привести его на место, где водятся еноты, но заставить охотиться на них, пока псу не взбредет в голову самому приняться за дело, не мог.

Старик велел мальчикам молчать, и все сидели не шевелясь, ожидая, когда собака подаст голос. Турок умчался в поиск. Его прыжки гулко разносились вокруг, а сам он пыхтел, как паровоз, убегая все дальше и дальше, пока совсем не затих.

Две минуты показались часом. Вдруг с другого конца поля донесся слабый визг, а вслед за тем Турок залился громким лаем. Сердце у Яна дрогнуло.

— Дичь поднял! — тихо сказал Сэм.

— Это я первый услышал! — пискнул Гай.

Ян хотел было кинуться на лай — он часто читал, что охотники скачут на лошадях следом за собаками, — но Калёб остановил его:

— погоди, время терпит. Я не знаю, что он там нашел.

Долго и терпеливо ждали они, но лай не повторился. Потом совсем рядом раздался шорох, и у ног хозяина лег Турок.

— Вперед, Турок, ищи его! — сказал Калёб.

Собака не поднималась.

— Вперед! — повторил Калёб и стегнул его веткой.

Собака отошла от старика и снова улеглась, тяжело дыша.

— Что случилось, мистер Кларк? — спросил Ян.

— Точно не знаю. Может, просто напоролся на сучок. Охоты сегодня не будет. Пришли слишком рано, жарко для собаки.

— Может быть, перейти реку? Там лес Бойля, — предложил Сэм. — Вдруг нам повезет?

— Как это вы определяете дичь по собачьему лаю? — спросил Ян у старика.

— И ты сможешь, если знаешь местность, зверей и Турка. Конечно, собаки друг на друга не похожи. Но,

если повадки собаки тебе известны, она научит тебя многому.

Брода искать не пришлось. Река почти пересохла. Продираясь сквозь кустарник, они вышли в поле, пересекли его и снова углубились в густой лес. Турок ушел вперед. Он бежал вдоль реки и, добравшись до озера, выкупался. В лесу Турок нагнал хозяина и мальчиков. Был он весь мокрый, но купание ободрило его.

— Ступай вперед, Турок!

Но и на этот раз их ждала неудача. Поднялась луна, осветив округу.

Охотники перешли ручей около хижины бабушки Невилль и двинулись по тропинке вдоль ручья, как вдруг Турок замер на месте, принюхался, вернулся назад и с громким лаем бросился к воде.

— Что это, мистер Калев? — спросил Сэм, забыв, что их знакомство состоялось совсем недавно.

— Не знаю, — коротко бросил Калев.

— Может, лиса? — сказал Ян.

Где-то у изгороди шагах в ста Турок снова залился лаем; видно, напал на след.

— Наверное, енот, — сказал Калев, прислушиваясь к лаю, — а может, и домашняя кошка. Только они и забираются на дерево ночью.

Идти было легко: луна освещала тропку, и Турок лаял не переставая. Он вел охотников по болотцу к реке.

— Енот, — решительно сказал Калев, — кошки не прячутся в воде.

Лай вдруг сменился рычанием и визгом.

— Так и есть: при виде енота он всегда ведет себя так!

Калев повел мальчиков прямо к месту.

Турок лаял и прыгал возле большой липы.

— Енот всегда выбирает самое ветвистое дерево, — заметил Калев. — Ну, кто из вас лучше всех лазает?

— Ян! — подсказал Сэм.

— Полезешь, Ян?

— Попробую.

— Давайте разожем костер — может, увидим, где енот сидит, — предложил Дятел.

— Сурка бы я вмиг достал, — сказал Ястребиный Глаз.

Но никто не отозвался.

Сэм и Ян набрали хворосту, и через минуту дрожащий красный огонь осветил деревья. Они осмотрели большую липу, но ничего не увидели. Калев поднес горя-

щую головешку и заметил на стволе кусочки свежей глины. Вернувшись к реке, они нашли четкие следы; сомнений теперь не было — на липе сидел крупный енот.

— Думаю, он засел в дупле. На липе их всегда полно.

Ян оглядывал толстый ствол, раздумывая, как ему ловчее взобраться. Кaleb заметил, что мальчик мешкает, и спросил его:

— Не знаешь, как начать? Смотри...

Он в минуту срубил тоненькое ветвистое деревце, росшее рядом, и прислонил его к первому сучку липы. По этому "мостику" Ян легко взобрался наверх. К спине он привязал толстую палку.

Очутившись среди ветвей, Ян на секунду растерялся: листва поглотила его, но свет факелов снизу хорошо освещал дерево.

Сначала Ян никак не мог найти ни дупла, ни енота, но после долгих поисков он заметил в развилке, почти на самой верхушке, большой пушистый комок. Два блестящих глаза заставили Яна вздрогнуть. Мальчик крикнул:

— Он здесь! Вот он!

Ян поднялся повыше и хотел схватить зверька, но тот сжался и прыгнул на ветку пониже.

Ян спустился за ним. Стоявшим внизу ничего не было видно, но по доносившемуся ворчанию они догадались, что там происходит борьба.

Енот спускался с одного сучка на другой, пока не добрался до молодого деревца, прислоненного к липе.

Турок, увидев зверька, поднял лай, и Кaleb, выхватив револьвер, выстрелил. Енот упал замертво. Турок с рычанием прыгнул на него, но старый охотник удержал пса. Потом Кaleb гордо и с любовью вытер свое оружие, словно удача целиком зависела только от него.

Ян быстро спустился на землю. Он погладил зверька, любясь его шерсткой. В мальчике боролись два чувства — жалость к убитому зверьку и торжество, что это он выследил его.

Все признали, что это был его енот. Сэм, поддев зверька ногой, поднял его и определил:

— Тридцать фунтов.

Гай сморщил нос:

— В нем нет и половины веса моего сурка! Кроме того, вы бы никогда не поймали енота, если б я не вспомнил про топор.

Ян думал, что енот весит фунтов тридцать пять, Калев — двадцать пять. Позже они выяснили, что зверек едва потянул на восемнадцать фунтов.

Пока они обсуждали свою удачу, Турок поднял громкий лай, которым он обычно извещал о появлении незнакомого человека. "Человеческий голос", как это называл Калев.

Все оглянулись и увидели Уильяма Рафтена. Он заметил огонь в своем лесу и, боясь пожара в сухую пору, оделся и поспешно пришел.

— Здравствуй, отец! Почему ты не спишь?

Рафтен не ответил сыну и с насмешкой повернулся к Калебу:

— Может, еще раз выстрелишь в меня? Получится наверняка. Я ведь без оружия.

— Послушай, отец, — перебил его Сэм, не дав Калебу вступить в разговор. — Все это неправда! Я знаю, и ты должен знать: все, что говорят про Калеба, будто он стрелял в тебя, — вранье. Если б уж он стрелял, то тебя бы в живых не было. Я видел, как он стреляет.

— Не ты ли клялся, что у тебя нет оружия? — спросил Рафтен, указывая на револьвер. — Я видел его у тебя в руках десять лет назад. Не боюсь я тебя и твоего револьвера, — сказал Рафтен, заметив, что Калев схватился за рукоятку. — И слушай: чтоб больше ноги твоей не было в моих лесах и пса твоего, который загрызает моих овец! Вон и костер развел, когда такая сушь стоит!

— Слушай, Рафтен! — громко сказал Калев и выхватил револьвер. Выстрел последовал бы мгновенно, если б Ян не повис на руке Калеба, а Сэм не стал между ним и отцом. Гай предусмотрительно спрятался за дерево.

— Прочь с дороги, мальчишки! — крикнул Калев.

— Видишь, он опять меня застал безоружным, — с издевкой сказал Рафтен. — Уйдите, ребята, я сейчас с ним расправлюсь.

— Послушай, отец, — снова начал Сэм. — Ты неправ! Калев не стрелял в тебя тогда. А этот костер мы развели с Яном, и мы его сейчас погасим. Ты нападаешь на Калеба, как бабушка Невилль, которая забрала всю твою провизию. Стыдись, отец! Это нечестно, так не поступают мужчины! Если у тебя нет доказательств, то молчи.

Рафтен опешил от такого бурного натиска, да к тому же увидел, что все против него. Он сам часто смеялся над гневом бабушки Невилль, которой ничего дурного не сделал. Ему никогда и в голову не приходило, что иной

раз сам поступает так же. Гнев его остыл. "Ну и разошелся мальчишка! — подумал он о сыне. — Говорит, как адвокат, а силы-то как у боксера. Может, сделать из него адвоката, а не зубного врача?.."

Буря миновала. Калев был вспылчив, но быстро отходил. А Рафтен, потерпев неудачу, поспешил уйти.

— Костер как следует загасите! — проворчал он. — И спать давно пора.

Мальчики потушили огонь и молча двинулись к лагерю. Сэм и Ян несли на палке тушку енота. Калев проводил их до палатки и пошел к себе. В ту ночь мальчики спали крепким сном.

XXIII

Лесной дух и ночной разбойник

На следующий день, занимаясь выделкой шкуры енота, Ян и Сэм обсуждали ночное происшествие. Они решили, что правильнее будет не заговаривать с Калевом об этом. Гая предупредили, чтобы он молчал.

Обследуя, как обычно, "книгу посетителей", Ян снова обнаружил отпечаток, похожий на след копыта, а около реки — следы очень большой птицы, похожие на лапы индюка.

Ян позвал Калеба, чтобы тот взглянул на следы.

— Это, наверное, синяя цапля прилетела, — сказал он о следах птицы, — а вот копыто чье, ума не приложу. Очень похоже на след большого оленя. Но здесь они давно перевелись. Найдутся, только миль за десять отсюда. Один след еще ни о чем не говорит.

— Нет, я нашел много, только разобраться в них трудно.

Вечером, возвращаясь после набега на бледнолицых, Ян услышал со стороны пруда резкий, пронзительный крик. Он приближался, разрастаясь в устрашающий рев. Звук несся откуда-то сверху, и Ян заметил, что над ним медленно пролетела большая птица.

На следующий день Ян был за повара. С восходом солнца он отправился за водой, как вдруг увидел, что с запруды поднялась огромная синяя цапля и, тяжело взмахивая крыльями, исчезла за деревьями.

С восхищением мальчик следил за полетом птицы. Придя на место, откуда она снялась, Ян нашел там множество таких следов, которые он уже раньше

зарисовал к себе в тетрадь. Это была та же птица, что кричала прошлой ночью.

Как-то Дятел вышел из типи. Неожиданно ухо его уловило необычный звук. Кто-то не переставая скулил все громче и громче. Вой не кончался, и Сэм позвал товарищей.

— Это, наверное, новая цапля, — шепнул Ян.

Но звук все усиливался и перешел в громкое мяуканье. Вдруг Маленький Бобр вспомнил, что слышал этот крик у себя в Гленьяне!

— Это рысь, — уверенно сказал он.

На следующий день Калев подтвердил слова мальчика. Через несколько дней стало известно, что ночью у Рафтена пропал еще один ягненок.

Утром Ян снял барабан и увидел, что кожа на нем стала мягкой и влажной.

— Ого, будет дождь! — возвестил он.

Калев посмотрел на него с удивлением:

— Смотрю, ты стал настоящим индейцем. Они всегда говорят, что будет дождь, если барабан нужно подсушить у огня, прежде чем играть.

После полудня сгустились тучи, а на закате начался дождь. Калев остался ужинать. Припустил настоящий ливень, и казалось, ему не будет конца. Калев вышел из типи и вырыл вокруг нее канаву с отводным желобком, через который уходила вода.

После ужина все сидели у костра. Поднялся ветер, и капли дождя полетели в дымовое отверстие. Яну пришлось выйти. Сквозь шум дождя он опять услышал знакомый вой. Мальчик вернулся с большой охапкой хвороста, и в типи ярко запылал огонь. Ветер налетал порывами, и брезент неприятно хлопал по шестам.

— Где ваша якорная веревка? — спросил Калев.

Сэм протянул ему свободный конец веревки, другим же концом она была накрепко привязана к шестам наверху. Все время стояла сухая погода, и веревка была ни к чему. Калев обмотал ее вокруг толстой палки, а палку вбил в землю. Потом вышел наружу и вбил поглубже все колышки. Теперь племени не страшны были никакие бури.

Старый охотник не любил возвращаться к себе в пустую хижину. Дик и Саринна не заботились о нем, жил он впроголодь, и мальчики без труда уговорили Калеба остаться ночевать.

Дым клубами ходил вверх. Вскоре в типи стало очень душно.

— Подыми брезент с подветренной стороны, Ян, — сказал Калев.

Но тут ветер с дождем, ворвавшись в типи, поднял вихрь из дыма и золы.

— Вам надо иметь особую подкладку, — сказал Калев. — Дайте мне тот кусок, я сделаю.

Калев с большой осторожностью привязал подкладку к трем шестам так, что дымовое отверстие находилось теперь над ней и ветер не дул в спину мальчикам, а проносился у них над головой. В типи стало легче дышать, а капельки дождя, которые залетали в отверстие, падали на подкладку.

— На этих подкладках индейцы обычно делают рисунки, вспоминая свои приключения и подвиги. Тотемы они рисуют снаружи, а победы — на подкладке.

— Тебе есть работа, Маленький Бобр, — сказал Сэм, — нарисуй наши тотемы на типи.

— Знаете что? — сказал вдруг Ян. — Давайте примем в наше племя мистера Кларка. Вы будете нашим Чародеем.

Калев довольно усмехнулся, по-видимому соглашаясь.

— Теперь я нарисую четыре тотема, — сказал Ян.

Он набрал желтой глины, и голубой, которая, высохнув, становилась белой, и другой — желтой, которая после обжигания становилась красной, и еще угля. Фон, на котором он собирался рисовать, Ян вымазал растопленным жиром енота и сосновой смолой. В общем, все было сделано так, как у индейцев.

Он, конечно, мог достать ярких масляных красок у бледнолицых, но это было бы нечестно.

— Послушайте, Калев, — начал как-то Гай, — скажите нам что-нибудь об индейцах. Про их храбрость, например. Я больше всего на свете люблю храбрость! Помню, как старый сурок выскочил на меня... Кое-кто испугался бы на моем месте, и...

— Цыц! — крикнул Сэм.

Калев молча курил. Дождь все хлестал по брезенту. Покрышка колыхалась от ветра. Воцарилось молчание. И вдруг по лесу разнесся громкий, устрашающий вопль. Мальчики вздрогнули. Будь они одни в лесу, перепугались бы насмерть.

— Вот он! — шепнул Сэм. — Это банши.

Калев испытующе оглядел ребят.

— Что это? — спросил Ян. — Такой звук мы уже слышали много раз.

Калев молча покачал головой и посмотрел на собаку, лежавшую у огня. Турок только поднял морду, обернулся, посмотрел на хозяина большими печальными глазами и снова опустил морду на лапы.

— Турок и ухом не ведет.

— Собаки не слышат банши, — возразил Сэм. — И духов не видят. Так бабушка Невилль говорит.

Спокойствие собаки еще больше напугало мальчишек.

— Ястребиный Глаз, — сказал Дятел, — ты самый храбрый. Выйди и выстрели в банши. Я дам тебе свою стрелу против колдунов. Если ты его подстрелишь, мы присудим тебе "гран ку". Ты же сам говорил, что больше всего любишь храбрых.

— Пустые болтуны! — ответил Гай. — Я с вами и говорить не буду! Калев, расскажите нам что-нибудь про индейцев, — добавил он.

— Индейцы любят храбрость, — подмигнув, ответил Калев.

Ян и Сэм засмеялись, правда негромко, потому что боялись, как бы и их не призвали показать свое мужество.

— Я, пожалуй, лягу спать, — сказал Гай.

Ян скоро последовал его примеру, а Сэм остался сидеть с Калевом. Оба молчали, пока храп Гая и мерное дыхание Яна не возвестили, что мальчишки крепко спят.

Сэм уже давно намеревался поговорить с Калевом, и тут ему представился удобный случай.

— Послушайте, мистер Калев, — начал он быстро, — я не собираюсь защищать отца, но я знаю его так же хорошо, как и он меня. Это прямой и честный человек. Можете мне поверить! Он часто кому-нибудь помогает исподтишка, чтоб никто не заметил. И об этом никто не говорит. А если уж он с кем-то поссорится, то кричат на весь свет! Я знаю, он плохо думает о вас и вы о нем. Так надо разобраться толком!

Сэм был умный мальчик, и теперь он говорил очень убедительно, совсем как взрослый.

Калев что-то проворчал и продолжал курить.

— Расскажите мне, что вышло между вами, и мы с мамой уладим все, повлияем на отца.

Хорошо, что Сэм вспомнил о своей матери. Калев знал миссис Рафтен еще молоденькой девушкой. Она

всегда верила в Калеба и даже после ссоры никогда не скрывала своего доброго отношения к нему.

— Да нечего особенно и рассказывать, — горько ответил Калеб. — Он надул меня при обмене лошадьми, потом очень торопил с уплатой долга. Пришлось мне продать овес по шестьдесят центов, а он скупил все и через полчаса продал мой овес по семьдесят пять! Мы крупно поспорили, и, кажется, я сказал, что отомщу ему. В тот день рано утром я ушел из Дауни. Рафтен положил себе в карман триста долларов. У меня же не осталось ни цента. Деньги он взял с собой: банк уже был закрыт. По дороге домой в него стреляли. Наутро в том месте нашли мой кисет и несколько адресованных мне писем. Я думаю, что их подбросили туда, чтобы на меня пало подозрение. Только они перестарались! Так все люди говорят. Потом твой отец натравил на меня Дика Пога, и я потерял ферму. Вот и все.

Сэм помолчал минуту и мрачно сказал:

— Все это верно, и про овес и про долг, — таков уж отец. Но то, что вы думаете про Дика, — это неправда. Отец никогда не пойдет на подлость.

— Ты так думаешь? Что ж, это твой отец.

Сэм не ответил и положил ладонь на голову Турка. Тот тихонько заворчал.

— Все против меня, против моей собаки, — продолжал Калеб. — Пог болтает, что пес таскает овец, и все верят. Никогда я не слышал, чтобы собака таскала овец! И овцы пропадают почти каждую ночь, даже когда Турок сидит со мной в хижине.

— Так чья ж собака это делает?

— Не знаю, собака ли. Говорят, каждый раз там оставалось пол-овцы. Жаль, что я сам ни разу не видел, а то сказал бы, кто ходит за овцами. По-моему, это рысь.

Снова голоса в типи смолкли. Вдруг по лесу пронесся все тот же вой, от которого у мальчиков волосы становились дыбом. Но Турок и на этот раз даже ухом не повел.

Калеб и Сэм раздули костер поярче и легли спать.

Дождь шел непрерывно, и ветер то и дело налетал на палатку. Утром Калеб поднялся первым и приготовил к завтраку "пирог прерий" из свинины, картошки, хлеба и маленькой луковки. Все наслаждались королевской едой, позабыв про ночные страхи. Дождь перестал, но ветер не унимался. По небу бежали темные тучи. Ян вышел посмотреть на следы, но ничего не нашел.

День провели в лагере, делая стрелы и раскрашивая типы.

Калев снова согласился ночевать у индейцев. В ту ночь крик банши слышался всего один раз. Но спустя полчаса раздался тоненький писк; мальчики едва уловили его, а Турок вскочил и, пробравшись под дверь, бросился с громким лаем в лес.

— Дичь учуял, — сказал охотник, а когда лай сменился визгом, добавил: — Вот теперь на дерево загнал.

— Вдруг он банши загнал? — встрепенулся Ян и вскочил в темень.

За ними вышли и остальные. Они увидели, что Турок, яростно лая, бросается на большой бук. Но в темноте им никого не удалось разглядеть на дереве.

Не переставая удивляться, что собаку тревожит какой-то писк, в то время как воплей он не слышит, все вернулись в типы.

На следующее утро Ян нашел неподалеку следы обыкновенной кошки: очевидно, ее-то и загнал Турок на дерево.

Когда Ян нагнулся, чтобы получше разглядеть следы, он услышал сквозь ветер знакомый зловеющий скрип. Днем это было не так страшно. Взглянув наверх, Ян увидел, как от сильного ветра сталкиваются и трутся друг о друга две большие ветки. Это и был тот "банши", которого боялись все, кроме Турка.

Один только Гай не поверил и по-прежнему считал, что по ночам рычали медведи.

Как-то поздним вечером он разбудил обоих вождей:

— Ян! Сэм! Вставайте! Тот медведь снова здесь! А вы всё не верили!

Снаружи слышалось громкое чавканье, прерываемое по временам рычанием или храпом.

— Правда, там кто-то есть, Сэм, — шепнул Ян. — Турка бы сюда и Калеба!

Мальчики слегка приоткрыли дверь и выглянули наружу. При тусклом свете звезд они различили большого черного зверя, который подбирал остатки пищи и выгребал консервные банки из ямы. Сомнений не было — это медведь.

— Что ж делать?

— Стрелять не вздумайте! Это только озлобит его. Гай, раздуй огонь посильнее, — приказал Бобр.

— Почему у нас ружья нет? — стуча зубами, прошептал Гай.

— Тихе ты! Послушай, Сэм, Ветка... то есть как его... Ястребиный Глаз сейчас раздует костер, а мы в случае чего будем стрелять тупыми стрелами.

Мальчики вытащили луки. Гай, дрожа от страха, уговаривал их не стрелять.

— Зачем его дразнить? — уверял он. — Наверное, это очень свирепый зверь.

Костер у Гая никак не желал разгораться, а тем временем медведь подбирался все ближе. Он поднял морду, и мальчики увидели его большие уши.

— Не стрелять, пока он не подойдет, — шепнул Сэм.

Услышав это, Гай оставил костер и мигом взобрался на перекладину между шестами, на которой обычно подвешивали котелок. Увидав, что мальчики натянули луки, он разразился слезами:

— Не надо, он съест нас всех!

Медведь приближался, и мальчики пустили стрелы. Зверь бросился прочь с громким визгом, который уже не оставил никаких сомнений, что это свинья с фермы Бернсов. Видно, Гай снова забыл закрыть калитку, и она пришла по его следам.

Гай слез на землю и присоединился к общему веселью.

— Я ж вам говорил: не стреляйте. Мне сразу показалось, что это старый боров!

— Поэтому ты и забрался наверх? — насмешливо спросил Сэм.

Утром выяснилась еще одна тайна: след, который Ян принимал за олений, был всего-навсего отпечатком свиного копыта.

XXIV

Ястребиный Глаз снова требует награды

Однажды после завтрака, когда Ян чистил ножи, вонзая их в землю, он сказал:

— В давнее время войны иногда расходились в поисках приключений, а потом встречались в условленном месте и рассказывали о своих подвигах. Давайте и мы сегодня пойдем поодиночке.

— Тащим соломинки, — коротко сказал Дятел.

— Только держать их буду я! — поспешно заявил Гай. — А то мне опять выпадет идти домой по вашей милости.

— Пожалуйста, — сказал Ян. — Возьми три соломинки — длинную для Дятла, среднюю — для меня, а короткую — тебе. Бросаем первый и последний раз. И чтобы никаких споров!

Соломинки полетели вниз, и Старшие Вожди торжествующе завопили: соломинка Гая указывала в сторону его дома.

— Ничего подобного! — возмутился Гай. — Я иду в противоположную сторону.

— Мы идем до тех пор, пока не встретим что-нибудь интересное. Вернуться назад мы должны, когда луч достигнет этого шеста, — сказал Ян.

Солнечный луч, проникавший в дымовое отверстие, служил им "индейскими" часами. В распоряжении ребят было около четырех часов.

Из долгого похода Сэм и Ян вернулись почти одновременно; вскоре пришел и Гай.

— Послушайте, ребята! — еще издали восторженно крикнул он. — Что со мной было! Дайте я первый расскажу!

— Молчи! — отрезал Дятел. — Ты пришел последний!

— Как хотите! Все равно я получу высшую награду! — не удержался Гай.

— Начинай, Вождь-сидящий-на-ветке.

И Сэм принялся рассказывать:

— Я пошел прямо туда, куда указывала моя соломинка. Назад я не хожу: это недостойно вождя и воина. — И Сэм печально взглянул на Гая своими раскосыми глазами. — Шел я, шел и дошел до пересохшей речки. Но это меня не остановило. Ничто не могло меня остановить! Перешел я реку и добрался до осинового гнезда. Но я не стал трогать мирных букашек и двинулся дальше. Вдруг сверху послышалось тихое рычание. Взглянул туда, но ничего не заметил. Рычание стало громче, и тут я увидел голодного бурундука, который собирался на меня прыгнуть. Когда я вытащил стрелу с костяным наконечником, этот зверь заговорил человеческим голосом: "Твое имя Дятел?" Тут я испугался до смерти и солгал впервые в жизни. Я сказал ему: "Нет, меня зовут Ястребиный Глаз". О, вы бы посмотрели на него! Он просто побледнел! Каждая полоска на его спине поблекла, когда он услышал это имя. Он бросился к бревну и юркнул внутрь. Я кинулся к другому концу, он — снова к этому. Так мы бегали до тех пор, пока я не протоптал вокруг бревна настоящую дорогу, а у бурундука вместо

хвоста висели только жалкие волоски. Наконец я придумал, что делать. Я стащил сапог и сунул его голенищем в отверстие с одной стороны. Потом я стал бить палкой по другому концу. И тут бурундук помчался прямо ко мне в сапог. Тогда я схватил его и перевязал голенище. Пришлось идти домой в одном сапоге. Но зато смотрите!

— Ну-ка, покажи, — сказал недоверчиво Гай.

Сэм разорвал веревку, из сапога выскочил бурундук и опрометью кинулся прочь.

— Ну, сын мой, — сказал Сэм, когда зверек исчез, — расскажи теперь ты свои приключения, да смотри только не завирайся!

— Это все чепуха! — воскликнул Гай. — Вот я...

— Молчи, Ястребиный Глаз, теперь очередь Бобра.

— Да у меня не было особых приключений, — начал Ян, — я пошел прямо, куда указывала соломинка, и наткнулся на большой засохший ствол. На таком гнилом и старом дереве птицы обычно не селятся, да сейчас и не время уже. Я взял дубинку, расколол ствол пополам и увидел историю всех поселений, которые устраивались в этом дереве. Прежде всех выдолбил там себе гнездо дятел и прилетал туда два или три года подряд. Когда он покидал гнездо, а может, просто между его прилетами, селилась там черноголовая синица. Я нашел ее перышки. Потом там жил дрозд: он натаскал в гнездо кучу всяких корешков, измазанных в глине. После него узнала про это жильё сойка: в подстилке гнезда я нашел скорлупу ее яицек. Потом, годом позже, я думаю, там поселилась пара ястребов и вывела птенцов. И однажды эти разбойники, наверное, принесли в гнездо землеройку.

— А что это такое?

— Вроде маленькой мышки. Только она совсем не мышка. Скорее, двоюродная сестра кроту... Ну вот, — продолжал Ян, — может, впервые за миллион лет случилось так, что маленькие ястребята были сыты. Раненая землеройка, как только освободилась от когтей хищника, попробовала спастись бегством. Сначала она спряталась за спинки птенцов, потом прорыла ход через мягкую подстилку гнезда, добралась до твердого доньшика. Тут уж ей не хватило силы рыть дальше, и она умерла. Лежала она здесь много лет, пока не пришел я, не разломал сгнивший ствол и не прочел всю эту печальную историю, которой, может быть, не было никогда. Вот я зарисовал все гнезда и высохшее тельце землеройки.

Сэм слушал с напряженным вниманием, а Гай не думал скрывать своего презрения.

— Ерунда какая-то! — воскликнул он. — Разве это приключения? Одни догадки. Вот меня послушайте...

— Только смотри, Ястребиный Глаз, самые страшные места выбрось, пожалуйста. Я сегодня что-то не в себе. Ты их оставь на завтра, — сказал Дятел.

— Пошел я прямо, — начал Гай, — как указывала соломинка, и встретил сурка. Но я решил, что займусь им в другой раз. Слишком легко я их убиваю. Потом увидел, как ястреб понес цыпленка; он был слишком далеко, и я не стал стрелять. Потом была уйма старых пней, по которым скакали сотни белок, но я не стал их трогать.

Ферму я тихонько обошел, чтобы меня не услышала собака, и дошел уже почти до самого Дауни, как вдруг из-под ног вылетела куропатка, огромная такая, с индюка наверное! А с ней целый выводок — штук тридцать или сорок. Одна уселась на высокое дерево. Вы бы ни за что не разглядели ее! Ну, а я очень спокойненько выстрелил и попал. Я метился точно в глаз. Так кто теперь должен получить "гран ку"? Разве не я?

Ястребиный Глаз распахнул куртку и вытащил птенца малиновки с общипанным хвостиком.

— Это и есть твоя куропатка? — спросил Дятел, делая ударение на каждом слове. — Я эту птицу называю "малиновка"! Нарушение правил: убийство певчей птицы. Маленький Бобр, арестуй преступника!

Ястребиный Глаз яростно сопротивлялся, но, связанный по рукам и ногам, остался лежать на земле, ожидая решения. Совет был настроен очень серьезно, и неудачливый охотник наконец признал себя виновным. Совет постановил носить провинившемуся в течение трех дней черное перо в знак немилости и белое перо — за трусость. Решено было также, что целую неделю он должен мыть посуду. Хотели заставить его быть бессменным поваром, да только они уже имели случай убедиться, что застряня получается у Третьего Вождя.

— Ничего я не стану делать! — решительно заявил Гай. — Я уйду домой!

— И будешь там мотыжить огород? Очень хотел бы на тебя посмотреть.

— Отстаньте!

— Маленький Бобр, что делают индейцы, если воин отказывается повиноваться Великому совету?

— Лишают его всех наград и отличий. Помнишь, как мы сожгли щепку с именем "Ветка"?"

— Отличная мысль! Мы сожжем теперь имя "Ястребиный Глаз" и восстановим старое прозвище!

— Нет! Нет! — закричал Гай. — Вы не смеете! Вы сами обещали, что никогда больше не будете называть меня так...

— Будешь ли ты повиноваться решению совета, несчастный?

— Да. Только я не хочу носить белое перо. Я ведь храбрый!

— Так и быть, это отменяется. Остальное ты исполнишь?

— А я останусь Ястребиным Глазом?

— Да.

— Хорошо. Я все сделаю.

XXV

Бродяга

Билл Хеннард, широкоплечий грубый человек, наследовал от отца хорошую ферму, но лень и безделье скоро сделали Хеннарда преступником. Не раз он сидел в тюрьме. Его хорошо знали в округе: немало краж связывали с его именем. Поговаривали, что, если бы не покровительство одного человека, Хеннард давно бы уж попал в исправительный дом.

Кое-кто намекал даже, что покровителем его был один из состоятельных сэнгерских фермеров, у которого были жена, сын и маленькая дочь... И звали его Уильям, а фамилия начиналась с буквы "Р". "Только, ради бога, никому ни слова!" — обычно добавляли люди, обсуждая эту тему.

Разумеется, эти слухи никогда не достигали ушей тех, о ком шла речь.

В тот вечер Хеннард покинул Дауни и, избегая дорог, пошел напрямик через лес к одному своему приятелю, чтобы сообщить об очень важных делах, особенно важных для самого Хеннарда. Он был сильно пьян, заблудился и прилег под деревом, где и проспал всю ночь. Утром он отправился на поиски дороги. Через некоторое время бродяга наткнулся на тропку, которая привела его в лагерь сэнгерских индейцев. Хеннард был страшно голоден и зол. Он подошел к типи как раз в тот момент,

когда Маленький Бобр жарил мясо. Услыхав за спиной шаги, Ян обернулся, думая, что кто-то из индейцев уже вернулся, но перед ним стоял верзила-оборванец.

— Что, паренек, обед готовишь? Я бы не прочь поест, — сказал бродяга с неприятной улыбкой.

Вид у него был самый отталкивающий, но говорить он старался вежливо.

— А где твои родные?

— Их здесь нет, — ответил Ян, с ужасом вспоминая бродяг из Гленьяна.

— Что ж это ты, совсем один?

— Товарищи вернутся после полудня.

— Очень приятно. Рад слышать это. Ну-ка, подай мне ту палку! — грубо сказал бродяга, показывая на висевший лук.

— Это мой лук! — ответил Ян. Гнев и страх овладели мальчиком.

— Я дважды повторять не люблю! Дай сюда, иначе я тебя проучу.

Ян понял не шевелясь. Бродяга сорвал лук и наотмашь ударил мальчика по ногам и спине.

— Ну-ка, щенок, неси мне скорей обед! Иначе я тебе шею сверну!

Ян понял, что попал в беду. Он вспомнил совет Рафтена завести хорошую собаку. Мальчик оглянулся и хотел было бежать, но бродяга в два прыжка нагнал его и схватил за воротник.

— Так не пойдет, паренек! Я тебя заставлю слушаться.

Он содрал тетиву лука и, повалив Яна на землю, связал ему ноги. Теперь мальчик мог делать только маленькие шажки.

— Торопись! Я голоден. Не вздумай подмешать чего в еду! Если снимешь веревку — убью. Видишь эту штуку? — И бродяга показал большой нож.

Слезы катились по лицу Яна, когда он принялся готовить.

— Пошевеливайся! — донеслось из типи.

Если бы бродяга взглянул в ту минуту на тропинку, то заметил бы там мальчишку, который прятался за кустом.

— Вы что, убить меня хотите? — отчаянно крикнул Ян после новых затрещин, которые так и сыпались на него.

— Не знаю еще. Может, и убью, когда все закончу. Принеси мяса, да смотри не пережарь его. Где сахар для кофе? А теперь дай табаку!

Ян проковылял к типи и вынес оттуда кисет Сэма.

— Это что там за сундук? — спросил бродяга, показывая на ящик, где хранилась кое-какая одежда. — Открой его.

— Не могу. Он заперт, а ключ у Сэма.

— Ах, у него нет ключа! Ничего, у меня найдется. — И бродяга топором сшиб крышку. Обшарив карманы, он вытащил серебряные часы Яна и два доллара из штанов Сэма. — Вот это-то мне и нужно! — И он бросил все себе в карман. — Похоже, что костер хочет еще дров, — сказал он, заметив колчан со стрелами, и мгновенно все они полетели в огонь.

В этот момент Ян успел разглядеть, что на руке у бродяги всего четыре пальца...

— Что в другом сундуке? — спросил оборванец.

— Там — еда.

— Принеси сюда.

— Тяжелый очень, я не смогу.

— Эх ты, бестолковый! — крикнул бродяга и снова толкнул Яна.

Упав, Ян увидел рядом с собой на траве нож с изображением оленя на рукоятке. Вот где было спасение! Ян одним махом перерезал веревку и стремительно бросился прочь. Бродяга с криком кинулся вслед. Мальчик бежал, не чуя под собой ног, и вдруг вдали он увидел знакомую фигуру. Крикнув из последних сил: "Калев! Калев!" — Ян упал в траву.

Калев услышал отчаянный крик мальчика. Он поспешил на помощь, и через минуту старик и бродяга в жестокой схватке катались по земле. Турка не было с хозяином, и очень скоро стало ясно, кто выйдет победителем. Дюжий оборванец после нескольких ударов подмял старика. Не найдя ножа, бродяга схватил камень, и минуты жизни старого охотника были бы сочтены, если б вдруг из лесу не выскочил Уильям Рафтен. Камень, предназначенный для Калева, полетел в Рафтена, но тот, ловко увернувшись кинулся на оборванца.

Теперь силы были равны! Рафтен хорошо помнил приемы бокса, и через несколько минут сильный удар свалил бродягу с ног.

— Веревку! — крикнул Рафтен Гаю, вылезшему из кустов.

Он надежно скрутил бродяге руки.

— Кажется, видел я эту руку раньше, — произнес Рафтен, заметив, что на руке бродяги не хватает среднего пальца.

Он подошел к своему бывшему приятелю и спросил:

— Калеб, ты жив? Это я, Билл Рафтен.

Калеб с трудом повернул голову, оглядывая стоявших. Ян тоже подошел к нему и, наклонившись, спросил:

— Вы ранены, мистер Кларк?

Старик покачал головой и показал себе на грудь.

— Он еще не отдышался, — пояснил Рафтен. — Через минутку-другую придет в себя. Принеси воды, Гай.

Ян рассказал, что произошло с ним, а Гай добавил кое-что. Он возвращался в лагерь раньше, чем условились, и увидел из-за кустов, как бродяга бил Яна. Первым движением Гая было броситься за отцом, но потом он передумал и решил позвать более сильного — Рафтена.

Бродяга сидел и бормотал себе что-то под нос.

— Сейчас отведем этого разбойника к нам, а потом сдадим в полицию. Годок посидит в холодке, может, пойдет ему на пользу! Гай, держи конец веревки и веди его. Я помогу Калебу.

Гай сиял от счастья.

— Но! Но! Лошадка!

Рафтен помог Калебу подняться с той же осторожностью, с какой много лет назад Калеб выхаживал его самого, когда его чуть не убило упавшее дерево.

В лагере они встретили Сэма. Он ничего не знал о случившемся. Калеб по-прежнему был бледен и слаб. Посадив его у костра, Рафтен сказал сыну:

— Принести из дому чего-нибудь согревающего.

Сэм побежал домой и вернулся через полчаса.

— Выпей, Калеб, — сказал Рафтен. — Выпей, полегчает.

Когда утром Сэм уходил домой из лагеря, у него была очень ясная цель. Он пошел прямо к матери и рассказал ей про недоразумения, связанные с именем Калеба. И потом они долго разговаривали об этом с отцом.

Рафтен не захотел признавать себя неправым, и Сэм ушел в лагерь очень расстроенный. Каково же было его изумление, когда он увидел то, к чему так долго стремился, — Рафтен и Калеб сидели вместе у огня!

Отвоёванная ферма

Сколько чудес таит в себе лагерный костер! Его жар растопит всякое недоброе чувство. Люди, сидевшие когда-нибудь у одного костра, связаны навеки.

Дружба, возникшая еще двадцать лет назад, вновь воскресла благодаря этому священному огню. Рафтен и Калев сидели рядом, как добрые товарищи, хотя неловкость между ними еще не исчезла.

Рафтен исполнял должность судьи. Он послал Сэма за полицейским, чтоб тот забрал бродягу. Ян пошел на ферму рассказать все миссис Рафтен и заодно захватить продуктов. Гай тоже исчез куда-то. Калев лежал в типи; Рафтен на минутку зашел к нему, а когда снова вышел, то увидел, что бродяги и след простыл. Вертввки его были развязаны, а не сняты. Как он мог сделать это сам, без чьей-либо помощи?

— Ничего, — сказал Рафтен, — этого беспалого мы найдем. Как ты думаешь, Калев, это не Хеннард?

Они долго беседовали. Калев рассказал, как у него пропал револьвер, еще когда они с Погом жили в одном доме, и как теперь он нашелся. Оба вспомнили, что Хеннард был поблизости во время ссоры на ярмарке. Теперь многое стало понятным.

Но одно было совершенно очевидным: Калеба обманым путем лишили всего на свете, и оставались считанные дни до того, как Дик, вопреки уговорам Сариианны, окончательно прогонит старика.

Рафтен долго думал и наконец сказал:

— Если ты, Калев, сделаешь все, как я скажу, ты вернешь себе ферму. Прежде всего, я тебе одолжу на неделю тысячу долларов.

У Калеба глаза раскрылись от удивления. Что делать дальше, он не узнал, так как пришли мальчишки. Только немного спустя Рафтен открыл старику свой замысел.

— Тысячу долларов! — воскликнула миссис Рафтен, когда муж рассказал ей об этом. — Не слишком ли ты испытываешь честность человека, Уильям, который, может быть, еще зол на тебя?

Рафтен усмехнулся.

— Я не ростовщик и не грудной младенец! — сказал он. — Я ему одолжу эти деньги, — и Рафтен вынул пачку фальшивых кредиток, которые ему, как судье, были

отданы на временное хранение. — Тут, правда, пятьсот или шестьсот долларов. Ну, ему, может быть, хватит.

На следующий день старик пошел к своему дому, как он говорил, то есть к дому Пога, и постучал в дверь.

— Добрый день, — сказала Сарианна, не утратившая еще добрых чувств к отцу.

— Чего тебе надо здесь? — грубо крикнул Дик. — Будь доволен, что живешь на нашей земле. Нечего сюда бегать день и ночь.

— Слушай, Дик, ты забыл...

— "Забыл"! Я ничего не забыл, — возразил Дик, перебивая жену. — Он должен был помогать мне на ферме, а ничего делать не хочет, да и думает еще жить на моей шее!

— Я вас не долго буду мучить, — с грустью сказал Калев, проковыляв к стулу. Старик был бледен и казался очень больным.

— Что с тобой, отец?

— Дела мои плохи. Долго не протяну. Скоро уже и конец.

— Велика потеря! — буркнул Дик.

— Я... я отдал вам свою ферму и все, что у меня есть...

— Молчи, надоело слушать!

— Все или почти все... Я... только не говорил о деньгах... Я немножко скопил... Я... Я... — И старик задрожал. — Я так озяб!..

— Дик, разведи огонь, — сказала Сарианна.

— Совсем подохнем от жары! Не буду.

— Деньги небольшие, — продолжал старик, — всего пол... полторы тысячи долларов. Вот они, со мной, — и он вытащил пухлую пачку банкнотов.

У Дика глаза готовы были выскочить из орбит, а Калев, словно невзначай выставил из кармана белую ручку револьвера.

— Ах, отец! — воскликнула Сарианна. — Ты болен! Дик, разведи сейчас же огонь.

Дик засуетился, и через минуту в камине пылал яркий огонь. В комнате стало нестерпимо жарко.

— Вот, отец, — совсем другим голосом заговорил Дик, — немного виски и содовая. Может, примешь хины?

— Нет, мне лучше... Да, так я говорил, что мне осталось недолго жить на свете. Законных наследников у меня нет, и все сбережения перейдут правительству... Но я посоветовался с адвокатом... И он сказал, что одно словечко только добавить в дарственной записи на фер-

му... и деньги будут... ваши. — Старик дрожал с головы до ног и временами глухо кашлял.

— Послать за доктором, отец? — спросила Сарianne.

— Правда, может позвать? — нехотя откликнулся Дик.

— Нет, ничего. Я обойдусь. У вас здесь дарственная?

— Она у Дика в ящике.

Дик побежал за документом.

Старик дрожащей рукой перебирал банкноты, словно пересчитывал их.

— Верно, полторы тысячи, — сказал он, когда Пог появился с бумагой в руках. — У вас найдется перо?

Дик пошел искать пузырек чернил. Рука Калеба сильно дрожала, когда он взял дарственную запись. Он посмотрел на нее — да, это была та самая бумага, что сделала его нищим. Кaleb быстро оглянулся. Дик и Сарianne были в другом конце комнаты. Старик встал, сделал шаг вперед, и документ полетел в огонь. Держа револьвер в правой руке, а кочергу в левой, Кaleb стоял прямо и твердо. Слабость его как рукой сняло.

— Назад! — резко скомандовал он, когда Дик хотел кинуться к камину.

В несколько секунд документ сгорел, а с ним исчезли и все права Пога на ферму.

— Ну, — голос Калеба гремел, — убирайтесь из моего дома! Вон! И не вздумайте прихватить что-нибудь с собой.

Затем Кaleb громко крикнул: "Сюда!" — и три раза стукнул по столу. Снаружи послышались шаги. В дом вошел Рафтен в сопровождении троих мужчин.

— Судья Рафтен, именем закона прикажите этим людям оставить мой дом!

Кaleb дал Погу несколько минут, чтобы собрать одежду. Некоторое время спустя Пог с женой покинули ферму.

Снова Кaleb стал владельцем своей фермы. Рафтен поздравил старика, а потом напомнил про деньги. Старик поспешно вытащил пачку.

— Вот они, Билл! Я, правда, и не сосчитал их. Большое спасибо, старина! Если тебе когда-нибудь понадобится помощь, помни обо мне.

Рафтен улыбнулся, пересчитал деньги и сказал:

— Все в порядке.

А через неделю к старому охотнику вернулась дочь, Сарianne. Пог исчез. Беспальный бродяга тоже больше не появлялся, и кражи в округе прекратились.

Вражеское племя

В честь радостного события Калев устроил веселый ужин. На него собрались всей семьей Рафтены, Бернсы и семья Бойла. Племя было в центре внимания. Калев отлично понимал, что эта встреча произошла благодаря индейцам.

Здесь Ян впервые увидел четырех мальчиков: своего сверстника смуглого, живого Весли Бойла, его брата Питера, веснушчатого толстяка лет двенадцати, их двоюродного брата Чарлза Бойла и Сайруса Дигби, городского мальчика, приехавшего к родным на лето.

Всем им очень понравилась жизнь, которую вели сэнгерские индейцы, и они тут же решили образовать новое племя. Так как большинство носило фамилию Бойлов и поселилось племя в лесах Бойла, они назвали себя бойлерами.

Вождем племени стал Весли. За крючковатый нос, темные волосы и карие глаза его прозвали "Черным Ястребом". Городского паренька, большого задаваку и бездельника, звали "Голубой Сойкой". Питер Бойл стал "Чижиком", а Чарлз за свой необычный смех и торчащие вперед зубы — "Красной Белкой".

Бойлеры постарались устроить свой лагерь так же, как и сэнгерские индейцы. С первого дня между племенами вспыхнула смертельная вражда. Сэнгерцы считали себя опытными лесными жителями. Бойлеры полагали, что знают столько же и даже еще больше, к тому же их племя было многочисленнее сэнгерцев. Вскоре начались сражения. Первая битва была на кулаках и кончилась вничью. Потом состоялся поединок вождей, и победителем вышел Черный Ястреб, который получил скальп Дятла.

Бойлеры неистовствовали от радости. Они хотели даже захватить лагерь сэнгерцев, но эта попытка потерпела неудачу. Вскоре Гай победил Чарлза и завладел его скальпом. Вслед за этим Маленький Бобр послал вызов Черному Ястребу, который с насмешкой принял его. И снова победителем вышел Черный Ястреб.

У себя в городе Ян считался робким, застенчивым мальчиком. Жизнь в Сэнгере сильно изменила его. Уважение главы дома внушило Яну некоторую уверенность в себе, а жизнь в лесу сделала самостоятельным, влила

бодрость и силу. Когда на следующий день после поражения Ян снова вызвал Черного Ястреба, все очень удивились. Действительно, Яну пришлось сделать над собой огромное усилие, потому что одно дело вызывать на бой того, кого непременно поколотишь, и совсем другое, когда хочешь вступить в бой с тем, от кого накануне потерпел поражение.

Ян заметил, что Черный Ястреб был левшой, и решил использовать это. Каждый удивлялся отваге Яна, но все пришли в настоящее восхищение, когда Маленький Бобр одержал блестящую победу.

Воодушевленные сэнгерцы перешли в наступление и прогнали врагов со своего поля, а Сэм и Ян захватил по скальпу.

Вечером в честь победы сэнгерцы держали совет и устроили пляску со скальпами вокруг костра. На праздник они пригласили и Калеба.

После плясок Вождь Бобр, с лицом, размалеванным по индейскому обычаю, чтобы скрыть синяк, произнес речь. Он говорил, что бойлеры непременно будут искать подкрепления и снова начнут войну и поэтому сэнгерцам необходимо увеличить свое племя.

— Да я этого Чарлза когда хочешь положу на обе лопатки! — расхвастался Гай и бросил вражеский скальп на землю.

— Я б на вашем месте, мальчики, — сказал Калеб, — заключил мир. Раз вы победили, то и должны начать переговоры.

Через несколько дней оба племени в полной боевой татуировке встретились за дружеской беседой.

Вождь Дятел обратился к бойлерам:

— Слушайте, ребята... я хотел сказать — Братья Вожди! Ссориться — последнее дело! Давайте лучше устроим одно племя.

— Это можно! — сказал Черный Ястреб. — Только племя будет называться "бойлеры", потому что нас больше, а вождем останусь я.

— Нет, — сказал Дятел, — наш лагерь лучше и живем мы в лесу дольше вас, значит, мы — старейшее племя.

Но главным козырем сэнгерцев была запруда, и она решила все: бойлеры присоединились к сэнгерцам, а вопрос о названии племени решил Маленький Бобр.

— Воины бойлеры! — сказал он. — У индейцев есть обычай делить племя на кланы. Мы — сэнгерский клан,

а вы — клан бойлеров. Но раз мы все живем в Сэнгере, то и должны зваться сэнгерскими индейцами.

— А кто будет Главным Вождем?

Черный Ястреб и не думал подчиняться Дятлу, которого он победил, а Великий Дятел не хотел вождя из другого племени.

Кто-то предложил, чтобы вождем стал Маленький Бобр, но тот отказался, не желая обидеть своего друга.

— Подождите несколько дней, — сказал Калев, — пока хорошенько не узнаете друг друга.

Теперь все дни племя проводило в лагере. Бойлеры строили себе типи, устраивали постели, сэнгерцы помогали им, и было шумно, как будто трудился пчелиный рой.

XXVIII

Новые игры

Черный Ястреб придумал игру "в догадки".

— Сколько шагов отсюда до той сосны? — спрашивал, например, он.

И воины писали каждый свое, а потом измеряли расстояние. В этой игре большей частью побеждал Черный Ястреб или Дятел. Гай по-прежнему держал первенство по остроте зрения. Каждый раз, когда ребята хотели устроить новую игру, он предлагал такую, в которой мог бы показать свою зоркость.

Ян, по примеру Черного Ястреба, тоже предложил новую игру.

— Определи рост собаки по ее следу, — сказал он как-то.

— Да это никто не сможет, — недоверчиво возразил Черный Ястреб.

— Ошибаешься, я могу, — сказал Ян. — Измерь длину следа передней лапы и помножь на восемь, вот и будет рост собаки до ее плеча.

— И ты думаешь, это для любой породы? — с сомнением спросил Сэм.

— Вес собаки, — продолжал Ян, — тоже можно определить по ее следам. Помножь ширину следа передней лапы на его длину, а потом это число помножь на пять, получишь приблизительный вес. Я испробовал на старом Кэпе. Его лапа три с половиной дюйма на три, это равняется десяти с половиной; помноженное на пять, дает пятьдесят два с половиной фунта.

— Я видел одну собаку на выставке, и, по-моему, к ней твое правило не подходит, — сказал Сэм. — Она была длинной в две моих руки, лапы широченные, как у медвежонка, а росточком — не выше кирпича.

— Ты про таксу говоришь, — сказал Ян. — Но это исключение. А для диких зверей — лисы, волка — такое правило годится... Высоту дерева по его тени сможешь определить? — снова спросил Ян.

— Никогда не думал об этом...

— Надо дождаться, когда твоя тень сравняется с ростом, это бывает в восемь утра или в четыре пополудни. Вот тогда измерь длину тени дерева и получишь его высоту.

— Это надо весь день ждать! Потом, в лесу не у каждого дерева видна тень. Кроме того, что же делать, когда пасмурно? — возразил Черный Ястреб. — Я бы определил на глаз.

— Ставлю свой скальп против твоего, что определю высоту вон того дерева точнее, чем ты! — сказал Маленький Бобр.

— Нет, скальп я не буду ставить, а вот кто проиграет, тому мыть посуду.

— Идет.

— Лучше брать до той ветки. Ведь на макушку не влезешь, чтобы проверить, — сказал Черный Ястреб. — Ты суди, Дятел.

— Нет, я тоже хочу попробовать! Второй будет мыть посуду в следующую очередь.

Черный Ястреб внимательно осмотрел ствол и записал: тридцать восемь футов.

— Ястреб, — сказал Сэм, — около дерева надо вбить колышек, чтобы мерить от определенного места. Землято ведь неровная.

Черный Ястреб пошел вбивать колышек и тем самым помог Дятлу — теперь у Дятла было с чем сравнивать. Он знал, что Черный Ястреб ростом чуть больше пяти футов. И Сэм написал: тридцать пять.

Теперь пришла очередь Яна. Ян отошел от дерева и воткнул в землю шест в десять футов длиной. Затем лег на землю так, чтобы его глаз был на одной линии с верхушкой шеста и веткой. Конец этой линии он отметил колышком.

Ян измерил расстояние от этого колышка до шеста: оно равнялось тридцати одному футу, а от колышка до основания дерева — восьмидесяти семи; тогда он

составил уравнение: цифра тридцать один (расстояние от колышка до шеста) относится к десяти, то есть высоте шеста, как восемьдесят семь (расстояние от колышка до дерева) — к высоте дерева. Вышло: высота дерева равнялась двадцати восьми футам.

Один из бойлеров влез на дерево и веревкой измерил высоту. Оказалось двадцать девять футов. Победителем стал Ян.

Индейцы присудили Маленькому Бобру "ку" за его знания. Но Рафтен, услышав об этом, воскликнул:

— Послушайте! Это же великолепно, что он делает!

И он не успокоился до тех пор, пока Ян не получил "гран ку".

— Бобр, — сказал Дятел, — если передняя лапа собаки три с половиной дюйма ширины на три длины, то какого цвета у нее кончик хвоста?

— Белый, — быстро ответил Ян. — Собака с такой лапой скорее всего охотничья, а у нее кончик хвоста белый.

— Ну и не отгадал! У той собаки, про которую я говорю, хвост отрубили еще в детстве.

XXIX

Дальнее болото

Жизнь в племени была далеко не мирной. Черный Ястреб никак не мог свыкнуться с мыслью, что слабенький мальчик, который был к тому же еще и моложе, поборол его. Ему не терпелось скорее заново вступить в бой. Ян с каждым днем набирался сил. Он стал быстрым и гибким. В первом кулачном бою он потерпел поражение, но в следующий раз уложил воина из вражеского племени на лопатки.

Черный Ястреб был недоволен, но не выразил никакого желанья снова выйти на бой с Бобром. Через несколько дней после перемирия Черный Ястреб предложил Бобру дружеское состязание на скальпы.

— Без кулаков! — потребовал Бобр.

И через секунду рослый противник валялся на земле.

— Если кто из бойлеров хочет попробовать, я к его услугам! — сказал Ян, немного запыхавшись и помахивая вторым скальпом, отвоеванным у Черного Ястреба.

К его удивлению, Голубая Сойка принял вызов, и удивление Яна возросло еще больше, когда он очутился на земле.

Теперь Ян знал, что у него есть равный соперник. Произошла еще одна битва между Бобром и Сойкой, и на этот раз победу одержал Бобр.

Все это не решало вопроса о Старшем Вожде племени. Когда Калев узнал, что поединки продолжаются, он сказал:

— Мальчики, если вы никак не решите, кому быть Вождем, устройте выборы.

Маленький Бобр отказался выставлять свою кандидатуру. Дятел получил три голоса, Черный Ястреб — четыре, а Гай — один (свой собственный). Сэнгерцы снова не согласились.

— Давайте решим этот вопрос после трудного похода, — предложил Маленький Бобр, надеясь поддержать этим своего друга Дятла, — тогда станет ясно, кто заслуживает быть Старшим Вождем.

Калев обещал повести их в трехдневный поход на Лонг-Суомп — Дальнее болото.

Эта дикая пустошь тянулась миль на тридцать. Местами была топь, а кое-где островками высились скалистые холмы. Их покрывали бесплодная земля и лес, почти уничтоженный недавним пожаром.

Говорили, что на скалах встречали оленей и рысей. Зимой попадались волки. Селились там лисы, куропатки и зайцы. В речках водились бобры и выдры. Летом здесь можно было пройти только по еле различимым вырубкам, превращавшимся лишь зимой в надежные дороги. Туда Калев собирался повести мальчиков.

Наконец-то они уходили в настоящий "индейский поход" — открывать неизвестное, где, вероятно, их ждали всякие приключения!

На рассвете Маленький Бобр ударил в барабан. Высокий и чистый звук его предвещал хороший день.

В семь утра они вышли из лагеря и через три часа достигли Дальнего болота. Началась холмистая местность, всюду торчали обугленные стволы и пни, среди которых появилась нежная поросль тополей и осин.

Индейцы с удовольствием остановились бы здесь, но Калев сказал:

— Нет, пойдем дальше. Нужно найти воду.

Через милю они подошли к болоту, и Калев крикнул: — Привал!

Каждый занялся своим делом. Сэм собрал хворост для костра, Ястреб с Голубой Сойкой отправились на поиски воды.

Бобр немного огорчился, когда старый охотник разжег костер спичками. Мальчику хотелось, чтобы все было как у настоящих индейцев, но старик заметил:

— Когда живешь в лесу, надо на всякий случай иметь трут, но спички удобнее.

Черный Ястреб и Сойка вернулись с двумя ведрами грязной болотной воды.

— Там другой нет, — объяснили они в свою защиту.

— Покажи-ка им, Ян, — сказал Калев, — как добыть хорошей воды.

Второй Сэнгерский Вождь, помня наставления охотника, взял топор, быстро выгесал деревянную лопату и, отойдя от края болота шагов на двадцать, начал рыть ямку. Так бойлеры научились добывать чистую воду из любой лужи.

После ужина Калев предложил свой план:

— Бродить просто так — дело бестолковое. Надо всегда знать, куда и зачем вы идете. Если вы ищете приключений — идите без провожатых. Восемьмерым отправляться вместе ни к чему: своим шумом вы только распугаете зверей и ничего не увидите. Лучше разделиться. Я останусь в лагере и приготовлю все для ночлега.

Сэму выпало идти с Гаем, а Яну — с Чижиком. Весли должен был опекать младшего братишку Чарлза. Сойка, очутившись без пары, решил остаться с Калевом, чему втайне был рад, так как знал, что дорог на болоте нет.

— К северо-западу отсюда, — сказал Калев, — течет река Бобровая, которая впадает в Черную реку. Пусть кто-нибудь идет туда. Реку узнать нетрудно, она шириной в тридцать или сорок футов, и здесь это единственная большая река. Прямо к северу — равнина с маленьким ручейком, около которого, говорят, живут индейцы. Где-то к северо-востоку, по слухам, стоит сосновый бор, не тронутый огнем, и там видели оленей. Все эти места лежат милях в десяти отсюда, и, может, только индейский лагерь находится немного подальше. Вы пойдете на разведку, а вернувшись, расскажите, что видели. Киньте жребий, кому куда идти.

Яну досталось разыскать сосновый бор. Он, конечно, хотел бы пойти к индейцам, но это выпало Весли. Сэму надо было идти к реке. На прощание Калев дал каждому по коробке спичек и сказал:

— Буду ждать вас здесь. Я разожгу костер и к заходу солнца подкину в огонь гнилушек, чтобы вы издали смогли заметить дым. А теперь вот что я вам скажу. Определять дорогу надо по солнцу. Не старайтесь запо-

нить, где вы прошли, — это невозможно. Если кто из вас заблудится, разожгите два дымовых костра и ждите. Мы придем за вами.

Около одиннадцати часов мальчики отправились в путь. Перед уходом Черный Ястреб сказал:

— Кто первый выполнит свое поручение, получит ”гран ку”!

— Пусть три вождя оставят свои скальпы, — предложил Дятел. — Их получит победитель.

— Послушайте, мальчики, — сказал Кaleb, — возьмите с собой одеяла. — Может быть, вам придется заночевать.

Ян предпочел бы идти вместе с Сэмом, но делать было нечего. К тому же Чижик оказался славным паренком, только очень уж медлительным.

Ян и Чижик скоро оставили за собой холмы и подошли к болоту, кое-где поросшему отдельными деревьями. Пространство между ними заросло мхом, усеянным болотными цветами мухоловками, которые лепестками ловили себе добычу. Дорога делалась все труднее. Мальчики по колено проваливались в мягкий мох, под которым была вода, и скоро у них промокли ноги. Ян вырезал себе и Чижик по большому шесту, чтобы спокойнее идти на глубоких местах. Пройдя так две мили, Чижик захотел вернуться домой, но Маленький Бобр только высмеял его.

Вскоре они наткнулись на ручеек, по берегам которого скопилась странная желто-красная пена. Ручей был глубокий. Нащупать шестом дно не удалось, и Ян отказался от мысли перейти ручей вброд. Мальчики двинулись дальше, пока не увидели дерево, которое, словно мостик, соединяло оба берега. Так миновали болотистую местность. Они по-прежнему шли на северо-запад. Солнце сильно пекло, Чижик очень хотелось пить, и он утолял жажду из каждой ямки, где только сочилась вода.

— Послушай, ты заболеешь, — говорил ему Ян, — эту воду можно пить только кипяченой.

Но Чижик не слушал товарища. После двухчасового похода силы его иссякли, и он хотел повернуть назад. Ян отыскал сухой островок и собрался разжечь костер, но тут выяснилось, что, пока они пробирались по болоту, все спички отсырели. Это очень огорчило Чижика.

— Погоди, — успокоил его Ян, — сейчас я тебе покажу, как поступают индейцы.

Маленький Бобр вырезал из сухой пихты две зажига-тельные палочки, и скоро перед мальчиками запылал

костер. Чижик удивился: ведь ему никогда прежде не приходилось видеть, как добывают огонь трением.

Напившись чаю и закусив немного, Пит почувствовал себя лучше.

— Мы прошли миль шесть, — сказал Бобр, — и теперь, я думаю, скоро увидим лес, если он вообще тут есть.

Мальчики снова двинулись вперед через болота и выжженный лес.

Спустя час они подошли к островку, на котором высилось дерево с ветвями до самой земли. Ян взобрался на верхушку. На сколько хватало глаз, тянулись болота, кое-где поднимались холмы с обугленными стволами, а вдалеке темнела зеленая чаща. Это, видно, и был тот сосновый бор, к которому держали путь индейцы.

— Эй, Чиж! — крикнул Ян. — Посмотрел бы ты отсюда! Как красиво!

— Я бы хотел увидеть наш лагерь, — буркнул Пит.

Ян спускался с сияющим лицом.

— Теперь уже близко!

— Сколько еще идти?

— Самое большее мили две.

— Это ты твердишь всю дорогу!

— Но я видел лес! И реку. Скоро уже!

Через полчаса они подошли к реке. Глубокая, прозрачная, она медленно катила свои воды. По берегам росли ивы, а на воде покоились бесчисленные кувшинки.

Вдруг откуда-то донеслось знакомое: "Кряк!" Ян схватил лук и бросился к камышам в небольшом заливе. Тут он увидел трех диких уток. Ян послал стрелу: две птицы улетели, одна осталась на воде. Палкой Ян вытянул утку на берег.

Пит сидел чернее тучи, но, увидав Яна с добычей, повеселел.

Еще один переход, и мальчики вошли в сухой сосновый бор.

— Мы победили! — радовался Ян. — Теперь можно возвращаться!

— У меня ноги не идут, — сказал Пит, — давай отдохнем хоть немного.

— Сейчас четыре, — сказал Ян, взглянув на часы. — По-моему, нам лучше заночевать здесь.

— Нет, нет! — запротестовал Пит. — Я хочу домой! Похоже, дождь будет.

Собирались тучи, но Ян все-таки уговорил Чижика немного задержаться и поесть. Ему хотелось остаться на

ночлег, и он нарочно делал все очень медленно. Едва Ян разжег костер, как хлынул ливень. Когда дождь кончился, они развесили вокруг огня свою мокрую одежду. Так мальчики и заночевали в лесу, и Чижик впервые спал на мягкой подстилке из еловых веток.

На рассвете Ян вскипятил чай. Еды оставалось мало, и Ян решил зажарить утку по индейскому способу: выщипав перья, он закатал ее в сырую глину и засунул под горящие уголья. Через полчаса, когда Ян открыл свой глиняный пирог, утка оказалась подгоревшей с одного бока и сырой — с другого. Но кое-что можно было есть, и Ян позвал Чижика завтракать. Чижик был совсем больной. Он простудился, и вдобавок сказывалось вчерашнее питье болотной воды. Немного поев и выпив горячего чаю, он почувствовал себя лучше, но идти, конечно, не мог.

И тут впервые Яну стало страшно. Чем можно помочь заболевшему товарищу? Ведь до лагеря больше двенадцати миль!

Ян срезал кору на сухом маленьком деревце и написал карандашом на древесине: "Здесь ночевали 10 августа 18.. Ян Иомен и Пит Бойл".

Потом он устроил товарища поближе к огню, а сам полез на высокое дерево. На северо-западе, за небольшими желтоватыми холмами, Ян разглядел несколько крытых ветками хижин и типи. Из одной курился дымок. Это наверняка было индейское поселение, о котором говорил Калев. Ян быстро спустился с дерева и рассказал об этом Питу, но тот еле двигался. Было решено, что Ян отправится к индейцам один. Перед уходом он подложил в костер сырых веток, чтобы дым был далеко виден.

Через полчаса Ян подошел к двум бревенчатым хижинам и типи.

Собаки встретили Яна яростным лаем: пришлось отбиваться палкой. На шум из типи вышел индеец. Ян, как учил Калев, сделал несколько приветственных жестов. Потом, ткнув себя в грудь, поднял два пальца — это означало, что он не один. Указав в сторону соснового леса, Ян объяснил, что там находится его больной товарищ и, стукнув себя по животу ребром ладони, дал понять, что он голоден. Индейский вождь вынес мальчику олений язык и занялся опять своим делом. Ян с благодарностью взял мясо, затем быстренько набросал у себя в тетради индейский лагерь и двинулся назад.

Пит сидел у костра, встревоженный долгим отсутствием товарища. Чувствовал он себя гораздо лучше. Через полчаса мальчики отправились в обратный путь, который проделали без особых приключений. В три часа над холмами показался дымок от костра Калеба, и к четырем они с радостными криками ввалились в лагерь.

Калев устроил салют из револьвера, а Турок встретил ребят громким лаем. Оказалось, что все остальные вернулись еще накануне вечером.

Сэм сказал, что они "прошли миль десять и нигде не видали реки". Гай клялся, что они покрыли не меньше сорока миль и что он теперь вообще не верит, что там есть какая-нибудь река.

— Что же вы видели по дороге? — спросил их Ян.

— Ничего, кроме сожженного леса и скал.

— Вы взяли слишком к западу, — определил Калев.

— Ну, расскажи ты, Черный Ястреб, что вы видели.

— Если Ястребиный Глаз прошел сорок миль, — начал вождь бойлеров, — то мы — все шестьдесят! Но, кроме болота и сгоревшего леса, там ничего нет. От индейского лагеря и следа не нашли. Я думаю, там никто не живет.

— А песчаные холмы видали? — спросил Ян.

— Нет.

— Ну, значит вы не дошли еще несколько миль до индейцев.

Маленький Бобр рассказал свою историю, великодушно умолчав о том, как вел себя в путешествии Чижик. А Чижик, захлебываясь от восторга, расписывал познания Яна и особенно подробно рассказал, как Ян во время дождя добыл палочками огонь.

Когда все кончили, Калев сказал:

— Ян победил трижды, потому что нашел сосновый лес, который сам искал, потом — реку, которую искал Дятел, и еще индейцев, на поиски которых отправился Весли. Сэм и Весли, передайте Яну свои скальпы!

XXX

Снова рысь

За ужином незаметно пролетело время. Мальчики хорошо отдохнули и к вечеру были готовы отправиться в новое путешествие.

— Здесь водятся еноты, мистер Кларк? — спросил Ян.

— По-моему, да. В лесу около владений Бидди Бэггса много следов, очень похожих на енотовые.

Места эти были неподалеку, и мальчикам не терпелось отправиться туда немедленно. Ночь стояла душная, безлунная. От комаров не было отбою. Турок бежал, усердно обнюхивал землю. Он напал на чей-то след и быстро скрылся из виду. Скоро издали послышался его лай.

— Енот? — нетерпеливо сказал Ян.

Калев промолчал.

— Что там, мистер Кларк?

— Не знаю, что и думать, — медленно ответил старик. — Собака совсем терпение потеряла, лает как безумная. А на кого, понять не могу.

Когда охотники подошли ближе, они увидели, что Турок стоит под деревом и яростно лает, задрвав морду.

— Огня скорей! — торопил Дятел.

Через минуту у всех в руках пылали ветки. Раз или два охотникам удалось увидеть блестящие глаза зверя.

— Ну, кто полезет? — спросил Калев.

— Я! Я! — хором закричали все.

— Вы храбрые охотники, — сказал Калев, — только неизвестно, какой зверь там на дереве. Может, это крупный енот. Только почему-то собака лает, словно на кошку. А ведь в округе недавно убили пуму. Зверь забрался на дерево, но это еще не значит, что он боится собаки. По тому, как лает Турок, я думаю, здесь вас может ждать опасность. Кто же все-таки полезет?

Все смолкли. Потом Ян сказал:

— Я попробую, если вы дадите мне револьвер.

— Так и я пойду! — тут же вызвался Весли.

— Бросим жребий.

Лезть на дерево выпало Яну. Теперь не было слышно шуток, как прежде, когда он шел на енота. Ян чувствовал напряженное молчание, и ему становилось все страшнее. Страх этот усилился, когда Ян забрался на большую липу, густая крона которой заслонила от него лица товарищей.

Ему хотелось повернуть назад, и, чтобы оправдать свое отступление, он уже собрался крикнуть: "Нет здесь никакого енота!" Но голос не повиновался ему.

— Эй, что там? — спросил кто-то снизу.

Ян не успел ответить, ему показалось, что где-то рядом ворчит енот. Мальчик даже перегнулся вниз и крикнул:

— Нашел!

В этот миг совсем близко кто-то яростно зарычал, и Ян увидел огромного зверя, который прыгнул на ветку ниже той, где сидел Ян. Квадратная морда, щетинистая, в полосках, — точно такую он видел когда-то в Гленьяне.

В страхе Ян выхватил револьвер, выстрелил и промахнулся.

— Рысь! — в голосе Яна послышался ужас.

— Не подпускай ее близко! — громко закричал Калев.

Ян, собрав все свое мужество, снова выстрелил. Раненый зверь бросился на мальчика и вцепился ему в руку. Ян пытался перехватить револьвер левой рукой, но выронил его, наткнувшись на щетинистую шкуру зверя. Теперь Ян был беззащитен. Но раненый зверь вдруг выпустил руку Яна, стараясь удержаться на суку, и рухнул на землю. От радости Ян чуть было не потерял сознание.

— Где револьвер? — как сквозь сон, донесся до него голос Весли.

— Я давно уронил его! — ответил Ян.

— Куда?

Ян, не отвечая, спустился с дерева. Между тем рысь успела убежать и скрылась бы, но Турок не дал ей снова забраться на дерево.

Сэм отыскал в траве револьвер. Калев схватил его, но Ян тихо сказал:

— Дайте мне! Я сам должен прикончить ее.

Раздался выстрел, потом другой, и индейцы огласили лес радостными криками. Только Маленький Бобр молчал. Калев и Сэм поспешили к нему.

— Что с тобой, Ян?

Калев взял его за руку. Она была мокрая.

— Смотрите — кровь!

— Да... она меня цапнула... там, на дереве... Я думал, что мне уже конец.

Все обступили Яна.

— Надо отвести его к воде!

— Наверное, колодец в лагере ближе всего.

Калев и Сэм вели Яна, а остальные тащили рысь. По дороге ему стало легче, и он рассказал, как все произошло.

— Ух! Я б, наверное, до смерти испугался! — сказал Сэм.

— И я тоже, — сказал Калев, к удивлению всего племени. — Один на один с раненым зверем, без оружия! Тут уж дела плохи!

— А я ведь и сам ужасно испугался! — честно признался Ян.

На привале догорал костер. Холодная вода была рядом, и Яну обмыли руку. Ему было чуточку страшно смотреть на свою рану и пропитанный кровью рукав. Но восторженные возгласы товарищей звучали для него как музыка. Потом все долго сидели у костра, и Кaleb сказал:

— Я знал! Давно знал, что ты молодец!

XXXI

Возвращение

Серое утро снова предвещало дождь, и индейцы боялись, что им придется с тяжелой ношей возвращаться домой по грязи, но Кaleb неожиданно обрадовал их.

— Я неподалеку встретил своего приятеля с фургоном, — сказал старый охотник. — Он обещал отвезти вас в лагерь.

Не прошло и часу, как они очутились снова в своем старом милом лагере у запруды.

Дождь кончился, и Кaleb, уходя домой, сказал:

— Слушайте, ребята! Пора выбрать Главного Вождя. По-моему, сейчас самое время. Я приду завтра, часа в четыре, и расскажу, как это делают индейцы.

В ту ночь Ян и Сэм ночевали в типи одни. Ян с гордостью поглядывал на забинтованную руку, с просочившимися пятнышками крови. Боли он не чувствовал. И вообще, все кончилось благополучно благодаря толстой рубашке. Ян спал как обычно и проснулся далеко за полночь с чувством какого-то удивительного счастья.

Вся его жизнь вдруг ясно предстала перед ним. Он вспомнил отца, который слепо стремился подавить в его сердце любовь к природе.

Потом подумал о Рафтене, человеке шумном, грубом на вид, но с добрым сердцем и светлой головой. Фермер, может быть, и проигрывал в сравнении с отцом, и все-таки Яну вдруг захотелось, чтобы отцом его был Рафтен. Ведь тот не считал пустяком любовь Яна к лесу и животным, а наоборот, еще больше укрепил в нем это чувство.

Вспомнился Яну и родной город. Он знал, что не дольше чем через год ему придется вернуться домой, и он знал также, что ему никогда не осуществить своей заветной мечты — стать зоологом, потому что отец обещал

при первой возможности отдать его в лавку. В душе Яна вспыхнул протест. Может, остаться навсегда у Рафтенов?

Забрав его из школы и отослав на ферму, отец, очевидно, надеялся погасить у сына рвение к знаниям. Однако все получилось наоборот — желание отдать себя любимому делу еще сильнее овладело Яном.

Пусть будет так! Он вернется домой и станет мальчиком на посылках или еще кем-нибудь, чтобы зарабатывать себе на жизнь, его это не страшит. Но в свободные часы он будет заниматься тем, что целиком поглощает его мысли. Он будет натуралистом. Жизнь в лесу показала ему, что мир зверей и птиц — его мир, который он понимал и любил.

Сомнения Яна рассеялись, и снова он чувствовал себя счастливым.

Снаружи послышался шорох. Дверь типа приоткрылась, и вошел какой-то большой зверь. В другой раз Яна это бы и напугало, но теперь он еще находился во власти своих дум. Зверь подошел к постели мальчика, лизнул ему руку и улегся рядом, на земле. Это был Турок. Впервые старый пес искал ласки не у Калеба.

XXXII

Новый Главный Вождь

Кaleb целый день был занят, но никто не знал чем. Он и Сарianne хлопотали не покладая рук. Потом Кaleb зашел к миссис Рафтен, и та тоже погрузилась в какие-то таинственные хлопоты. Гай слетал к своей матери, и скоро вся округа превратилась в шумный улей.

В Сэнгере всякие сборища играли такую же роль, как клуб и театр в большом городе. Неважно по какому случаю они устраивались — крестины, свадьба или похороны, возвращение, отъезд, постройка дома или покупка новой упряжи, — все служило благовидным предлогом, и поэтому пустить в ход эту карусель оказалось совсем не трудно.

Вечером к лагерю потянулись три шествия: одно составляло семейство Бернсов, другое — Рафтены всей семьей и последнее — Кaleb, Сарianne и многочисленные Бойлы. Все несли какие-то свертки.

Гостей усадили на мягкой траве у запруды. Командовали Кaleb и Сэм.

Праздник начался состязанием в беге. Победил Ян, несмотря на раненую руку, вторым был Весли. В "охоте на оленя" Ян участия не принимал. Потом Рафтен настоял, чтобы Ян показал, как он точно и быстро считает. Мальчику пришлось уступить, и Рафтен был в полном восторге.

— Вот что значит образование, Сэм! — громко сказал он. — Когда же ты сможешь так считать? Молодчина, Ян! Я принес тебе кое-что в подарок!

Рафтен вытащил из кошелька пять долларов и сказал:

— Община награждает тебя за убитую рысь. А если окажется, что это она таскала моих ягнят, я прибавлю еще.

Потом индейцы удалились в типи. Калек тем временем воткнул в землю высокий шест, на котором был укреплен деревянный щит, обтянутый кожей, и прикрыл его мешковиной.

Гости уселись вокруг шеста, около которого с одной стороны лежали шкуры убитых Яном зверей и два чучела сов.

Раздался барабанный бой, и, оглашая лес воинственными криками, из типи выскочили сэнгерские индейцы в полной боевой раскраске. Они исполнили военный танец под барабан, в который бил Черный Ястреб. Индейцы сделали три круга у шеста, и барабан смолк. Когда все стихло, Великий Дятел встал и произнес речь:

— Великие Вожди! Младшие Вожди! Воины сэнгерских индейцев! Произошли события, которые лишили нашего племени ее Великого Вождя. Никогда больше племя не будет иметь ему равного, но сегодня мы собрались здесь, чтобы выбрать нового вождя.

Громкие крики "Хау! Хау!" И барабанный бой.

— Конечно, у каждого из нас свои достоинства. Но кто в этом племени лучший бегун? Маленький Бобр!

"Хау! Хау! Хау!" и барабанный бой.

— Это мой барабан, мама, — шепнул Гай, забыв хлопнуть в ладоши.

— Кто лучший следопыт, кто быстрее всех влезает на деревья? Бобр! Кто выдержал испытание смелости на могиле Гарни? Бобр! Кто убил сову выстрелом в сердце, сразился один на один с рысью, не говоря уж про енота? Бобр! Кто может побороть каждого из нас? Бобр!

— А я могу всегда осилить Чарлза! — буркнул Гай.

— У кого из нас больше всего "гран ку" и скальпов? У Бобра!

— Ты позабыл сказать про ученость, — вставил Рафтен.

— У кого больше всех скальпов? — свирепо повторил Сэм. — Вот один, добытый им в борьбе с врагом! — И Дятел передал скальп Калебу, который укрепил его на щите.

— Этот скальп он получил в битве с Главным Вождем вражеского племени. — И Калев прикрепил еще один скальп к щиту.

Так Дятел передал шесть скальпов.

— Больше всех побеждал Бобр. А как он рисует, пишет стихи, готовит еду! Только он, Маленький Бобр, достоин быть нашим вождем! Что скажут остальные?

И тут все закричали:

— Слава Маленькому Бобру!

”Хау! Хау! Хау! Бум! Бум! Бум!”

Калев снял мешковину, покрывавшую шест, и все увидели, что на щите нарисован большой бизон, герб Сэнгера, а над ним — бобр, тотем их нового вождя. Калев развернул сверток, лежавший подле шеста, и вынул индейскую военную куртку из кожи, краги и мокасины, расшитые бусами и украшенные рисунками. Все это сделала Сарианна под руководством Калеба. Новый вождь облачился в эти одежды и великолепный головной убор с перьями, присужденными за его последние подвиги. Гордый и счастливый, он вышел вперед.

Калев оглядел его с отеческой нежностью и сказал:

— Я знал, что ты молодчина, еще в ту ночь, когда ты ходил на могилу Гарни. И снова убедился в этом, когда ты прошел Дальнее болото. Тебе, Ян, все под силу, что только может человек.

Ян хотел было что-то сказать в ответ, но от смущения не мог произнести ни слова, и Сэм пришел ему на помощь:

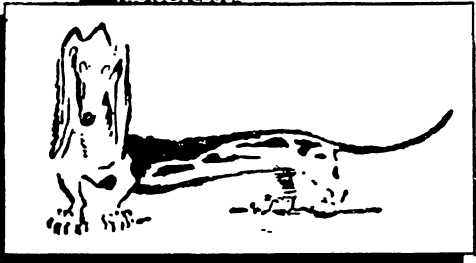
— Да здравствует Великий Военный Вождь! — крикнул он.

Когда крики и приветствия стихли, начался веселый пир. Рафтен, который очень гордился речью, произнесенной его сыном, громогласно поклялся сделать из него адвоката. Улучив минутку, когда смолкли разговоры, Рафтен сказал:

— Сегодня, ребята, кончились ваши каникулы. Завтра с утра пора и за работу!

Рассказы животных

МАЛЬЧИК И РЫСЬ

I

Мальчик

Торберну только что исполнилось пятнадцать лет. Он очень любил охоту. Над синим озером целый день тянулись стаи диких голубей и садились вереницами на высохшие стволы у просеки. Как хотелось ему подстрелить их! Но напрасно он караулил их в течение долгих часов. Казалось, они в точности рассчитали, на какое расстояние бьет его старое охотничье ружье, и каждый раз шумно поднимались, не дав ему приблизиться. Наконец небольшая стая рассыпалась по кустам у ручья вблизи хижины, в которой он жил. Прячась за хижинкой, Торберн осторожно подкрался к ним. Он наметил голубя, отделившегося от стаи, старательно прицелился и выстрелил. Почти одновременно раздался другой выстрел, и птица упала на землю.

Торберн бросился подбирать ее, но в то же мгновение из кустов выступил высокий молодой человек и поднял ее.

— Эй, Корни! Ты взял мою птицу!

— Твою птицу? Твоя вон куда улетела! Я увидел, как они рассаживались здесь, и решил сбить одного голубка из винтовки.

Внимательное расследование подтвердило, что голубя настигли одновременно и пуля винтовки и дробь старого охотничьего ружья. Стрелки целились в одну и ту же птицу. Оба от души посмеялись над совпадением, хотя, кроме смешного, в нем было много грустного, так как и съестных и боевых припасов не хватало в лесном жилище.

Корни был старший сын в большой семье. Желая обзавестись собственным домом, он снял участок в лесу. Две его взрослые сестры, степенная Маргет и веселая Лу, взялись вести его хозяйство. Торберн Олдер жил у них в гостях. Он только что оправился от серьезной болезни, и родные отправили его пожить первобытной жизнью

в лесу, надеясь, что он сделается сколько-нибудь похожим на своих здоровяков-приятелей. Жилище их было построено из необтесанных бревен, без пола, с дерновой крышей, на которой буйно разросся бурьян. Однообразие окружающих их девственных лесов нарушалось лишь пролежавшей вблизи первобытной дорогой и сверкающим озером в каменистых берегах, за которым виднелся дом ближайшего соседа.

Жизнь их текла монотонно. Корни вставал на заре, разводил огонь, будил сестер и шел кормить лошадей, пока они готовили завтрак. В шесть часов завтрак был съеден, и Корни отправлялся на работу. В полдень, о наступлении которого Маргет узнавала по тени, падавшей от одного дерева на ручей, Лу вывешивала белую тряпку на жерди, и Корни, увидев сигнал, возвращался с пашни или сенокоса, грязный, загорелый и румяный. Тор иногда отсутствовал по целым дням. Вечером, когда все снова сходились за столом, он являлся с озера или с отдаленного горного хребта и ел ужин, который ничем не отличался от завтрака и обеда, так как еда была так же однообразна, как и образ жизни: свинина, хлеб, картофель и чай, иногда яйца, которые несла дюжина кур, ютившихся возле маленькой бревенчатой конюшни. Дичь ели редко, так как Тор стрелял плохо, а Корни был поглощен работой на ферме.

II

Рысь

В лесу доживала свой век огромная старая ива. Смерть великодушно поступила с ней, послав ей три предостережения: во-первых, она переросла всех своих сестер, во-вторых, дети были уже взрослыми, и, наконец, сама она была пуста внутри. Зимний вихрь сломал ее и обнаружил большое дупло в том месте, где должна находиться сердцевина. Теперь ива лежала посреди освещенной солнцем просеки, как длинный деревянный грот, и в ней поселилась рысь, искавшая надежного приюта для будущих малюток.

Рысь эта была старая да в придачу еще тощая, так как год выдался плохой для хищников. Предыдущей осенью мор уничтожил главную их пищу — кроликов. Снежная зима с внезапной гололедицей истребила почти всех куropаток. Долгая дождливая весна переполнила пруды

и реки, так что рыбы и лягушки оказались недоступными для когтистых лап, и наша рысь-мать страдала не меньше всех остальных хищников.

Слабенькие рысята были только обузой для матери, отнимая у нее время, которое она могла бы употребить на охоту.

Любимая еда рыси — зайцы и кролики. Бывали годы, когда она ловила их по пятидесяти штук в день. Но в этом году ей не подалось ни одного.

Как-то раз она поймала красную белку, забежавшую в дупло ивы. В другой раз единственной ее пищей за день был вонючий уж. Затем выдался день вовсе без еды, и малыши жалобно визжали, так как им не хватало молока. Однажды она увидела большого черного зверя с неприятным, но знакомым запахом. Быстро и безмолвно она прыгнула на него ихватила по носу. Но дикобраз пригнул голову, хвост его взлетел кверху, и рысь-мать была поражена в десяти местах жгучими маленькими дротиками. Она вытащила их зубами, так как познакомилась с уловками дикобраза уже много лет назад, и одна только горькая нужда могла заставить ее теперь напасть на него.

В этот день она ничего не поймала, кроме лягушки. На следующий, во время долгой мучительной охоты, она услышала странный зовущий голос; он был ей неизвестен. Осторожно приближаясь к нему против ветра, она уловила много новых запахов и несколько неизвестных звуков. Громкий, ясный, раскатистый зов повторился, когда рысь-мать достигла открытой просеки. Посреди просеки находились два огромных выхухолевых или бобровых дома. Таких больших домов она никогда еще не видала. Они были сложены из бревен и расположены не на пруду, а на сухой полянке.

Возле этих домов прогуливалось несколько куропаatok, то есть похожих на куропаatok птиц, только крупнее и разноцветных: красных, желтых и белых.

Она трепетала от возбуждения. Еда, еда, множество еды! И старая охотница припала к земле. Грудь ее скользила по траве. Во время этого хитрейшего, тончайшего выслеживания локти ее поднялись выше спины. Ей необходимо поймать одну из этих куропаatok, чего бы это ни стоило. В этой охоте недопустимо ни малейшее упущение, никакая уловка не должна остаться неиспробованной. Хотя бы на то пошли часы, целый день, надо только приблизиться настолько, чтобы обеспечить себе победу.

Между лесом и бобровым жильем было расстояние всего в несколько прыжков, но она употребила целый час, чтобы переползти его. От пня к кусту, от бревна к пучку травы она переправлялась, стелясь по земле, и куропатки не замечали ее. Они продолжали клевать, и самая крупная из куропаток время от времени повторяла тот звонкий клич, который рысь слышала в лесу. Был момент, когда куропатки как будто почуяли опасность, но долгое ожидание рассеяло их страх. Теперь они были уже почти на доступном расстоянии, и она вся тряслась от голода и охотничьего пыла. Взгляд ее сосредоточился на белой птице, не самой близкой, но почему-то привлекавшей ее своим цветом.

Бобровый дом стоял на расчищенном месте. Немного поодаль начинался высокий бурьян с торчавшими там и сям пнями. Белая птица забрела в бурьян, голосистая красная взлетела на верх бобровой кучи и запела по-прежнему. Рысь-мать еще ниже припала к земле. В крике красной птицы ей почудился тревожный сигнал. Но нет, белая все еще тут — вот ее перья проглядывают сквозь стебли.

Теперь перед рысью лежало открытое место. Сплюсцившись, как пустая шкура, охотница медленно и безмолвно проползла за бревно, которое было не толще ее шеи. Если ей удастся достигнуть вон того пучка травы, она оттуда проберется в бурьян, и тогда можно будет прыгнуть. Теперь к ней долетал уже запах птиц — теплый и могучий запах жизни, крови и плоти. Почувяв этот запах, она задрожала, и глаза ее заблестели.

Куропатки продолжали разгребать землю и клевать. Одна из них взлетела на вышку, но белянка все не двигалась. Еще пять скользких, беззвучных шагов — и рысь очутилась за бурьяном, сквозь который просвечивали белые перья. Она измерила расстояние, нащупала почву, отодвинула задними ногами хворост, который мешал ей, и прыгнула. Белянка так и не узнала, какой смертью умирает. Налетела серая тень, быстрые и смертоносные когти вонзились в тело, и не успели другие птицы заметить врага и улететь, как рысь уже исчезла, неся в челюстях бьющуюся белую птицу.

Рыча от ярости и восторга, она скачками унеслась в лес и помчалась прямо домой. Последний трепет замер уже в теле жертвы, когда рысь услышала тяжелые шаги. Она вскочила на бревно. Крылья добычи заслоняли ей глаза, поэтому она положила курицу перед собой, крепко

придерживая ее одной лапой. Звук приблизился, кусты раздвинулись, и показался мальчик.

Старая рысь знала и ненавидела людей. Она наблюдала за ними по ночам, выслеживала их, убегала от них, и однажды они ранили ее.

С минуту рысь и мальчик стояли лицом к лицу. Охотница зарычала, что означало предостережение и вызов, подхватила птицу и спрыгнула со ствола в спасительные кусты. До логовища оставалось еще около двух миль, но она не остановилась для еды, пока не увидела солнечную просеку с большой ивой. Тогда тихое "пр-р, пр-р!" вызвало малюток из дупла, и начался упоительный пир.

III

Дом рыси

Вначале Тор, выросший в городе, не решался забираться в чащу. Если в лесу не слышен был стук топора Корни, он возвращался домой. Но с каждым днем он отваживался заходить все дальше и дальше, ориентируясь по солнцу и компасу. Он хотел не истреблять, а изучать диких животных, но естественник всегда сродни охотнику, и он не расставался с ружьем.

Единственным заметным обитателем их просеки был сурок: он жил в норе под пнем, шагах в ста от хижины. Солнечным утром он любил понежиться на пне. Но постоянная осторожность необходима всякому, кто живет в лесу. Сурок был всегда настороже, и Тор напрасно старался застрелить его или хотя бы поймать в западню.

— Знаешь что,— сказал однажды утром Корни: — Пора нам отведать свежего мяса.

Он достал свою винтовку с узеньким дулом старинного образца и, зарядив ее с тщательностью опытного стрелка, открыл дверь хижины и выстрелил. Сурок опрокинулся назад и не двигался. Тор помчался к нему и возвратился торжествующий, со зверьком в руках, крича:

— Прямо в голову за сто двадцать шагов!

Корни сдержал самодовольную улыбку, но углы его рта дергались и блестящие глаза засверкали еще ярче.

Это не было убийством ради убийства: ведь сурок опустошал все поле. Приятели пообедали вкусным мясом зверька, и Корни показал Тору, как обращаться со шкуркой. Сначала он положил мех в древесную золу

на двадцать четыре часа, от чего вылезли все волосы, затем мочил шкурку три дня в мыльной воде и мял руками до тех пор, пока она не высохла и не обратилась в белую крепкую кожу.

Скитаясь по лесу, Тор часто заходил очень далеко. Он искал приключений, но они всегда заставляли его врасплох, сколько бы он ни гонялся за ними. Многие дни бывали совершенно бесцветны, другие полны приключений, но ведь неожиданность и составляет главную особенность и прелесть охоты.

Однажды Тор перешел через хребет и попал на открытую прогалину, где лежал сломанный ствол гигантской ивы. Ее величина поразила его. Он прошел дальше, направляясь к озеру, которое заметил невдалеке, и, пройдя немного, вдруг вздрогнул, внезапно увидев на сосне крупное черное животное футах в тридцати от земли. Медведь! Вот оно наконец, приключение, которого он дождался все лето! Сколько раз за последние годы он пытался вообразить, как он будет вести себя, если встретит медведя!

Тор замер на месте. Правая рука его опустилась в карман. Вытащив оттуда несколько крупных дробин, он положил их поверх мелкой дроби, которой было заряжено ружье, и засунул пых, чтобы дробь не высыпалась.

Медведь не двигался. Мальчик не мог видеть его головы, но стал теперь внимательно к нему присматриваться. В сущности, он вовсе не так велик... да нет, это маленький медведь, и даже очень маленький: медвежонок. Значит, где-нибудь по соседству прячется медведица. Тор с некоторым страхом глянул по сторонам, но, не видя никаких признаков медведицы, поднял ружье и выстрелил.

К его изумлению, животное брякнулось на землю без признаков жизни. Это был вовсе не медведь, а крупный дикобраз. Мальчик разглядывал его с удивлением и жалостью, так как не имел никакого желания убивать такое невинное существо. На потешной мордочке дикобраза оказалось две-три длинных царапины, доказывавших, что Тор не был единственным его врагом. Собираясь уйти, он увидел пятна крови у себя на штанах и только тогда заметил, что сильно расцарапал себе руку об иглы животного.

Лу, узнав о том, что Тор оставил дикобраза в лесу, побранила его. Он должен был снять шкуру, ведь ей так нужна меховая накидка на зиму!

В другой раз Тор зашел в лес без ружья. Внезапно он услышал странный звук, затем ему показалось, что на стволе что-то движется. Он раздвинул ветки и ясно рассмотрел голову и хвост огромной рыси. Она тоже заметила его и зарычала, сверкая глазами. Под ее лапой на стволе лежала белая птица, в которой, присмотревшись, он узнал одну из собственных драгоценных кур. Каким жестоким и свирепым показался Тору зверь! Мальчик от души ненавидел его. Он скрежетал зубами от досады, что оказался без ружья именно теперь, когда ему подвернулась такая небывалая добыча. Вдобавок он порядочно струсил и стоял как вкопанный, не зная, что ему предпринять. Рысь зарычала громче. Ее куцый хвост злобно дернулся, затем она подхватила свою жертву и, соскочив со ствола, исчезла в чаще.

Лето было дождливое, земля отсырела, и юный охотник нередко натыкался на следы, которых не заметил бы в сухую погоду. Однажды ему попался в лесу отпечаток как бы свиных копыт. Он без труда мог проследить их, так как свиньи, по-видимому, прошли здесь недавно. Все остальные следы были смыты ливнем. Пройдя около полумили, он достиг оврага, по ту сторону которого заметил белые пятна. Зоркие молодые глаза мальчика различили очертания лани и ее пятнистого детеныша, с любопытством глядевших на него. Несмотря на то что мальчик пришел сюда по их же следу, открытие очень удивило его. Он уставился на них с разинутым ртом. Мать повернулась и, подняв сигнал тревоги — свой белый хвост, — унеслась легкими скачками вместе с малышом, перелетая через низкий бурелом без всякого усилия и с кошачьей гибкостью наклоняясь под низкими сучьями.

Возможность выстрелить в них больше не повторилась, несмотря на то что ему часто попадались те же следы. Он ни разу больше не видел их обоих вместе, но лань-мать все же повстречалась ему однажды. Она нюхала воздух, рыла землю и казалась встревоженной, озабоченной; вероятно, она искала своего детеныша. Тор припомнил уловку, которой научил его Корни. Он осторожно нагнулся, взял широкую травинку, положил между пальцами и дунул в этот самодельный свисток. Свист был похож на резкое, отрывистое блеяние. Хотя лань находилась на большом расстоянии, она вскачь пустилась к Тору. Он схватил ружье, готовясь убить ее, но едва он зашевелился, она заметила его и остановилась.

Шерсть ее слегка ошетибилась. Она фыркнула и вопросительно взглянула на него. Взгляд больших кротких глаз тронул его сердце, сдержал его руку. Она осторожно ступила ближе, глубоко втянула воздух и, поняв наконец, что перед ней смертельный враг, бросилась за ствол дерева и исчезла, прежде чем мальчик успел преодолеть сострадание.

”Бедняжка! — подумал Тор.— Должно быть, потеряла своего маленького”.

Мальчик еще раз увидел рысь в лесу. Через полчаса после встречи с осиротевшей ланью он перешел длинный хребет, расположенный в нескольких милях на север от хижины. Он миновал уже прогалину с дуплистой ивой, когда перед ним появился большой котенок с куцым хвостом и простодушно уставился на него. Ружье взлетело кверху, как и всегда, но котенок только наклонил голову набок и бесстрашно продолжал его рассматривать. В это время не замеченный им до сих пор второй котенок стал заигрывать с первым, хлопая его лапой по хвосту и приглашая повозиться.

Разглядывая их забавные прыжки, Тор совсем забыл про ружье. Но вскоре он вспомнил о прежней вражде. Он уже готов был поднять ружье, как вдруг вздрогнул от громкого рычания, и перед ним не более как в десяти футах очутилась старая рысь, рослая и свирепая, как тигрица. Было бы безумием стрелять теперь в одного из рысят. Мальчик с трепетом подсыпал крупной дроби в ружье, прислушиваясь к тому, как усиливается и замирает сварливое рычанье. Но прежде чем он успел прицелиться, рысь схватила что-то лежавшее у ее ног. Мальчик успел рассмотреть белые пятна на темной шкуре — это было бездыханное тело маленького детеныша лани. Затем рысь исчезла в чаще вместе с рысятами. Он больше не встречал ее до той минуты, когда им обоим пришлось положить на весы жизнь против жизни.

IV

Гроза лесов

Прошло шесть недель. Однажды утром Корни поразил друга и сестер своей необычайной молчаливостью. Его красивое лицо было очень серьезно, и, против обыкновения, он совсем не пел, хлопоча по хозяйству. Тор с Корни спали вместе на койке в углу главной комнаты,

и ночью мальчик не раз просыпался от стонов и бреда товарища.

Поутру Корни встал, как всегда, и пошел дать корм лошадям, но снова прилег, пока сестры готовили завтрак. Позднее он сделал над собой усилие и отправился на работу, но возвратился раньше обыкновенного, дрожа с головы до ног. Несмотря на жаркую летнюю погоду, он никак не мог согреться. Несколько часов спустя начался сильный жар. Теперь всем стало понятно, что Корни заболел. Маргет собрала потогонной травки и напоила его, но, несмотря на все ее заботы, ему становилось все хуже. За десять дней он сильно исхудал и сделался совсем неспособным к работе. Наконец, почувствовав временное облегчение, больной решительно сказал сестрам:

— Знаете, сестренки, сил моих больше нет. Лучше отправлюсь-ка я домой. Сегодня мне настолько хорошо, что я могу править лошадьми, хотя бы до полдороги. А станет плохо, вытанусь в фургоне, и лошади сами довезут меня. Мать поставит меня на ноги через неделю. Если вам не хватит еды, отправляйтесь на лодке к Эллертону, возьмите у него.

Итак, девушки запрягли лошадей, в фургон положили сена, и Корни, бледный и слабый, укатил от них по ухабистой дороге. Оставшиеся испытали чувство людей, покинутых на пустынном острове.

Не прошло и двух дней, как все трое, Маргет, Лу и Тор, тоже свалились, пораженные еще более тяжелой лихорадкой.

У Корни бывали через день "хорошие дни", но трое новых больных совсем не знали таких дней, и в доме воцарилось полное уныние.

Прошло семь дней, и Маргет не могла уже встать с постели, а Лу едва была в силах дотащиться из комнаты в комнату. Лу была мужественная девушка, одаренная природным юмором, поддерживавшим в больных бодрость духа. Но она так осунулась и исхудала, что от ее веселых шуток веяло жутью. Тор, хотя тоже больной и слабый, был крепче остальных и каждый день готовил и подавал им немного пищи. Он кормил их только один раз в день, так как аппетит их был невелик. Впрочем, они радовались этому: провизии оставалось немного, а Корни все не возвращался. Вскоре только один Тор был в состоянии вставать с постели.

Однажды утром, притащившись за обычным ломтиком сала, он, к ужасу своему, увидел, что исчез весь так

тщательно сберегаемый им кусок. Без сомнения, какой-нибудь дикий зверь украл его из ящика. Теперь в хижине оставались только чай и мука. Тора охватило отчаяние. Вдруг взгляд его упал на кур у конюшни. Но что толку в них? Теперь он так слаб, что поймать курицу для него не легче, чем изловить оленя или ястреба. Вдруг он вспомнил про ружье. Вскоре он уже ощипывал жирную курицу. Он сварил ее целиком, и бульон был первой действительно вкусной пищей, выпавшей на их долю за долгое время.

Они просуществовали благодаря этой курице три тягостных дня, и когда от нее ничего не осталось, Тор снова взялся за ружье: оно казалось много тяжелее теперь. Он протащился к амбару, но так дрожал от слабости, что промахнулся несколько раз, прежде чем ему удалось застрелить курицу. У него теперь оставалось только три заряда.

Тор удивился, увидев всего четыре курицы, тогда как прежде их здесь бродило более двенадцати штук. Три дня спустя он возобновил набег и нашел всего одну-единственную курицу, на которую и истратил свои последние заряды.

Жизнь его была теперь до ужаса однообразна. Утром, когда ему было сравнительно лучше, он готовил немного пищи для себя и для больных девушек и готовился к горячечной ночи, ставя по ведерку с водой в головах каждой постели. Около часа дня, с ужасающей точностью, начинался озноб. Мальчик трясся с головы до ног, зубы стучали, и холод пронизывал его изнутри и снаружи. Ничто не могло согреть его — огонь, по-видимому, утратил свои свойства. Ничего не оставалось делать, как только лежать, трястись и терпеть медлительную муку замерзания. Так продолжалось шесть часов. К холоду присоединялась мучительная тошнота. В семь или восемь часов вечера наступала перемена: начинался приступ сильнейшего жара, и никакой лед не показался бы ему тогда прохладным. Воды, воды — ничего больше не было ему нужно, и он пил и пил. Под утро он засыпал в полнейшем изнеможении.

”Если не хватит еды, отправляйтесь на лодке к Эллертону”, — посоветовал, уезжая, брат. Но кто же будет грести в этой лодке?

Теперь между ними и голодной смертью оставалось всего полкурицы. А о Корни ни слуху ни духу.

Вот уже три бесконечных недели, как тянется эта пытка. Каждый день все то же, лишь немного хуже с каждым днем. Еще несколько дней — и мальчик тоже не будет в состоянии подняться с постели. Что тогда?

Отчаяние охватило их. Каждый с ужасом думал: "Неужели Корни никогда не вернется?"

V

В комнате Тора

Все утро этого дня Тор употребил на то, чтобы при-тащить три ведра воды. Озноб начался раньше обыкновенного, и жар был сильнее, чем всегда.

Он пил часто и много из ведеpка, поставленного у изголовья постели. С вечера он доверху наполнил его, но в нем почти ничего не оставалось, когда около двух часов утра горячка оставила его и он уснул.

В час серого рассвета его разбудил странный звук поблизости — плеск воды. Повернув голову, он увидел у самого почти лица два светящихся глаза: какое-то большое животное лакало воду из ведеpка у его постели.

Тор в ужасе смотрел на него, затем закрыл глаза, уверенный, что спит и видит во сне Индию и тигра, пришедшего к его изголовью. Но плеск воды продолжался. Он поднял голову: да, зверь все еще здесь. Он попытался крикнуть — из горла его вырвалось только слабое клокотанье. Большая мохнатая голова дрогнула, зрачки засверкали, раздалось фыркание. Странная тварь опустилась на четвереньки и пошла через комнату под стол. Тор теперь окончательно проснулся. Он с трудом приподнялся на локте и слабо крикнул: "Ш-ш-ш!" Огненные глаза снова появились из-под стола, а за ними и серая фигура. Зверь спокойным шагом подошел к стене, проскользнул в отверстие для свалки картофеля и исчез.

Кто это? Больной мальчик едва мог сообразить: без сомнения, какой-нибудь дикий хищник. Мужество изменило ему. Он дрожал от страха, от чувства беспомощности и то забывался тревожным сном, то вдруг просыпался, всматриваясь в темноту, ища в ней ужасных глаз и серой крадущейся тени.

Так прошла вся ночь, и к утру он не был уверен, что это не бред. Но, встав, он тем не менее сделал слабую попытку заложить ход в подвал поленьями.

У всех троих был плохой аппетит, но пришлось и его обуздывать, имея всего полкурицы на пропитание. Корни, без сомнения, думал, что они побывали у Эллертона и запаслись всем необходимым.

Следующей ночью, когда изнуренный приступом лихорадки Тор начал дремать, его разбудил шум в комнате — как бы хруст костей. Всмотревшись, он разобрал очертания большого зверя, сидевшего на столе. Тор закричал, попытался бросить в него сапогом. Зверь легко соскочил со стола и пролез в дыру, широко открытую по-прежнему.

Рысь! Теперь он знал, что это не сон. И девушки поверили ему, потому что они не только слышали зверя, но лишились остатка курицы — последней своей пищи.

Бедный Тор почти не вставал с постели весь день. Но жалобы больных девушек наконец заставили его подняться. Доташившись до ручья, он собрал там немного ягод и принес их домой. Затем он сделал обычные приготовления на случай озноба и жажды, но добавил еще одно: рядом со своей постелью он положил лучину, несколько спичек и старую острогу — единственное оставшееся у них оружие; ружье без зарядов было бесполезно. Он знал, что зверь вернется, и вернется голодным. Он не найдет пищи, — чего проще приняться тогда за живую добычу, беспомощно лежащую перед ним? И перед глазами Тора встали поникшие ножки маленького теленка, стиснутого этими самыми жестокими челюстями.

Снова он, как умел, заложил ход в подвал поленьями, и ночь прошла на этот раз спокойно: свирепая посетительница не появлялась. На следующий день они ели мучной кисель; чтобы сварить его, пришлось разобрать часть баррикады. Лу пыталась шутить, уверяя, что стала теперь достаточно легкой, чтобы летать, но когда захотела встать, то оказалась не в состоянии отойти от кровати.

Наевшись киселя, Тор заснул. Ночь почти миновала, но под утро Тор внезапно был разбужен шлепаньем языка по воде, и снова он увидел горящие глаза, большую голову и серые очертания, слабо выделявшиеся на фоне светлевшего окна.

Тор напряг все свои силы для смелого окрика, но получился какой-то слабый писк. Он медленно приподнялся и позвал:

— Лу, Маргет! Рысь, опять рысь пришла!

— Мы не можем тебе помочь... — ответили девушки.

— Ш-ш-ш! — Тор опять попытался спугнуть зверя.

Рысь вскочила на стол у окна и остановилась, зарывав при виде бессильного ружья. На миг она обернулась к окну, и Тор подумал, что она выбьет стекло и выскочит вон. Но вот она снова повернулась и уставилась горящими глазами на мальчика. Тор медленно поднялся с постели. Он понял, что настало время убить или быть убитым. Он чиркнул спичкой и зажег лучину. Левой рукой он поднял горящую лучину, а правой — старую острогу, но почувствовал такую слабость, что вынужден был опереться на острогу, как на костыль. Большой зверь продолжал стоять на столе и слегка присел, готовясь к прыжку. Глаза его отливали красным блеском при свете факела, короткий хвост дергался из стороны в сторону, и рычанье становилось громче и выше. Ноги Тора подкашивались, однако он поднял острогу и слабо взмахнул ею. В тот же миг рысь прыгнула, но не на него, как он сперва подумал. Факел и смелость мальчика напугали ее, она перескочила через его голову и забилась под койку.

Но это была лишь минутная передышка. Тор установил факел на выступе бревна и взял острогу в обе руки. Предстояло биться не на живот, а на смерть, и он знал это. За перегородкой слышались слабые крики девушек. Тор видел только сверкающие глаза под кроватью и слышал, как рычанье зверя становилось все громче и громче. С большим трудом держась на ногах, он изо всей силы ударил острогой.

Оружие вонзилось во что-то мягкое, и раздался ужасающий вопль. Мальчик всей тяжестью налег на острогу. Рысь пыталась броситься на него, он слышал скрип ее зубов и когтей на рукоятке и чувствовал, что, несмотря на все его усилия, она придвигается все ближе. Мощные когтистые лапы уже тянулись к нему. Он знал, что силы скоро его оставят, и снова налег на острогу, напрягая остаток сил. Рысь рванулась, послышалось рычанье, треск. Ржавая острога сломалась, зверь метнулся на него, проскочил мимо, даже не задев его, юркнул в отверстие и исчез навсегда.

Тор упал на кровать и лишился чувств.

Неизвестно, сколько времени он пролежал, но солнце уже ярко светило, когда его разбудил громкий веселый голос:

— Эй, там! Что вы, умерли все? Лу! Тор! Маргет!

Тор не в силах был отвечать, но услышал топот лошадей на дворе и тяжелые шаги.

Дверь была высажена сильной рукой, и вошел Корни, добрый и красивый, как всегда.

— Умерли? — спрашивал он в ужасе. — Кто умер? Где вы? Тор!.. — Затем: — Кто умер? Лу? Маргет?

— Корни, Корни! — раздался слабый голос с постели. — Они там, в хижине. Им очень плохо. Нам нечего есть...

— О, какой я болван! — в отчаянии воскликнул Корни. — Я так был уверен, что вы побываете у Эллертона и запасетесь провизией!

— Не могли мы, Корни! Мы все трое свалились сразу, как только ты уехал. А потом пришла рысь и перетаскала всех кур и все, что было в доме.

— Ну, с ней-то ты поквитался! — заметил Корни, показывая на кровавые следы, терявшиеся в углу под бревнами.

...Здоровая пища, уход и лекарство вскоре поставили всех на ноги.

Месяца два спустя, когда девушкам понадобилась новая кадка, Тор сказал:

— Я знаю, где найти дуплистую иву, толстую, как бочка.

Они отправились вдвоем с Корни на прогалину и, когда отрезали нужный им кусок дерева, в дальнем конце дупла нашли высохшие тельца двух рысят, лежавших рядом с матерью, в боку которой торчал обломок старой остроги.

ПО СЛЕДАМ ОЛЕНЯ

I

Было очень жарко. Ян вышел на охоту за птицами и блуждал среди бесконечных лесных зарослей. Солнечные лучи нагрели воду в болотистых прудах, и Ян направился к Роднику Следов — единственному месту, где он мог напиться холодной воды.

На берегу родника его внимание привлек изящный след маленького копыта, резко оттиснутый в тине. Яну никогда раньше не приходилось видеть подобных следов. Он вздрогнул от удовольствия, угадав, что это был след дикого оленя.

”Олени больше не водятся на этих холмах”, — говорили Яну колонисты.

Но когда выпал первый снег, Ян, вспомнив об отпечатке оленьего копыта на берегу родника, перекинул спокойно ружье за плечи и сказал себе:

”Я буду бродить по холмам каждый день, пока не убью оленя”.

Ян был высокий, крепкий двадцатилетний парень. Он не мог считаться еще заправским охотником, но был неутомимым ходоком и отличался редкой настойчивостью.

Каждый день в поисках оленя Ян взбирался на холмы. Каждый день ему приходилось отмеривать десятки миль по снегу, и все же с наступлением ночи он возвращался в свою избушку, так и не увидев оленьего следа.

Но терпение все преодолевает: после долгих, трудных скитаний по южным холмам Ян наткнулся наконец на оленьи следы — давние и едва заметные, но несомненные следы оленя. Он снова вздрогнул от удовольствия, как летом.

”По этим следам я доберусь до оленя”, — думал Ян.

Сначала следы были настолько неясны, что Ян не мог с точностью определить, в каком направлении бежал олень. Но вскоре он разглядел, что одна сторона следа была оттиснута глубже другой. Ян решил, что более глубокие оттиски сделаны передней частью копыта. Кроме того, он заметил, что расстояние между следами уменьшалось по мере восхождения на холм. Наконец совершенно ясный отпечаток копыта на песчаной почве разрешил все его сомнения.

Ян, охваченный волнением, чувствуя странное покалыванье в корнях волос, быстро побежал по следу — все вперед и вперед.

Оленьи следы становились все яснее и заметнее. Целый день Ян гнался по следам, и к ночи они привели Яна к окрестностям вблизи его хижины. Теперь следы шли по знакомым местам: позади лесопилки, по пастбищу Митчелла, и вели прямо в густой осокоревый лес.

Надвигалась ночь, и Яну пришлось прекратить преследование. Он находился всего в семи милях от своего жилища и через час был уже дома.

Утром он снова разыскал след, но на этот раз дело пошло труднее: вместо прежнего следа Ян наткнулся на множество новых, перекрещивающихся в разных направлениях. Он все-таки бросился наудачу вперед и вскоре нашел два совсем свежих следа.

Преследование становилось таким же легким, как вчера. Ян снова пустился в погоню.

Нагнувшись и не поднимая головы, он все время внимательно присматривался к следам и поэтому был чрезвычайно поражен внезапным появлением двух серых животных с большими ушами. Животные эти поскакали прочь, едва заметив его. Вскочив на холм, они повернули головы и принялись разглядывать Яна.

Какие необыкновенные олени! Взглядом своих кротких глаз, выражение которых он скорее чувствовал, чем видел, они заставили Яна остановиться. Охотник понял, кто перед ним. Ведь он целые недели страстно ожидал этой встречи! И, несмотря на это, все-таки встреча оказалась неожиданной. Все его планы рассеялась, как дым, и он стоял пораженный.

— О-о-о! — вырвался тихий вздох из его груди.

Олени отвернулись, но Яну продолжало казаться, что он чувствует их взгляды на себе.

Между тем олени начали спрыгивать с холма и снова вскакивать на него, как будто забавляясь. Они, казалось, совсем забыли о Яне и, едва касаясь копытами земли, без всякого видимого усилия подпрыгивали на высоту шести-семи футов. Ян стоял неподвижно, замороженный странной игрой этих легконогих серых животных. В их движениях не было заметно ни страха, ни торопливости, и Ян решил наблюдать их игру, пока они не убегут. "Ведь должны же они, — думал он, — в конце концов испугаться, и я увижу те гигантские прыжки, о которых столько рассказывают старые охотники".

Только заметив, что силуэты оленей делаются все менее ясными, Ян понял, что они уже убегают от него.

Олени поднимались все выше и выше на холм. Когда им приходилось огибать какой-либо крутой кряж скалы, тела их грациозно изгибались. Временами, когда перед ними раскрывалась глубокая расселина, через которую нужно было перескочить, эти бескрылые птицы на несколько мгновений повисали в воздухе.

Ян не мог оторвать глаз от оленей, пока они не исчезли совсем. Ему и в голову не пришло выстрелить.

Когда олени скрылись, он подошел к тому месту, где увидел их впервые. На снегу виднелись отпечатки копыт, но потом след этот внезапно прерывался. Где же следующий след? Ян осмотрелся кругом и, к своему удивлению, обнаружил, что сначала один след отделялся от другого пространством в пятнадцать футов, но чем дальше, тем пространство это все увеличивалось, и следы шли один за другим на расстоянии в восемнадцать, двадцать, двадцать пять и даже тридцать футов. Значит, каждый из

этих веселых, сделанных без всякого видимого усилия, прыжков покрывал пространство от пятнадцати до тридцати футов.

— Да ведь они вовсе не бегают — они летают, лишь изредка прикасаясь к вершинам холмов своими изящными копытами. Я рад, что они успели скрыться, — прошептал Ян. — Мне сегодня пришлось наблюдать такое зрелище, какого, вероятно, никто никогда не видал.

II

Но утром в сердце Яна снова проснулись охотничьи инстинкты.

”Я должен опять отправиться на холмы, — сказал он себе, — снова найти след и обратиться в гончего пса. Я должен противопоставить мой ум их хитрости, мою силу — их силе, а чтобы победить их быстроту, у меня есть ружье”.

Ах, как прекрасны были эти холмы с бесконечными песчаными склонами, озерами, лесами и роскошными лугами! Дыхание жизни трепетало в каждом дуновении ветра. Жизнь переполняла самого Яна; он был так молод, крепок и жизнерадостен.

”Ведь это лучшие дни моей жизни, — говорил он себе. — Ведь это мои золотые дни!”

Целый день Ян волчьей рысью взбирался на холмы и спускался в долины, вспугивая на своем пути белых зайцев и куропаток, не отводя глаз от земли и неустанно отыскивая отпечатки оленьих копыт. Оттепель помогла оленям: снег исчез, исчезли и следы. И все же Ян следующие два дня снова бродил по холмам. Но следы не попадались ему.

Проходила неделя за неделей. Много холодных дней и морозных ночей пришлось Яну провести на покрытых снегом холмах. Иногда ему удавалось напасть на след оленя, но обычно все его поиски были бесплодны: напрасно он бродил по пустынным холмам и забирался в глубь лесов, руководствуясь отрывочными указаниями дровосеков. За все время этих странствований ему лишь однажды удалось увидеть силуэт оленя, грациозными прыжками взбравшегося на вершину холма. А между тем в окрестностях ходили рассказы о том, что в лесу за лесопилкой появился громадный олень. Яну не раз случилось нападать на его след, но самого оленя он не видел.

Между тем олени, напуганные долгим и упорным преследованием, сделались настолько пугливыми, что

нечего было и думать об успешной охоте за ними, так что охотничьи похождения Яна были, в сущности, длинной цепью неудач и разочарований. Но эти неудачи не огорчали его. Для Яна самым главным в охоте было любовное общение с природой. Ему все больше и больше нравилось бродить по холмам. Каждый день этой бесконечной охоты превратился для него в радостную, праздничную прогулку.

III

Прошел год, наступил новый охотничий сезон, и Ян почувствовал снова пробуждение охотничьей страсти.

Рассказывали, что на холмах появился громадный олень. Его даже прозвали оленем Песчаных холмов. Много было разговоров о его необычайной величине и скорости, о венчавших его голову громадных ветвистых рогах, мощных, как бы вылитых из бронзы, с верхушками, блиставшими, словно слоновою костью.

Немудрено, что с первым же выпавшим снегом Ян отправился на охоту, взяв с собой товарищей, которых он успел заразить своей страстью. Они подъехали в санях к Сосновому холму и разошлись в разные стороны, условившись встретиться на закате солнца.

Вокруг холма, в зарослях, водилось много зайцев и тетеревов, поэтому выстрелы слышались каждую минуту. Но так как олений след не попадался вблизи холма, Ян вышел из зарослей и направился к долине Кеннеди, где, по слухам, недавно видели громадного оленя.

Пройдя несколько миль, он действительно напал на крупные следы, которые очень резко отпечатались на снегу. Ну и прыжки! Ян понял сразу, что перед ним след оленя Песчаных холмов, о котором ходило столько рассказов.

Охотник почувствовал внезапный прилив сил и, как волк, помчался по следу. Он снова ощутил то странное покалывание в корнях волос, которое ему приходилось испытывать и раньше, но теперь это ощущение проявилось с особенной силой. Ян подумал, что, вероятно, подобное же ощущение испытывает бегущий за добычей волк, когда шерсть его поднимается дыбом.

Ян шел по следу, пока не начало темнеть. Пора было возвращаться: назначенное охотниками место свидания — Сосновый холм — находилось довольно далеко. Впрочем, Ян знал, что ему не удастся добраться до

Соснового холма в назначенный срок: товарищи едва ли будут ждать его так долго. Но это нимало не беспокоило его: он обладал железными ногами и был вынослив, как хорошая охотничья собака. Он мог охотиться целый день и, возвращаясь домой, не чувствовал ни малейшей усталости.

Не застав товарищей на условленном месте, Ян даже обрадовался, почувствовав себя вполне свободным. Друзья, вероятно, жалели его, зная, что ему придется совершить утомительную и долгую прогулку. Но они не знали о том, как счастлив он был на этих пустынных холмах.

Правда, Яна обвевал студеный ветер, но в самом Яне горел яркий огонь здоровой молодости. Во время этих прогулок он был счастлив и сам сознавал это. Он невольно улыбнулся, когда вспомнил о своих товарищах, которые сейчас возвращались на санях домой, дрожа от холода и... сожалея о нем.

О, какой чудный закат удалось ему видеть в этот день в долине Кеннеди! Снег покрылся багрянцем, и высокие тополи стояли, облитые пурпурным золотом. Как хороша была прогулка по быстро темневшему лесу, когда наступили сумерки и на небе показалась луна!

”Это лучшие дни моей жизни! — повторял он. — Это мои золотые дни!”

Приближаясь к Сосновому холму, Ян закричал громко и протяжно:

— Уррра!

”Может быть, товарищи мои еще там?” — подумал он. Но, в сущности, он крикнул, чтобы дать исход жизне-радостному чувству, переполнявшему все его существо.

Вместо отклика товарищей до его слуха донесся отдаленный вой волков. Ян, дурачась, завыл в ответ, подражая волкам. Волки дружно ответили ему, и на этот раз, прислушиваясь к их вою, он понял, что они собрались в стаю и бегут по чьему-то следу. Так воют они обыкновенно лишь в погоне за добычей.

Вой слышался все ближе и ближе; лесное эхо повторяло его. Внезапно в голове Яна мелькнула мысль: ”Ведь они бегут по моему следу! Они гонятся за мной!”

Тропинка, по которой он шел, пересекала теперь небольшую поляну. В такой холод было немислимо искать спасения на вершине дерева, и Ян, выйдя на середину поляны, уселся в снег, крепко держа одной рукой ствол ружья, а другой нащупывая патроны. Сердце его сжималось от нового, страшного ощущения.

Из леса доносился звонкий вой. Все ближе и ближе... Но вот этот вой изменился и затем внезапно смолк. Сияла луна; было светло как днем. Волки, вероятно, увидели Яна и остановились у края поляны. Справа послышался треск, слева — заглушенный вой, и затем снова настала тишина.

Ян чувствовал, что он окружен, что волки следят за ним, спрятавшись за деревьями. Но напрасно он напрягал зрение, стараясь прицелиться: волки были умны и не показывались. Ян тоже был умен и сидел спокойно. Стоило ему побежать, и стая бросилась бы на него.

Вероятно, стая была невелика и решила на своем военном совете оставить Яна в покое. Прождав около двадцати минут, Ян поднялся и отправился домой. Подходя к дому, он подумал: "Ну, теперь я знаю, что испытывает олень, когда он слышит за собой звуки шагов и щелканье взводимого курка".

Много морозных дней и суровых зимних ночей провел Ян на Песчаных холмах. Он изучил их до мельчайших подробностей. Он понял, почему олени избегают кустов и почему их следы так многочисленны вблизи дубов. Он узнал, что шепчет высохший тростник, склоняясь к снегу, как живет подо льдом мускусная крыса, и зачем выдра спускается с холмов, и что говорит лед, звеня и раскалываясь в морозные ночи. Белки научили его, как очищать сосновые шишки и какие грибы можно без страха употреблять в пищу.

Он изучил все окрестные пруды, леса и холмы. Он узнал тысячи охотничьих секретов, но олень все не давался ему в руки.

Ян исходил сотни миль по запутанным тропинкам, иногда нападая на оленьи следы, иногда теряя их. Надежда не покидала его, потому что в своих странствованиях он нередко натыкался на следы гигантского оленя Песчаных холмов.

IV

Охотничий сезон уже близился к концу, когда Ян в одно морозное утро отправился в большой сосновый лес. На пути ему встретился дровосек. Этот дровосек рассказал Яну о том, что видел в лесу важенку¹ и гигантского оленя, у которого "был целый лес рогов на голове".

¹ Важенка — самка оленя.

Ян направился прямо к тому лесу, который указал ему дровосек, и действительно вскоре напал на следы. Один из них напоминал след, который Ян когда-то видел у ручья, другой — громадный — несомненно принадлежал оленю Песчаных холмов.

В Яне снова пробудился зверь: он готов был завывать, подобно волку, почуявшему дичь.

Следы шли через леса и холмы, и по ним мчался Ян, или, вернее, волк, в которого превратился охотник.

Весь день олени кружили, переходя с места на место в поисках пищи, лишь изредка останавливаясь, чтобы съесть немного снега, заменявшего им воду.

Целый день он гнался по следам и с изощренной наблюдательностью отмечал каждую мелочь, радуясь, что следы на этот раз отпечатывались особенно резко на мягком снегу. Освободясь от излишней одежды и мешавших ему вещей, Ян бесшумно подвигался вперед и вперед.

Внезапно вдали что-то мелькнуло среди кустарников. "Может быть, это птица?" — подумал Ян, притаившись и внимательно всматриваясь. На сером фоне кустарников слегка выделялся какой-то серый предмет, и Яну сначала показалось, что это просто бревно с суковатыми ветвями на одном конце. Но вот серое пятно шевельнулось, суковатые ветви на мгновение поднялись выше, и Ян задрожал... Ему сразу стало ясно: серое пятно в кустах — олень, олень Песчаных холмов!

Как он был величествен и полон жизни! Ян глядел на него с благоговейным восторгом.

Стрелять в него теперь, когда он отдыхал, не подзревая об опасности, было бы преступлением... Но Ян ведь жаждал этой встречи целые месяцы. Он должен выстрелить.

Душевное волнение все росло, и нервы Яна не выдержали: поднятое ружье задрожало в его руках, он не мог хорошо прицелиться. Дыхание его сделалось прерывистым, он почти задыхался.

Ян опустил наведенное ружье... Все его тело вздрагивало от волнения.

Прошло несколько мгновений, и Ян снова овладел собой. Его рука не дрожала больше, глаза ясно различали цель. И чего он так волнуется — ведь перед ним всего лишь олень!

Но в это мгновение олень повернул голову, и Ян ясно различил его задумчивые глаза, большие уши и ноздри.

”Неужели ты решишься убить меня?” — казалось, говорил олень, когда его взгляд остановился на Яне. Ян снова растерялся. По его телу пробежала дрожь. Но он знал, что это лишь ”охотничья лихорадка”. Он в эту минуту презирал это ощущение, хотя позже научился уважать его.

Наконец волк, сидевший внутри Яна, заставил его выстрелить.

Выстрел был неудачен. Олень вскочил; возле него показалась важенка. Другой выстрел — опять неудачный... Вслед за тем целый ряд выстрелов... Но олени уже успели скрыться, быстро перепрыгивая с одного низкого холма на другой.

V

Ян еще некоторое время гнался по следу убежавших оленей. Ему не удалось даже ранить их — на следах не было крови.

Пройдя около мили, Ян напал на новый след, который привел его в еще большую ярость: это был отпечаток мокапина, след индейца. Ян, полный злобы, пошел по этому новому следу и, поднимаясь на холм, увидел рослую фигуру индейского охотника, поднявшегося с поваленного ствола и миролюбиво махавшего ему рукой.

— Кто ты? — грубо спросил его Ян.

— Часка.

— Что ты делаешь в нашей стране?

— Это прежде была моя страна,— сурово ответил индеец.

— Но ведь это мои олени! — сказал Ян.

— Дикие олени не принадлежат никому, пока они не убиты.

— Я бы советовал тебе держаться подальше от следов, по которым я гонюсь...

— Я не боюсь тебя,— ответил индеец.— Не стоит ссориться. Хороший охотник всегда найдет оленей.

Ян провел с Чаской несколько дней. Ему не удалось убить оленя, но зато он научился от Часки многим охотничьим сноровкам индейцев. Так, индеец научил его никогда не гнаться за оленями по холмам, потому что олени часто нарочно взбираются на холмы, чтобы увидеть с них, не гонятся ли за ними. Часка научил его определять направление ветра, подняв смоченный слю-

ной палец вверх, и Ян при этом невольно подумал: "Теперь я знаю, почему у оленя нос всегда влажный".

Часка объяснил ему, что часто успех охоты зависит только от терпеливого выжидания. Он научил его особой охотничьей походке, которая облегчает охотнику возвращение назад по собственному следу, как бы ни был глубок снег.

Иногда они охотились вместе, иногда порознь. Однажды, когда Ян охотился один, ему удалось напасть на олений след в зарослях возле озера, носящего теперь имя озера Часки. След был свежий. Ян внимательно прислушался, и ему почудился треск в кустарниках. Вслед за тем он увидел, как покачнулась ветка. Ян поднял ружье и прицелился, выжидая лишь нового движения в кустарниках, чтобы выстрелить. Действительно, спустя несколько секунд среди ветвей мелькнуло что-то серое, и Ян был уже готов нажать курок. Но вдруг он заметил какое-то красное пятно, двигавшееся вместе с неясной серой фигурой. Прошло еще несколько мгновений, и из кустарников вышел Часка.

— Часка! — вскрикнул взволнованно Ян. — Я ведь чуть-чуть не выстрелил в тебя!

Индеец вместо ответа указал пальцем на красный платок, которым была повязана его голова. Только теперь Ян понял, почему охотники-индейцы всегда повязывают голову красным платком, и с этих пор сам начал прибегать к этой предосторожности во время охоты.

Спустя несколько дней они увидели стаю луговых куропаток, летевших к сосновому лесу. Вскоре вслед за ними потянулись другие стаи. Часка внимательно поглядел на них и сказал:

— Куропатки прячутся в лес. Надо ждать мороза.

Действительно, весь следующий день охотникам пришлось провести у костра.

Два дня свирепствовал мороз, и лишь на третий они могли снова начать охотиться. Но Часке не повезло: он упал и сломал ружье. Встретясь вечером с Яном у костра, он долго молчаливо курил свою трубку и внезапно прервал молчание вопросом:

— Охотился ли ты когда-нибудь в Мышиных горках?

— Нет.

— Хорошая охота... Пойдем туда.

Ян отрицательно покачал головой.

Поглядев на запад, индеец сказал:

— Сегодня видел следы Сиу... Плохая охота здесь теперь.

И Ян понял, что Часка принял бесповоротное решение. Он исчез, и Яну никогда больше не пришлось встретиться с ним. Но одинокое озеро, лежащее среди Керберийских холмов, до сих пор называется озером Часки.

VI

”Возле Кербери показалось множество оленей. Недавно видели огромного оленя между долиной Кеннеди и лесопилкой”.

Такие сведения Ян получил в письме, когда уехал на Запад, где ему пришлось вести однообразную жизнь, совсем не отвечающую его вкусам. Письмо было получено в начале охотничьего сезона, когда Яном и без того начали овладевать приступы охотничьей лихорадки. Если раньше он еще колебался, то это письмо было последним толчком, прекратившим колебания. Железный конь унес его к родным холмам. Затем несколько часов верховой езды — и он был дома. И снова начались бесконечные охотничьи прогулки.

Вскоре до него дошли слухи, что вблизи одного озера видели оленье стадо, состоявшее из семи оленей, причем их вожак был настоящий великан.

Ян вместе с тремя другими охотниками отправился в санях к дальнему озеру.

Охотники вскоре напали на оленьи следы: шесть — разной величины, седьмой же, самый крупный, несомненно принадлежал знаменитому оленю Песчаных холмов.

Как властно заговорил в этих людях кровожадный дикарь каменного века! Как жадно горели их глаза, когда они пустились по следам!

Уже приближалась ночь. Они настигли стадо. Несмотря на упорные требования Яна, товарищи его не хотели выйти из саней.

Вскоре на вершине снежного холма они нашли свежие следы. Очевидно, олени стояли здесь, обернувшись к охотникам, а затем бросились в разные стороны. Каждый прыжок их имел в длину двадцать пять футов. Оленей все-таки не увидели, хотя и шли дальше по следам. Ночь застигла охотников, и они поспешно устроили привал среди снегов.

Утром погоня продолжалась. Они пришли к месту ночевки оленей: семь темных, оттаявших ямок ясно говорили, что тут лежали животные.

Ян настоял на том, чтобы сани были оставлены. Он заметил, что следы ведут к большому лесу. Глухарь с криком поднялся над деревьями — значит, олени пробираются сквозь чащу.

Ян предложил охотникам общий план действий, но нетерпеливые товарищи не хотели его слушать.

Итак, все разделились на две партии: двое пошли в одну сторону, двое — в другую.

Ян и его товарищ, Дуфф, вскоре напали на следы двух оленей. Не могло быть сомнения в том, что один из них именно тот великан-вожак, который уже два года не давал покоя Яну.

Они настигли животных в лесной чаще, но еще мгновение — и олени исчезли, разбежавшись в разные стороны. Ян велел Дуффу преследовать важенку, а сам поспешил в ту сторону, куда скрылся олень-исполин.

Солнце опускалось. Ян находился в неизвестной местности, кое-где поросшей лесом. Он угнал оленя далеко от привычных ему мест. Зверь был уже близко, и Ян ожидал, что вот-вот увидит его, как вдруг вдали раздался выстрел, затем другой — и олень умчался стремительными прыжками. Догнать его было невысказано.

Ян вернулся и скоро нашел товарища. Дуфф выстрелил два раза в важенку. Он говорил, что, наверно, со второго выстрела попал в нее. Они отправились по следам важенки.

Пройдя полмили, они заметили кровь, но кровь скоро исчезла, а следы стали как будто больше и яснее. Поднималась метель, снег заметал их, но все же Ян успел разобрать, что это были уже следы не раненой важенки, а оленя, ее рогатого друга. Надо было удостовериться, разрешить сомнение: пришлось возвращаться обратно по следам.

Ян был прав. Большой олень прибежал на этот раз к старой уловке преследуемого зверя, которую хорошо знают опытные охотники: он искусно возвратился по своим следам к раненой подруге, чтобы спасти ее, чтобы дать ей возможность скрыться в противоположном направлении.

Охотники не поддались обману. Они разыскали следы раненого животного и, как жадные волки, устремились дальше.

Олень, поняв, что его попытка отвлечь внимание преследователей оказалась неудачной, вернулся к своей подруге.

На закате охотники увидели их обоих на снежном склоне холма. Важенка шла медленно, низко опустив голову. Ее товарищ тревожно бежал вперед, как будто не понимая, почему она отстает, потом возвращался к ней и ласково лизал ее, словно просил поспешить.

Но охотники уже настигли их. Завидев врагов, олень тряхнул рогами, заметался из стороны в сторону и наконец умчался, как будто сознавая, что защита и борьба бесполезны.

Когда люди подошли, важенка попыталась подняться, но она так ослабла, что тут же свалилась. Дуфф вынул нож. Ян раньше никогда не думал о том, для чего, собственно, каждый охотник носит за поясом длинный нож. Бедная важенка обратила к своим врагам большие блестящие глаза; в них стояли слезы. Но она не стонала, не издала ни единого крика. Ян отвернулся, закрыл лицо руками. Дуфф с ножом подошел к важенке и совершил ужасное дело. Этого нельзя рассказать словами...

Ян оцепенел. Дуфф позвал его. Ян медленно обернулся.

Подруга великана-оленья лежала без движения на снегу. Когда они стали уходить, вдали мелькнула чья-то большая тень и скрылась за холмами.

Через час охотники пришли с санями и подняли убитую важенку с покрасневшего от крови снега. Кругом на снегу они увидели свежие крупные следы, и снова вдали, на белеющих холмах, в темноте ночи мелькнула и скрылась большая темная тень.

Какие печальные, тяжелые думы теснились в эту ночь в голове Яна при свете костра! Он упрекал себя. Так это называется охотой?.. К этому он стремился?.. После долгих дней возбуждения, после целого ряда неудач он достиг желанной цели: прекрасное измученное животное было обращено в окровавленный, отвратительный труп...

VII

Но с наступлением утра впечатления ночи рассеялись. Над холмами раздавался протяжный вой, и Ян прислушивался к нему. Его угнетала мысль, что, быть может, волк выслеживает оставленного им зверя.

Компания охотников отправилась к ближней усадьбе. Ян придумывал, под каким бы предлогом ему остаться одному. Снова попался им на пути свежий след оленя-великана, и юноша весь загорелся жадой преследования.

”Я должен еще раз увидеть его”, — твердил он про себя.

Остальным охотникам надоело мерзнуть на трескучем морозе. Ян взял себе из общих припасов маленький чугунок, одеяло, немного съестного и расстался с товарищами.

— Прощайте! — крикнул он уходя.

— Желаем удачи!

Сани и охотники скрылись из виду на холмистой равнине. Ян был один. Никогда еще не испытывал он такого острого чувства одиночества. Он скитался и прежде один, без товарищей, недели и месяцы в пустынных местах, но никогда не страдал так, как теперь. Ему было тяжело. Сердце сжималось, когда он окидывал взором бесконечную снежную пустыню. Он готов был побежать за товарищами, окликнуть их, но гордость остановила его.

Они уже скрылись из виду, было поздно бежать за ними, звать их. Он зашагал по следам оленя — по бесконечной, не дававшей ему покоя цепи следов, во власти которых он находился в продолжение двух лет. Эти следы покрыли своей легкой, запутанной сетью все окрестные холмы и поля, и если бы человек мог разобрать их, перед ним раскрылась бы немая повесть целой жизни, скитальческой жизни зверя. Если бы человек мог разгадывать эти следы, он часто находил бы в них повесть об ужасной встрече с лютым врагом, рассказ об отчаянной битве, в которой зверь окончил свое существование. Еще не так давно — когда человек был занят единственной мыслью о пище — он гораздо искуснее выслеживал зверя, и звериные следы были для него путем к сытному обеду. Поэтому и до сих пор при виде следов зверя в душе человека просыпается смутное желание отыскать его, овладеть им, просыпается дикий инстинкт первобытного охотника.

Ян снова поддался этому неодолимому, темному чувству и устремился в поиски за оленем.

К вечеру он достиг густой осиновой чащи. Ян знал, что олень расположится здесь на ночлег, поэтому он

с величайшей осторожностью, тихонько, крадучись, стал пробираться между деревьями.

Но уловки его не привели ни к чему. Олень заметил преследователя и успел скрыться.

Досада и отчаяние овладели Яном. Нужно было ночевать в лесу, на ветру, на морозе.

Ночь была холодная и темная. Он улегся, свернулся, накрывшись одеялом, и пожалел, что природа не дала ему теплой шкуры, как у лисы, и ее пушистого хвоста, которым можно было бы прикрыть озябшие руки и ноги.

Деревья и земля трещали от мороза. Даже звезды в небе, казалось, звенели от холода. На ближнем озере то и дело раздавался треск: лед трескался у берегов. Над озером и над лесом дул студеный ветер, обжигавший лицо.

Волк издали подкрался к огню, но не подошел близко. Он только жалобно завыл и снова исчез.

К утру стало теплее. Повалил снег и засыпал следы оленя.

Ян не знал, где он находится. Побродив без цели по лесу, он решил идти к Сосновому ручью. Но как найти туда дорогу? Снег кружился в воздухе, слепил глаза, колот лицо, застилал все окрестности. Ближайшие предметы заволокло дымкой, а вдаль все было окутано белой мглой. Тогда он разыскал в чаще осинового леса, под снегом, засохший ствол растения, известного под названием "золотой корень". Это растение имеет свойство тянуться всегда в сторону севера. Итак, по сухому его стволу Ян мог теперь найти дорогу. Он направился к юго-востоку, где, как он знал, протекал Сосновый ручей. И каждый раз, когда ему казалось, что он сбился с пути, он раскапывал снег, разыскивал золотой корень и по нему определял, где север.

Наконец он вышел из леса и увидел вдаль Сосновый ручей.

Весь день Ян провел в бесплодных поисках оленьего следа. Ночью он снова развел огонь и снова пожалел, что судьба не наградила его теплой, пушистой шерстью. В первую ночь он отморозил себе щеки и пальцы на ногах. Отмороженные места болели и горели, но Ян не помышлял о возвращении домой. Тайная надежда, что он на этот раз выследит оленя, удерживала его.

На другое утро какое-то странное, непонятное предчувствие заставило его блуждать по пустынной равнине, где не могло быть следов оленя. И что же? Он внезапно увидел перед собой ложбину, где, очевидно, ночевали олени. Шесть потемневших ямок, еще не занесенных снегом, говорили о ночевке большого оленя и его семьи.

Не успел Ян пройти и четверти мили, как из-за длинной гряды холмов, окутанных туманом, выглянули, приподняв уши, пять темных голов и показался вожак с великолепными ветвистыми рогами. Это видение мелькнуло и скрылось. Ян не успел прицелиться, как животные разбежались и исчезли за холмами.

Большой олень собрал свою семью и бродил с нею по снежным холмам, когда завидел своего врага. Он подал знак рассыпаться по долине, и все мгновенно умчались в разные стороны.

Яну хотелось только одного — настигнуть их вожака. Он направился к узкой ложбине, поросшей кустарником. Внизу журчал Сосновый ручей.

“Он здесь, он скрывается тут и сторожит меня, но я его поймаю”, — твердил Ян.

Он не сводил глаз с чащи. Через полчаса темная тень отделилась от кустов и осторожно взобралась на холмистую гряду. Когда олень исчез из виду, Ян быстро пересек равнину и, обойдя ее, устремился навстречу зверю. Но олень оказался дальновиднее охотника: он угадал его замысел и успел умчаться по прежним своим следам.

Олень хорошо понимал, что дело идет о его жизни. Самый сильный и быстрый в беге олень ослабевают, если погоня продолжается несколько дней кряду. Неугомиый охотник может дожидаться той минуты, когда зверь выбьется из сил и сам дастся ему в руки.

Итак, Ян преследовал его без усталости среди снежных полей и холмов. Олень обманывал его, возвращался по своим следам, скрывался в чаще с подветренной стороны, чтобы учуять приближавшегося охотника как можно раньше. Зверь обманывал человека и водил туда и сюда, внезапно исчезал, задавал ему неразрешимые загадки. Но Ян с каким-то ожесточением выслеживал его, распутывал его хитрости, разыскивал настоящий след.

И большой олень выбился наконец из сил, измучился до того, что не мог уже больше ни есть, ни спать. В ужасе от неумолимого преследования, он ослабел и изнемог, и прыжки его стали меньше. Он готов был сдаться врагу.

Наконец олень и охотник очутились в небольшом лесу, со всех сторон окруженном болотами. Три тропы вели в этот лес, который, казалось, был предназначен для последней, страшной встречи оленя и Яна.

Осторожно прошел Ян по второй тропе, снял с себя куртку и пояс, повесил на куст, а сам вернулся к болоту.

С величайшей осторожностью, боясь хрустнуть веткой, побрел он по третьей тропе и спрятался в кустах. Немного погодя он тихо свистнул, как свистит сойка, чуя приближение опасности.

Олени всегда следят за криком сойки. Из своей засады Ян видел, как большой олень, насторожив уши, пробирался на пригорок, чтобы осмотреться. Тихий свист Яна превратил оленя в неподвижную статую. Но кусты и деревья загораживали его.

Олень постоял несколько минут, втягивая ноздрями воздух и вглядываясь в даль. Он стоял спиной к Яну и, очевидно, не подозревал, что тот так близко. Ветер зашевелил рукава куртки на кусте. Олень быстро спустился с пригорка и, неслышно ступая между деревьями, бесшумно исчез.

Ян мучительно напрягал свой слух, чтобы уловить, куда он ушел. Он весь дрожал как в лихорадке, сердце стучало; ружье было давно наготове.

Он тихо, осторожно приподнялся, и в то же мгновение в трех саженях от него так же тихо поднялся, словно вырос из-под земли, большой олень — олень Песчаных холмов!

Два великолепных темных глаза смотрели на Яна. Ветвистые рога венчали большую красивую голову. Стройное тело было неподвижно, словно окаменело.

Ян и олень Песчаных холмов встретились наконец лицом к лицу. Жизнь оленя была теперь в руках Яна.

Олень стоял, как изваяние. Он стоял и смотрел прямо в глаза Яну своими большими, правдивыми глазами.

Ружье дрогнуло в руке Яна. Он поднял его и снова опустил, потому что олень не сводил с охотника своего ясного взора, стоял неподвижно и смотрел на него.

И Ян почувствовал, что волнение его утихает, что зубы уже не стучат, что в нем разливается спокойствие и радость.

”Стреляй, стреляй скорей! Ведь ты этого добивался!” — говорил в нем какой-то голос. Но голос этот звучал так неуверенно, так слабо...

И Ян вспомнил одну страшную ночь, когда его преследовала стая волков, когда он, изнемогая от усталости, в ужасе ждал их приближения. Он вспомнил убитую важенку и снег, обагренный ее кровью — кровью преступного убийства. Ему вспомнились глаза умирающей важеньки, ее робкий, умоляющий взгляд, которым она как будто хотела сказать: ”Чем я перед вами провинилась?”

Мысль об убийстве казалась теперь невозможной. Ян смотрел на оленя, и олень не сводил с него своих умных, ясных глаз. Казалось, они читали в глазах и сердцах друг друга. Ян не мог отнять у него жизнь, и то, что давно уже зарождалось в нем, что незаметно укреплялось и зрело, заговорило вдруг властно и громко. Этот голос говорил:

”Бедное, прекрасное животное! Долго мы были врагами: я был преследователем, ты — жертвой. Но теперь все переменялось. Мы смотрим в глаза друг другу, мы дети одной матери — природы. Мы не можем поговорить, но мы можем понять друг друга без слов. Теперь я понимаю тебя, как раньше никогда не понимал. И я уверен, что и ты понял меня. Жизнь твоя в моих руках, но ты уже не боишься меня. Мне рассказывали про одного оленя, который, когда его окружили собаки, бросился к охотнику и искал у него защиты, и охотник спас его. Так и я много дней преследовал тебя, а теперь ты можешь без страха стоять передо мною. Никогда рука моя не поднимется, чтоб убить тебя. Мы — братья, прекрасное создание, только я старше и сильнее тебя. И если бы сила моя могла всегда оберегать тебя, ты никогда не знал бы опасности.

Ступай, без страха броди по лесистым холмам — никогда более не стану я преследовать тебя. Чем больше я узнаю жизнь, тем ближе становишься ты мне, и я не могу смотреть на тебя как на добычу, как на лакомый кусок мяса.

Ступай спокойно, без страха.

Мы никогда не встретимся. Прощай!”

КОРОЛЕВСКАЯ АНАЛОСТАНКА

Жизнь первая

I

— Мя-я-со! Мя-я-со! — пронзительно разносилось по Скримперскому переулку.

Все кошки околodka сбегались на этот призыв. А собаки отворачивались с презрительным равнодушием.

— Мя-я-со! Мя-я-со! — раздавалось все громче и громче.

Наконец появился грязный, всклокоченный человек с тачкой. Со всех сторон к нему спешили кошки. Через каждые пятьдесят шагов, как только кошек собиралось достаточно, тачка останавливалась. Человек доставал из ящика вертел, унизанный кусочками сильно пахнущей вареной печенки. Длинной палкой он поочередно спихивал эти кусочки с вертела. Каждая кошка хватала по куску, прижав уши, и, метнув злобный взгляд, с урчаньем бросалась прочь, чтобы насладиться добычей в надежном убежище.

— Мя-я-со! Мя-я-со!

Всё новые и новые пенсионерки прибывали за своими порциями. Все они были хорошо известны продавцу печенки. Вот Тигровая — Касильоне, вот Черная — Джонса, вот Черепаховая — Пралицкого, вот Белая, принадлежащая мадам Дантон. Там вон крадется Ангорская — Бленкинсофа. А тот, что залез на тачку, старый Оранжевый Билли — кот Сойера, наглый плут, хозяин его очень плохо платит. Каждого надо помнить. Вот бежит кошка, хозяин которой аккуратно вносит свои десять центов в неделю. Зато вот та, другая, ненадежна. А вот кот Джона Уаши: этот получает кусочек поменьше, потому что Джон задерживает платеж. Разукрашенный ошейником и бантами крысолов трактирщика получает добавочную порцию в награду за щедрость хозяина. Не менее счастлива и кошка сборщика податей, хотя сборщик не дает, а требует деньги. Вот доверчиво прибегает черная кошечка с белым носиком, но — увы! — ее беспощадно отталкивают. Бедняжка не понимает, что случилось. Она получала печенку в течение долгих месяцев. Почему такая жестокая перемена? Но продавец печенки хорошо

знает, в чем дело: ее хозяйка перестала ему платить. У него нет никаких книг, он руководствуется только памятью, и память его никогда не обманывает.

Кошки, не числившиеся, так сказать, в списках аристократии, дожидались на почтительном расстоянии, надеясь на счастливую случайность. В числе этих прихлебателей находилась одна серая жительница трущоб, бездомная кошка, пробавлявшаяся чем бог послал, тощая и грязная. Одним глазом она следила за тачкой, а другим поглядывала, не подстерегает ли ее собака. Десятки кошек удалились, получив свою долю печенки, а у нее все еще не было никакой надежды на завтрак. Но вот большой кот, такой же бездомный, как и она, напал на одну из пенсионерок, чтобы отнять у нее добычу. Жертва выронила мясо, готовясь к обороне. Пока они дрались, серая трущобница схватила кусок и была такова.

Она проскользнула в боковую калитку, перескочила через заднюю стену, затем уселась, проглотила кусок печенки, облизнулась и, блаженствуя, отправилась окольными путями к свалке, где на дне старого ящика от бисквитов дождалось ее семейство. Вдруг она услышала жалобное мяуканье. Она помчалась к своим детенышам и увидела большого черного кота, преспокойно пожиравшего ее котят. Кот был вдвое больше ее, но она набросилась на него с такой яростью, что он, застигнутый на месте преступления, повернулся и бросился бежать. Из котят уцелел всего один — маленький серый котенок, похожий на мать, но с черными полосками на спинке и белыми отметинами на носу, ушах и кончике хвоста.

Первые дни мать горевала безмерно. Но потом горе ее утихло, и вся любовь и забота сосредоточились на оставшемся в живых малыше. Черный кот, пожирая котят, конечно, не собирался сделать доброе дело, а между тем он оказался невольным благодетелем и матери и ее детеныша: легче выкормить одного котенка, чем многих. Ежедневные поиски пищи продолжались. Продавец печенки редко приносил ей счастье, но в мусорных ящиках всегда бывала картофельная шелуха, которой можно было заглушить голод.

Однажды ночью мать-кошка почуяла чудесный запах. Он доносился с реки. Этот запах привел кошку в док, а оттуда — на набережную. Услыхав внезапное рычанье, она поняла, что путь к бегству отрезан ее давнишним

врагом, собакой с верфи. Выбора не было: она перескочила на судно, с которого доносился чудесный рыбный запах. Собака осталась на берегу, и когда утром рыбацье судно отправилось в плавание, кошка поневоле отчалила на нем, и больше ее никто никогда не видел.

II

Напрасно дожидался матери трущобный котенок. Утро пришло и прошло. Котенок сильно проголодался. Перед вечером он пустился в поиски за пищей. Он вылез из ящика и стал ползать по мусорным кучам, обнюхивая все, что казалось съедобным, но не находил ничего. Наконец он достиг деревянных ступенек, спускавшихся в подвальную лавку продавца птиц, Японца Мали. Дверь была приоткрыта. Котенок вступил в целый мир едких и странных запахов. Он увидел множество заключенных в клетки живых существ.

На ящике в углу сидел негр. Негр заметил маленького незнакомца и стал с любопытством следить за ним. Котенок миновал несколько клеток с кроликами, не обратившими на него внимания. Но вот он подошел к клетке с широкой решеткой, в которой сидела лисица. Знатная дама с пушистым хвостом находилась в самом дальнем углу клетки. Она прикинула к земле. Глаза ее загорелись. Котенок приблизился, принюхиваясь, к решетке, просунул голову внутрь, еще раз понюхал, затем двинулся к миске с едой — и в тот же миг был схвачен караулившей его лисицей. Послышалось испуганное "мяу!", и сразу кончилась бы кошачья жизнь, если бы не вмешался негр. Оружия у него не было, войти в клетку он не мог, но он запустил в морду лисицы такой решительный плевок, что та мгновенно выронила котенка и забилась в угол, мигая глазами от страха.

Негр вытащил котенка из клетки. Сотрясение ошеломило его. Малютка был невредим, но словно одурманен. Он, шатаясь, сделал несколько шагов и стал понемножку приходить в себя. Несколько минут спустя он мурлыкал на коленях у негра. Тут в лавку вернулся продавец птиц, Японец Мали. Японец Мали родился вовсе не в Японии, а в лондонском предместье. Но у него на месте глаз были такие крошечные прорезы, косо расставленные на плоском круглом лице, что настоящее его имя было забыто, и все называли его Японцем. Он не был жесток к птицам и животным, которыми торговал. Он только соблюдал

свою выгоду и знал, что ему нужно. Ему не был нужен трущобный котенок. Негр накормил малыша всласть, затем отнес его в отдаленный квартал и покинул там на дворе железного склада.

III

Одного обильного обеда вполне достаточно на два-три дня. Наевшийся котенок был очень оживлен и весел. Он обрыскал груды мусора, любопытно поглядывал на висевшие за окнами далекие клетки с канарейками, заглянул через забор, увидел большую собаку, потихоньку спустился обратно, разыскал защищенное местечко на самом припеке и проспал там целый час.

Его разбудило легкое фыркание. Перед ним стоял большой черный кот со сверкающими зелеными глазами. На одной щеке его белел рубец, и левое ухо было прорвано. Глядел он совсем неприветливо. Уши его шевелились, хвост подергивался, и в горле раздавалось глухое клоко-танье. Котенок простодушно пошел к нему навстречу. Он не узнал губителя своих братьев. Черный кот потерял мордой о тумбу, затем медленно, спокойно повернулся и исчез. Последнее, что котенок увидал, был кончик его хвоста, подергивавшийся вправо и влево. И малыш никогда не узнал, что был так же близок к смерти, как в ту минуту, когда отважился войти в клетку лисицы.

Вечером котенок почувствовал голод. Он внимательно изучил длинный невидимый и разнородный поток воздуха, именуемый ветром. Выбрав наиболее интересное из его течений, он побрел ему навстречу, повинаясь указаниям носа. В углу двора оказался ящик с мусором, в котором ему удалось разыскать немного пищи. Поев, он напился из кадки с водой, стоявшей под краном. Всю ночь он старательно изучал двор. Следующий день, как и предыдущий, он провел в сладком сне на солнышке.

Так шло время.

Иногда он находил в мусорном ящике целый обед, иногда ничего не находил. Однажды он застал там большого черного кота, но осторожно удалился, прежде чем тот успел его заметить. Кадка с водой почти всегда стояла на своем месте, а когда ее уносили, на камне под краном оставались мутные лужицы. Но мусорный ящик был чрезвычайно ненадежен. Однажды он на целых три дня оставил котенка без еды. Малыш пошарил вдоль забора и, отыскав небольшое отверстие, вылез на улицу.

Не успел он как следует оглядеться, как вдруг что-то ринулось, зашумело: на него налетела с размаху большая собака. Котенок едва успел проскочить обратно на двор сквозь дыру в заборе. Он был страшно голоден. К счастью, он нашел немного картофельной шелухи, слегка заглушившей его мучения. Утром он не лег спать, а снова отправился на промысел.

Во дворе щebetали воробьи. Они и прежде бывали здесь, но теперь котенок глядел на них другими глазами. Неотступное чувство голода пробудило в нем хищнические инстинкты. Теперь эти воробьи были добычей, были пищей. Котенок припал к земле и стал подкрадываться к воробьям. Много раз он повторял попытку, но безуспешно: воробьи были проворнее его и всегда улетали вовремя. Наконец он понял, что хотя воробьи — пища, но пища недосыгаемая.

На пятый день этого незадачливого житья трущобный котенок снова отправился на улицу, надеясь чего-нибудь поесть. Когда он отошел на порядочное расстояние от щели в заборе, несколько маленьких мальчиков принялись обстреливать его кирпичами. Он пустился бежать. К погоне присоединилась собака. Положение беглеца становилось безнадежным. Но вдруг он увидел железную решетку перед фасадом дома и укрылся за нею, еле успев увернуться от собаки. В окне наверху показалась женщина, прикрикнувшая на собаку. Она бросила бедняжке обрезок мяса, и котенок полакомился, как никогда еще в жизни. Затем он забился под навес, просидел там до тех пор, пока наступившая ночь не принесла с собой покоя, и тогда, словно тень, проскользнул обратно в свой двор.

Такая жизнь длилась два месяца. Котенок вырос, возмужал и хорошо изучил опасности. Он познакомился с Даун-стрит, где каждое утро появлялись ряды мусорных ящиков. Для него большой дом был складом мусорных ящиков, всегда полных лучшими рыбными отбросами. Он вскоре познакомился также с продавцом печенки и примкнул к робкой стае кошек, за которых никто не платил. Пришлось ему встретиться и с собакой с верфи и с другими страшными псами. Он узнал, как они злы, и научился их избегать.

Вскоре, к своему счастью, он изобрел новый промысел. Многие кошки топтались в напрасной надежде вокруг заманчивых бидонов с молоком, которые оставляет по утрам на порогах и подоконниках молочник. Счастливая случайность однажды натолкнула нашего котенка

на бидон со сломанной крышкой. Это научило его поднимать и целые крышки и напиваться всласть. Откупорить бутылку он, разумеется, не мог, но ему немало попадалось бидонов с плохо прилегающей крышкой. Наш котенок усердно разыскивал такие бидоны. Мало-помалу он изучил весь свой квартал. Проникая все дальше, он, наконец, снова очутился среди бочонков и ящиков заднего двора, за лавкой продавца птиц.

Двор железного склада всегда оставался для него чужим, но тут в нем сразу проснулось чувство собственности, и он отнесся с негодованием к появлению другого котенка. С угрожающим видом он двинулся к пришельцу. Дело уже дошло до фырканья и урчанья, когда выплеснутое из верхнего окна ведро воды залило обоих и основательно охладило их пыл. Они бросились в разные стороны: незнакомец — через стену, а трущобный котенок — под тот самый ящик, в котором он родился. Эти задворки были необычайно милы его сердцу, и он вновь обосновался здесь на жительство. В этом дворе пищи было так же мало, как в прежнем, и вовсе не было воды, но зато его посещали вкуснейшие мыши. Благодаря этим мышам наш котенок скоро нашел себе друга.

IV

К этому времени котенок превратился уже в большую, красивую кошку, пятнистую, словно тигр. Ее бледно-серую шкуру украшали черные полосы, а четыре белых пятна на носу, хвосте и ушах придавали ей чрезвычайно изящный вид. Несмотря на то что она отлично умела отыскивать пищу, ей иной раз приходилось голодать по нескольку дней, и тогда она снова безуспешно принималась охотиться за воробьями. Она была совсем одинока.

Однажды в августе, когда киска нежилась на солнце, она увидела большого черного кота, который шел прямо к ней. Она тотчас узнала его по рваному уху, попятилась к своему ящику и спряталась в нем. Черный осторожно двигался вперед, легко перепрыгнул со стены на сарай в конце двора и стал переправляться через его крышу, как вдруг перед ним вырос желтый кот. Черный уставился на него с рычаньем, желтый отвечал тем же. Хвосты их злобно извивались. Крепкие глотки рычали и урчали. Они приблизились друг к другу с прижатыми к затылку ушами, с напряженными мускулами.

— Яу-яу-яу! — сказал черный.

— Уау-у-у! — прозвучал в ответ здоровенный бас.

— Я-уау-уау-уау! — сказал черный, придвигаясь на четверть дюйма ближе.

— Яу-у-у! — ответил желтый. Выпрямившись во весь рост, он с необычайным достоинством сделал шаг вперед. — Яу-у! — И он ступил еще раз, хлеща себя по бокам хвостом.

— Я-уау-яу-у! — взвизгнул черный, повышая тон, и отступил на осмушку дюйма перед широкой непреклонной грудью противника.

Вокруг открывались окна, слышались людские голоса, но кошачья ссора не прерывалась.

— Яу-яу-у! — загредел желтый, понижая голос по мере того, как голос черного повышался. — Яу! — И он шагнул вперед.

Теперь между их носами было каких-нибудь три дюйма. Они стояли боком, оба готовые вцепиться друг в друга, но дожидаясь, чтобы начал враг. Минуты три они молча пожирали друг друга глазами, неподвижные, как изваяния; шевелились только кончики их хвостов.

Затем желтый начал снова:

— Я-у-у! — низким басом.

— Я-а-а-а! — завизжал черный, стараясь вселить ужас своим воплем, но в то же время отступая на одну шестнадцатую дюйма. Желтый ступил вперед на полдюйма. Теперь усы их смешались. Еще шаг — и носы их чуть не столкнулись.

— Я-у-у! — злобно прорычал желтый.

— Я-а-а-а-а! — взвизгнул черный, отступая на тридцать вторую часть дюйма.

Желтый воин ринулся вперед и вцепился в него.

О, как они кувыркались, кусались и царапались! Как они кусали, таскали и мяли друг друга! Особенно отличался желтый.

Кубарем, через голову, иногда один сверху, иногда другой, но чаще желтый, они катились все дальше и дальше, пока не свалились с крыши под радостные крики зрителей, толпившихся у окон. Даже во время падения они продолжали мять и царапать друг друга. Особенно больно царапался желтый.

Когда они коснулись земли, верхним оказался желтый. И когда они наконец расстались, каждому досталось вдоволь, и в особенности черному. Он взобрался на стену

и, ворча, истекая кровью, исчез, в то время как от окна к окну передавалась весть, что наконец-то Оранжевый Билли как следует отдул Черного Нига.

Либо желтый кот был очень искусный сыщик, либо трущобная киска не слишком усердно пряталась, но он нашел ее среди ящиков, и она не пыталась бежать. Ничто так не покоряет женское сердце, как победа на поле боя. Желтый кот и киска вскоре подружились. Не то чтобы они делили жизнь и пищу — это не в обычае у кошек — они только признавали друг за другом особые привилегии.

V

Сентябрь прошел. Наступили короткие октябрьские дни, когда в старом ящике из-под бисквитов произошло важное событие. Если бы сюда явился Оранжевый Билли, он увидел бы пятерых котят, свернувшихся в объятиях своей матери, маленькой трущобной кошечки. Настало и для нее счастливое время. Она испытывала величайший восторг, она облизывала их с нежностью, удивившей бы ее самое, если бы она только была способна рассуждать.

В ее безрадостную жизнь вошла радость, но прибавилась также и забота. Теперь все ее силы уходили на поиски пищи. Заботы увеличивались по мере того, как росли котята. Через шесть недель они начали вылезать из ящика и лазили всюду каждый день, как только мать уходила на промысел.

В трущобном мире хорошо известно, что беда идет тучей, а счастье — полосой. Киска пережила три схватки с собаками и получила несколько кирпичей от негра — слуги Японца Мали. Затем произошел перелом. На следующее же утро она нашла молочный бидон без крышки, успешно ограбила одного из пенсионеров тачки и отыскала большую рыбу голову — все это в каких-нибудь два часа. Возвращаясь домой с тем чувством безмятежного покоя, какое может дать один только полный желудок, она увидела у себя на дворе маленькое коричневое существо. Киска вспомнила прежние свои охоты. Она убила и съела не одну мышь на своем веку и решила, что этот коричневый зверь, вероятно, крупная мышь с коротким хвостом и большими ушами.

Она подкрадывалась к нему с ненужной осторожностью. Маленький кролик только выпрямился и, казалось,

потешался над нею. Он и не пытался бежать, и кошка без труда схватила его.

Так как ей не очень хотелось есть, она отнесла его к ящику и бросила на кучу котят. Ему не очень было больно. Он скоро оправился от страха и, видя, что не может выбраться из ящика, пристроился к котяткам. Когда же они начали ужинать, он без колебаний присоединился к ним. Кошка опешила. Охотничий инстинкт одержал было верх над всем остальным, но она была сыта, и это спасло кролика. В нашей киске проснулся материнский инстинкт, и она стала кормить его своим молоком.

Кролик сделался членом семьи и стал пользоваться уходом и пищей наравне с котятками.

Прошло две недели. Котятка весело резвилась среди ящиков в отсутствие матери, кролик же не мог выбраться наружу. Увидав котят на заднем дворе, Японец Мали приказал своему негру перестрелять их, что тот и проделал в одно прекрасное утро, вооружившись двадцатидвухдюймовой винтовкой. Он застрелил одного за другим всех котят. Вдруг на стене показалась взрослая кошка с крысой в зубах. Он готовился застрелить также и ее, но вид крысы изменил его намерение: кошка-крысолов достойна жить.

Эта крыса оказалась первой, когда-либо пойманной нашей киской, но она спасла ей жизнь. Кошка пробралась через кучи хлама к ящику, но, к ее удивлению, ни один из котят не явился на зов. А кролик отказывался есть крысу. Она стала кормить его молоком, продолжая время от времени звать своих котят. Негр подкрался к ящику и, заглянув в него, увидел, к величайшему изумлению, что в нем находится кошка, живой кролик и мертвая крыса.

Мать-кошка пригнула назад уши и зарычала. Негр удалился, но минутой спустя на ящик опустилась доска, а ящик вместе с его обитателями, живыми и мертвыми, был препровожден в птичий подвал.

— Смотри-ка, хозяин, вот где кролик, который пропал! А ты-то думал, что я его украл!

Кошку с кроликом поместили в большую железную клетку и в течение нескольких дней выставляли как образец счастливого семейства.

Кролик вскоре захворал и умер. А кошка ни на минуту не чувствовала себя счастливой в клетке. Нужды нет, что ей вдоволь давали пить и есть. Она тосковала в нево-

ле и, весьма вероятно, добилась бы скоро свободы или смерти. Но, к своему несчастью, во время четырехдневного заключения в клетке она так хорошо отмыла свою шкурку и шерсть ее оказалась такого необычайного цвета, что Японец решил оставить ее у себя.

Жизнь вторая

VI

Японец Мали был самый плутоватый из сынов лондонского предместья, когда-либо торговавших дешевыми канарейками в подвальном этаже. Он был очень беден, и негр жил с ним потому только, что уроженец Лондона соглашался делить с ним стол и кровать и вообще считал его равным себе, в то время как американцы обращаются с неграми, словно с собаками.

Японец считал себя честным человеком, хотя всем было известно, что зарабатывал он укрывательством краденых собак и кошек. С полдюжины канареек служили просто-напросто ширмой. Однако Японец не унывал. Он по-своему был не лишен честолюбия и любил, чтобы его считали знатоком своего дела. Однажды он даже отважился представить кошку на великосветскую выставку общества Никербокер, руководясь тремя довольно-таки смутными целями: во-первых, для удовлетворения своего самолюбия; во-вторых, ради дарового входа на выставку; а в-третьих, "надо, знаете ли, присматриваться к дорогим кошкам, если уж занимаешься кошачьим делом". Но выставка была великосветская, и жалкая ангорская полукровка была отвергнута с негодованием.

Единственными интересными для Японца газетными столбцами были те, где помещались объявления о пропаже и находке собак и кошек. Однажды он вырезал и сохранил заметку "о продаже кошек на мех". Этот клочок бумаги был пришпилен к стене лавчонки, и он заставил Японца приняться за жестокий опыт над трущобной кошкой. Прежде всего он вымазал ее грязную шкуру особым снадобьем для уничтожения насекомых. Затем основательно вымыл ее в теплой воде с мылом, невзирая на вопли, когти и зубы. Киска была в ярости. Но когда она стала подсыхать, шерсть ее распушилась, сделалась необыкновенно чистой и мягкой. Японец и его помощник

были очень довольны своим опытом. Впрочем, это было только начало: самый опыт еще предстоял впереди. "Для улучшения меха успешнейшим средством является обилие маслянистой пищи и постоянное пребывание на холодном воздухе", — гласила газетная заметка.

Зима была уже на носу, и Японец Мали выставил клетку киски во двор, защитив ее только от дождя и ветра. Он принялся кормить ее сколько влезет жмыхами и рыбьими головами.

Через неделю уже наступила заметная перемена. Кошка с каждым днем становилась сытее и пушистее; ей нечего было делать, как только набираться жиру и ухаживать за своей шерсткой. Клетка содержалась в чистоте, и так как природа, откликаясь на холодную погоду и маслянистую пищу, делала кошачью шубку с каждым днем все пышнее и блестящее, к половине зимы трущобная киска превратилась в кошку редкостной красоты, с чудесной, пушистой шерстью, разрисованной прекрасными полосами. Японец был очень доволен результатом опыта и возмечтал о небывалой славе. Почему бы не послать киску на приближающуюся выставку? Но после прошлогодней неудачи он стал осторожнее.

— Видишь ли, Сэмми, — сказал он негру, — предлагать ее как бродячую кошку не годится. Но мы умаслим Никербокеров. Прежде всего необходимо хорошее имя. Ты понимаешь сам, что здесь нужно что-нибудь "королевское", — ничем так не проймешь Никербокеров, как чем-либо "королевским". Что ты скажешь, например, о Королевском Дике или Королевском Саме? Однако постой, это все мужские имена. Скажи-ка, Сэмми, как звали тот остров, где ты родился?

— Остров Аналостан был моей родиной, сэръ.

— Здорово! Королевская Аналостанка, черт возьми! Единственная Королевская Аналостанка с аттестатом на всей выставке. Умора, да и только!

И оба захохотали во все горло.

— Придется только заготовить аттестат.

И друзья принялись за сочинение подробной поддельной родословной.

Однажды в сумерки, украсившись взятым напрокат цилиндром, Сэм вручил кошку и ее аттестат распорядителям выставки. Ведение переговоров предоставлено было негру. Он был когда-то цирюльником на Шестой авеню и умел держаться гораздо солиднее и важнее, чем Мали. Это и было, вероятно, одной из причин, почему Коро-

левская Аналостанка встретила почтительный прием на кошачьей выставке.

Японец очень чванился тем, что его кошка попала на выставку. В нем жило благоговение лондонского лавочника перед высшим обществом. И когда в день открытия он подошел к входу, у него дух занялся при виде целого моря экипажей и цилиндров. Привратник зорко взглянул на него, но, увидев билет, пропустил, вероятно приняв его за конюха какого-нибудь важного барина, выставившего кошку. В зале перед длинными рядами клеток лежали бархатные ковры. Японец осторожно крался вдоль стен и, поглядывая на кошек разных пород, отмечая голубые и красные бантики, выискивал свою кошку, но не смел спросить о ней и трепетал в душе при мысли, что подумает это пышное великосветское сборище, если узнает, какую он сыграл с ними шутку.

Он видел много премированных животных, но никак не мог найти свою трущобную кошку. Он пробирался сквозь толпу, но киски все не было видно. Японец решил, что произошла ошибка: вероятно, судьи в конце концов отказались ее принять. Нужды нет: он получил свой входной билет и знает теперь, кому принадлежат ценные персидские и ангорские кошки.

Посреди центрального зала помещались перво-классные кошки. Вокруг них собралась целая толпа. Вдоль зала были протянуты веревки, и два полицейских следили за тем, чтобы толпа не задерживалась на месте. Японец пробрался в самую давку. Он был слишком мал ростом, чтобы заглянуть через плечи, и хотя расфранченная публика сторонилась его отрепьев, он все же никак не мог протиснуться к средней клетке. Однако он понял из замечаний окружающих, что здесь находится самый гвоздь выставки.

— Ну, не красавица ли? — сказала высокого роста женщина.

— Что за изящество! — был ответ.

— Это ленивое выражение глаз создано веками утонченной жизни.

— Приятно бы иметь у себя это великолепное создание!

— Сколько достоинства! Сколько спокойствия!

— Говорят, ее родословная доходит чуть ли не до фараонов.

И бедный, грязный маленький Японец подивился собственной смелости. Неужели ему действительно удалось втиснуть свою трущобницу в такое общество?

— Виноват, сударыня! — Показался директор выставки, пробиравшийся сквозь толпу. — Здесь находится художник "Спортивной газеты", которому заказано сделать набросок с "жемчужины выставки" для немедленного опубликования. Могу ли попросить вас немножко посторониться? Вот так, благодарю вас.

— О, господин директор, не можете ли вы уговорить продать это великолепное существо?

— Гм, не знаю, — был ответ. — Насколько мне известно, хозяин — человек с большими средствами, и к нему приступить трудно. А впрочем, попробую, сударыня, попробую. Как мне сказал его дворецкий, он насилу согласился выставить свое сокровище... Послушайте-ка, куда вы лезете? — заворчал директор на обтрепанного человека, нетерпеливо оттеснившего художника от аристократического животного.

Но обтрепанный человек хотел во что бы то ни стало узнать, где водятся породистые кошки. Он мельком взглянул на клетку и прочел ярлык, гласивший, что "голубая лента и золотая медаль выставки общества Никербокер выданы чистокровной, снабженной аттестатом Королевской Аналостанке, вывезенной и выставленной известным любителем Я. Мали, эсквайром. (Не продается.)" Японец перевел дух и снова взглянул. Да, сомнений нет: там, высоко, на бархатной подушке, в золоченой клетке, под охраной четырех полицейских, красуясь бледно-серой с ярко-черными полосами шубкой, чуть-чуть прижмурив голубоватые глаза, лежала его трущобная киска. Ей было очень скучно. Она не ценила поднятого вокруг нее шума.

VII

Японец Мали целыми часами простаивал около клетки, упиваясь своей славой. За всю свою жизнь впервые он так прославился. Такая слава ему никогда даже не снилась. Однако он понял, что будет разумнее держаться в тени и предоставить ведение дела своему "дворецкому".

Всем своим успехом выставка была обязана трущобной киске. С каждым днем цена кошки росла в глазах ее владельца. Он не имел понятия о тех ценах, какие иной раз выручаются за кошек, и думал, что содрал целое состояние, когда его "дворецкий" дал

директору разрешение продать Аналостанку за сто долларов.

Вот каким образом случилось, что трущобница переселилась с выставки в роскошный дом на Пятой авеню. Она сразу выказала необъяснимую дикость. Однако ее нелюбовь к ласкам была истолкована как аристократическое отвращение к фамильярности. Бегство от комнатной собачки на середину обеденного стола объяснялось прирожденным стремлением избежать оскверняющего прикосновения. Покушения на домашнюю канарейку объяснялись жестокостью, которая царит на ее родном Востоке. Ее барские ухватки при открывании бидона с молоком снискали ей всеобщее восхищение. Нежелание спать в подбитой шелком корзине и частые столкновения с оконными стеклами доказывали только, что корзинка недостаточно нарядна, а зеркальные стекла недостаточно прозрачны. Частые, но неудачные попытки поймать воробья, порхавшего в огороженном высокой стеной саду, служили лишним доказательством непрактичности королевского воспитания, а посещения мусорного ящика — только простительным чудачеством высокорожденной особы.

Киску угощали и ласкали, однако она не была счастлива. Киска тосковала по родине. Она теребила голубую ленту на шее, пока не избавилась от нее; билась в оконные стекла, потому что они казались ей дорогой на улицу; избегала людей и собак, потому что люди и собаки были ее старыми врагами. Она подолгу сидела у окна, с тоской разглядывая крыши и задние дворы. Как бы ей хотелось снова вернуться к ним!

Но за ней строго следили, никогда не выпускали во двор. Тем не менее в один мартовский вечер Королевская Аналостанка улучила минутку, когда мусорные ящики выставлялись во двор, выскользнула за дверь и была такова.

Нечего и говорить о происшедшем переполохе. Но киска не знала и знать не хотела о нем. Она думала только о том, как бы поскорее добраться домой. После многих незначительных приключений она очутилась возле Грамерси-Грэндж-Хилла. Что же было потом? Домой она не попала, а, с другой стороны, лишилась верного куска хлеба. Голод уже давал себя знать, но, несмотря на все, она испытывала странную радость.

Некоторое время она прождала, притаившись в палисаднике одного дома. Поднялся резкий восточный ветер

и принес ей дружескую весть. Люди называли бы эту весть скверным запахом с набережной, но для нашей кошки это была желанная весточка из дому. Она побежала рысью вдоль длинной улицы, по направлению к востоку, держась вблизи домовых решеток, изредка замирая на месте, как изваяние, и наконец достигла набережной и воды. Но место оказалось ей незнакомым. Можно было повернуть и на юг и на север. Что-то заставило ее повернуть к югу, и, лавируя между собаками, повозками и кошками, извилинами бухты и прямыми решетками, она очутилась часа через два среди привычных запахов. Солнце еще не встало, когда она проползла, усталая и охромевшая, сквозь ту же старую щель на задворки птичьей лавки — в тот самый ящик, в котором родилась. О, если бы семейство с Пятой авеню могло увидеть ее в обстановке ее "родного Востока"!

Отдохнув как следует, она подошла к ступеням птичьего подвала, разыскивая пищу. Дверь отворилась, и на пороге появился негр. Он крикнул птичьему торговцу:

— Слышь-ка, хозяин, поди сюда! Королевская Аналостанка вернулась домой.

Когда Японец вышел на порог, кошка перескакивала через крышу. Оба принялись звать громкими и в то же время умильными, заискивающими голосами: "Кис-кис! Бедная киска! Иди сюда, киска!" Но киске они не нравились, и она отправилась в прежние свои дебри.

Королевская Аналостанка оказалась для Японца настоящим кладом. На полученные за нее сто долларов он купил немало новых пленников и всяких нужных вещей. Поимка "ее величества" казалась ему поэтому чрезвычайно важным делом. Пустили в ход протухшую говядину и прочие неотразимые приманки, и в конце концов киска, измученная голодом, подкралась к большой рыбе́й голове, положенной в ящик с ловушкой. Негр дернул веревку, крышка захлопнулась, и минуту спустя Королевская Аналостанка снова была водворена среди пленников подвала. Между тем Японец погрузился в газетные объявления. Вот оно: "5 долларов награды" и т. д. В тот же вечер "дворецкий" мистера Мали явился в отель на Пятой авеню с пропавшей кошкой.

— Поклон от мистера Мали, сэръ. Королевская Аналостанка возвратилась к своему прежнему владельцу, сэръ. Мистер Мали очень рад вернуть вам Королевскую Аналостанку, сэръ.

Разумеется, не могло быть и речи о вознаграждении мистера Мали, но "дворецкий" дал понять, что охотно примет обещанную награду "на чай".

Надзор за киской после этого усилился. Но вместо того чтобы разочароваться в прежней голодной жизни и радоваться уютному углу, она становилась все более дикой и раздражительной.

VIII

Весна трудилась изо всех сил, насколько это только возможно в Нью-Йорке. Грязные воробьи дрались и барахтались под водосточными трубами. Коты вопили по ночам на крышах, а семейство с Пятой авеню подумывало о переезде на дачу. Уложили вещи, заперли дом и отправились в деревню, взяв с собой киску в корзине.

— Как раз то, что ей нужно: перемена воздуха и обстановки отвлечет ее от разлуки с прежними хозяевами, и она будет счастлива.

Корзину поставили в дорожный ящик за каретой. В нее проникали мимолетные звуки и запахи и сразу же исчезали. Карета переменяла направление. Затем послышался топот многих ног, корзина снова закачалась. Короткая остановка, новая перемена направления, щелканье, хлопанье, продолжительный и резкий свисток, звонки, грохот, шипенье, неприятный запах, отвратительный запах, ужасный, ненавистный, удушливый запах, убийственный, ядовитый смрад. Грохот заглушил вопли бедняжки — она задыхалась от недостатка воздуха. И вдруг снова явился свет, явился воздух. Затем человеческий голос прокричал: "Вынуть багаж!" Для киски это был, разумеется, только бессмысленный человеческий рев.

Грохот замер.

Немного погодя тряска возобновилась. Снова множество звуков и колыханий, но без ядовитого смрада. Она услышала глухое мычанье коров. Вот приятный речной запах. Опять толчки, крики, скрипы, остановки, щелканье, хлопанье, вонь, прыжки, потряхиванья. Затем новые запахи, еще толчки — большие толчки, малые толчки, — газ, дым, визг, звон, дрожь, вопли, громы. И опять новые запахи, стуки, колыхания, грохот. Снова запахи. Наконец остановка. Сквозь крышку корзинки уже просвечивали солнечные лучи. Королевскую кошку переместили в дорожный ящик старомодного фасона. Переменив направление, колеса загремели по другой

дороге. Прибавился новый и ужасный звук — лай собак, совсем близко, над самым ухом. Корзинку открыли, и грущобная кошка оказалась на даче.

Окружающие были добры до навязчивости. Всем хотелось угодить королевской особе, но почему-то никому это не удавалось, кроме большой жирной кухарки. С кухаркой киска познакомилась на кухне. Запах этой жирной женщины напоминал запах грущоб, и Королевская Аналостанка сразу заметила это. Узнав, что хозяева боятся, как бы кошка не удрала, кухарка обещала приручить ее. Она проворно схватила недоступное божество в передник и совершила ужасное кощунство — смазала ей пятки салом. Киска, разумеется, возмутилась. Однако, когда ее отпустили на волю, она принялась облизывать лапки и нашла в этом сале некоторое удовлетворение. Она лизала все четыре лапы в течение целого часа, и кухарка торжествующе объявила, что "теперь уж киска наверняка останется". И точно, киска осталась, но зато обнаружила поразительное и возмутительное пристрастие к кухне, кухарке и помойному ведру.

Хотя хозяева и сокрушались по поводу этих аристократических чудачеств, они тем не менее рады были видеть Королевскую Аналостанку довольной и доброй.

Спустя одну-две недели ей стали предоставлять несколько больше свободы. Ее охраняли от малейшей неприятности. Собаки научились уважать ее. Ни один человек, ни один мальчик в околodge не смел швырнуть камнем в знаменитую кошку с аттестатом. Пищи ей давали вдоволь, и все же она была несчастна. Ей смутно хотелось многого; она сама не знала чего. У нее было все, но ей хотелось чего-то другого. У нее было много еды и питья, но у молока совсем не тот вкус, когда можно пойти и лакать сколько угодно из блюдечка. Надо выкрасть его из жестяного бидона, когда подвело живот от голода и жажды, а то в нем не будет того смака — не молоко это, да и только.

Правда, за домом находился большой двор, но он весь был опоганен и отравлен розами. Даже лошади и собаки пахли не так, как следует. Вся страна была сплошной пустыней, состоящей из противных садов и лугов, без единого жилья, без единой печной трубы. Как все это было ей ненавистно! Во всей ужасной усадьбе был один только благоуханный кустик, и тот скрывался в за-

брошенном углу. Она с удовольствием пощипывала его листочки и валялась на нем. Это было единственное приятное место в усадьбе, ибо с самого приезда она не видела ни одной тухлой рыбьей головы, ни одного мусорного ящика.

Дачная местность казалась ей гнусной, некрасивой страной. Она, несомненно, удрала бы в самый первый вечер, если бы была на воле. Но воля пришла много недель спустя, а тем временем она подружилась с кухаркой. Однако в конце лета произошли события.

В деревенскую усадьбу привезли большой тюк товара из порта. Он весь пропитался острейшими и пленительнейшими ароматами порта и трущоб, и прошлое киски властно возникло перед нею. А на следующий день кухарку рассчитали и выгнали из дома. После ее ухода кошка совсем осиротела. В тот же вечер младший сын хозяйки, скверный маленький американец, лишенный всякого чувства уважения к королевской крови, задумал привязать жестянку к хвосту аристократки. Киска ответила на эту вольность движением лапки, вооруженной пятью большими рыболовными крючками. Вой оскорбленной Америки взорвал американскую мать. Киска каким-то чудом увернулась от запущенной в нее с чисто женской ловкостью книжки и бросилась бежать. Побежала она, разумеется, наверх. Крыса, когда ее гонят, бежит вниз, собака — прямо, кошка — кверху.

Она притаилась на чердаке, укрылась от преследования и дождалась ночи. Тогда, проскользнув вниз по лестнице, она перепробовала все двери одну за другой, пока не нашла отпертую, и погрузилась в черную августовскую ночь. Черная, как смола, для человеческих глаз, для нее она была только серой. Беглянка прокрадлась между кустами и клумбами, щипнула на прощанье привлекательное растение в саду и отважно пустилась отыскивать свою родину.

Как найти дорогу, которую она никогда не видала? В каждом животном живет чувство направления. Оно очень слабо у человека и очень сильно у лошади. У кошек оно могущественно. Этот таинственный путеводитель направил ее на запад. Через час она уже сделала две мили и достигла реки Гудзона. Обоняние несколько раз убеждало ее, что она избрала правильный путь. Припоминался один запах за другим, точно так же, как человек, пройдя незнакомую улицу, сразу забывает ее, но, увидав

ее вторично, внезапно что-то припомнит и скажет себе: "Ну да, я уже был здесь однажды". Итак, главным вожаком киски было чувство направления, а нос все время ободрял ее: "Да, теперь верно, здесь мы проезжали прошлой весной".

Жизнь третья

IX

Кошки могут очень быстро влезть на дерево или на стену, но в долгом ровном беге первенство остается не за кошачьей припрыжкой, а за собачьей рысью. Несмотря на ровную дорогу, прошел целый час, прежде чем она удалилась еще на две мили.

Она устала и немножко захромала. Бедняжка собиралась уже расположиться на покой, как вдруг по ту сторону забора раздался ужасающий собачий лай. Киска в страхе рванулась вперед и побежала изо всех сил вдоль по дороге, посматривая в то же время, не может ли собака пролезть сквозь забор. Нет, пока еще нет! Но собака скакала рядом с ней, оглушительно рыча, и кошка переправилась на другую сторону улицы. Собачий лай превратился в глухой грохот, в рев, в ужасающий гром. Блеснул огонь. Киска оглянулась и увидела — не собаку, а надвигавшегося на нее огромного черного зверя с одним-единственным красным глазом, — зверя, визжавшего и пыхтевшего, как полный двор кошек. Киска напрягала все свои силы, мчалась с небывалой скоростью, но не решалась перескочить через забор. Она бежала, летела... Все напрасно: чудовище настигло ее, но промахнулось в темноте и промчалось мимо, затерявшись в пространстве, в то время как киска, задыхаясь, припала к земле на полмили ближе к дому, чем была до встречи с собакой.

Это было ее первое знакомство с неизвестным чудовищем. Впрочем, она узнала его по запаху. Она уже встречалась с ним, когда ехала в корзине на дачу. Страх, внушаемый ей этими чудовищами, значительно убавился: она убедилась, что они очень бестолковы и никогда не поймают ее, стоит только залечь под забором и притаяться. Прежде чем наступило утро, она повстречала их несколько, но осталась невредимой.

На рассвете ей подвернулся славный грязный двор, и в куче золы удалось отыскать немного съедобных от-

бросов. День она провела возле конюшни, где жили две собаки и множество мальчишек, едва не убивших ее. Здесь было очень похоже на родину, но она не собиралась оставаться. Старое стремление неудержимо влекло ее, и с наступлением сумерек она снова пустилась в путь.

Мимо нее весь день пробегали одноглазые громовики. Но она теперь освоилась с ними и продолжала бесстрашно бежать всю ночь. Следующий день она провела в амбаре, где ей удалось поймать мышь; ночь прошла приблизительно так же, как и предыдущая, с той разницей, что ей повстречалась собака, которая загнала ее далеко назад. Несколько раз ее сбивали с пути перекрестки, и она забиралась далеко в сторону, но постоянно возвращалась к прежнему направлению. Дни проходили в отыскивании пищи и увертываниях от собак и ребятишек, а ночи — в путешествии по дороге. Беглянка начинала уставать, однако она все подвигалась вперед, миля за милей, к югу, все к югу. Собаки, мальчишки, громовики, голод... Собаки, мальчишки, громовики, голод... А она плелась все вперед и вперед, и нос время от времени ободрял ее: "Этот самый запах мы чуяли прошлой весной".

Х

Так прошла неделя, и киска, грязная, хромая, без ленточки, достигла Гарлемского моста. Несмотря на прекрасный запах, мост ей не понравился. Она полночи пробродила взад и вперед по берегу, не узнав ничего интересного, за исключением того, что мужчины так же опасны, как и мальчишки. Пришлось поневоле вернуться к мосту. Запахи его казались ей чем-то родственным, а когда по нему пробежал одноглазый громовик, поднимался тот глухой грохот, который она слышала во время своего весеннего путешествия.

Вокруг царил ночная тишина, когда кошка вскочила на ряд бревен и понеслась по мосту над водой. Она не пробежала еще и третьей части пути, когда с противоположного конца моста на нее с ревом ринулся гремющий громовик. Она сильно перепугалась, но, зная глупость и слепоту громовика, прильнула к перилам и замерла. Бестолковое чудовище, разумеется, промахнулось и пролетело мимо, и все было бы хорошо, да только оно завернуло обратно или другое, подобное ему, внезапно запыхтело у нее за спиной.

Киска сломя голову пустилась вперед. Быть может, она и достигла бы противоположного берега, если бы с этой стороны на нее с воплем не бросился третий красноглазый зверь. Она бежала изо всех сил, но оказалась между двух огней. Не оставалось ничего, кроме отчаянного прыжка с моста в неизвестность. Вниз, вниз, вниз... Шлеп, плеск — и она погрузилась в глубокую воду, еще не холодную в августе, но, ах, какую противную! Она всплыла на поверхность, кашляя и отплевываясь, оглянулась посмотреть, не гонятся ли за ней чудовища, и поплыла к берегу. Она никогда не училась плавать, а между тем плыла по той простой причине, что положение и движения кошки при плавании те же, что и при ходьбе. Попав в неприятное ей место, она, естественно, попыталась выплыть и в результате поплыла к берегу. К которому же? Любовь к родине никогда не обманывает: единственным берегом для нее был южный, ближайший к дому. Мокрая, она вскарабкалась на илистый берег и пробралась между грудями угля и кучами сора, черная, замазанная и совсем не царственная, а самая обыкновенная трущобная кошка.

Немного оправившись от потрясения, королевская трущобница почувствовала, что ванна пошла ей впрок. Ей стало тепло, и у нее появилось гордое сознание победы — ведь она перехитрила трех больших чудовищ.

Нос, память и чувство направления склоняли ее вернуться к старому следу, но прямой путь кишел одноглазыми громовиками, и осторожность заставила ее пойти по речному берегу, который своей вонью напоминал ей о родине. Так она избежала повторения невыразимых ужасов моста.

Более трех дней ушло на изучение различных опасностей набережных Восточной реки. Однажды она по ошибке попала на паром, который перевез ее на Долгий остров, но вернулась оттуда с первым обратным паромом. Наконец, на третью ночь, она достигла знакомого места, пройденного ею в ночь первого своего бегства. Отсюда путь был быстрый и надежный. Она в точности знала, куда идет и как добраться до дому. Беглянка прибавила шаг; на сердце стало веселее. Еще немного — и она свернется клубочком в ящике на своем "родном Востоке" — заднем дворе.

Еще один поворот — и она увидит знакомые здания.

Но что это? Всех зданий как не бывало! Киска не верила своим глазам, но поневоле пришлось им пове-

рить. Там, где прежде толпились дома, виднелась пустынная путаница кирпичей, хлама и ям.

Киска обошла вокруг. Она знала по цвету мостовой, что достигла своей родины, что именно здесь жил продавец птиц, здесь находился старый двор. Но все это исчезло, исчезло безвозвратно, унеся с собой все привычные запахи, и сердце бедняжки сжалось от полной безнадежности. Любовь к родине была главным ее двигателем. Она пожертвовала всем на свете, чтобы вернуться к дому, который перестал существовать, и впервые ее отважное сердечко переполнилось отчаянием. Она обошла безмолвные кучи сора и не нашла ни утешения, ни пищи.

Разорение захватило несколько кварталов и дошло до самой реки. Это не был пожар: киска однажды видела пожар и знала, как он выглядит. Скорее, это было похоже на работу целого стада красноглазых чудовищ. Киска не подозревала о большом мосте, который собирались воздвигнуть на этом самом месте.

С восходом солнца она принялась искать пристанища. Один из соседних кварталов сохранился почти в первоначальном виде, и Королевская Аналостанка решила уютиться там. Ей были известны некоторые из тамошних ходов и выходов. Но, перебравшись туда, она была неприятно поражена обилием кошек, изгнанных, подобно ей, со старого местожительства. Теперь на каждый мусорный ящик приходилось по нескольку кошек. Это означало голод, и киска, потерпев несколько дней, была вынуждена отправиться на розыски своего другого дома, на Пятой авеню. Она застала его запертым и пустым. Прокараулив там целый день, она поссорилась с высоким человеком в синем пальто и на следующий вечер возвратилась в свою переполненную трущобу.

Прошел сентябрь, за ним и октябрь. Многие из кошек околели с голоду или попались, по слабости, в лапы своих врагов. Но наша киска, крепкая и молодая, все еще была жива.

Между тем в разрушенных кварталах произошли большие перемены. Эти кварталы киска впервые увидела ночью, и тогда они были пустынные; но днем их заполняли шумные рабочие. К концу октября там построили высокое здание, и трущобница, теснимая голодом, однажды прокралась к ведру, оставленному во дворе негром. К сожалению, ведро не было помойным. Это было ведро для мытья пола. Печальное разочарование сопровождалось, однако, некоторым утешением: на ручке оказались

следы знакомой руки. В то время как она изучала их, приставленный к лифту негр появился на пороге. Несмотря на синюю ливрею, она по запаху узнала его и попятилась на другую сторону улицы. Он не сводил с нее глаз.

— Неужто это Королевская Аналостанка? Слышь-ка, кис, кис, кис-с-с! Сюда, киска, сюда! Уж и голодна-то, наверно!

Голодна! Она за несколько месяцев ни разу не поела досыта. Негр вошел в дом и вскоре вернулся с остатками своего завтрака:

— Слышь-ка, киска, кис, кис, кис!

Еда была очень заманчива, но киска имела основания не доверять этому человеку. Наконец он положил мясо на мостовую и вошел обратно в дверь. Трущобница осторожно подкралась, понюхала мясо, схватила его и умчалась, как тигрица, чтобы съесть добычу в безопасности.

Жизнь четвертая

XI

Так началась новая эпоха. Теперь киска стала приходить к дверям дома, когда была очень голодна, и с каждым днем все крепче привязывалась к негру. Она раньше не понимала этого человека. Он всегда казался ей врагом. А оказалось, что это ее друг, единственный друг в целом свете.

Однажды ей выпала счастливая неделя: семь сытных обедов семь дней подряд. И как раз после последнего обеда ей подвернулась сочная мертвая крыса, настоящая крыса, сущий клад. Киска ни разу не видала взрослой крысы за все свои разнообразные жизни, однако схватила находку и потащила ее, намереваясь припрятать впрок. Она переправлялась через улицу у нового дома, когда показался ее старый враг — собака с верфи, и она, естественно, бросилась к двери, за которой жил ее друг. Как раз когда она поравнялась с ней, негр распахнул дверь, выпуская хорошо одетого человека. Они оба увидели кошку с крысой.

— Ого! Вот так кошка!

— Да, сэр, — отозвался негр. — Это моя кошка, сэр. Гроза для крыс, сэр. Всех почти переловила, сэр, вот почему она так худа.

— Не давайте ей голодать, — сказал господин, по всем признакам домохозяин. — Вы возьметесь кормить ее?

— Продавец печенки приходит каждый день, сэр. Четверть доллара в неделю, сэр, — сказал негр, находя, что имеет полное право на добавочные пятнадцать центов за выдумку.

— Хорошо, я буду платить.

XII

— Мя-я-со! Мя-я-со! — раздается чарующий крик старого продавца печенки, везущего свою тачку по переродившемуся Скримперскому переулку, и кошки, как в прежнее время, стаей сбегаются за своей порцией.

Надо помнить всех кошек, черных, белых, желтых и серых, а главное, надо держать в памяти всех их владельцев.

Обогнув угол нового дома, тачка делает непривычную в прежние времена остановку.

— Эй вы, прочь с дороги, низкий сброд! — кричит продавец печенки и размахивает волшебным жезлом, очищая дорогу для серой кошечки с голубыми глазами и белым носом.

На ее долю выпадает самая большая порция, потому что негр разумно делит доходы пополам с продавцом печенки. Трущобная киска удаляется со своим обедом под кров большого здания, сделавшегося ее жилищем. Ее четвертая жизнь принесла ей такое счастье, о каком она и не мечтала. Вначале все было против нее, теперь же счастье так и лезет к ней. Вряд ли она поумнела после своих странствий, но теперь она хорошо знает, чего хочет, и получает то, что хочет. Честолюбивая мечта всей ее жизни также осуществилась, ибо ей удалось поймать не одного воробья, а целых двух, в то время как они дрались на мостовой.

Ей так и не удалось поймать крысу, но негр подбирает дохлых крыс, где только может, и выставляет их напоказ. Покойница лежит в сенях до прихода домовладельца, затем с извинением торопливо выбрасывается вон:

— Чтоб ее, эту кошку, сэр!.. Это аналостанская кровь, сэр, гроза крыс.

За это время у нее несколько раз бывали котята. Негр думает, что желтый кот — отец некоторых из них, и негр, без сомнения, прав.

Он продавал ее несчетное количество раз со спокойной совестью, хорошо зная, что Королевская Аналостанка возвратится домой через несколько дней. Она отделилась от своей нелюбви к лифту и даже приучилась подниматься и спускаться в нем. Негр упорно утверждает, что в один прекрасный день, когда она услышала зов продавца печенки, находясь на верхнем этаже, она ухитрилась нажать электрическую кнопку лифта и спуститься вниз.

Шерсть ее по-прежнему шелковиста и прекрасна. Она числится в первых рядах кошачьей аристократии. Продавец печенки чрезвычайно почителен с ней. Даже вскормленная на сливках и цыплятах кошка хозяина ломбарда не занимает такого положения, как Королевская Аналостанка. А между тем, несмотря на все ее благополучие, общественное положение, королевское звание и поддельный аттестат, она никогда не бывает так счастлива, как в то время, когда ей удастся улизнуть в сумерки и порыскать по задворкам, потому что в глубине души она осталась и всегда останется грязной труппобной кошкой.

ЧИНК

I

Чинк был уже таким большим щенком, что воображал себя взрослой собакой, но на взрослую собаку он еще не был похож. Он не был ни свиреп, ни даже внушительен с виду, не отличался ни силой, ни быстротой, а был просто одним из самых шумливых, добродушных и глупых щенков, какие когда-либо грызли сапоги своего хозяина. Его хозяином был Билл Обри, старый горец, живший в то время под горой Гарнет, в Йеллоустонском парке. Это очень тихий уголок, далеко в стороне от дорог, излюбленных путешественниками. И то место, где Билл разбил свою палатку, можно было бы признать одним из самых уединенных человеческих обиталищ, если бы не этот мохнатый, вечно неугомонный щенок Чинк.

Чинк никогда не оставался спокойным хотя бы в течение пяти минут. Он охотно исполнял все, что ему велели. Он постоянно пытался проделывать самые нелепые и невозможные штуки, а когда ему приказывали сделать что-нибудь обыкновенное и легкое, неизменно портил все дело какой-нибудь выходкой. Однажды, например, он провел целое утро в напрасных попытках вскочить на

высокую прямую сосну, в ветвях которой он увидел белку.

В течение нескольких недель самой заветной мечтой Чинка было поймать сумчатую крысу.

Сумчатые крысы во множестве жили вокруг палатки Билла. Эти маленькие животные имеют обыкновение усаживаться на задние лапы, выпрямившись и плотно сложив передние лапы на груди, благодаря чему издали их можно принять за торчащие из земли столбики. В ночное время путешественники, которым нужно привязать лошадей, нередко принимают крысу за столбик. Ошибка выясняется, когда крыса исчезает в земле с задорным писком.

Чинк в первый же день своего прибытия в долину решил непременно поймать такую крысу. Как водится, он натворил сразу же много разных глупостей. Еще за четверть мили до крысы он сделал великолепную стойку и затем прополз на брюхе по кочкам расстояние не меньше ста шагов. Но скоро его возбуждение достигло такой степени, что он не стерпел и, вскочив на ноги, пошел напрямик к крысе, которая в это время сидела над норой в своей обычной позе. Через минуту Чинк побежал; наконец, проделав еще одну из своих бесподобных стоек, он забыл всякую осторожность и бросился с лаем и прыжками на врага. Крыса сидела неподвижно до самого последнего момента, затем внезапно пискнула и нырнула в нору, бросив задними лапками целую горсть песку прямо в открытую пасть Чинка.

День за днем проходил в таких же бесплодных попытках. Однако Чинк не унывал, уверенный в том, что настойчивостью он своего добьется.

В один прекрасный день, после необычайно искусной стойки перед одной совсем особенной крысой, проделав затем все свои нелепые штуки и закончив их яростной атакой, Чинк действительно овладел своей жертвой. Но на этот раз случилось так, что в зубах его оказался простой деревянный колышек.

Собака отлично понимает, что значит очутиться в дураках. Всякому, кто в этом сомневается, следовало бы посмотреть на Чинка, когда он в тот день робко, как овечка, прятался позади палатки, подальше от глаз хозяина.

Но эта неудача ненадолго охладила Чинка, который был от природы наделен не только пылкостью, но и порядочным упрямством. Ничто не могло лишить его

бодрости. Он любил всегда двигаться, всегда что-нибудь делать. Каждый проезжающий фургон, каждый всадник, каждая пасущаяся корова подвергались его преследованию, а если кошка из ближайшей сторожки попадалась ему на глаза, он считал своим священным долгом перед ее хозяевами-сторожами гнать ее домой как можно скорее. Он готов был двадцать раз в день бегать за старой шляпой, которую Билл обыкновенно забрасывал в осиное гнездо, командуя ему: "Принеси!"

Понадобилось много времени, для того чтобы бесчисленные неприятности научили его умерять свой пыл. Чинк не сразу усвоил себе, что наряду с фургонами существуют на свете длинные бичи и большие злые собаки, что лошади имеют что-то вроде зубов на ногах, что головы коров снабжены крепкими дубинками, что кошка не так безобидна, как кажется, и что, наконец, осы и бабочки далеко не одно и то же. Да, на это понадобилось время, но в конце концов он усвоил все, что следует знать каждой собаке. И постепенно в нем стало развиваться зерно — пока еще маленькое, но живое зернышко собачьего здравого смысла.

II

Все глупости, которые проделывал Чинк, завершились одной самой изумительной глупостью в приключении с шакалом. Этот шакал жил недалеко от нашего лагеря и, по-видимому, прекрасно понимал, как и прочие дикие обитатели Йеллоустонского парка, что находится под защитой закона, который запрещал здесь стрелять и охотиться. Он жил как раз в той части парка, где был расположен сторожевой пост и солдаты зорко следили за соблюдением закона.

Убежденный в своей безнаказанности, шакал каждую ночь бродил вокруг лагеря в поисках разных отбросов. Увидев его следы, я понял, что он несколько раз обходил лагерь, но не решался подойти ближе. Потом мы часто слышали, как он пел тотчас после захода солнца или при первых проблесках утра. Его следы отчетливо виднелись около мусорного ведра каждое утро, когда я выходил посмотреть, какие животные побывали там в течение ночи. Осмелев еще больше, он стал иногда подходить к лагерю даже днем, сначала робко, затем с возраста-

ющей самоуверенностью; наконец, он не только посещал нас каждую ночь, но и целыми днями держался поблизости от лагеря, разыскивая что-нибудь съедобное. Бывало, что он на виду у всех сидел где-нибудь возле отдаленной кочки.

Однажды утром, когда он таким образом сидел шагах в пятидесяти от лагеря, один из нашей компании в шутку сказал Чинку: "Чинк, ты видишь этого шакала? Пойди и прогони его!"

Чинк всегда исполнял то, что ему говорили. Желая отличиться, он бросился в погоню за шакалом, который пустился наутек.

Это было великолепное состязание в беге на протяжении четверти мили; но вдруг шакал обернулся и стал ждать своего преследователя. Чинк сразу сообразил, что ему несдобровать, и пустился бежать к лагерю. Но шакал мчался быстрее и скоро настиг щенка. Куснув его в один бок, потом в другой, он всем своим видом выразил полное удовольствие.

Чинк с визгом и воем мчался что было мочи, а его мучитель преследовал его без передышки до самого лагеря. Стыдно сказать, но мы смеялись над бедным псом заодно с шакалом, и Чинк так и не дождался сочувствия. Еще один подобный опыт, только в меньших размерах, оказался вполне достаточным для Чинка: с тех пор он решил оставить шакала в покое.

Но зато сам шакал нашел себе приятное развлечение. Теперь он изо дня в день совершенно открыто слонялся около лагеря, зная великолепно, что никто не осмелится в него стрелять. В самом деле, замки всех наших ружей были опечатаны правительственным агентом, а кругом повсюду была охрана.

Этот шакал только и ждал Чинка и выискивал всякую возможность его помучить. Маленький пес знал теперь наверняка, что, если он отойдет один на сто шагов от лагеря, шакал окажется тут как тут и начнет кусать и гнать его назад до самой палатки хозяина.

День за днем проходил в таких испытаниях, пока наконец жизнь Чинка не превратилась в сплошное мучение. Он больше уже не смел отходить один на пятьдесят шагов от палатки. И даже когда он сопровождал нас во время наших поездок по окрестностям, этот нахальный и злобный шакал следовал по пятам, выжидая случая поиздеваться над бедным Чинком, и портил ему все удовольствие прогулки.

Билл Обри передвинул свою палатку на две мили от нас, выше по течению реки, и шакал переселился на такое же расстояние вверх по течению. Как всякий хищник, не встречающий сопротивления, он становился день ото дня нахальнее, и Чинк постоянно испытывал величайший страх, над которым его хозяин только подсмеивался. Свое решение отделиться от нас Обри объяснил необходимостью иметь под рукой лучший корм для лошади, но вскоре выяснилось, что он просто искал одиночества, чтобы без помехи распить бутылку водки, которую где-то раздобыл. А так как одна бутылка не могла его удовлетворить, то на другой же день он оседлал коня и, сказав: "Чинк, охраняй палатку!", ускакал через горы к ближайшему кабаку. И Чинк послушно остался на часах, свернувшись клубочком у входа в палатку.

III

При всей своей щенячьей нелепости Чинк все же был сторожевым псом, и хозяин его знал, что он будет исправно исполнять свои обязанности по мере сил.

Во второй половине этого дня один проезжавший мимо горец остановился, по обычаю, на некотором расстоянии от палатки и крикнул:

— Послушай, Билл! Эй, Билл!

Но, не получив ответа, он направился к палатке и был встречен Чинком самым подобающим образом: шерсть его оцетинилась, он рычал, как взрослая собака. Горец понял, в чем дело, и отправился своей дорогой.

Настал вечер, а хозяин все еще не возвращался, и Чинк начал испытывать сильный голод. В палатке лежал мешок, а в мешке было немного ветчины. Но хозяин приказал Чинку стеречь его имущество, и Чинк скорее издох бы с голоду, чем притронулся к мешку.

Терзаемый муками голода, он осмелился наконец покинуть свой пост и стал бродить недалеко от палатки в надежде поймать мышь или найти вообще что-нибудь съедобное. Но неожиданно этот отвратительный шакал снова атаковал его и заставил бежать обратно к палатке.

Тут в Чинке произошла перемена. Он, казалось, вспомнил о своем долге, и это придало ему силы, подобно тому как крик котенка превращает робкую кошку-мать в яростную тигрицу. Он был еще только щенком, глупо-

ватым и нелепым, но в нем жил наследственный твердый характер, который должен был развиваться с годами. Когда шакал попытался последовать за ним в палатку — палатку его хозяина, — Чинк повернулся лицом к врагу, грозный, словно маленький демон.

Шакал попятился. Он злобно рычал и угрожал разорвать щенка на куски, но все-таки не осмелился войти в палатку.

И началась настоящая осада. Шакал возвращался каждую минуту. Расхаживая вокруг, он скреб землю задними лапами в знак презрения и вдруг опять направлялся прямо ко входу в палатку, а бедный Чинк, полумертвый от страха, мужественно защищал имущество, вверенное его охране.

Все это время Чинк ничего не ел. Раза два в течение дня ему удалось выбежать к протекавшему рядом ручью и напиться воды, но он не мог так же быстро раздобыть себе пищу. Он мог бы прогрызть мешок, лежавший в палатке, и поесть копченого мяса, но он не смел тронуть то, что ему доверили охранять. Он мог бы, наконец, улучшить минуту и, оставив свой пост, перебежать в наш лагерь, где, конечно, его бы хорошо накормили. Но нет, он должен был оправдать доверие хозяина во что бы то ни стало!

Под натиском врага из него выработался настоящий верный сторожевой пес, готовый, если нужно, умереть на своем посту, в то время как его хозяин пьянствовал где-то за горой.

Четыре злосчастных дня и четыре ночи провел этот маленький героический пес, почти не сходя с места и стойко охраняя палатку и хозяйское добро от шакала, который все время держал его в смертельном страхе.

На пятый день утром старый Обри протрезвился и вспомнил, что он не у себя дома, а его лагерь в горах оставлен им на попечение щенка. Он уже устал от беспробудного пьянства и поэтому сразу оседлал коня и направился в обратный путь. На полдороге в его затуманенной голове мелькнула мысль, что он оставил Чинка без всякой еды.

”Неужели маленький негодяй слопал всю мою ветчину?” — подумал он в тревоге и заспешил домой. Когда он доехал до гребня горы, откуда видна была его палатка, ему сперва показалось, что все по-прежнему благополучно, на своем месте. Но вдруг он увидел: там,

у входа в палатку, ошетилившись и рыча друг на друга, стояли — морда к морде — большой злобный шакал и бедный маленький Чинк.

— Ах, чтоб меня! — воскликнул Обри смущенно. — Я совсем забыл про этого проклятого шакала. Бедный Чинк, он попал в тяжелую передрагу! Удивительно, как это шакал еще не разорвал его на куски, да и палатку впридачу.

Да, мужественный Чинк, быть может, в последний раз выдерживал натиск врага. Его ноги дрожали от страха и голода, но он все еще принимал самый воинственный вид и, без сомнения, готов был умереть, защищая свой пост.

Биллу Обри с первого взгляда все стало ясно. Подскакав к палатке и увидев нетронутый мешок с ветчиной, он понял, что Чинк ничего не ел с самого дня его отъезда. Щенок, дрожа от страха и усталости, подполз к нему, заглянул ему в лицо и стал лизать руку, как бы желая сказать: "Я сделал то, что ты мне велел, хозяин". Это было слишком для старого Обри, и слезы стояли в его глазах, когда он торопливо доставал еду маленькому герою.

Затем он повернулся к нему и сказал:

— Чинк, старый друг, я с тобой поступил очень плохо, а ты со мной хорошо. Обещаю, что никогда больше не оставлю тебя дома, если отправлюсь погулять еще разок. Не знаю, чем бы тебя порадовать, друг, раз ты не пьешь водки. Вот разве я избавлю тебя от твоего самого большого врага!

Он снял с шеста посреди палатки свою гордость — дорогой магазинный карабин. Не думая о последствиях, он сломал казенную печать и вышел за дверь.

Шакал, по обыкновению, сидел невдалеке, скаля зубы в дьявольской усмешке. Но прогремел выстрел, и страхи Чинка кончились.

Подоспевшие сторожа обнаружили, что нарушен закон об охране парка, что старый Обри застрелил одного из его диких обитателей. Его карабин был отнят и уничтожен, и он вместе со своим четвероногим другом был позорно изгнан из парка и лишен права вернуться, под угрозой тюремного заключения.

Но Билл Обри ни о чем не жалел.

— Ладно! — сказал он. — А все-таки я сделал доброе дело для своего товарища, который никогда меня не предавал.

Это случилось в начале ноября 1882 года. В Манитобе только что установилась зима. Я сидел, развалившись на стуле, и лениво поглядывал в единственное окно нашей хижины, откуда виднелся кусочек прерии и угол хлева.

Но моя мечтательная лень сразу исчезла, едва я увидел стремительно вбежавшего в хлев огромного зверя, преследуемого по пятам другим животным, меньшего размера, с черными и белыми пятнами.

— Волк! — воскликнул я и, схватив ружье, бросился на помощь собаке.

Однако, прежде чем я подросел, собака и волк выскочили из хлева. Пробежав немного по снегу, волк обернулся, готовясь к защите. Собака — шотландская овчарка нашего соседа — бегала кругом, выжидая удобного момента для нападения.

Я дважды выстрелил на большом расстоянии, но промахнулся, и погоня по степи возобновилась. Всякий раз, приблизившись к волку, смелый пес хватал его за бедро и успевал увернуться от его свирепых челюстей. Волк принимал оборонительную позу и пускался наутек. Собака явно гнала волка к человеческому жилью, а волк напрасно пытался прорваться и убежать назад, к темной линии леса, видневшейся на востоке. Наконец, когда они пробежали таким образом целую милю, то останавливаясь для схватки, то снова пускаясь в бег, мне удалось их настичь, и собака, надеясь на мою помощь, бросилась в решительную атаку.

Прошло несколько секунд. Клубок борющихся животных, в котором трудно было что-нибудь различить, распался, и я увидел волка, лежащего на спине, и окровавленного пса, схватившего его за горло. Теперь мне было уже нетрудно покончить борьбу, всадив пулю в голову волка.

Когда этот удивительный пес, обладавший необыкновенным чутьем, увидел, что враг мертв, он даже не взглянул на него. Он пустился галопом по снегу на ферму, находящуюся в четырех милях отсюда, к своему хозяину.

Это был замечательный пес; даже если бы я не подошел к нему на помощь, он и один справился бы с волком. Как я узнал, это был не первый уже случай. Он всегда побеждал волка, хотя волки были гораздо крупнее его.

Я был в восторге от храбрости пса и тут же решил купить его, уплатив за него какую угодно цену. Но хозяин собаки сердито отказался, ответив:

— Отчего бы вам не купить у меня щенка?

Пес Фрэнк оказался непродажным, и мне волей-неволей пришлось довольствоваться щенком. Этот сын столь знаменитого отца представлял собой комок черного меха и был больше похож на длиннохвостого медвежонка, чем на щенка. Но у него были точно такие же рыжие отметины, как у Фрэнка. Я надеялся, что это может служить залогом его будущего величия, так же как и характерное белое кольцо вокруг носа.

После того как я приобрел щенка, мне оставалось только придумать ему имя. Это было нетрудно: я назвал его Бинго.

II

Конец этой зимы Бинго провел в нашей хижине, живя жизнью ленивого, толстого, добродушного и невоспитанного щенка. Он обжирался до отвала и с каждым днем становился все больше и неуклюжее. Даже печальный опыт не научил его, что он должен держать нос подальше от кошки. Его самые дружественные попытки сблизиться с кошкой были совершенно не поняты ею, и результатом явился вооруженный нейтралитет, который изредка прерывался войной.

Наконец Бинго, рано проявивший самостоятельность, решил лучше вовсе избегать хижины и ночевать в сарае.

Но с наступлением весны я серьезно принялся за его воспитание. Это стоило мне больших трудов, а ему — многих страданий, однако он все же выучился по моему приказанию разыскивать нашу старую желтую корову, которая паслась на воле в прерии.

Поняв наконец, что от него требуется, он полюбил это дело, и ничто так не нравилось ему, как приказание пригнать корову домой. Он тогда мчался в прерию с радостным лаем, высоко прыгая, чтобы разглядеть, где

насется его жертва. И через самое короткое время возвращался назад, гоня перед собой корову галопом и оставляя ее в покое лишь тогда, когда она, фыркая и отдуваясь, пряталась в самый отдаленный угол хлева.

Конечно, если б он тратил на это дело поменьше энергии, мы не мешали бы ему, но он до такой степени пристрастился к этой ежедневной охоте, что стал пригонять домой нашу старушку Донни без всякого приказа. В конце концов наш усердный пастух стал загонять корову в хлев по двенадцати раз в день. Дело дошло до того, что, когда у него являлось желание пробежаться или оказывалось несколько свободных минут, а иногда просто потому, что ему приходила такая фантазия, Бинго стремглав бежал в прерию и через несколько минут возвращался, гоня вскачь перед собой нашу бедную желтую корову.

Сначала это, казалось, было не так уж плохо, потому что корова не могла забрести далеко от дома. Но скоро мы убедились, что она недоедает: она похудела и стала давать меньше молока. По-видимому, эта охота действовала и на состояние ее духа, так как она, беспокойно озираясь, постоянно с тревогой ожидала появления собаки. А по утрам она не отходила от хлева, точно боялась отправиться в степь, чтобы снова не подвергнуться нападению.

Это было уже слишком. Все наши старания заставить Бинго умерить свой пыл не приводили ни к чему, и пришлось в конце концов насильственно прекратить эту забаву. Бинго больше не смел загонять корову, но все-таки выказывал к ней большой интерес и лежал, свернувшись, у дверей хлева, пока ее доили.

Когда наступило лето, москиты стали отравлять нам существование, но еще несноснее было то, что из-за укусов москитов корова при доении размахивала хвостом.

Брат мой Фред, обычно доивший коров и столь же изобретательный, сколь нетерпеливый, придумал простое средство заставить корову прекратить махать хвостом: он привязал к ее хвосту кирпич и безмятежно принялся за свое дело, уверенный, что корова уже не будет мешать ему своим хвостом. Но мы с некоторым сомнением отнеслись к этому опыту.

И вот внезапно, сквозь тучу москитов, к нам донесся глухой звук удара и взрыв ругательств. Корова продолжала спокойно пережевывать жвачку, а Фред

вскочил на ноги и яростно замахнулся на нее скамеечкой. Как же не прийти в ярость, если старая, глупая коровахватила его по уху кирпичом! А злорадство и насмешки зрителей окончательно вывели его из себя.

Бинго, услышав шум и полагая, что присутствие его необходимо, бросился на корову с другой стороны. Прежде чем удалось водворить порядок, молоко было пролито, ведро и скамейка сломаны, а корова и собака жестоко избиты.

Бедный Бинго никак не мог понять, в чем он провинился. Он давно уже презирал эту корову и теперь, окончательно возмущенный, решил даже не смотреть на дверь ее хлева и переселился к лошадям в конюшню.

Корова была моя, а лошади принадлежали моему брату, и, сменив хлев на конюшню, Бинго тем самым как бы отказался и от меня. Наше ежедневное общение прекратилось, и тем не менее, если случалось что-нибудь серьезное, Бинго всегда обращался ко мне, а не к брату. И мы оба как будто чувствовали, что связь между человеком и собакой может исчезнуть только с жизнью.

Бинго пришлось еще один-единственный раз выступить в роли пастуха. Это было осенью того же года на ярмарке в Корберри. Там происходило состязание собак, и овчарке, которая лучше всех пригонит корову туда, куда ей скажут, обещан был приз в два доллара.

Соблазненный одним коварным приятелем, я записал Бинго для участия в состязании, и рано утром в назначенный день корову выгнали в прерию, как раз за деревней. Когда началось состязание, я указал на нее Бинго и сказал:

— Ступай приведи корову!

Само собой разумеется, я хотел, чтобы он пригнал ее ко мне, туда, где сидели судьи.

Но животные знали лучше нас, что им делать. Недаром они все лето репетировали свои роли. Когда Донни увидала бегущего к ней во весь карьер Бинго, она поняла, что единственная надежда на спасение — это ее хлев, а Бинго был уверен, что единственная цель его жизни — ускорять ее бег в направлении хлева. И вот они понеслись по прерии друг за другом, как волк за ланью, держа прямой курс на хлев, находящийся на расстоянии двух миль отсюда, и вскоре исчезли из виду. Судьи больше не видели ни коровы, ни собаки. Награда досталась другой овчарке, единственной сопернице Бинго.

Я принялся воспитывать Бинго ранней весной, но очень скоро он сам стал учить меня.

На половине дороги между нашей хижиной и деревней, в двух милях от нас, стоял столб, отмечавший границу нашей фермы. Это был большой, толстый столб, поставленный на маленьком холмике и хорошо видный издали.

Я скоро заметил, что Бинго никогда не пройдет мимо этого столба без того, чтобы не исследовать его самым тщательным образом. Спустя немного времени я убедился, что столб этот посещается также шакалами и всеми собаками, живущими по соседству с нами.

С помощью подзорной трубы я сделал целый ряд наблюдений, давших мне возможность узнать, в чем тут дело, и более основательно познакомиться с личной жизнью Бинго.

Столб этот, по взаимному соглашению животных, служил своего рода адресным столом для собачьего племени. Благодаря своему изумительному чутью каждая собака могла тотчас же определить по следу и запаху, кто из собак побывал здесь недавно. Когда же выпал снег, то я узнал еще многое другое. Этот столб, как я убедился, был лишь частью целой системы адресных столов, покрывавших сетью все окрестности.

Короче говоря, во всей этой области были расположены, на соответствующем расстоянии друг от друга, сигнальные станции. Они были отмечены каким-нибудь бросающимся в глаза предметом. Это был или столб, или камень. И тщательное наблюдение скоро убедило меня, что тут была целая система сигнализации. Каждая собака или шакал непременно посетит те станции, которые лежат у них на пути, для того чтобы узнать, кто тут был недавно. Это похоже на то, как поступает член клуба, который, вернувшись в город, берет для просмотра книгу записи посетителей, желая знать, кто посещал клуб в его отсутствие.

Я видел, как Бинго подходил к столбу, нюхал, исследовал землю вокруг него. Он рычал, ощетинивал шерсть и, сверкая глазами, принимался яростно и с презрением скрести землю задними ногами. Затем он уходил с очень важным видом, временами оглядываясь. В переводе на человеческий язык это означало следующее:

”Гррр! Ввууф! Опять эта грязная дворняга, пес Мак-Карти! Ввууф! Я ему задам сегодня ночью. Ввууф! Ввууф!”

В другой раз случилось, что, обнюхав столб, он внезапно с волнением начинал изучать след шакала. При этом Бинго говорил себе, как я догадался потом:

”След шакала, идущий с севера и притом пахнувший околевшей коровой... Да ну! Старуха Бриндл, корова Поллуарта, околела наконец! Это стоит расследовать”.

Иногда же он принимался махать хвостом, бегал кругом и снова возвращался к столбу, чтобы еще заметнее сделать свое посещение, — может быть, для того, чтобы его брат Билл, только что вернувшийся из Брендона, узнал его. Таким образом, вовсе не случайно однажды вечером Билл явился в гости к Бинго и вместе с ним отправился к холмам, где они могли как следует отпраздновать свою встречу над свежим лошадиным трупом.

Бывало и так, что весть, которую Бинго узнавал у столба, потрясала его до глубины души. Тогда он бежал по следу к следующей станции, чтобы там получить более свежие новости.

Порой я замечал, что он внимательнейшим образом осматривал столб, точно спрашивая себя: ”Что это? Кто бы это мог быть?..”

Или как будто размышлял, исследуя столб: ”Кажется, я встречался с ним прошлым летом у переправы?”

Однажды утром, когда Бинго подошел к столбу, вся шерсть у него встала дыбом, хвост повис и задрожал, а внезапные признаки тошноты были явным доказательством крайнего ужаса, который он испытывал. Он не выказал ни малейшего желания идти по следу дальше и расследовать дело, а прямо направился домой; и даже полчаса спустя он все еще не мог успокоиться: шерсть на загривке торчала у него дыбом, а взгляд выражал страх и ненависть.

Тогда я, в свою очередь, исследовал этот страшный след и узнал, что горловые звуки: ”Грр! Ввууф!” означает на языке Бинго: ”Волк!”

Вот чему научил меня Бинго. И когда потом мне случилось видеть, что он встает со своей холодной постели у входа в конюшню, потягивается и стряхивает снег, облепивший его лохматую спину, а затем исчезает в темноте, мерно постукивая лапами: ”трот, трот, трот”, я всегда думал про себя:

”Ага, старый пес! Знаю, куда ты бежишь и почему ты не захотел ночевать под крышей! Теперь мне понятно, почему твои ночные прогулки по окрестностям всегда бывают так своевременны и почему ты всегда в точности знаешь, куда тебе надо идти за поживой и как и когда надо ее искать!”

IV

Осенью 1884 года хижина на ферме де Винтона была заколочена, и Бинго переменял свое местожительство. Он переселился в другое место — в конюшню нашего соседа Гордона Райта, моего друга.

Бинго с детства ни за что не хотел входить в дом, за исключением лишь тех случаев, когда раздражалась гроза. Гром и ружья внушали ему величайший страх. Нет сомнения, что он стал бояться грома только после того, как познакомился с ружьями.

Бинго всегда ночевал на дворе, у конюшни, даже в самую холодную погоду, и ясно было, что ему нравится неограниченная свобода, которой он мог беспрепятственно пользоваться, только живя на дворе.

По ночам Бинго уходил на много миль. Этому было немало доказательств. Очень дальние фермеры неоднократно говорили старику Гордону, что, если его собака будет шляться к ним по ночам, они станут стрелять в нее дробью. Очевидно, они исполнили свою угрозу: оттого Бинго так и боялся огнестрельного оружия.

Один человек, живший далеко, в Петреле, рассказывал, что он видел большого черного волка, который однажды зимним вечером загрыз шакала. Но после он изменил свое мнение и говорил, что, по всей вероятности, это был не волк, а пес Райта.

Где бы не лежал труп быка или лошади, околевших зимой, Бинго непременно отправлялся туда каждую ночь и, отгоняя шакалов, наедался до отвала.

Иногда он уходил из дому только для того, чтобы подраться с собакой какого-нибудь дальнего соседа. Но, несмотря на все угрозы соседей, мы никогда не опасались, что Бинго погибнет и род его прекратится. Один человек даже уверял, что он видел самку шакала с тремя детенышами, причем детеныши были крупнее и чернее матери, а вокруг их носов сверкали белые кольца.

Как-то раз, в конце марта, мы ехали в санях, а Бинго бежал за нами по пятам. Вдруг из ложбины выскочил

шакал. Он бросился бежать, Бинго — за ним. Однако ясно было, что шакал вовсе не пытается спастись от преследования. Вскоре Бинго настиг его, но, как это ни странно, никакой схватки и борьбы не произошло. Бинго дружелюбно бежал с ним рядом и наконец лизнул его в морду.

Мы были поражены и кричали, чтобы науськать Бинго на шакала. Наши крики пугали шакала и заставляли его ускорять бег, но Бинго снова бросался за ним и настигал его с самым дружелюбным видом.

— Это самка! Он не сделает ей никакого вреда! — воскликнул я, догадавшись наконец, в чем дело.

Пришлось насильно увести Бинго и ехать дальше.

В течение нескольких недель после этого мы подвергались нашествиям этой самки-шакала: она похищала наших цыплят, воровала куски свинины из кладовой и несколько раз пугала детей, заглядывая в окно, когда взрослых не было дома.

А Бинго не желал сторожить дом и не мешал ее набегам. Наконец она была убита, и Бинго страшно рассердился. Он объявил непримиримую войну Оливеру, ее убийце.

V

Удивительная и трогательная вещь — дружба человека с собакой! Рассказывают об одном индейском племени на дальнем Севере, которое почти все погибло из-за внутренней распри: все началось с того, что собака одного из индейцев была убита его соседом. Но ведь и у нас бывают распри, тяжбы, даже битвы из-за собаки, и для нас живо древнее правило: "Любишь меня — люби мою собаку".

У одного из наших соседей была прекрасная гончая, по имени Тан. Он считал ее самой лучшей и самой красивой собакой на свете. Я любил его и потому любил его собаку. Однажды бедный Тан приполз домой страшно израненный и испустил дух у порога дома. Хозяин негодовал, грозил отомстить за смерть собаки, и я ему сочувствовал, я сам взялся за поиски преступника и предлагал награду за его поимку. Я подозревал, что Тана убил один фермер, живший к югу от нас. Улики были против него, и мы надеялись заставить негодея понести должное наказание за гнусное убийство бедного старого Тана.

Однако тут случилось нечто, заставившее меня совершенно изменить мою точку зрения на это дело, и я готов был отнестись к убийству этого старого пса снисходительно.

Ферма Гордона Райта лежала к югу от нас, и, когда я однажды туда зашел, Гордон-младший, зная, что я разыскиваю убийцу, отвел меня в сторону и, боязливо озираясь, прошептал трагическим голосом:

— Тана убил Бинго...

Тем дело и кончилось, так как я должен сознаться, что с этой минуты делал все от меня зависящее, чтобы сбить с толку правосудие, тогда как раньше, наоборот, прилагал все усилия, чтобы разыскать убийцу.

Я давно уже отдал Бинго, но дружба наша не кончилась.

Гордон и Оливер были старыми товарищами. Они подрядились вместе вырубить лес и работали дружно до половины зимы. Но затем старая лошадь Оливера пала, и он, желая извлечь из нее наибольшую пользу, выволок ее в степь и заложил в нее отраву для волков.

Увы, бедный Бинго! Он хотел вести волчьей жизнью и постоянно подвергался тем же опасностям, что и волки. Он так же любил лакомиться падалью, как и его дикие родичи. В ту же ночь он отправился к трупам лошади вместе с собакой Гордона Райта, которую звали Керли.

Следы на снегу рассказали историю пира, прерванного, когда яд стал действовать и начались мучительные схватки. Псы кое-как добрались домой. Керли свалился в судорогах к ногам Гордона и умер в страшных мучениях.

”Любишь меня — люби мою собаку!”

Никакие объяснения не помогли. Напрасно было доказывать, что все случилось нечаянно. Давнишняя вражда Бинго к Оливеру выставлялась как неопровержимое доказательство. Договор о рубке леса был уничтожен, и дружбе двух приятелей пришел конец. И до сего дня в этой местности существуют две враждебные партии, образовавшиеся из-за смерти Керли.

Прошло несколько месяцев, прежде чем Бинго окончательно оправился от действия яда. Мы даже боялись, что он больше уже никогда не будет прежним, сильным и смелым Бинго. Но с наступлением весны он начал поправляться.

VI

Некоторые перемены в моей жизни заставили меня уехать далеко от Манитобы, но когда я вернулся туда в 1886 году, Бинго все еще жил в доме Гордона Райта. Я думал, что он забыл обо мне за время моего двухлетнего отсутствия, но не тут-то было.

Однажды, в самом начале зимы, он пропадал около двух суток и наконец приполз домой, волоча за собой волчий капкан с тяжелым бревном. Лапа, попавшая в капкан, была отморожена и тверда, как камень. Никто не осмеливался подойти к нему, чтобы освободить его, так как он тотчас же приходил в ярость. Тогда я, ставший для него уже совсем чужим, подошел к нему и одной рукой взялся за капкан, а другой взял его ногу. Он мгновенно схватил мою руку зубами.

— Бинго, разве ты не узнаешь меня?

Он не укусил меня и тотчас же выпустил мою руку. Он не выказал больше никакого сопротивления, хотя громко визжал, пока снимали капкан. Он все еще признавал во мне своего господина, несмотря на то что не жил у меня и долго не видал меня. И я также, хотя уступил свои права на него другому, все же чувствовал, что это моя собака.

Бинго, против его желания, внесли все-таки в дом, и его замерзшая лапа оттаяла. Он хромал всю зиму, и два пальца у него омертвели и отпали. Но еще до наступления теплой погоды он совсем поправился.

VII

В ту зиму много шакалов и лисиц попало в мои капканы. Я не убирал капканов даже весной, так как за истребление хищников получал денежное вознаграждение.

Равнина Кеннеди — очень удобное место для капканов, так как люди мало ее посещают. Она расположена между густым, дремучим лесом и деревней. Я добыл много меха в этих местах.

В конце апреля я отправился туда в один из своих объездов, которые всегда совершал регулярно.

Капканы делают из твердой стали. Они снабжены двумя пружинами, и сила каждой из них равняется ста фунтам. Вокруг каждой приманки ставят по четыре капкана и крепко привязывают к хорошо запрятанному брев-

нам. После этого их тщательно прикрывают ватой и засыпают сверху мелким песком.

В один из моих капканов попался шакал. Я убил его ударом дубины и, отбросив труп в сторону, принялся вновь устанавливать капкан. Так я поступал уже сотни раз.

Скоро все было готово. Я бросил отвертку, отмыкающую капкан, туда, где стояла моя лошадь, и, заметив поблизости хороший, мелкий песок, сгреб его рукой.

Какая это была несчастная мысль! Какая безумная неосторожность! Этот мелкий песок лежал поверх соседнего капкана, и я в один миг очутился в плену.

Я не был ранен, потому что эти капканы не имеют зубьев, а мои толстые охотничьи перчатки ослабили тиски, но все же я был крепко схвачен стальными челюстями за кисть руки.

Сначала я не очень испугался и попытался достать отвертку правой ногой. Вытянувшись ничком во всю длину, я старался дотянуться до нее, вытягивая мою зажатую капканом руку насколько возможно. Я не мог одновременно и смотреть и шарить, но полагался на большой палец своей ноги, который, конечно, даст мне знать, если я прикоснусь к маленькой железной отвертке.

Моя первая попытка была неудачной. Как я ни вытягивал ногу, я ничего не мог достать. Я медленно поворачивал ее, но снова терпел неудачу. Тогда я начал шарить кругом, слепо двигая ногой во все стороны, чтобы найти отвертку. И вот, занятый правой ногой, я совсем упустил из виду левую ногу, пока не послышалось резкое щелканье и крепкие челюсти капкана № 3 не сомкнулись над ней.

Я не сразу понял весь ужас моего положения, но скоро убедился, что мне из капканов не вырваться. Я даже не мог сдвинуть их с места и лежал, вытянувшись во весь рост, пригвожденный к земле.

Что же теперь будет со мной? Я не боялся замерзнуть в это время года, но знал, что равнину Кеннеди никто не посещает, кроме дровосеков зимой. Никто не знает, куда я поехал, и если мне не удастся освободиться, меня растерзают волки или я умру с голоду.

Пока я лежал, красное солнце спускалось к соснам. В нескольких шагах от меня, на бугре, береговой жаворонок прощebetал свою вечернюю песенку, точь-в-точь как накануне вечером у дверей моей хижины. И хотя тупая боль поднималась в моей руке и мертвящий холод

охватывал меня, но я все же заметил, какие длинные пучки маленьких перьев торчали у птицы над ушами.

После этого мысли мои перенеслись к уютному вечернему столу в доме Райта. Я думал о том, что они, быть может, как раз в эту минуту жарят свинину к ужину или уже садятся за стол. Моя лошадь продолжала стоять на том самом месте, где я оставил ее, с уздечкой на земле, и терпеливо ждала, чтобы отвезти меня домой. Она не понимала, отчего я задерживаюсь так долго, и когда я позвал ее, она перестала щипать траву и взглянула на меня с немым, беспомощным недоумением.

Если б она вернулась домой! Опустевшее седло могло бы вызвать подозрение, что со мной случилось несчастье. Меня стали бы искать и могли бы спасти. Но преданность лошади заставляла ее ждать часами, в то время как я погибал от голода и холода.

Тут я вспомнил гибель старого волчьего охотника Жиру.

Только следующей весной нашли его скелет, прикопанный за ногу к медвежьему капкану. И я думал о том, какая часть моей одежды поможет моим друзьям опознать мой скелет...

Вдруг меня осенила новая мысль. Так вот что чувствует волк, когда попадает в капкан! Сколько мучений причинил я им на своем веку! Теперь я расплачиваюсь за это...

Ночь медленно наступала. Где-то завыл шакал. Лошадь насторожила уши и, подойдя ближе ко мне, остановилась, опустив голову. Завыл другой шакал, и еще третий... Я понял, что они собираются тут, по соседству. А я лежал распростертый на земле и беспомощный и думал, что будет очень справедливо, если они сейчас явятся сюда и растерзают меня на части.

Я долго слышал их призывное завыванье, пока не увидел их неясные очертания во тьме. Лошадь первая заметила шакалов, и ее испуганное фырканье заставило их сначала несколько отступить. Но затем они подошли ближе и уселись вокруг меня на равнине. Вскоре один из них, более смелый, чем другие, подкрался к труп своего родича и стал дергать его. Я крикнул, и он с рычаньем попятился. Лошадь в ужасе отбежала в сторону. Вскоре шакал опять вернулся; после некоторых колебаний он в конце концов оттащил труп, который был съеден остальными в несколько минут.

После этого шакалы подошли еще ближе и уселись вокруг, разглядывая меня. Один из них, самый смелый, даже понюхал мое ружье и соскреб с него землю. Он отбежал, когда я с криком замахнулся на него свободной ногой, но по мере того, как я слабел, он делался храбрее и даже рычал мне прямо в лицо. Увидя это, другие шакалы тоже зарычали и приблизились ко мне. Я понял, что мне предстоит быть растерзанным самым презренным из моих врагов, как вдруг из окружающей темноты выскочил с глухим ревом большой черный шакал.

Шакалы тотчас же разбежались в разные стороны, кроме одного смельчака, который был схвачен этим новым пришельцем и мгновенно обращен в труп. Но — о, ужас! — страшный зверь после этого бросился ко мне, и... Бинго, мой благородный Бинго, — это он терся о меня своими мохнатыми боками и лизал мое похолодевшее лицо!

— Бинго! Бинго! Старый друг! Принеси мне отвертку!

Он тотчас же побежал и вернулся, волоча ружье.

— Нет, Бинго! Принеси отвертку!

Он опять побежал и принес мой кушак. Но в конце концов он все же принес мне отвертку и радостно махал хвостом, оттого что угадал мое желание.

Протянув свободную руку, я с величайшим трудом отвинтил гайку. Капкан раскрылся, и моя рука освободилась, а через минуту и я сам был на свободе. Бинго пригнал ко мне лошадь. Медленно пройдясь немного, чтобы восстановить кровообращение, я наконец мог сесть в седло.

Мы отправились домой, сначала тоже медленным шагом, а потом вскачь. Бинго бежал впереди, как настоящий герольд, и громким, торжествующим лаем возвестил о нашем возвращении.

Дома я узнал, что накануне вечером этот удивительный пес очень странно вел себя, хотя я никогда не брал его с собой для осмотра капканов. Он визжал и не спускал глаз с лесной дороги. Наконец, когда настала ночь, он, несмотря на все попытки удержать его, убежал и скрылся в темноте.

Мой верный старый Бинго! Какой это был странный пес! Его привязанность, несомненно, принадлежала мне, а между тем на другой же день он почти не удостоил меня взглядом. И таким он оставался до конца.

Так же до конца он жил волчьей жизнью и всегда отпирывался, согласно своей волчьей повадке, отыскивать

трупы павших зимой лошадей. Это и было его погибелью. Он опять наткнулся на отравленный лошадиный труп и с волчьей прожорливостью полакомился им. Затем, в предсмертных муках, он притащился, но не к Гордону Райту, а ко мне, к дверям моей хижины.

На следующий день, возвращаясь домой, я нашел его мертвым на снегу. Он оставался до последней минуты моей собакой, и моей помощи он искал — напрасно искал! — в минуту предсмертной тоски.

СНАП

История бультерьера

I

Я увидел его впервые в сумерках.

Рано утром я получил телеграмму от своего школьного товарища Джека:

”Посылаю тебе замечательного щенка. Будь вежлив с ним. Невежливых он не любит”.

У Джека такой характер, что он мог прислать мне адскую машину или бешеного хорька вместо щенка, поэтому я дожидался посылки с некоторым любопытством. Когда она прибыла, я увидел, что на ней написано: ”Опасно”. Изнутри при малейшем движении доносилось ворчливое повизгиванье. Заглянув в заделанное решеткой отверстие, я увидел не тигренка, а всего-навсего маленького белого бультерьера. Он старался укусить меня и все время сварливо рычал. Рычанье его было мне неприятно. Собаки умеют рычать на два лада: низким, грудным голосом — это вежливое предупреждение или исполненный достоинства ответ, и громким, высоким ворчаньем — это последнее слово перед нападением. Как любитель собак, я думал, что умею управлять ими. Поэтому, отпустив носильщика, я достал перочинный нож, молоток, топорик, ящик с инструментами, кочергу и сорвал решетку. Маленький бесенок грозно рычал при каждом ударе молотка и, как только я повернул ящик набок, устремился прямо к моим ногам. Если бы только его лапка не запуталась в проволочной сетке, мне пришлось бы плохо. Я вскочил на стол, где он не мог меня достать, и попытался урезонить его. Я всегда был сторонником раз-

говоров с животными. Я утверждаю, что они улавливают общий смысл нашей речи и наших намерений, хотя бы даже и не понимая слов. Но этот щенок, по-видимому, считал меня лицемером и презрительно отнесся к моим заискиваниям. Сперва он уселся под столом, зорко глядя во все стороны, не появится ли пытающаяся спуститься нога. Я был вполне уверен, что мог бы привести его к повиновению взглядом, но мне никак не удавалось взглянуть ему в глаза, и поэтому я оставался на столе. Я человек хладнокровный. Ведь я представитель фирмы, торгующей железным товаром, а наш брат вообще славится присутствием духа, уступая разве только господам, торгующим готовым платьем.

Итак, я достал сигару и закурил, сидя по-турецки на столе, в то время как маленький деспот дождался внизу моих ног. Затем я вынул из кармана телеграмму и перечел ее: "Замечательный щенок. Будь вежлив с ним. Не вежливых он не любит". Думаю, что мое хладнокровие успешно заменило в этом случае вежливость, ибо полчаса спустя рычанье затихло. По прошествии часа он уже не бросался на газету, осторожно спущенную со стола для испытания его чувств. Возможно, что раздражение, вызванное клеткой, немного улеглось. А когда я зажег третью сигару, он проковылял к камину и улегся там, впрочем, не забывая меня — на это я не мог пожаловаться. Один его глаз все время следил за мной. Я же следил обоими глазами не за ним, а за его коротким хвостиком. Если бы этот хвост хоть единый раз дернулся в сторону, я почувствовал бы, что победил. Но хвостик оставался неподвижным. Я достал книжку и продолжал сидеть на столе до тех пор, пока не затекли ноги и начал гаснуть огонь в камине. К десяти часам стало прохладно, а в половине одиннадцатого огонь совсем потух. Подарок моего друга встал на ноги и, позевывая, потягиваясь, отправился ко мне под кровать, где лежал меховой половик. Легко переступив со стола на буфет и с буфета на камин, я также достиг постели и, без шума раздевшись, ухитрился улечься, не встревожив своего повелителя. Не успел я еще заснуть, когда услышал легкое царапанье и почувствовал, что кто-то ходит по кровати, затем по ногам. Снап¹, по-видимому, нашел, что внизу слишком холодно.

Он свернулся у меня в ногах очень неудобным для

¹ Снап (snap) означает "хватать", "щелк".

меня образом. Но напрасно было бы пытаться устроиться поуютнее, потому что, едва я пробовал двинуться, он вцеплялся в мою ногу с такой яростью, что только толстое одеяло спасало меня от тяжкого увечья.

Прошел целый час, прежде чем мне удалось так расположить ноги, передвигая их каждый раз на волосок, что можно было наконец уснуть. В течение ночи я несколько раз был разбужен гневным рычанием щенка — быть может, потому, что осмеливался шевелить ногой без его разрешения, но, кажется, также и за то, что позволял себе изредка храпеть.

Утром я хотел встать раньше Снапа. Видите ли, я называл его Снапом... Полное его имя было Джинджерснап¹. Некоторым собакам с трудом приискиваешь кличку, другим же не приходится придумывать клички — они как-то являются сами собой.

Итак, я хотел встать в семь часов. Снап предпочел отложить вставанье до восьми, поэтому мы встали в восемь. Он разрешил мне затопить камин и позволил одеться, ни разу не загнав меня на стол. Выходя из комнаты и собираясь завтракать, я заметил:

— Снап, друг мой, некоторые люди стали бы воспитывать тебя побоями, но мне кажется, что мой план лучше. Теперешние доктора рекомендуют систему лечения, которая называется "оставлять без завтрака". Я испробую ее на тебе.

Было жестоко весь день не давать ему еды, но я выдержал характер. Он расцарапал всю дверь, и мне потом пришлось заново красить ее, но зато к вечеру он охотно согласился взять из моих рук немного пищи.

Не прошло и недели, как мы уже были друзьями. Теперь он спал у меня на кровати, не пытаясь искалечить меня при малейшем движении. Система лечения, которая называлась "оставлять без завтрака", сделала чудеса, и через три месяца нас нельзя было разлить водой.

Казалось, чувство страха было ему незнакомо. Когда он встречал маленькую собачку, он не обращал на нее никакого внимания, но стоило появиться здоровому псу, как он струной натягивал свой обрубленный хвост и принимался прохаживаться вокруг него, презрительно шаркая задними ногами и поглядывая на небо, на землю, вдаль — куда угодно, за исключением самого незнаком-

¹ Джинджерснап (gingersnap) — хрустящий пряник с имбирем.

ца, отмечая его присутствие только частым рычаньем на высоких нотах. Если незнакомец не спешил удалиться, начинался бой. После боя незнакомец в большинстве случаев удалялся с особой готовностью. Случалось и Снапу быть побитым, но никакой горький опыт не мог вселить в него и крупницы осторожности.

Однажды, катаясь в извозчичьей карете во время собачьей выставки, Снап увидел слоноподобного сенбернара на прогулке. Его размеры вызвали восторг щенка, он стремглав ринулся из окна кареты и сломал себе ногу.

У него не было чувства страха. Он не был похож ни на одну из известных мне собак. Например, если случалось мальчику швырнуть в него камнем, он тотчас же пускался бежать, но не от мальчика, а к нему. И если мальчик снова швырял камень, Снап немедленно разделялся с ним, чем приобрел всеобщее уважение. Только я и рассыльный нашей конторы умели видеть его хорошие стороны. Только нас двоих он считал достойными своей дружбы. К половине лета Карнеджи, Вандербильдт и Астор¹, вместе взятые, не могли бы собрать достаточно денег, чтобы купить у меня моего маленького Снапа.

II

Хотя я не был коммивояжером, тем не менее моя фирма, в которой я служил, отправила меня осенью в путешествие, и Снап остался вдвоем с квартирной хозяйкой. Они не сошлись характерами. Он ее презирал, она его боялась, оба они ненавидели друг друга.

Я был занят сбытом проволоки в северных штатах. Получавшиеся на мое имя письма доставлялись мне раз в неделю. В этих письмах моя хозяйка постоянно жаловалась мне на Снапа.

Прибыв в Мендозу, в Северной Дакоте, я нашел хороший сбыт для проволоки. Разумеется, главные сделки я заключал с крупными торговцами, но я потолкался среди фермеров, чтобы получить от них практические указания, и таким образом познакомился с фермой братьев Пенруф.

Нельзя побывать в местности, где занимаются скотоводством, и не услышать о злодеяниях какого-нибудь

¹ Три американских миллиардера.

лукавого и смертоносного волка. Прошло то время, когда волки попадались на отраву. Братья Пенруф, как и все разумные ковбои, отказались от отравы и капканов и принялись обучать разного рода собак охоте на волка, надеясь не только избавить окрестности от врагов, но и позабавиться.

Гончие собаки оказались слишком добродушными для решительной борьбы, датские доги — чересчур неуклюжими, а борзые не могли преследовать зверя, не видя его. Каждая порода имела какой-нибудь роковой недостаток. Ковбои надеялись добиться толку с помощью смешанной своры, и когда меня пригласили на охоту, я очень забавлялся разнообразием участвовавших в ней собак. Было там немало ублюдков, но встречались также и чистокровные собаки — между прочим, несколько русских волкодавов, стойких, наверно, уйму денег.

Гилтон Пенруф, старший из братьев, необычайно гордился ими и ожидал от них великих подвигов.

— Борзые слишком тонкокожи для волчьей охоты, доги — медленно бегают, но, увидите, полетят клочья, когда вмешаются мои волкодавы.

Таким образом, борзые предназначались для гона, доги — для резерва, а волкодавы — для генерального сражения. Кроме того, припасено было две-три гончих, которые должны были своим тонким чутьем выследить зверя, если его потеряют из виду.

Славное было зрелище, когда мы двинулись в путь между холмами в ясный октябрьский день! Воздух был прозрачен и чист, и, несмотря на позднее время года, не было ни снега, ни мороза. Кони ковбоев слегка горячились и раза два показали мне, каким образом они избавляются от своих седоков.

Мы заметили на равнине два-три серых пятна, которые были, по словам Гилтона, волками или шакалами. Свора понеслась с громким лаем. Но поймать им никого не удалось, хотя они носились до самого вечера. Только одна из борзых догнала волка и, получив рану в плечо, отстала.

— Мне кажется, Гилт, что от твоих волкодавов мало будет толку, — сказал Гарвин, младший из братьев. — Я готов стоять за маленького черного дога против всех остальных, хотя он простой ублюдок.

— Ничего не пойму! — проворчал Гилтон. — Даже шакалам никогда не удавалось улизнуть от этих борзых, не то что волкам. Гончие — также превосходные — вы-

следят хоть трехдневный след. А доги могут справиться даже с медведем.

— Не спорю, — сказал отец, — твои собаки могут гнать, могут выслеживать и могут справиться с медведем, но дело в том, что им неохота связываться с волком. Вся окаянная свора попросту трусит. Я много бы дал, чтобы вернуть уплаченные за них деньги.

Так они толковали, когда я распростился с ними и уехал дальше.

Борзые были сильны и быстроноги, но вид волка, очевидно, наводил ужас на всех собак. У них не хватало духа помериться с ним силами, и невольно воображение переносило меня к бесстрашному щенку, разделявшему мою постель в течение последнего года. Как мне хотелось, чтобы он был здесь! Неуклюжие гиганты получили бы руководителя, которого никогда не покидает смелость.

На следующей моей остановке, в Бароке, я получил с почты пакет, заключавший два послания от моей хозяйки: первое — с заявлением, что "эта подлая собака безобразничает в моей комнате", другое, еще более пылкое, — с требованием немедленного удаления Снапа.

"Почему бы не выписать его в Мендозу? — подумал я. — Всего двадцать часов пути. Пенруфы будут рады моему Снапу".

III

Следующая моя встреча с Джинджерснапом вовсе не настолько отличалась от первой, как можно было ожидать. Он бросился на меня, притворялся, что хочет укусить, непрерывно ворчал. Но ворчанье было грудное, басистое, а обрубок хвоста усиленно подергивался.

Пенруфы несколько раз затевали волчью охоту, с тех пор как я жил у них, и были вне себя от неизменных неудач. Собаки почти каждый раз поднимали волка, но никак не могли покончить с ним, охотники же ни разу не находились достаточно близко, чтобы узнать, почему они трусят.

Старый Пенруф был теперь вполне убежден, что "во всем негодном сброде нет ни одной собаки, способной потягаться хотя бы с кроликом".

На следующий день мы вышли на заре — те же добрые лошади, те же отличные ездоки, те же большие

сизые, желтые и рябые собаки. Но, кроме того, с нами была маленькая белая собачка, все время лънувшая ко мне и знакомившая со своими зубами не только собак, но и лошадей, когда они осмеливались ко мне приблизиться. Кажется, Снап перессорился с каждым человеком, собакой и лошадей по соседству.

Мы остановились на вершине большого плоскоголового холма. Вдруг Гилтон, осматривавший окрестности в бинокль, воскликнул:

— Вижу его! Вот он идет к ручью, Скелл. Должно быть, это шакал.

Теперь надо было заставить и борзых увидеть добычу. Это нелегкое дело, так как они не могут смотреть в бинокль, а равнина покрыта кустарником выше собачьего роста.

Тогда Гилтон позвал: "Сюда, Дандер!" — и выставил ногу вперед. Одним проворным прыжком Дандер взлетел на седло и стал там, балансируя на лошади, между тем как Гилтон настойчиво показывал ему:

— Вон он, Дандер, смотри! Куси, куси его, там, там!

Дандер усиленно всмотрелся в точку, указываемую хозяином, затем, должно быть, увидел что-то, ибо с легким тьяканьем соскочил на землю и бросился бежать. Другие собаки последовали за ним. Мы поспешили им вслед, однако значительно отставая, так как почва была изрыта оврагами, барсучьими норами, покрыта камнями, кустарником. Слишком быстрая скачка могла окончиться печально.

Итак, все мы отстали; я же, человек, непривычный к седлу, отстал больше всех. Время от времени мелькали собаки, то скакавшие по равнине, то слетавшие в овраг, с тем чтобы немедленно появиться с другой стороны. Признанным вожаком был борзой Дандер, и, взобравшись на следующий гребень, мы увидели всю картину охоты: шакал, летящий вскачь, собаки, бегущие на четверть мили сзади, но, видимо, настигавшие его. Когда мы в следующий раз увидели их, шакал был бездыханен, и все собаки сидели вокруг него, исключая двух гончих и Джинджерснапа.

— Опоздали к пиру! — заметил Гилтон, взглянув на отставших гончих. Затем с гордостью потрепал Дандера: — Все-таки, как видите, не потребовалось вашего щенка!

— Скажи пожалуйста, какая смелость: десять больших собак напали на маленького шакала! — насмешливо заметил отец. — Погоди, дай нам встретить волка.

На следующий день мы снова отправились в путь.

Поднявшись на холм, мы увидели движущуюся серую точку. Движущаяся белая точка означает антилопу, красная — лисицу, а серая — волка или шакала. Волк это или шакал, определяют по хвосту. Всячий хвост принадлежит шакалу, поднятый кверху — ненавистному волку.

Как и вчера, Дандеру показали добычу, и он, как и вчера, повел за собой пеструю стаю — борзых, волкодавов, гончих, догов, бультерьера и всадников. На миг мы увидели погоню: без сомнения, это был волк, двигавшийся длинными прыжками впереди собак. Почему-то мне показалось, что передовые собаки не так быстро бегут, как тогда, когда они гнались за шакалом. Что было дальше, никто не видел. Собаки вернулись обратно одна за другой, а волк исчез.

Насмешки и попреки посыпались теперь на собак.

— Эх! Струсили, попросту струсили! — с отвращением проговорил отец. — Свободно могли нагнать его, но чуть только он повернул на них, они удрали. Тьфу!

— А где же он, несравненный, бесстрашный терьер? — спросил Гилтон презрительно.

— Не знаю, — сказал я. — Вероятнее всего, он и не видел волка. Но если когда-нибудь увидит — бьюсь об заклад, он изберет победу или смерть.

В эту ночь вблизи фермы волк зарезал нескольких коров, и мы еще раз снарядились на охоту.

Началось приблизительно так же, как накануне. Уже много позже полудня мы увидели серого молодца с поднятым хвостом не дальше как за полмили. Гилтон посадил Дандера на седло. Я последовал его примеру и подождал Снапа. Его лапки были так коротки, что вспрыгнуть на спину лошади он не мог. Наконец он вскарабкался с помощью моей ноги. Я показывал ему волка и повторял "Куси, куси!" до тех пор, пока он в конце концов не приметил зверя и не бросился со всех ног вдогонку за уже бежавшими борзыми.

Погоня шла на этот раз не чащею кустарника, вдоль реки, а открытой равниной. Мы поднялись все вместе на плоскогорье и увидели погоню как раз в ту минуту, когда Дандер настиг волка и рявкнул у него за спиной. Серый повернулся к нему для боя, и перед нами предстало славное зрелище. Собаки подбегали по две и по три, окружая волка кольцом и лая на него, пока не налетел последним маленький белый песик. Этот не стал тратить

времени на лай, а ринулся прямо к горлу волка, промахнулся, однако успел вцепиться ему в нос. Тогда десять больших собак сомкнулись над волком, и две минуты спустя он был мертв. Мы мчались вскачь, чтобы не упустить развязки, и хоть издали, но явственно рассмотрели, что Снап оправдал мою рекомендацию.

Теперь настал мой черед похвалиться. Снап показал им, как ловят волков, и наконец-то мендозская свора доконала волка без помощи людей.

Было два обстоятельства, несколько омрачивших торжество победы: во-первых, это был молодой волк, почти волчонок. Вот почему он сдуру бросился бежать по равнине. А во-вторых, Снап был ранен — у него была глубокая царапина на плече. Когда мы с торжеством двинулись в обратный путь, я заметил, что он прихрамывает.

— Сюда! — крикнул я. — Сюда, Снап!

Он раза два попытался вскочить на седло, но не мог.

— Дайте мне его сюда, Гилтон, — попросил я.

— Благодарю покорно. Можете сами возиться со своей гремучей змеей, — ответил Гилтон, так как всем теперь было известно, что связываться со Снапом небезопасно.

— Сюда, Снап, бери! — сказал я, протягивая ему хлыст.

Он ухватился за него зубами, и таким образом я поднял его на седло и доставил домой. Я ухаживал за ним, как за ребенком. Он показал этим ковбоям, кого не хватает в их своре. У гончих прекрасные носы, у борзых быстрые ноги, волкодавы и доги — силачи, но все они ничего не стоят, потому что мужество есть только у бультерьера. В этот день ковбои разрешили волчий вопрос, что вы увидите сами, если побываете в Мендозе, ибо в каждой из местных свор теперь имеется свой бультерьер, по большей части снапо-мендозской крови.

IV

На следующий день была годовщина появления у меня Снапа. Погода стояла ясная, солнечная. Снега еще не было. Ковбой снова собрались на волчью охоту. К всеобщему разочарованию, рана Снапа не заживала. Он спал, по обыкновению, у меня в ногах, и на одеяле оставались следы крови. Он, конечно, не мог участвовать в травле. Решили отправиться без него. Его заманили в амбар

и заперли там. Затем мы отправились в путь. Все отчего-то предчувствовали недоброе. Я знал, что без моей собаки мы потерпим неудачу, но не воображал, как она будет велика.

Мы забрались уже далеко, блуждая среди холмов, как вдруг, мелькая в кустарнике, примчался за нами вдогонку белый мячик. Минуту спустя к моей лошади подбежал Снап, ворча и помахивая обрубком хвоста. Я не мог отправить его обратно, так как он ни за что не послушался бы. Рана его имела скверный вид. Подозвав его, я протянул ему хлыст и поднял на седло. "Здесь, — подумал я, — ты просидишь до возвращения домой". Но не тут-то было. Крик Гилтона "ату, ату!" известил нас, что он увидел волка. Дандер и Райл, его соперник, оба бросились вперед, столкнулись и упали вместе, растянувшись на земле. Между тем Снап, зорко приглядываясь, высмотрел волка, и не успел я оглянуться, как он уже соскочил с седла и понесся зигзагами, вверх, вниз, над кустарником, под кустарником, прямо на врага. В течение нескольких минут он вел за собой всю свору. Недолго, конечно. Большие борзые увидели движущуюся точку, и по равнине вытянулась длинная цепь собак. Травля обещала быть интересной, так как волк был совсем недалеко и все собаки мчались во всю прыть.

— Они свернули в Медвежий овраг! — крикнул Гарвин. — За мной! Мы можем выйти им наперерез!

Итак, мы повернули обратно и быстро поскакали по северному склону холма, в то время как погоня, по видимому, двигалась вдоль южного склона.

Мы поднялись на гребень и готовились уже спуститься, когда Гилтон крикнул:

— Он здесь! Мы наткнулись прямо на него.

Гилтон соскочил с лошади, бросил поводья и побежал вперед. Я сделал то же. Навстречу нам по открытой поляне, переваливаясь, бежал большой волк. Голова его была опущена, хвост вытянут по прямой линии, а в пятидесяти шагах за ним мчался Дандер, несясь, как ястреб над землей, вдвое быстрее, чем волк. Минуту спустя борзой пес настиг его и рывкнул, но попятился, как только волк повернулся к нему. Они находились теперь как раз под нами, не дальше как в пятидесяти футах. Гарвин достал револьвер, но Гилтон, к несчастью, остановил его:

— Нет, нет! Посмотрим, что будет.

Через мгновение примчалась вторая борзая, затем одна за другой и остальные собаки. Каждая неслась, горя

яростью и жадной крови, готовая тут же разорвать серого на части. Но каждая поочередно отступала в сторону и принималась лаять на безопасном расстоянии. Минуты две погода подоспели и русские волкодавы — славные, красивые псы. Издали они, без сомнения, желали ринуться прямо на старого волка. Но бесстрашный его вид, мускулистая шея, смертоносные челюсти устроили их задолго до встречи с ним, и они также примкнули к общему кругу, в то время как затравленный бандит поворачивался то в одну сторону, то в другую, готовый сразиться с каждой из них и со всеми вместе.

Вот появились и доги, грузные твари, каждая такого же веса, как волк. Их тяжелое дыхание переходило в угрожающий хрип, по мере того как они надвигались, готовые разорвать волка в клочья. Но как только они увидели его вблизи — угрюмого, бесстрашного, с мощными челюстями, с неутомимыми лапами, готового умереть, если надо, но уверенного в том, что умрет не он один, — эти большие доги, все трое, почувствовали, подобно остальным, внезапный прилив застенчивости: да, да, они бросятся на него немного погодя, не сейчас, а как только переведут дух. Волка они, конечно, не боятся. Голоса их звучали отвагой. Они хорошо знали, что несдобровать первому, кто сунется, но это все равно, только не сейчас. Они еще немного полагают, чтобы подбодрить себя.

В то время как десять больших псов праздно метались вокруг безмолвного зверя, в дальнем кустарнике послышался шорох. Затем скачками пронесся белоснежный резиновый мячик, вскоре превратившийся в маленького бультерьера. Снап, медленно бегущий и самый маленький из своры, примчался, тяжело дыша — так тяжело, что, казалось, он задыхается, и подлетел прямо к кольцу вокруг хищника, с которым никто не дерзал сразиться. Заколебался ли он? Ни на мгновение. Сквозь кольцо лающих собак он бросился напролом к старому деспоту холмов, целясь прямо в глотку. И волк ударил его с размаху своими двадцатью клыками. Однако малыш бросился на него вторично, и что произошло тогда, трудно сказать. Собаки смешались. Мне почудилось, что я увидел, как маленький белый пес вцепился в нос волка, на которого сейчас напала вся свора. Мы не могли помочь собакам, но они и не нуждались в нас. У них был вожак несокрушимой смелости, и когда битва наконец закончилась, перед нами на земле лежали волк — могучий гигант — и вцепившись в его нос маленькая белая собачка.

Мы стояли вокруг, готовые вмешаться, но лишённые возможности это сделать. Наконец все было кончено: волк был мертв. Я окликнул Снапа, но он не двинулся. Я наклонился к нему.

— Снап, Снап, все кончено, ты убил его! — Но песик был неподвижен. Теперь только увидел я две глубокие раны на его теле. Я попытался приподнять его: — Пусти, старина: все кончено!

Он слабо заворчал и отпустил волка.

Грубые скотоводы стояли вокруг него на коленях, и старый Пенруф пробормотал дрогнувшим голосом:

— Лучше бы у меня пропало двадцать быков!

Я взял Снапа на руки, назвал его по имени и погладил по голове. Он слегка заворчал, как видно, на прощание, лизнул мне руку и умолк навсегда.

Печально возвращались мы домой. С нами была шкура чудовищного волка, но она не могла нас утешить. Мы похоронили неустрашимого Снапа на холме за фермой. Я слышал при этом, как стоящий рядом Пенруф пробормотал:

— Вот это действительно храбрец! Без храбрости в нашем деле недалеко уйдешь.

ВИННИПЕГСКИЙ ВОЛК

*

I

Первая моя встреча с Виннипегским волком произошла во время большой метели 1882 года. В середине марта я выехал из Сен-Поля, надеясь в двадцать четыре часа пересечь прерии и добраться до Виннипега. Но царь ветров решил иначе и послал на землю свирепую вьюгу. Час за часом валил снег, упорно, яростно. Никогда в жизни я не видывал такой метели. Весь мир погрузился в снег — снег, снег, снег, вертящийся, кусающийся, жалящий, порхающий снег. И пыхтящий чудовищный паровоз вынужден был остановиться по приказу этих воздушных перистых кристаллов непорочной чистоты.

За преградившие нам путь заносы взялось много сильных рук с лопатами, и час спустя наш паровоз сдвинулся с места, для того лишь, чтобы застрять в следующем

сугробе. Нелегкая была это работа: день за днем, ночь за ночью мы попеременно то зарывались в сугробы, то вылезали из них, а снег все продолжал виться и кружить в воздухе.

”Двадцать два часа до Эмерсона”, — сказал железно-дорожный служащий, но прошло две недели, прежде чем мы достигли Эмерсона с его тополевыми рощами — лучшей защитой от заносов. Отсюда поезд пошел быстрым ходом. Топольевые рощи становились гуще, переходили в большие леса, тянувшиеся на целые мили, с редкими просветами там и сям.

Приближаясь к восточной окраине Виннипега, мы медленно проехали мимо небольшой просеки, в пятьдесят шагов ширины, и посреди нее я увидел картину, потрясшую меня до глубины души.

На полянке стояла большая стая собак, больших и малых, рыжих, белых и черных. Собаки волновались и робели. Одна маленькая желтая собачонка лежала на снегу. В стороне рвался и лаял огромный черный пес, держась, однако, все время под прикрытием толпы. А посередине стоял большой угрюмый волк.

Волк? Он показался мне львом. Он стоял один-одинешенек — решительный, спокойный, с ощетинившимся загривком и прочно расставленными ногами — и поглядывал то туда, то сюда, готовый к атаке по всем направлениям. Изгиб его губ напоминал презрительную усмешку, хотя это был, вероятно, всего лишь обычный боевой оскал. Под предводительством волкоподобной собаки, которой следовало бы стыдиться такого предательства, свора бросилась на него, должно быть, в двадцатый раз. Но рослый серый зверь метнулся туда, сюда, хлопнув ужасными челюстями: щелк, щелк, щелк. Волк не визжал, не выл и не лаял. Между тем в рядах его врагов раздался не один предсмертный вопль, прежде чем они снова отпрянули от него, оставив его по-прежнему неподвижным, неукротимым, невредимым и презрительным.

Как бы я хотел теперь, чтобы поезд снова застрял в снегу! Сердце мое рвалось к серому волку. Мне хотелось бежать к нему на помощь. Но белоснежная поляна промелькнула мимо, топольевые стволы заслонили ее, и мы понеслись дальше.

Вот все, что я видел, и, по-видимому, это было очень немного. Но несколько дней спустя я узнал, что удостоился редкостного зрелища, увидев при свете дня чудес-

нейшее существо — не более не менее, как самого Виннипегского волка.

Странная была у него слава: это был волк, предпочитавший город лесам, равнодушно проходивший мимо овец, чтобы убивать собак, и неизменно охотившийся в одиночку.

Рассказывая историю Колдуна, как звали его некоторые, я говорю о событиях его жизни, словно о чем-то известном местным жителям. Тем не менее не подлежит сомнению, что многие из горожан и не слыхивали о них. Так, например, богатый лавочник на главной улице имел о нем лишь самое смутное представление до того дня, когда произошла последняя сцена у бойни и большой труп волка был доставлен чучельнику Гайду. Здесь из волка сделали чучело для Чикагской выставки.

II

Как-то раз скрипач Поль Дерош, красивый повеса, бездельник и охотник, рыскал с ружьем по лесистым берегам Красной реки. Было это в июне 1880 года. Увидев вылезшего из береговой ямы серого волка, он наудачу выстрелил и убил его. Послав на разведку собаку, чтобы убедиться, что в логовище не осталось взрослого волка, он вполз туда сам и, к великому своему удивлению и радости, нашел там восемь волчат. Девять премий по десяти долларов! Сколько же это составит? Целое состояние, наверно. Он пустил в ход палку и с помощью желтого пса перебил всех малышей, кроме одного: существует поверье, что убийство последнего в выводке приносит несчастье. Итак, Поль отправился в город со скальпами волчицы и семи волчат и с одним живым волчком впридачу.

Содержатель трактира, в собственность которого вскоре перешли все заработанные доллары, приобрел и волчонка. Звереныш вырос на цепи, что не помешало ему обзавестись такими челюстями и грудью, с которыми не мог поспорить ни один из городских псов. Его держали во дворе для забавы посетителей, и эта забава заключалась преимущественно в травле пленника собаками. Несколько раз молодой волк был искусан до полусмерти, но каждый раз побеждал, и с каждым месяцем уменьшалось число собак, желавших потягаться с ним. Жизнь его была очень тяжела. Единственным отрадным

проблеском была дружба, возникшая между ним и маленьким Джимом, сыном трактирщика.

Джим был своенравный плутишка, себе на уме. Волк полюбился ему тем, что однажды загрыз укусившую его собаку. С тех пор он начал кормить и ласкать его. И волк разрешал ему всякие вольности, которых не позволил бы никому другому.

Отец Джима не был образцовым родителем. Обычно он баловал сына, но подчас приходил в ярость и жестоко избивал его из-за пустяков. Ребенок рано понял, что его бьют не за дело, а потому, что он подвернулся под сердитую руку. Стоило поэтому укрыться на время в надежном месте, и больше не о чем было тужить. Однажды, спасаясь бегством от отца, он бросился в волчью конуру. Бесцеремонно разбуженный серый приятель повернулся к выходу, оскалил двойной ряд белоснежных зубов и весьма понятно сказал отцу: "Не смей его трогать".

Трактирщик готов был пристрелить волка, но побоялся убить сына и предпочел оставить их в покое. А полчаса спустя он уже сам смеялся над происшествием. Отныне маленький Джим бежал к логовищу волка при малейшей опасности, и иногда только тогда и догадывались, что он провинился, когда видели, как он прячется за спину сурового узника.

Трактирщик был скуп, поэтому конторщиком у него служил китаец. Это было безобидное, робкое существо, с которым скрипач Поль позволял себе не стесняться. Однажды, застав китайца одного в трактире, Поль, уже подвыпивший, захотел угоститься в кредит. Но Тунг-Линг, послушный полученному приказанию хозяина, отказал ему. Поль кинулся к прилавку, желая отомстить за оскорбление. Китаец мог бы серьезно пострадать, если бы не подвернулся Джим, ловко подставивший длинную палку под ноги скрипачу. Скрипач растянулся на полу, потом он поднялся на ноги, клянясь, что мальчик поплатится за это жизнью. Но Джим воспользовался близостью двери и мгновенно очутился в волчьей конуре.

Увидев, что у ребенка есть покровитель, Поль схватил длинную палку и, став на почтительном расстоянии, принялся избивать волка. Серый зверь рвался на цепи, отражая бесчисленные удары и хватая палку зубами. Однако ему приходилось плохо. Вдруг Поль заметил, что Джим, язык которого ни на миг не переставал работать,

возится с ошейником волка и что волк вскоре очутится на свободе.

Мысль, что он окажется во дворе один на один с разъяренным чудовищем, заставила содрогнуться храброго Поля.

Тут послышался умильный голос Джима:

— Потерпи немного, волчок, еще чуточку подожди, и ты получишь его на обед. Держи его, славный волчок!

Этого было достаточно: скрипач бежал, старательно закрывая за собой все двери.

Дружба между Джимом и его любимцем росла. Чем старше становился волк, тем яростнее он ненавидел собак и пахнувших водкой людей. Зато его любовь к Джиму и всем прочим детям росла с каждым днем.

В это время, осенью 1881 года, фермеры сильно жаловались на то, что волки очень размножились и истребляли стада. Отрава и капканы оказались бессильными, и понятно, что, когда в виннипегском клубе появился знатный немецкий путешественник, сообщивший, что у него есть собаки, способные в короткое время избавить страну от волков, его речи возбудили всеобщее любопытство. Ведь скотоводы — большие любители охоты, и мысль освободить округ от волков с помощью своры волкодавов казалась им очень заманчивой.

Немец вскоре привел двух великолепных датских догов; один был белый, другой — палевый с черными крапинками. Каждый из этих огромных псов весил около двухсот фунтов. Мускулы у них были как у тигров, и все охотно поверили словам немца, что одной этой пары достаточно, чтобы одолеть самого крупного волка. Немец так описывал их обыкновение охотиться:

— Нужно показать им след, и будь он хоть суточный, они тотчас же побегут искать волка. Их ничем не собьешь. Как бы волк ни прятался и ни кружил, они живо отыщут его. Чуть только он кинется бежать, палевый пес хватает его за бедро и подкидывает вот так, — и немец подбросил кверху ломтик хлеба, — и не успеет он спуститься на землю, как белый вцепится ему в голову, палевый — в хвост, и он будет разорван пополам.

Все это казалось весьма правдоподобным. Всякому хотелось проверить собак на деле. Многие из местных жителей считали возможным встретить волков на Асинибуане, и охотники не замедлили снарядить туда экспедицию. Но, напрасно проискав волков в течение трех дней, они готовы уже были отказаться от охоты, когда кто-то

вспомнил, что у трактирщика есть цепной волк, которого можно дешево купить и который, хотя ему только год, вполне пригоден для испытания собачьих способностей.

Стоимость волка сразу повысилась, когда трактирщик узнал, для чего он нужен охотникам. Кроме того, ему "совесть не позволяла" продать волка. Однако "совесть" сразу перестала мешать ему, едва охотники сошлись с ним в цене.

Теперь нужно было удалить маленького Джима. Его отослали к бабушке. Затем волка загнали в ящик, ящик заколотили гвоздями, поставили на фургон и отвезли в открытую прерию.

Собак с трудом могли удержать — так они рвались на ловлю, едва почуяв волка. Но несколько сильных мужчин держали их на привязи, пока фургон не был отвезен на полмили дальше.

Волка не без труда выгнали из ящика. Сперва он казался оробевшим и угрюмым. Он не пытался кусаться, а только искал, где бы спрятаться. Тревожимый криками и свистом и поняв наконец, что находится на свободе, волк пустился крадущейся рысцой к югу.

В тот же миг собаки были спущены и с яростным лаем ринулись вслед за ним.

Люди с радостными криками поспешили за собаками. С самого начала стало ясно, что волку несдобровать. Доги были несравненно проворнее его. Белый мог бежать не хуже любой борзой. Немец громко восторгался, видя, как его любимый пес несется по прерии, приближаясь к волку с каждой минутой.

Многие предлагали держать пари, что победят собаки, но это было настолько ясно, что пари никто не принимал — соглашались только ставить на одну собаку против другой. Молодой волк бежал теперь во всю прыть, но скоро белый пес настиг его и подступил к нему вплотную.

— Смотрите теперь, — крикнул немец, — как этот волк взлетит на воздух!

Минуту спустя волк и собака сошлись на мгновение, но оба тотчас же отпрянули друг от друга. Ни один из них не взлетел на воздух, а белый пес упал на землю с ужасной раной на плече, выведенный из строя, если не убитый. Десять секунд спустя налетел, разинув пасть, второй пес — палевый. Схватка была так же мимолетна и почти так же непонятна, как и первая. Животные едва соприкоснулись. Серый зверь метнулся в сторону. Палевый пес отшатнулся, показав окровавленный бок.

Понукаемый людьми, он снова бросился, но получил вторую рану, окончательно научившую его уму-разуму.

В это время подросел сторож с еще четырьмя большими собаками. Их спустили на волка, и люди с дубинами и арканами уже спешили вслед, чтобы прикончить его, когда через равнину примчался верхом на пони маленький мальчик. Он соскочил на землю и, протолкавшись сквозь оцепившее волка кольцо, обхватил его шею руками. Он называл его "милым волчком", "дорогим волчишкой"; волк лизал ему лицо и махал хвостом. Затем мальчик обратил к толпе мокрое от слез лицо и сказал... Ну, да лучше не печатать того, что он сказал. Ему было всего девять лет, но он был очень груб, так как вырос в низкопробном трактире и успешно усвоил все постоянно слышанное там сквернословие.

Он ругал их всех и каждого, не исключая и родного отца.

Взрослый человек, позволивший себе такие оскорбительные и неприличные выражения, не миновал бы жестокой расправы. Но что делать с ребенком? И в конце концов охотники сделали самое лучшее: они громко рассмеялись — не над собой, конечно, смеяться над собой никто не любит, — нет, все до одного они смеялись над немцем, знаменитые собаки которого спасовали перед молоденьким волком.

Тогда Джим засунул грязный, мокрый от слез кулачок в свой мальчишеский карман и, порывшись там среди стеклянных шариков и леденцов, смешанных с табаком, спичками, пистолетными пистонами и другой контрабандой, выудил из всего этого обрывок тонкого шнурка и привязал его на шею волку. Затем, все еще всхлипывая, поскакал домой, уводя волка на шнурке и бросив немецкому дворянину прощальную угрозу:

— Я бы за два цента натравил его на вас, чтоб вы сдохли!

Ш

В начале зимы Джим заболел не видя своего дружка, и наконец, по просьбе больного, был допущен в его комнату. И здесь большой дикий пес — ведь волк просто дикий пес — верно дежурил у постели приятеля.

Болезнь казалась сперва несерьезной, и все были поражены, когда наступил внезапный поворот к худшему и за три дня до Рождества Джим скончался.

Волк оплакивал его искреннее всех. Большой серый зверь откликался жалобным воем на колокольный звон, бредя в сочельник за погребальным шествием. Вскоре он возвратился на задворки трактира, но при первой же попытке снова посадить его на цепь перескочил через забор и был таков.

Той же зимой в бревенчатой хижине у реки поселился старый капканщик Рено с хорошенькой девочкой Нинеттой.

Он не имел представления о Джиме Гогане и немало удивился, увидев волчьи следы на обоих берегах реки у самого городка.

Старик с любопытством и сомнением прислушивался к рассказам служащих Гудзоновского общества о поселившемся по соседству волке, который иногда проникает даже в самый город и особенно любит лес, находящийся по соседству с церковью св. Бонифация.

В сочельник, едва зазвонили колокола, по лесу пронесся одинокий печальный вой, убедивший Рено в правдивости рассказов. Он хорошо знал все волчьи песни: призыв о помощи, любовную песнь, одинокий вой и резкий вызов. Это был одинокий вой.

Старик спустился к реке и ответил таким же воем. От дальнего леса отделилась неясная тень и переправилась по льду к тому месту, где сидел на бревне человек, неподвижный, как бревно. Тень приблизилась к нему, обошла его кругом и потянула носом. Тогда глаза ее разгорелись, она зарычала, как рассерженная собака, и скользнула обратно во мрак.

Таким образом Рено, а вслед за ним и многие из горожан узнали, что по городским улицам бродит огромный серый волк, "втрое больше того, что когда-то сидел на цепи у питейного заведения Гогана". Он был грозой для собак, умерщвлял их при каждом удобном случае, и говорили даже, хотя это осталось недоказанным, что он сожрал не одну собаку, загулявшую на окраинах.

Вот кто был Виннипегский волк, которого я увидел в занесенных снегом лесах. Я хотел ему помочь, воображая, что его дело очень плохо. Но то, что я узнал позднее, изменило мое первое впечатление. Не знаю, как окончился виденный мною бой, но знаю, что волка не раз видели с тех пор, а некоторые собаки исчезли бесследно.

Итак, ни один волк никогда еще не жил такой странной жизнью. Имея возможность жить в лесах и степях, он

предпочел вести полное превратностей существование в городе — каждый день на волосок от смерти, каждый день совершая отважные подвиги. Ненавидя людей и презирая собак, он каждый день разгонял собачьи стаи и убивал попадавшихся ему в одиночку псов. Он пугал пьяниц, избегал людей с ружьями, изучил капканы, изучил и отраву — как именно, невозможно сказать, но изучил несомненно, так как много раз с презрением проходил мимо отравленных кусков.

Не было в Виннипеге ни одной улицы, в которой бы он не побывал; не было полицейского, который не видел бы его быстро мелькающей, неясной тени в сером рас свете; не было собаки, которая не дрожала бы от ужаса, когда предательский ветер доносил весть о близости старого Колдуна. Он жаждал войны, и врагом его был весь мир. Но не было случая, чтобы волк обидел ребенка.

IV

Нинетта родилась в пустыне. Мать ее была индианка. Серые глаза она унаследовала от нормандца-отца и была теперь прелестной девушкой шестнадцати лет, первой красавицей во всем округе. Она могла бы выйти замуж за любого из богатых и степенных женихов в околodge, но избранником ее сердца стал Поль Дерош. Видный малый, лихой танцор и недурной скрипач, Поль нарасхват получал приглашения на все пирушки и был неисправимым пьяницей. Рено поступил правильно, прогнав его, когда он пришел свататься. Однако это ни к чему не привело.

Покорная во всем остальном, Нинетта не хотела отказать от своего избранника. На другой же день после того, как отец ее отказал ему, она обещала Полю встретиться с ним в лесу за рекой. Пробираясь по глубокому снегу к назначенному месту, Нинетта заметила, что следом за ней идет большая серая собака. Животное показалось ей вполне дружелюбным, и девочка (так как она была еще просто девочкой) не испытывала никакого страха. Но когда она приблизилась к месту, где ее дожидался Поль, большая собака вышла вперед, злобно ворча. Поль взглянул, узнал в звере большого волка и бросился бежать, как последний трус. Позднее он говорил, что побежал за ружьем. Должно быть, он забыл, где оно может находиться, так как влез за ним на дерево. Между тем Нинетта побежала по льду домой, чтобы предупредить

знакомых о грозящей Полю опасности. Не найдя на дереве огнестрельного оружия, отважный рыцарь смастерил копье, прикрепив свой нож к сучку, и ухитрился нанести волку мучительную рану в голову. Зверь грозно зарычал, но отошел на некоторое расстояние, выказывая, впрочем, твердое намерение дожидаться, пока человек спустится на землю. Но приближение толпы изменило его решение, и он ушел.

Скрипачу Полю легче было объяснить свое поведение Нинетте, нежели другим: она по-прежнему любила его. Но отец ее относился к нему с таким безнадежным презрением, что они решили обвенчаться тайно, как только Поль возвратится из форта Александра, куда он отправлялся в качестве погонщика собак. Он считался опытным собачьим погонщиком, так как был беспощадно жесток.

Рано утром, выпив на дорогу, Поль бодро двинулся вниз по реке. Быстро неслась по льду упряжка из трех лаек, рослых и сильных, как телята, и свирепых, как разбойники. Они проехали на полном скаку мимо жилища Рено на берегу, и Поль, щелкая бичом и следуя бегом за санями, махнул рукой стоявшей на пороге Нинетте.

Вскоре сани со свирепыми собаками и пьяным погонщиком исчезли за поворотом реки, и никто с тех пор никогда не видал скрипача Поля.

В тот же вечер лайки одни возвратились в форт Гарри. Они были обрызганы запекшейся кровью и ранены в нескольких местах, но, как это ни странно, совсем не голодны.

По следу отправились разведчики. Они разыскали на льду пакеты, которые вез Поль; на берегу реки валялись обломки саней; недалеко от пакетов нашли обрывки принадлежавшей скрипачу одежды.

Ясно было, что собаки загрызли и съели своего погонщика.

Владелец собак был очень расстроен этим происшествием — он мог за него поплатиться своими псами. Отказываясь верить слухам, он решил лично проверить дело. Рено был послан сопровождать его, и не прошли они и трех миль до рокового места, как старик указал на очень крупные следы, переходившие с восточного берега реки на западный, позади саней. Он повернулся к владельцу собак и сказал на ломаном английском языке:

— Большой волк шел за санями.

Тогда они по следу переправились на западный берег. За Гилдонанским лесом волк сменил голоп на шаг, пере-

стал гнаться за санями и направился было к лесу. Но Поля что-то уронил здесь — быть может, пакет. Обнюхав оброненную вещь, волк узнал, что в санях едет пьяный Поля, который рассек ему когда-то голову.

Через милоу след бегущего волка уже тянулся по льду за самыми санями. Человеческие следы теперь исчезли, так как человек вскочил в сани и погнал собак. Чтоб облегчить сани, он срезал поклажу. Вот почему свертки были разбросаны по снегу.

Как скачут под взмахами бича! Вот валяется на снегу нож Поля. Должно быть, он уронил его, пытаясь защищаться от волка. А здесь волчий след исчезает, но сани стрелой несутся дальше: волк вскочил в сани. Собаки в ужасе прибавляют шагу, но в санях сзади летит волк. Через минуту все кончено. Человек и волк скатываются с саней. Волчий след снова появляется на восточном берегу и вскоре исчезает в лесу. Сани несутся к левому берегу, где задевают за корень дерева и разбиваются.

Снег рассказал старику Рено о том, как собаки, запутавшись в упряжке, стали драться между собой, пока не порвали постромки, затем — как они нашли труп своего бывшего мучителя и устроили пир.

Хорошего здесь было мало, но все же с собак было снято обвинение в убийстве. Ответственность, несомненно, падала на волка, и Рено, когда прошел первый страх, сказал со вздохом облегчения:

— Это Виннипегский волк. Он спас мою девочку от Поля. Он всегда был добр к детям.

V

Гибель Поля послужила предлогом для большой заключительной охоты, назначенной на Рождество, ровно два года спустя после смерти маленького Джима. На эту охоту, казалось, согнали собак со всей страны. Были здесь три лайки из упряжки Поля — владелец считал их присутствие необходимым, — были и доги, и ищейки, и целая свора дворняжек, не помнящих родства. Все утро прошло в безуспешных поисках в лесах, лежащих на восток от лесов св. Бонифация. Но по телефону пришло известие, что волчий след замечен в Асинибуанских лесах, на запад от города, и час спустя охотники уже мчались по горячим следам Виннипегского волка.

Вот они несутся — стая собак, отряд всадников, толпа пеших мужчин и мальчиков. Волк не боялся собак, но он

знал, что у людей есть опасные ружья. Он направился к темной линии Асинибуанских лесов, но всадникам было раздолье на равнине, и они скоро, обогнав волка, заставили его повернуть обратно. Он помчался вдоль оврага Колони-Крик и тем избежал свистевших уже над ним пуль. Дальше он повернул к забору с колючей проволокой и, перескочив через него, на время избавился от всадников. Он по-прежнему держался лощины, недоступной для пуль. Собаки уже приближались к нему. Вероятно, он только и мечтал о том, как бы остаться с ними наедине, хотя их было сорок или пятьдесят против одного. Теперь они уже окружили его, но ни одна не решалась подступить. Сухопарая борзая, понадеявшись на свою прыть, придвинулась было сбоку, но удар волчьей морды сбил ее с ног. Всадникам пришлось проехать кружным путем, и теперь охота приблизилась к городу. Навстречу выбежало много людей и собак, чтобы принять участие в потехе.

Волк повернул к городской бойне, хорошо знакомому ему месту, и стрельба на время прекратилась, так как охотники боялись попасть в собак. Собаки действительно так тесно сомкнулись вокруг волка, что дальше он бежать не мог. Он огляделся, ища прикрытия с тыла для последней схватки, и, увидев деревянный мостик через уличную канаву, спрятался под ним. Тогда люди достали лом и разрушили мостик. Он выскочил наружу, зная, что пришло время умереть, готовый к смерти, но желая достойно постоять за себя напоследок. И здесь впервые при свете белого дня люди могли хорошенько разглядеть его. Вот он, загадочный собачий палач, бесплотный голос лесов св. Бонифация, чудесный Виннипегский волк!

VI

Наконец, после трех долгих лет борьбы, он стоял один лицом к лицу против четырех десятков собак, которым помогали вооруженные ружьями люди. Но он встречал врагов не менее отважно, чем в тот день, когда я увидел его впервые в зимних лесах. Тот же презрительный изгиб кривил его губы, впалые бока чуть-чуть вздымались, изжелта-зеленые глаза светились прежним блеском. Собаки сомкнулись. Их вели не косматые малоопытные лайки, а бульдог. Послышался топот многих ног. Тявканье своры на время сменилось глухим ропотом. Седовато-багровые челюсти волка ощерились. Собаки шарах-

нулись во все стороны, и снова волк стоял один. Он был готов к нападению, угрюмый и сильный старый бандит. Трижды собаки напали на него — и трижды были отражены. Смелейшие из бойцов валялись уже вокруг. Первым погиб бульдог. Умудренные опытом, собаки теперь отступили, оробев, а волк еще не выказывал никаких признаков усталости. После минутного нетерпеливого ожидания он ступил на несколько шагов вперед — увы, предоставив стрелкам долгожданный удобный случай! Грянуло три выстрела, и волк наконец улегся на покой, свершив свой боевой путь.

Кто может заглянуть в душу волка? Кто скажет нам, о чем он думал? Почему он оставался жить возле города, в котором испытал столько страданий? Ведь кругом тянулись густые леса и пищи повсюду было вдоволь. Вряд ли он был одержим жаждой мести: никакое животное не потратит целую жизнь на месть — это злобное чувство свойственно одному лишь человеку. Животные жаждут покоя.

Итак, остается всего одна цепь, которая могла приковать его к городу, и эта цепь есть величайшая в мире власть, могущественнейшая сила на земле — любовь.

Волка не стало. С тех пор прошло много лет, но и до сего дня сторож церкви св. Бонифация утверждает, что в сочельник, едва зазвонят колокола, в ответ несется жуткий и скорбный волчий вой с соседнего лесистого кладбища, где лежит маленький Джим — единственное существо на свете, научившее волка любви.

УЛИЧНЫЙ ПЕВЕЦ

*

I

Какая оживленная маленькая толпа! Сколько волненья и трескотни!

Несколько воробьев, порхающих с места на место и прыгающих друг около друга посреди водосточного желоба. В центре этой толпы, когда она немного рассеивается, можно видеть причину всей сумятицы: маленькую воробьюху, отчаянно, с негодованием защищающуюся от своих назойливых поклонников. Воробьи, по-видимому, ухаживают за ней, но их манеры так грубы, что

с первого взгляда это ухаживание можно принять за расправу. Они треплют и щиплют ее самым жестоким образом, не причиняя ей, впрочем, как можно заметить, никакого серьезного вреда. А у нее самой одно только желание: избавиться от своих мучителей. Она бы убила их всех без всякого сожаления, если б только могла.

Совершенно ясно, что, как бы они ни ухаживали, она ни к кому из них не чувствует симпатии. И вот, постаравшись убедить их в этом, насколько возможно, при помощи своего клюва, она пользуется легкой заминкой среди соперников и улетает на ближайшую водосточную трубу. При этом на одном из ее крыльев становятся видны белые перышки, отличающие ее от других и делающие ее особенно привлекательной.

II

Воробей-самец, гордый своим черным галстуком и белым воротничком, был очень занят. Он усердно работал над достройкой птичьего домика, поставленного детьми в саду. Он был во многих отношениях выдающейся птицей. Строительными материалами служили ему веточки и прутики, которые нужно было приносить с ближайших площадей, а по утрам он приостанавливал работу всего лишь на одну минуту, чтобы спеть песенку, громкую и чувствительную, не хуже любой канарейки.

Совсем не в обычае у воробьев строить себе гнезда в одиночестве. Но мы недаром назвали этого воробья выдающейся птицей. После недели работы он, видимо, окончил постройку гнезда, так как птичий домик был уже наполнен до самой дверцы веточками, сорванными с городских деревьев. У него теперь оставалось больше свободного времени для музыкальных упражнений, и все чаще и чаще, на удивление всем, раздавалась его песенка, совсем не похожая на воробьиное чириканье. И наш воробей вошел бы, может быть, в историю как одна из необъяснимых загадок природы, если бы некий любитель птиц, парикмахер с Шестой аллеи, не рассказал нам о первых днях его жизни.

Этот человек, оказывается, положил воробьиное яйцо в ивовую корзинку, служившую гнездом для его канареек, и вылупившегося из этого яйца птенца воспитывали приемные родители. Пение было их специальностью. Птенец обладал крепким телосложением и отличными легкими. Канарейки воспитали его на славу. Из него

вышел певец, восполнявший энергией недостаток природного таланта. Сильный, драчливый и не лишенный музыкальности, этот забияка стал в скором времени господином всей клетки. Он, не колеблясь, принуждал к молчанию канарейку, которую не мог превзойти в совершенстве мелодии, и после каждой из таких легких побед его песни бывали столь необычно хороши, что хозяин предоставил ему разделяться с канарейкой как угодно, для того чтобы иметь возможность позабавить своих гостей торжествующей победной песней Рэнди — так звали воробья.

Рэнди заставлял молчать всякую канарейку, с которой его сажали в одну клетку. А сидя в отдельной клетке, он ни от чего не приходил в такую ярость, как от близости какого-нибудь певца-соперника, которого он не мог заставить молчать. В таких случаях он совершенно забывал свою музыку и начинал злобно чирикать по-воробьиному.

Со временем, когда у него появился черный нагрудник, Рэнди стал едва ли не главной достопримечательностью парикмахерской. Но вот однажды полка, на которой стояли клетки, рухнула, все клетки свалились на пол, и среди всеобщего разрушения многие из птиц очутились на свободе. Среди них был и Рэнди. Канарейки добровольно вернулись в свои клетки или позволили себя поймать, а Рэнди выпорхнул через окно, почирикал немного, вызываяще запел в ответ на свисток паровоза городской железной дороги и, не позволив себя поймать, приступил к исследованию окрестностей. Он не был рожден для того, чтобы жить пленником, и быстро освоился со своим новым положением свободной птицы. Через неделю он был уже так же дик, как любой представитель его рода, и превратился в маленького уличного буяна, подобно другим воробьям, вечно дерущимся между собой на улице. Он раздавал им удар за ударом. Иногда он поражал слушателей неожиданной музыкальной гаммой, которую заимствовал от канареек, но пел с истинно воробьиным задором.

III

Таков был Рэнди, тот самый воробей, который избрал птичий домик для своего гнезда. Теперь ясно, почему он собирал столько веток. Единственное гнездо, которое он видел в жизни, было плетеной корзиночкой. Поэтому свое собственное гнездо он строил из прутьиков.

Через несколько дней Рэнди появился с подругой. Я мог бы забыть сцену в водосточном желобе, если бы не узнал теперь в подруге Рэнди маленькой Бидди, той самой белокрылой дамы, которая была причиной потасовки.

Рэнди ей, видимо, нравился, но она еще продолжала пыжиться и клевать его, как только он приближался. А он все расхаживал вокруг нее с опущенными крыльями и хвостом, щебеча что-то, как делал бы всякий другой воробей-самец на его месте, и останавливаясь лишь для того, чтобы запеть.

Наконец ему удалось преодолеть ее сопротивление, быть может, именно благодаря своему удивительному музыкальному таланту, и он уже провожал ее к своему гнезду, летя впереди и показывая дорогу. Она последовала за ним в гнездо, но тотчас выскочила обратно, а Рэнди за нею, чирикающий и умоляющий. Он долго что-то щебетал, прежде чем ему удалось убедить ее вернуться, но она снова выскочила, на этот раз явно рассерженная. Опять он старался ее убедить, и наконец она вошла внутрь домика, но опять выскочила, неся в своем клюве веточку, уронила ее и улетела прочь. Вышел наружу и Рэнди. Он уже больше не гордился своим домом. Это был большой удар для него. С минуту он безутешно посидел на пороге, щебеча нечто такое, что должно было означать: "О вернись, вернись!", но его невеста не возвращалась. Потом он опять прыгнул внутрь. Послышалось легкое царапанье, он выскочил с большой веточкой в клюве и швырнул ее из дверей на землю. Он вернулся за другой, которую также отправил вслед за первой, и так далее, пока не вытащил и не побросал на землю все веточки, которые раньше так заботливо и трудолюбиво собирал. Эта редкостная веточка с развилиной, которую стоило столько труда доставить с площади Союза, и эти два мягких прутика вроде тех, из которых было сделано гнездо его приемной матери, — все, все пускай пропадает!

Около часа он трудился над разрушением своей постройки, молчаливо и в одиночестве. Наконец работа была окончена, и внизу, на земле, лежала целая куча веток, точно маленький костер.

Рэнди свирепо посмотрел на результаты уничтожения своего недельного труда, оглянулся на пустой домик, издал короткое грубоватое чириканье — вероятно, какое-нибудь бранное слово на воробьином языке — и улетел прочь.

На следующий день он вновь появился в сопровождении беглянки, кружась около нее и возбужденно чирикавая. Он снова подвел ее к своему домику. Бидди прыгнула внутрь, потом выскочила и посмотрела сверху на кучу веток, лежащую на земле. Затем снова вошла и появилась опять на пороге с крошечной веточкой, видимо, забытой Рэнди, бросила ее и с удовольствием следила, как она падала вниз, на кучу. После долгой беготни внутрь домика и обратно оба улетели вместе и вскоре вернулись: Бидди — с пучком сена в клюве, а Рэнди — с соломинкой. Все это было внесено внутрь домика и, вероятно, приложено на место по всем правилам строительного искусства. Потом они опять отправились за сеном, после чего Бидди осталась в домике устраиваться, пока Рэнди приносил сено, пучок за пучком, и только изредка, когда он слишком медлил, она сама отправлялась за ношей.

Наконец-то мне представился удобный случай испытать их вкусы. Я разложил на балконе, вблизи от птичьего домика, тридцать коротких тесемок и лент. Пятнадцать из них были самого обыкновенного вида лоскутки, восемь — из более роскошного материала и семь — из яркого шелка. Каждый светлый лоскуток чередовался с темным. Бидди первая заметила эту выставку. Она слетела вниз, осмотрела ее со всех сторон левым глазом, правым глазом, потом решила, что не стоит ничего трогать. Но тут подоспел Рэнди: ему, как бывшей комнатной птице, все это было знакомо. Он попрыгал в одну сторону, затем в другую, тронул один лоскуток, отскочил назад, снова приблизился, поклевал там и сям и наконец схватил свою добычу и улетел с нею. Затем опять прилетела Бидди, и на этот раз оба унесли по лоскутку. Предпочтение оказывалось только темным лоскуткам, но когда они кончились, Бидди подобрала несколько более светлых лент. А самые яркие так и остались нетронутыми.

Гнездо было уже наполовину готово, когда Рэнди еще раз сделал попытку принести прутик. Но через мгновение прутик был сброшен вниз, на кучу, а Бидди победоносно глядела ему вслед. Бедный Рэнди! Никакого снисхождения к его слабости. Все чудесные прутики были выброшены! У его матери было гнездо, сплетенное из прутиков, — великолепное гнездо! Однако он вынужден был покориться. Теперь в домике ничего не осталось, кроме соломинок и сена, — ни одной палочки, а только мягкие материалы. И он подчинился этому: свобода ежедневно

давала ему уроки подчинения. Раньше он думал, что весь мир заключается в парикмахерской, а он, Рэнди, — самый важный из живущих в этом мире существ. Но теперь оба эти представления рушились. Бидди находила, что его воспитание имело весьма существенные пробелы в практическом отношении, и ей на каждом шагу приходилось заново его учить.

Когда гнездо было на две трети закончено, Бидди, затеи которой были поистине великолепны, стала откуда-то приносить большие мягкие перья. Но теперь Рэнди нашел, что это заходит слишком далеко и нужно поставить какой-нибудь предел.

Ему не понравилась постель из перьев, которых не было в его первой колыбели, и он занялся выбрасыванием неприятных ему постельных принадлежностей. Бидди подросла как раз вовремя с новой ношей, чтобы увидеть принесенные ею раньше перья вылетающими из домика вниз, на кучу веток. Она бросилась за ними, схватила их еще в воздухе и вернулась навстречу своему господину, показавшемуся из дверей с новым пучком злополучных перьев. И так они остановились, смотря друг на друга и громко чирикавая, оба с клювами, полными перьев, и с сердцами, полными взаимной обиды.

Сначала разыгралась бурная сцена, во время которой перья то вносили в домик, то выбрасывали прочь или они летели по саду, гонимые ветром. Потом наступило затишье, а на следующий день все перья были водворены обратно в гнездо. Каким образом они пришли к соглашению, навсегда останется тайной. Во всяком случае, большую часть работы выполнил сам Рэнди и не успокоился, пока ящик не был набит самыми большими и мягкими из перьев.

Супруги обыкновенно держались вместе, но как-то раз Бидди улетела и долго не возвращалась. Рэнди посмотрел вокруг, почирикал, взглянул вверх, потом вниз и увидел опять кучу прутиков, на собирание которых он столько затратил труда. Чудесные прутики, совсем как в той колыбельке, где он родился! Рэнди слетел вниз. Замечательная веточка с развилиной все еще лежала на месте, и соблазн был непреодолим. Рэнди схватил ее и поспешил с ней к гнезду, потом залез внутрь. С этой веточкой всегда было трудно обращаться, она зацеплялась развилиной за дверь. Но ему так часто приходилось последнее время протаскивать ее внутрь, что он уже знал, как лучше поступить. Провозившись с ней внутри с полминуты, он выпорхнул опять наружу, гордо посмотрел

вокруг, почистил себе перья, встряхнулся, затем пропел свою канареечную песню несколько раз с начала до конца и с самым счастливым видом взял несколько новых нот.

Когда Бидди прилетела с перьями, он предусмотрительно помог водворить их на место. Гнездо было готово.

Двумя днями позже я поднялся к гнезду и нашел там яйцо. Воробьи видели, как я влезал, но не носились с криком над головой, как поступает большинство птиц, а, отлетев на почтительное расстояние, тревожно следили за мной из-за дымовой трубы.

На третий день внутри домика началось какое-то движение, послышалась сдержанная борьба, чириканье, и два-три раза птичий хвост показывался из дверей, как будто обладатель его пытался назад, таща что-то. Наконец обладатель хвоста вылез наружу настолько, что в нем уже можно было узнать Бидди. И снова ее втянули внутрь. Очевидно, происходила какая-то семейная ссора. Все это было совершенно необъяснимо, пока Бидди наконец не выбралась наружу и не вытащила любимую ветку Рэнди, которую она тотчас с презрением швырнула вниз. Она нашла ее в своей постели, куда он ее запрятал.

Вот из-за чего они ссорились! Но мне непонятно было, как она могла все-таки ее вытащить при его сопротивлении. Я подозреваю, что ему пришлось уступить, чтобы не нарушить семейный мир.

В пылу сражения вместе с веткой было нечаянно вытолкнуто и яйцо. Оно лежало теперь внизу — фарфоровые черепки на мокром желтом фоне. Воробьи, казалось, не были обеспокоены его участью. Выпав из гнезда, оно ушло из их мира.

IV

После этого наша парочка продолжала мирную жизнь в течение ряда дней. Одно яйцо за другим откладывалось в гнезде. Через неделю яиц было уже пять, и оба супруга, казалось, были вполне счастливы. Рэнди распевал на удивление всей округи, а Бидди приносила все больше и больше перьев, как бы приготавливаясь к зимовке. Мне пришло в голову произвести маленький опыт. Улучив благоприятную минуту, поздно вечером, я положил мраморное яйцо в их роскошное гнездо. Что произошло вслед за тем, я не знаю.

На следующее утро я пошел погулять. Было воскресенье, и на улице стояла тишина, только кучка людей

глазела на что-то у водосточного желоба. Подойдя ближе, я услышал чириканье и, заглянув в середину круга, увидел двух воробьев, сцепившихся в жестокой схватке, громко чирикавших и беспрестанно колотивших и клевавших друг друга. Некоторое время они кружились и дрались, не обращая никакого внимания на зрителей. Но когда они наконец приостановились, чтобы перевести дух, и в изнеможении присели на свои хвосты, я был совершенно поражен, узнав Бидди и Рэнди. После новой схватки они были спугнуты одним из зрителей, который, видимо, не одобрял ссоры в воскресный день. Тогда они взлетели на ближайшую крышу, чтобы продолжать драку без помехи. В тот же день я нашел на земле под гнездом не только мое мраморное яйцо, но и остатки пяти их собственных яиц, которые были выброшены заодно с ним. И я предполагаю, что все произошло именно из-за этого странного, твердого и круглого, яйца.

В этом птичьем домике, очевидно, не могло быть ни счастья, ни мира, поэтому они оставили его вместе со всем содержимым, в том числе и с перьями. Бидди, затеи которой отличались оригинальностью, выбрала на этот раз место для гнезда на колпаке фонаря посреди площади. Целую неделю они трудились и, несмотря на сильный ветер, закончили свою постройку. Трудно было представить себе, как птицы ухитрились спать ночью при таком ярком свете под самым их носом. Тем не менее Бидди казалась довольной, а Рэнди уже научился не высказывать своего мнения. Все было бы хорошо, если бы еще раньше, чем было снесено первое яйцо, фонарь не потух. Фонарщик, исправляя фонарь, безжалостно отправил всю постройку Бидди и Рэнди в мусорный ящик.

Жаворонок почувствовал бы в этом непоправимый удар, но энергии и самоуверенности воробья нет предела. Очевидно, гнездо было неудачным или, быть может, ошибка заключалась в выборе материалов. Во всяком случае, лучше устраиваться по-новому.

Похитив несколько соломинок из гнезда отлучившегося соседа, Бидди положила их на высокую ветку вяза в саду на площади, указав этим Рэнди новое место, избранное ею. И Рэнди, познав на опыте, что гораздо спокойнее подчиниться ее решениям, дважды пропел канареечную песню и стал копать в мусорных кучах, выбирая строительный материал и с неохотой обходя какой-нибудь хорошенький прутик, попадавшийся ему на пути.

На другой стороне площади было гнездо, в котором жила пара воробьев с очень скверной репутацией. В особенности самец-воробей не пользовался любовью других. То был рослый и очень красивый воробей с огромным черным галстуком, отчаянный забияка. Этот воинственный воробей благодаря своей силе взял себе подружку по своему выбору и захватил лучшее место для гнезда, да вдобавок еще и все самые восхитительные материалы с площади. Мои воробьи отказались от роскошных лент, которые я им предлагал, но и у них, конечно, были свои художественные вкусы. Несколько перьев из крыльев гвинейской курочки, попавшие сюда случайно из зверинца, переходили путем воровства из гнезда в гнездо, пока наконец не остались в великолепном доме, которым Буян и его жена украсили одну из мраморных колонн нового банка.

Буян делал все что хотел в пределах парка и однажды, услышав песню Рэнди, налетел на него. Рэнди был страшилищем для канареек, но справиться с Буяном не мог. Он дрался на славу, но был побит и искал спасения в бегстве. На крыльях победы Буян полетел прямо к новому гнезду Рэнди и после пренебрежительного осмотра принялся вытаскивать прутьики, которые могли ему пригодиться дома. Рэнди был здорово побит, но подобный грабеж снова возродил доблесть в нашем певце, и он теперь уже сам набросился на Буяна. В пылу схватки оба упали с веток на землю. Другие воробьи присоединились к драке, и — стыдно сказать! — они дрались на стороне рослого Буяна против того, кого считали чужаком.

Рэнди приходилось совсем плохо и от него уже летели перья, как вдруг в самую середину круга сражавшихся шлепнулась маленькая воробиха с белыми перышками на крыльях. "Чирик, чирик, бей, колоти!" — Бидди тут как тут. О, она хорошо за себя постояла! Воробьи, которые сначала присоединились к драке ради забавы, сразу удрали: тут уже было не до шутки, бой был самый настоящий, и картина резко изменилась. Буян быстро потерял весь свой задор и полетел обратно, в свою сторону, с Бидди, вцепившейся в его хвост подобно маленькому бульдогу. И так она продолжала висеть на нем, пока не вырвала одно перо, которое потом с торжеством использовала для своего гнезда вместе с похищенными материалами.

Через два дня после этого события перья гвинейской курочки, которые так долго были главной достопримечательностью гнезда Буяна, составляли уже часть обстановки нового жилища Бидди, и никто больше не решался оспаривать ее права.

Лето подходило к концу, перья стали редки, и Бидди не могла их найти для своей постели. Но она нашла нечто их заменяющее, чем лишний раз доказала свою любовь ко всему новому. На площади была стоянка экипажей. Вокруг лошадей на мостовой постоянно валялся конский волос, который мог служить хорошей подстилкой. Это была превосходная мысль, и наша неунывающая парочка с отменным усердием принялась за собирание конских волос, по два и по три сразу. Возможно, что гнездо другой породы воробьев в одном из парков внушило им эту мысль. Эта порода — Чиппи — всегда пользуется конским волосом для подстилки и устраивает внутри гнезда настоящий пружинный матрац из свернутых волос. Дело хорошее, но надо уметь за него взяться. Все было бы хорошо, если бы наши воробьи предварительно научились, как обращаться с волосом. Когда Чиппи собирает волосы, он никогда не берет больше одного сразу и при этом осторожно поднимает его за конец, зная, что волос, кажущийся таким безобидным, бывает и опасным. Наши воробьи привыкли иметь дело только с соломинками. Бидди схватывала волос у середины и, находя его слишком длинным, перебирала клювом на несколько дюймов дальше.

В большинстве случаев от этого получалась большая петля из волоса над ее головой или под клювом. Но это было очень удобно для нее при полете и первое время не приносило ей вреда, хотя любой Чиппи, наверно, содрогнулся бы при виде этой грозной петли.

Наступил последний день устройства их жилища. Бидди по-своему дала понять Рэнди, что больше ничего не нужно приносить. С оживлением и гордостью она заканчивала уборку и прилаживала на место последний волос, в то время как Рэнди распевал свои лучшие песенки, усевшись на голове одной из садовых статуй. Вдруг громкое, тревожное чириканье поразило его слух. Он посмотрел по направлению к дому и увидел, что Бидди барахтается в гнезде без всякой видимой причины и безуспешно старается вырваться из него наружу. Ее голова попала в одну из опасных волосяных петель, сделанных ею самой, петля затянулась, и она оказалась пойманной.

Чем больше она барахталась, стараясь высвободиться, тем туже затягивалась петля.

Рэнди доказал теперь, как глубока была его привязанность к своенравной маленькой подруге. Он пришел в страшное волнение и с громким чириканьем полетел на помощь. Пытаясь ее освободить, он стал тянуть ее за лапку, но это только ухудшило дело. Все их усилия были напрасны и лишь прибавляли новые узлы и петли. Остальные волосы, лежавшие в гнезде, казалось, присоединились к заговору: они спутывались и переплетались, затягивая еще больше несчастную жертву. И вскоре дети, собравшиеся внизу, в парке, с удивлением разглядывали висевший наверху комочек перьев, растрепанный и неподвижный, — все, что осталось от шумливой, предприимчивой Бидди.

Бедный Рэнди был глубоко огорчен. Соседи-воробьи собрались на тревогу и присоединились к его крику, но тоже не могли помочь. Теперь они опять разлетелись по своим домам, а Рэнди продолжал прыгать вокруг или тихо сидеть на месте с опущенными крыльями. Долго еще он не мог примириться с мыслью, что его подруга мертва, и весь день старался чем-нибудь ее заинтересовать и вовлечь в их обычную жизнь. Ночь он провел в одиночестве на дереве, а чуть забрезжило утро, он уже опять носился, чирикавая и распевая, вокруг гнезда, с края которого на злополучном конском волосе висела его Бидди, молчаливая и окоченевшая.

VI

Рэнди никогда не был так осторожен, как остальные воробьи. Воспитанный вместе с канарейками, он не был приучен к осторожности. Он не боялся ни детей, ни экипажей. Теперь это его свойство еще усилилось, потому что он был угнетен и опечален. В тот же самый день, разыскивая себе пищу, он не успел вовремя отскочить от посыльного-велосипедиста и попал хвостом под колесо велосипеда. При попытке вырваться хотя бы ценою потери хвоста его правое крыло очутилось под задним колесом. Посыльный промчался дальше, а Рэнди со сломанным крылом стал метаться и прыгать в сторону окаймляющих аллею деревьев. Тут его поймала маленькая девочка. Она взяла его домой, посадила в клетку и с самой неуместной, по мнению ее братьев, нежностью принялась за ним ухаживать. Выздоровливая, он в один

прекрасный день привел всех в изумление своими канаречными трелями.

Об этом узнал один газетный репортер. В газете появилась о Рэнди заметка. Заметка эта попала парикмахеру. Парикмахер явился с несколькими свидетелями, восстановил свои права на диковинную птицу и получил Рэнди обратно.

Итак, Рэнди снова в клетке, его тщательно берегут и откармливают, он снова — первое лицо в этом маленьком мире. Он вовсе не чувствует себя несчастным. Он все-таки никогда не был настоящей дикой птицей. На свободе он очутился совершенно случайно. Случай его свел с Бидди. Их короткая совместная жизнь была полна тревог и случайностей. Случайность погубила ее, и другая случайность вернула его в клетку. Жизнь в клетке, спокойная и бедная событиями, дала ему теперь возможность развивать свои музыкальные способности. Здесь, бок о бок со своими старыми учителями и воспитателями, он живет, словно в консерватории.

Иногда, предоставленный самому себе, он начинает развлекаться постройкой гнезда из прутиков, но с виноватым видом оставляет этот угол клетки, когда видит, что кто-нибудь подходит к ней. Если ему подбросить несколько перьев, он сначала прилаживает их к гнезду, но на следующее утро они неизменно оказываются выброшенными на пол.

Эти упорные попытки строительства возбудили догадку, что он нуждается в подруге, и на выбор ему подсаживали в клетку разных птиц, но результат получался неблагоприятный. Всякий раз требовалось быстрое вмешательство, чтобы предотвратить кровопролитие и спасти птицу, предназначенную ему в невесты. Наконец эти опыты прекратились, так как было очевидно, что певец предпочитает оставаться холостяком. В его песнях звучал скорее воинственный, чем любовный, пыл, и вскоре парикмахер сделал открытие, что Рэнди поет особенно звонко после победы не над канарейками, а над чучелом самца-воробья. Колотя чучело, Рэнди поет вдохновенно и громко, в особенности, если немой противник имеет памятный ему большой черный галстук на шее.

СОДЕРЖАНИЕ

МОЯ ЖИЗНЬ

Сокращенный перевод с английского А. Макаровой

Глава I. Из Англии в Канаду	7
Глава II. На ферме	9
Глава III. Природа в городе	17
Глава IV. Болото и остров близ Торонто	26
Глава V. Счастливые дни	29
Глава VI. Снова на ферме	35
Глава VII. В лесной глуши	39
Глава VIII. Первые шаги по тропе художника	46
Глава IX. Жизнь в Лондоне	50
Глава X. Возвращение на родину	55
Глава XI. На Запад в прерию	58
Глава XII. Весна в прерии	65
Глава XIII. Полевые заметки	68
Глава XIV. Любимый край	73
Глава XV. По следам	78
Глава XVI. Мои встречи с птицами	85
Глава XVII. На реке Ассинибуон	89
Глава XVIII. Охота на лося и оленей	96
Глава XIX. В Нью-Йорке	111
Глава XX. Свобода и радость	117
Глава XXI. Снова на восток!	121
Глава XXII. Мои картины	125
Глава XXIII. Лобо	131
Глава XXIV. Мои книги	138
Глава XXV. Джон Берроус	143

МАЛЕНЬКИЕ ДИКАРИ, ИЛИ ПОВЕСТЬ О ТОМ, КАК ДВА МАЛЬЧИКА ВЕЛИ В ЛЕСУ ЖИЗНЬ ИНДЕЙЦЕВ И ЧЕМУ ОНИ НАУЧИЛИСЬ

Перевод Н. Темчиной

Часть первая

ГЛЕНЬЯН

I. Ян	151
II. Весна	152
III. Братья Яна	153
IV. Книга	154

V. Незнакомец	155
VI. Гленьян	157
VII. Хижина	158
VIII. Знакомство с лесной жизнью	159
IX. Следы	161
X. Бидди	—
XI. Перелом	162
XII. Рысь	—

Часть вторая

СЭНГЕР

I. Новый дом	164
II. Сэм	166
III. Вигвам	168
IV. Бабушка Невилль	174
V. Калев	178
VI. Постройка типи	181
VII. Тихий вечер	183
VIII. Священный огонь	185
IX. Лук и стрелы	188
X. Плотина	192
XI. Тайны трав	196
XII. Угощение	199
XIII. Шпион	201
XIV. Ссора	207
XV. Примирение	211

Часть третья

В ЛЕСАХ

I. Здравствуй, лес!	215
II. Первая ночь и первое утро	218
III. Хромой воин и "книга посетителей"	221
IV. "Битва" с бледнолицыми	225
V. Охота на оленя	228
VI. Военная шапка, типи и подвиги	233
VII. Жизнь в лагере	237
VIII. Индейский барабан	240
IX. Кошка и куница	242
X. Семейство белок	243
XI. Как наблюдать обитателей леса	245
XII. Условные знаки индейцев	248
XIII. Как дубить кожи и шить мокасины	250
XIV. Размышления Калеба	254
XV. Гость	256
XVI. Как Ян узнавал уток издали	259
XVII. Подвиг Сэма	261
XVIII. Совы	263

XIX. Испытание характера	264
XX. Белый револьвер	269
XXI. Гай торжествует	273
XXII. Охота на енота	278
XXIII. Лесной дух и ночной разбойник	283
XXIV. Ястребиный Глаз снова требует награды	289
XXV. Бродяга	293
XXVI. Отвошенная ферма	297
XXVII. Вражеское племя	300
XXVIII. Новые игры	302
XXIX. Дальнее болото	304
XXX. Снова рысь	310
XXXI. Возвращение	313
XXXII. Новый Главный Вождь	314

РАССКАЗЫ О ЖИВОТНЫХ

Перевод Н. Чуковского

Мальчик и рысь	319
По следам оленя	332
Королевская Аналостанка	350
Чинк	374
Бинго	381
Снап	394
Виннипегский волк	405
Уличный певец	417

Сетон-Томпсон Э.

С33 Моя жизнь. Маленькие дикари: Пер. с англ.
— М.: Политиздат, 1991. — 431 с.
ISBN 5—250—01642—1

В сборник знаменитого писателя-натуралиста включены его художественная автобиография "Моя жизнь", захватывающая приключенческая повесть "Маленькие дикари", лучшие из широко известных рассказов с животных.

Адресован широкому кругу читателей.

С $\frac{4703000000-226}{079(02)-91}$ 224—92

ББК 84.7Кан.

Э. СЕТОН-ТОМПСОН

МОЯ ЖИЗНЬ

МАЛЕНЬКИЕ ДИКАРИ

Заведующий редакцией В. Е. Вучетич

Редакторы В. В. Устенко, Л. В. Масленникова

Оформление П. В. Меркулов

Художественный редактор П. В. Меркулов

Технический редактор Т. А. Новикова

ИБ № 9285

Сдано в набор 27.02.91. Подписано в печать 19.08.91. Формат 84x108 1/32.
Бумага книжно-журнальная офсетная. Гарнитура "Таймс". Печать офсетная.
Усл. печ. л. 22,68. Уч.-изд. л. 24,19. Тираж 300 000 (1 — 200 000) экз.
Заказ № 1711. Цена 5 р. 90 к.

Электронный оригинал-макет подготовлен в издательстве.

Политиздат, 125811, ГСП, Москва, А-47, Миусская пл., 7.

Ордена Ленина типография "Красный пролетарий".
103473, Москва, И-473, Краснопролетарская, 16.

